КУПЧИНО
РЖЕВКА
НАШЕ РАДИО
18+
АЛЕКСАНДР «БАЛУ» БАЛУНОВ
КОРОЛЬ И ШУТ
МЕЖДУ КУПЧИНО И РЖЕВКОЙ...
ЛЕГЕНДЫ РУССКОГО РОКА
ИЗДАНИЕ СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга написана друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и шут». Ее автор Александр «Балу» Балунов, один из основателей группы, с иронией рассказывает о своей жизни, о жизни группы, истории создания песен и различных веселых и волшебных приключениях, случившихся с ним и его друзьями. Отправившись в увлекательное путешествие с друзьями по мирам «Король и Шут» вы точно не будете скучать. Своими воспоминаниями в книге делятся: А. Князев, главный сказочник группы, А. Горшенев, брат Горшка, Т. И. Горшенева, М. Нефедова и многие другие. Где-то будет весело, где-то грустно, где-то безумство фантазии захлестнет вас, а где-то и просто будет интересно узнать удивительные факты из жизни группы из первых рук. А главное – автор обращается к тебе, дорогой читатель, к твоей фантазии, юмору и воображению, так что смелее в путь!

- Александр «Балу» Балунов
  - 1. Предисловие
  - 2. Дело было на Ржевке
  - 3. Начало, 1987
  - 4. От писательства к музицированию
  - 5. Знакомство с поэтом из Купчино, 1988-1989
  - 6. «Ересь»: приготовления, 1990
  - 7. «Ересь, или Памяти человека Га-Ноцри Иешуа»
  - 8. «Ересь», процесс
  - 9. «Старая Церковь», «Кладбище»
  - 10. «О, как грустна вечерняя земля…», или Вторая «акустика»
  - 11. Как должны звучать песни
  - 12. Вася
  - 13. Унисон или общая музыка
  - 14. Походы на концерты
  - 15. Первое «электричество»
  - 16. Первый радиоэфир
  - 17. Вторая «электрическая» сессия
  - 18. Рябчик
  - 19. От «Короля шутов» к «Королю и Шуту»
  - 20. Эрмитаж
  - 21. Как появляется песня
  - 22. «Истинный убийца», первый альбом, 1993
  - 23. TaMtAm («Тамтам»)

- 24. Первая гастроль. Леша Горшенев
- 25. Электричество в «Инди-студии», 4 песни, 1994
- 26. Альбом «Будь как дома, путник», 1994
- 27. Путч
- 28. 90-е
- 29. Анфиса
- 30. Татьяна Ивановна
- 31. Альбом «Камнем по голове», 1996
- 32. «Камнем по голове», презентация
- 33. «Белая полоса»
- 34. Фестиваль «Праздник Скоморох»
- 35. Альбом «Король и Шут» («Будь как дома, путник»), 1997
- 36. «Театр ДДТ», «Караван»
- 37. Рябчик, Яха, Гриша
- 38. Быт, точка Кабана
- 39. «Акустический альбом», 1999
- 40. Продажа «Акустического»
- 41. Покупка гитар
- 42. Fender Jazz Bass
- 43. ОРТ, продолжение
- 44. Послесловие об «Акустическом»
- 45. Епрст
- 46. Машенька
- 47. Ели мясо мужики
- 48. PlayStation
- 49. «Праздник Скоморох»
- 50. Шумный
- 51. «Наполним небо добротой», 1997
- 52. Что в имени тебе моем?
- 53. «Скоро в школу», «Юбилейный», «Фузз», 1998
- 54. Ramones, Exploited, etc., 1997
- 55. Стихи
- 56. «Живая коллекция», 1998
- 57. Moscow Fuzz, МДМ, 2000
- 58. Альбом «Герои и Злодеи», 2000
- 59. Тьма и Звезды
- 60. Как правильно вести беседы
- 61. Как меня однажды выгнали из группы
- 62. Высокое напряжение
- 63. Про огонь
- 64. Альбом «Как в старой сказке», 2001
- 66. «Проклятый старый дом». Клип
- 67. «Овация», 2001

- 68. Истории о Горшке
- 69. Альбом «Жаль, нет ружья», 2002
- 70. Гастрольное
- 71. О любви и дружбе
- 72. Хвосты и головы рыб
- 73. Америка. Уход Маши
- 74. Кино
- 75. Еще о том, откуда берутся песни
- 76. Фридман
- 77. Сохраняйте посадочные талоны
- 78. Ссора с «Нашим Радио»
- 79. Скучная глава
- 80. Про легенды и традиции
- 81. Заратустра
- 82. Концертные залы
- 83. «Бунт на корабле», 2004
- 84. «Самураи», 1989
- 85. Точки
- 86. Пацаны спрашивали
- 87. Как я ушел из группы, февраль 2006
- 88. Штопор
- 89. Захаров
- 90. Red Elvises, 2007—2011
- 91. Князь, уход из группы
- 92. Захаров. Продолжение
- 93. Настя Рогожникова
- 94. Татьяна Ивановна, продолжение
- 95. Леша Горшенев, продолжение
- 96. 2011-2013
- 97. Архивы
- 98. Спасибо за удивительное времяпрепровождение
- 99. Ночной разговор

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Александр «Балу» Балунов
Король и Шут. Между Купчино и Ржевкой…

1. Предисловие

Эта книга написана друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и шут». Поэтому читать ее следует с открытым сердцем. Поскольку я – один из основателей группы, то попытаюсь максимально полно и правдиво рассказать о своей жизни, жизни группы, истории создания песен и различных веселых и волшебных приключениях, случившихся со мной и моими друзьями. Где-то будет весело, где-то грустно, где-то безумная волна фантазии поднимет нас вверх, и мы увидим, что реальность еще более удивительна, а где-то и просто будет интересно узнать удивительные факты из жизни группы из первых рук. А, главное, я обращаюсь к тебе, дорогой читатель, к твоей фантазии, юмору и воображению, так что смелее в Путь!

Особое и отдельное спасибо **Андрею Князеву** за помощь в создании книги и предоставленные фотографии и рисунки; **Леше Горшеневу** – за дружеское участие и ясность мышления; **Татьяне Ивановне Горшеневой** – за мудрость и, конечно, за сына; **Ольге Горшеневой** – за понимание, красоту и, несомненно, дочку; **Ирише Косиновской** – за открытое сердце и любовь; **Татьяне Валентиновне Балуновой** – за неиссякаемую душевную теплоту, любовь и многолетнюю поддержку; **Вахтангу Махарадзе** – за пытливый ум и ясную память; **Сергею Захарову** – за рокенрольный дух и прямоту; **Кате Марсовой** – за гениальную редактуру и волшебные свойства характера; **Наташеньке Чумаковой** – за терпение и проникновение в свойства стихий; фотографам: **Александре Настальской** – за четкие фотки и верность идеалам юности, **Екатерине Евсюковой** – за оптимизм, доброту и выдержку, **Михаилу Лапису** – за жизнерадостность, профессионализм и фото на обложке; всем людям и существам, причастным к книге; **Гоше Таирову** – за стремление познать всю глубину позитива, но без фанатизма; **Агате Нигровской** – за любовь к прекрасному, фото на обложке и советы; далее, **Борису Фомичеву** – за советы и всяческую дружескую поддержку, без которой никак; **Диане Арбениной** – за умные советы, глупые чувства и вечное стремление к неназываемому; **Асе Гайрабековой** – за понимание сути вещей, помощь, поддержку и любовь к прекрасному; **Ире, Игорю, Кате** и **Саше Меньшуткиным** – за моральную поддержку, советы и помощь в перемещении по времени; еще раз – моей маме, ибо без нее вообще бы ничего не было; еще раз – **Ирише Косиновской —** за титаническую помощь в работе над книгой, без нее я бы не написал эту книгу никогда; **Илье Черту** – за обузданные страсти,

Лешке Деги – за помощь и непосредственность; **Раисе Ефимовой** – за дельные советы, поддержку в трудную минуту и терпение, терпение, терпение; **Людмиле Филимоновой** – за советы, воспоминания и милую улыбку; **Артему Сочейкину** – за коллажи на обложках, обработку фото, ясность ума, советы и воспоминания; всем фанам, кто помог с опросом про альбомы «Король и Шут»; **Юре Герасимову** – за несгибаемость характера, свободу от стереотипов, неизменно добрые советы; **Ольге Четвериковой** – за свежий взгляд и неоценимую помощь, дружескую поддержку и воспоминания; **Татьяне Михалиной** – за инфу о концертах и за дружбу; всем музыкантам – за понимание сути вещей; **Инне Демидовой** и **Насте Рогожниковой** – за сыновей; **Кириллу** и **Василию Балуновым** – за то, что приносят радость в мою жизнь; **Мише Успенскому** – за то, что показал, что жизнь – слишком серьезная штука, чтобы делать ее с серьезным лицом; а, главное, всем вам, дорогие читатели, ибо все это для вас.

2. Дело было на Ржевке

Хочешь, я тебе спою?
Хочешь, сказку расскажу?
Я давно тебя люблю.
Хочешь, я тебя убью?

Балу

На самом деле, жизнь моя похожа на жизнь Гарри Поттера, мальчика из книжки. Меня всегда оберегала материнская любовь, и злу тяжело было пробиться к моему сердцу. Оглядываясь назад, то же самое могу сказать и о Горшке. У нас волшебные мамы.

Привет, дружище! Я расскажу в этой книге немного о себе, своей жизни и своих друзьях. Для удобства повествования всех персонажей я буду называть так, как они известны широкой публике. Например, Мишку Горшенева ни в школе, ни потом никто Горшком не называл. Он придумал называть себя Горшком значительно позже и представлялся так незнакомым людям, а друзья из школы называли его Гаврилой. Так я назвал его в честь одного доброго персонажа из книжки, название которой не помню. Поручика назвали так в честь поручика Ржевского из популярного анекдота, и в школе он на это обижался. Меня же сначала тоже не звали ***Балу.*** Это придумал Шумный, которого так и будем называть, хотя по-настоящему зовут его Дима Журавлев. На обложке первого «официального» альбома («Камнем по голове») он рядом с моим именем написал «Балу». До сих пор не знаю, почему. Зато в дальнейшем я понял, что в этом есть свои преимущества: если кто звал меня по имени, то это, значит, старый знакомый, а если кто звал меня Балу, то человек явно со мной не знаком, а просто прочитал имя на обложке.

Теперь-то меня все так называют, и я привык. Одним словом, оставим имена такими, к каким привыкло большинство.

3. Начало, 1987

А началось все с писем: «Дорогой мой, единственный, на одного тебя надежда и в тебе одном вижу я спасение! Только ты можешь спасти меня и наше королевство…»

Именно такими были первые слова книжки, которую я начал писать в шестом классе. Она рассказывала о том, как главный герой получал странные письма от неизвестной ему принцессы из сказочного королевства, потом случайно туда попал, и пошло-поехало. И все это в то время, когда каких-либо книг в жанре «фэнтези» и фантастики про параллельные миры в СССР почти не продавалось. Максимум, что можно было достать, – это Жюль Берн и Стругацкие. Впрочем, книга эта так и не была дописана, я даже до середины не добрался. Но это и неважно. Важно то, что, благодаря этой книжке, я в школе подружился с Горшком.

Для полноты картины расскажу о нашей школе и нашем классе. Школа наша была только что построена в совершенно новом районе на Ржевке. Часть домов в микрорайоне еще достраивалась, через дорогу все еще был лес с грибами, а в уже сданные дома въехали люди, и их дети пошли в школу. Случилось так, что в шестой класс в нашу школу поступило сразу человек 130. Что до фига. И нас, недолго думая, разделили на три шестых класса: в класс «А» собрали всех отличников, и его возглавила самая социально активная и благодушная классная руководительница; в класс «Б» ссыпали всех «хорошистов» (тех, кто учился на четверки и пятерки), и поставили над ними самую образованную классную даму; а в класс «В» отправились остальные. Всякие троечники, двоечники, хулиганы – 46 человек. Но на самом-то деле тут собрались самые нестандартные и нешаблонно мыслящие личности, которые не слишком вписывались в общую систему образования. Одним словом, там я встретил Горшка и Поручика.

Вы спросите меня, а причем тут книга? Сейчас доберемся и до нее. В новую школу я поступил с третьей четверти, т. е. с января. Пришел и стал искать свой класс. Расписания уроков я не знал, на дверях кабинетов табличек с названиями предметов не было. Одним словом, я понятия не имел, куда идти, и тупо обходил все три этажа школы, заглядывая во все классы подряд в надежде найти свой (что странно, потому как я не знал ни учеников, ни учителей, так что кого я пытался найти, неясно). И вот вижу я, что у одной двери стоит такой штрих в чистом школьном костюмчике, галстуке и с причей, явно только что из парикмахерской. Стоит, мнется, боится зайти. Это был Поручик.

Мы познакомились и зашли в класс вместе. Что и определило нашу дальнейшую судьбу. В общем, зашли мы вместе, и посадили нас тоже вместе, на «Камчатку».

Тут надо еще пояснить немного про алгебру и геометрию. Не знаю зачем, но в разных районах города программа изучения математики была составлена по-разному. Например, в Невском районе (где я жил до этого) в первом полугодии проходили многочлены и иже с ними, а во втором – функции и прочую такую хрень. А тут было все наоборот. Для меня лично это означало следующее: когда в новом классе спрашивали уже пройденный (ими) материал, я мгновенно получал пару. Потому что просто не понимал, чего от меня хотят, – в старой школе мы же этого не проходили. А когда они начинали изучать новый материал, я уже все знал, потому что этот новый (для них) материал я учил полгода в старой школе. Иными словами, я: а) самостоятельно изучил полугодовую программу по математике для шестого (сейчас это седьмой) класса, что было нелегко; б) во время изучения нового (для них) материала мог полгода пинать балду, потому что заранее его знал. С той математикой, которую пришлось изучать самостоятельно, помог мой только что полученный второй разряд по шахматам. А чтоб не сдохнуть от скуки за полгода, пока они учили то, что я и так знал, я начал писать книгу.

Возвращаясь к книгам. На переменах многие мои одноклассники стояли у окна коридоре и читали. Тогда читать вообще было модно. А, может, просто делать больше было нечего: интернет и сотовая связь появились гораздо позже. И надо вам сказать, что у Горшка дома была нехилая библиотека редких и интересных книг. Дело в том, что его папаня работал в КГБ (это мне по секрету сказал сам Горшок) и, то ли на работе по подписке, то ли еще каким мутным путем достал он где-то множество редких и прикольнейших книг, да и уставил ими всю гостиную. Горшок притаскивал их в школу и читал на переменах. Естественно, я у него какую-то книжку взял почитать, а он, узнав, что я сам на уроках пишу, попросил у меня мою писанину. Позже он мне как-то сказал, что его поразил сам факт того, что можно не только читать книжки, но и самому их писать. А мое юношеское воображение Горшок поразил вот чем: когда я свою толстую тетрадку получил назад, обнаружилось, что Горшок дописал почти две главы (!). После этого мы какое-то время подолгу шлялись после школы и выдумывали продолжение. И пришли к выводу, что писать интересные книжки так же интересно, как и читать.

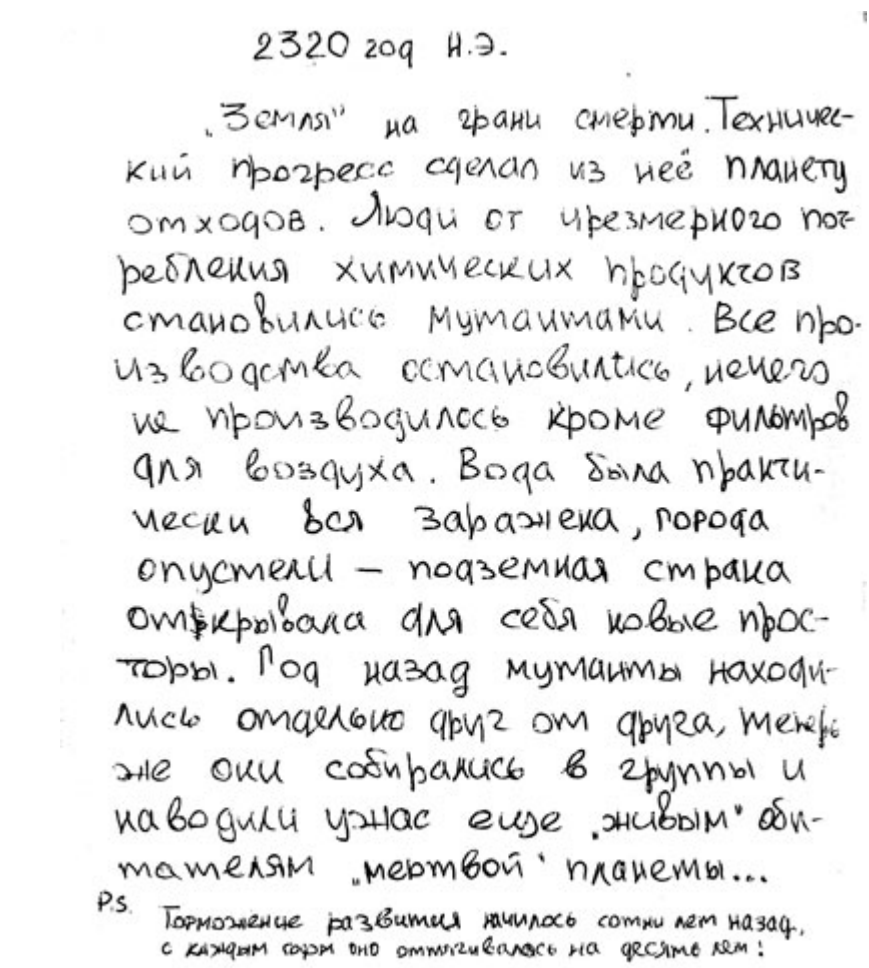
Мне нравилось писать. Это не было самоцелью, я не

собирался никому ничего показывать, мне просто нравилось. А когда туда немного дописал Мишка, получилось что-то новое. Другой взгляд, чужая точка зрения, которую можно было критиковать, – но это было что-то новое и свежее!

Одним словом, мы решили продолжать. Хотя на деле мы чаще ничего не писали, а просто обсуждали, что там дальше в книжке может произойти. Это требовало меньших сил, а сюжет развивался значительно быстрее. К тому же так нас ничего не сдерживало. Раз оно не записано, значит, всегда можно переиграть. Да и чтоб записать что-либо, нужно время. А в том возрасте у меня была масса других интересных дел. Например, играть в пятнашки в недостроенных домах. И вообще.

4. От писательства к музицированию

Но пробил час, и в один прекрасный день (а день и правда был солнечным и светлым) после уроков встретились мы на футбольном поле с Горшком и Поручиком. И говорят они мне человеческим голосом: «А давай создадим вместе группу».



2320 год Н.Э.

„Земля" на грани смерти. Технический прогресс сделал из неё планету отходов. Люди от чрезмерного потребления химических продуктов становились мутантами. Все производства остановились, ничего не производилось кроме фильтров для воздуха. Вода была практически вся заражена, города опустели — подземная страна открывала для себя новые просторы. Год назад мутанты находились отдельно друг от друга, теперь же они собирались в группы и наводили ужас еще „живым" обитателям „мертвой" планеты...

P.S. Торможение развития началось сотни лет назад, с каждым годом оно отмечалось на десяте лет!

Рисунок М. Горшенева

- Не черти возьми, это может быть нашим последним шансом выжить!
- Эту безумную историю оставьте при себе!
- Идите Френки, и подумайте о чём-нибудь другом!
- Ну что ж, ты будешь подыхать и хрипя молять о помощи!
- Френки, Френки, постой!
- К черту все заботы, к чёрту!
Рисунок М. Горшенева

Идея мне сразу понравилась, я согласился, и мы принялись рассуждать, что будем делать и кого в группу возьмем еще. Кстати, идея понравилась многим моим одноклассникам, но вступать в группу никто так и не захотел.

Вскоре нам стало понятно, что если группа у нас будет музыкальная, то нам не хватает инструментов и умения на них играть. Это нас не смутило, но несколько приостановило. И вот тут случилось одно из первых чудес, которые в истории нашей группы впоследствии происходили довольно часто.

– Выслушай меня!
Вспомни кто я для тебя! Так вот послушай Френки!
–Нет Френки это так просто не кончится!
– Я не верю что бы мы так легко смирился, не верю что Цендер тебя сломал, ты же знаешь каждым ка сом мутантов ста новиться дол ма! Это единственный шанс!
– Я боюсь что когда-нибудь я им стану! И это будет скоро!
–Прости Тед, и все к черту!
Рисунок М. Горшенева

Горшок нашел в 40 минутах ходьбы от дома подростковый клуб. Этот клуб не относился к нашему району, но в нем была какая-никакая аппаратура, был музыкальный руководитель и нас (о, да!) пустили туда раз или два в неделю играть. Там были барабаны, электрогитара, бас и микрофоны! Первым делом муз руководитель, молодой такой и прикольный парень, спросил: «Кто умеет играть на гитаре?» Горшок поднял руку. И стал гитаристом (к нему домой уже четыре раза приходил учитель гитары). «А кто хочет научиться?» – спросил музрук. И я взял в руки бас-гитару. Так что Поручику остались барабаны.

– Полковник Цендер, полчища мутантов движутся прямо на город!
– Ну так что же вам надо!
– Их стремление взять столицу очень велико, наши критические их хватает! Хотя и на каждого солдата приходится десять их!
– Одну ракету с боеголовкой на 6 км! Остальное сделаем мы!
– Но что бы не одного урода в городе не было!
– Эта проходная карточка не должна попасть в чужие руки Капитан Менсел!

Рисунок М. Горшенева

Рисунок М. Горшенева

Помню, как с самого начала учитель явил нам чудо (для нас на тот момент). Мы решили играть песню группы «Кино» «Группа крови». И вот учитель послушал песню и прямо с пленки – практически из воздуха – снял аккорды и показал, как ее играть. До этого мы слушали песни как единое полотно, а оказалось, что, если прислушаться, то можно расчленить любую песню на дорожки. И услышать отдельно гитару, бас и все остальное. И после этого на слух подобрать аккорды.

Таким макаром мы изучили и с успехом играли четыре вещи:

1. «Кино» – «Группа крови».
2. «Алиса» – «Красное на черном».
3. Твист.
4. Еще какая-то пьеска, не помню.

Мы собирались каждую неделю и производили на свет эти

волшебные звуки. Сами. Это было фантастическое ощущение. Опять-таки никаких планов или желаний по поводу музыки у нас не было, нам просто было хорошо, когда мы играли.

А однажды весной приходит Горшок в гости и говорит: «А давай сыграем мою песню!»

Как так? Покажи! Это была еще одна новая концепция. Оказалось, можно не только снимать чужие песни, но и придумывать свои! Это было потрясающе! Но меня смутило то, что в куплете четыре аккорда, «как у всех», и я уговорил Горшка все изменить. Правда, тогда совершенно менялись куплетная мелодия и размер стихов, но так было даже интереснее, тем более что из новой мелодии получился новый припев, и так далее. Со стихами получилось примерно то же самое, только наоборот. Поскольку на тот момент в нашей компании я был уже признанным авторитетом по стихам (мама всегда заботилась о моем литературном образовании), то и переделывать их пришлось мне. Под внимательным присмотром друга. Помню, как прямо в автобусе, по дороге на репетицию, я диктовал какие-то строчки, а Горшок записывал, а потом наоборот. И так как ехать было недолго, то к концу поездки у нас скопилось множество отдельных строчек, которые мы, придя на репетицию, попытались сложить в четверостишия. И, конечно, разобрать и спеть всю песню.

И мы сделали это и даже записали эту песню на магнитофон «Беларусь», который Горшок взял у младшего брата Леши (в будущем – нашего барабанщика). Таким образом, мы в первый раз услышали из магнитофона свою (!) песню. Мы целый день ходили по друзьям и включали ее. Вставляло не столько то, что песня, например, хорошая, а то, что она – наша! На память об эпохальном событии я оставил две наскальные записи в парадном у Анюты Сбруевой и Ксюши Пасмурновой с числом и подписью. Так мы теперь знаем, что это произошло второго марта. И мы стали считать этот день днем рождения нашей группы, которую решено было назвать «Контора». Хотя других песен у нас пока не было, да и название тоже было весьма условным. Настоящее название появилось, когда к нам присоединился Андрюха, но это уже совсем другая история…

Магнитофонная запись та через день была случайно стерта – что-то не заладилось в Лешкином магнитофоне. А еще через месяц клуб закрылся на ремонт и больше для нас не открылся.

Ту первую песню, а называлась она «Я иду к тебе домой», мы ни разу даже текст не дописали, но нас ужасно вштырила идея самим писать песни. Всегда хотелось двигаться вперед, к новым горизонтам, ради этого можно и оставить старые вещи

недоделанными. Поэтому сейчас, спустя 25 лет, когда я решил воссоздать нашу первую песню, мне пришлось использовать воспоминание о моих ощущениях того времени. И получилось, по-моему, очень убедительно и правдоподобно. А тогда… Тогда мы начали сочинять собственные песни. И больше не прекращали.

5. Знакомство с поэтом из Купчино, 1988-1989

Когда подростковый клуб закрылся, мы как-то не особо расстроились. Это было место, где мы играли чужие песни, а дома мы могли сочинять свои. У нас было две акустические гитары и планы на создание такого, для чего и оркестра было бы мало. Причем музыкой наши планы не ограничивались. В идеале это должен быть целый театр, живущий собственной жизнью, – мы, дав ему жизнь, должны были просто наблюдать за процессом.

Но время шло, мы закончили восьмой класс, то есть получили неполное среднее образование. У нас с Горшком было общее дело, общий секрет и, хотя мы еще не знали, как с ним поступить, были полны энтузиазма.

Рисунок М. Горшенева

Рисунок М. Горшенева

На дворе стоял 1988 год, Горбачев все еще был генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, и ничего интересного или перспективного в дальнейшей общественной жизни ни я, ни Горшок не видели. Всех окружающих нас людей – родителей, одноклассников – волновали такие вещи, как дальнейшая учеба, институт, хорошая работа. Всех, но не нас.

Я сказал маме, что хочу быть музыкантом, а все остальное интересует меня только как средство для достижения цели. Горшок придерживался того же мнения, поэтому мы всегда старались держаться вместе. После восьмого класса Поручик понемногу стал от нас отдаляться и, в конце концов, пошел по стопам отца-рабочего. А отец его был суров и не представлял будущее сына без приличной работы. Горшок каким-то образом поступил в нормальное художественное училище, где, по слухам, когда-то учился Цой. Там можно было пинать балду, но родители при этом считали, что ребенок при деле. И там Горшок, к счастью для нас всех, познакомился с Князем. Но об этом позже, хотя, пока не забыл, забегая вперед, расскажу, как Горшок сдавал в училище выпускные экзамены. По причине его «примерного» поведения, «безупречной» посещаемости и «отличной» успеваемости преподаватели очень хотели от него избавиться. Поэтому на экзамене Горшку показали кисточку, шпатель и краски и спросили: «Что это?» Горшок на все три вопроса ответил правильно и получил аттестат.

Я же после восьмого класса поступать никуда не хотел и пошел по пути наименьшего сопротивления – остался в школе еще на два года – в девятом и одиннадцатом классах (десятого не было, потому что нас настигла очередная школьная реформа). Без приключений не обошлось. Дело в том, что из трех восьмых классов решили сформировать один девятый, а это значит, что от «лишних людей» нужно было избавиться. Составили специальную комиссию, и ребят либо отсеивали, либо брали с них обещание вести себя хорошо. Все, кто хотел в девятый класс, шли учиться с прицелом на институт, и им было не до глупостей. Из парней нашего класса выбраковали всех, кроме меня. Я просто отказался забирать документы, и, как учителя ни старались, избавиться от меня им не удалось. Так я получил еще два года для занятий музыкой, хотя делал вид, что учусь в школе.

Наступил 1989 год, и его тоже можно считать годом образования группы, ибо Горшок познакомился с Князем и привел его в нашу компанию. Хотя тогда мы еще не догадывались, какое это эпохальное событие. Ведь в дальнейшем это знакомство переросло не только в творческое слияние, но и вылилось в то самое единство душ, которое встречается раз в сто лет.

Ну а пока мы сидели с гитарами, писали стихи, песни и небольшие рассказы. Ходили на все рок-концерты, на какие только могли пробраться. Шлялись по улицам в совершенно несусветной одежде и устраивали веселые и бессмысленные перформансы – лишь бы происходило что-то непохожее на все, что положено и как принято. Протест против всего и всех надежно укрепился в нашем сознании и поведении.

Рисунки М. Горшенева

Как-то, гуляя по центру города, мы обнаружили, что в помещении красного уголка Ленинградского рок-клуба находится Школа ритма Игоря Голубева. Игорь Голубев был потрясающим человеком со своим пониманием музыки и ритма и собственной уникальной методикой преподавания. Позже в России я никогда ничего подобного не видел. Именно там мы почерпнули идею, что рок-музыка – это, прежде всего, энергетика, а не просто музыка и текст.

Там же, в красном уголке рок-клуба, прошел наш самый первый (формально второй, первый был в подростковом клубе «Петроградец») концерт. Точнее это был этакий экзамен, где все группы показывали, чему научились. Мы сыграли «Я иду по улице» (моя), «Моросит осенний дождь, или Покойник» (Князя) и еще одну нашу совместную с Горшком песню на условно-английском. К концу выступления Горшок всех рассмешил. Из-за

его экспрессии микрофон стал медленно съезжать вниз по стойке. И Горшку пришлось постепенно наклоняться за ним, так что конец песни он исполнял уже на корточках.

Так вот, возвращаюсь к знакомству с Князем. Однажды Мишка рассказал, что в его училище есть прикольный пацан, пишет очень интересные вещи, которые мне обязательно нужно почитать. И дал толстую тетрадку с рисунками и стихами. Я помню, что мне понравились даже не сами стихи, а то, что в тетради были целые рассказы с картинками, из которых, так сказать, по мотивам, были выведены стихи. Причем, как мне кажется, никакой концепцией это не было, просто Князь лепил все подряд. И только потом, уже в результате знакомства с Горшком, идеи Князя приняли более четкие формы.

Впрочем, я снова забегаю вперед. А сейчас нужно рассказать о нашем первом альбоме «Ересь».

6. «Ересь»: приготовления, 1990

Идея записать альбом, наверное, родилась от желания создать что-то осязаемое, законченное. Просто играть песенки и сценки – это одно, а сделать законченный концептуальный альбом – это шишки совсем другой величины. Вечерами – редко у меня, чаще я приходил к Горшку – мы собирались и вновь открывали для себя чудеса музыки и стихоплетения. Мы же самоучки, так что каждая найденная гитарная гармония была откровением, а каждая улегшаяся в рифму строчка – чудом. Сначала один придумывает три аккорда, другой два из них убирает и ставит три своих. Потому что так лучше. Потом первый меняет их местами и так далее. То же и со стихами. Мы были очень критично к себе настроены и все время старались улучшить стихи и музыку – и свою, и тем более чужую. Собственно, так группа и зарождалась. Я напишу что-то и ползу к Горшку, чтоб он посмотрел-послушал, или он звонит, приползай, мол, ни фига у одного не выходит. Наверное, тогда мы и приучили себя, что свежий взгляд всегда полезен, да и чужое улучшать всегда приятно. Не то что свое придумывать. И, наоборот: придумал что-то – стих, музыку или просто сказку-рассказ, принес другу, а он улучшил. Иногда приходил Князь, и нас становилось трое, хотя ему из Купчина добираться не ближний свет. Но зато он рассказов и стихов приносил больше всех. Просто заваливал нас. Мы бесконечно сидели втроем, разбирали, что хорошо, что средне, что доделать, а на что надо придумать музыку прямо сейчас. Одну из тех песен мы записали и включили в альбом только в 2002 году. Надо сказать, Князь поразил меня, человека с «врожденной грамотностью», чудовищным количеством грубейших орфографических ошибок. К его чести, он был отважным парнем с собственными представлениями о жизни и совершенно не стремался того, что окончил школу с 12 двойками. Из 13 оценок. Впрочем, может и заливает.

Но такие мелочи, как школьные оценки, нас совершенно не волновали: мы творили и, если честно, не до конца понимали, что и как делаем и как оно все получается. Классическое музыкальное образование мы воображали себе пыткой гаммами. А тут спел с другом в два голоса – и они слились. Чудо. Гармония. Лучшая мотивация для творчества и желания идти вперед.

7. «Ересь, или Памяти человека Га-Ноцри Иешуа»

Долго ли, коротко ли, но, наконец, мы решили записать альбом. Как я уже говорил, до этого мы часто собирались вместе, чаще всего у Горшка, показывали друг другу свои новые песни, стихи, музыку и рассказы. Компоновали и пытались сделать что-то стоящее. Так же часто играли в «Заколдованную страну», о которой надо сказать отдельно.

«Заколдованная страна» – это такая настольная игра, где ты путешествуешь по волшебным местам, встречая удивительных сказочных персонажей. Где происходят различные опасные и захватывающие дух приключения и совершенно неизвестно, что будет там, за поворотом. Потому что все зависит только от фантазии ведущего. И только ты сам, включив воображение, можешь последовать за ним в волшебную страну. Ты ведешь кровопролитные битвы и долгие путешествия, заключаешь союзы с другими игроками или выходишь в одиночку против всего мира. Сейчас ты бьешься с шестируким ракшасом, а через два хода торгуешься с мрачным подземным карликом, которого (о, да!), к сожалению, нельзя убить.

То несешься на лошади по заколдованному лесу, потому что его нужно пересечь за неделю, не дольше, а то уже сидишь в заколдованной башне и пытаешься разгадать загадки Кроуна, чтобы выбраться и продолжить игру.

Одним словом, играть можно дни напролет, а мы порой засиживались и на всю ночь. Это было удивительное время, мы как будто погружались куда-то, и выбраться уже не было никакой возможности.

Сама игра состоит из куска бумаги, который мы схематично разрисовывали всяческими дорожками для фишек – какие в голову взбредут. Сами фишки. Книжка с правилами в помощь ведущему и стопка карточек с различными монстрами и их характеристиками для битвы. Все остальное происходило в голове у ведущего. Он рассказывал, как и где мы идем, что видим, что за монстры на подходе или строения вдалеке. И все вместе решали, как быть, куда идти, как себя вести. Стоит ли пойти в город слева, попытать счастья с монстрами прямо (их агрессивность ведущий мог регулировать) или пошарить в развалинах замка справа. А можно и самому что-то придумать! Любой участник мог в любой момент свернуть с общего воображаемого пути и предложить свою собственную линию

повествования или модель поведения. Бросали кубики и бились с монстрами. Помогали друг другу или подталкивали в пропасть (и такое бывало). Ведущим, как правило, выбирали меня. Больно хорошо и неожиданно у меня получалось выдумывать. Князь тоже был хорошим ведущим, но он ленился и всячески отлынивал. А Горшок больше любил играть.

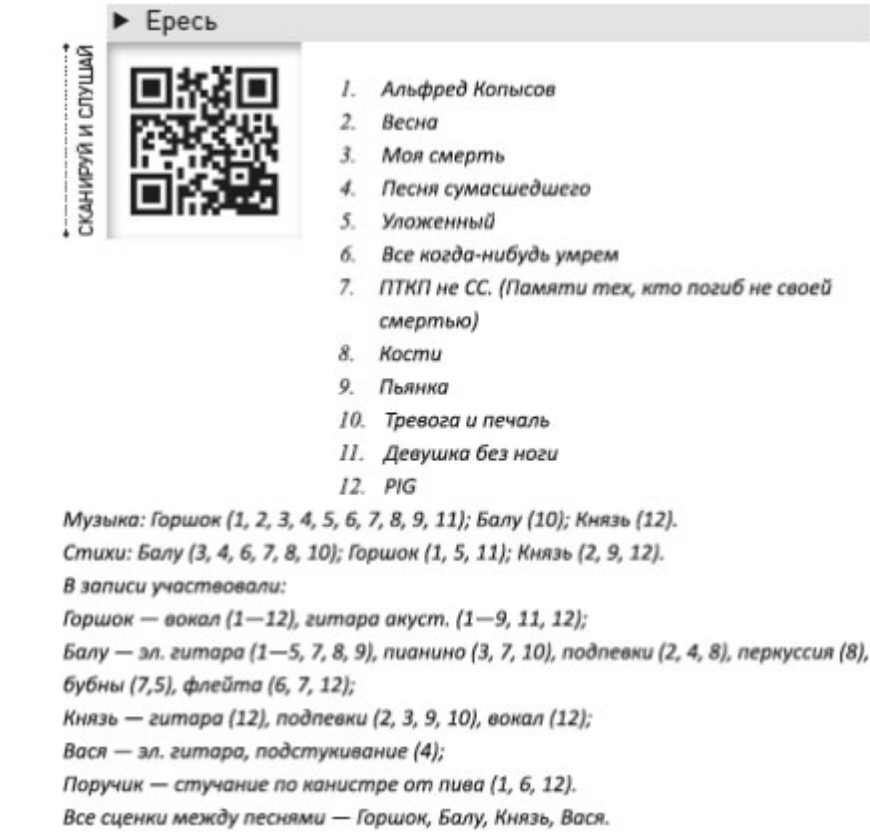
Так что и я, и Горшок, и Князь – большие поклонники всевозможных компьютерных игр. Но, увы, столь же интересных так и не придумали – в них воображению места нет. Бывало, много позже Горшок рассказывает с восторгом о новой компьютерной игрушке, да и добавит в конце: «Хотя, конечно, это не «Заколдованная страна».

Так вот, собрались мы как-то и составили список всех песен, что успели написать. Записи вел Горшок, и он же разнес песни в три столбика, в зависимости от музыкального стиля, в котором они были написаны, и стихотворной составляющей.

Рисунок М. Горшенева

Три столбика – это три альбома, которые мы должны были записать в дальнейшем. Ничто в то время (да и позже) не

казалось нам невозможным. В итоге мы выбрал и столбике одиннадцатью песнями (записали в итоге 12). Еще один столбик (альбом) был полностью электрическим, но электроинструментов и барабанов у нас не было. А в третий вошли песни, которые мы не могли записать из-за нехватки профессионализма. Договорились, что разберемся с ними позже. А пока решили записать самые новые, вот они:


▶ Ересь
СКАНИРУЙ И СЛУШАЙ
1. Альфред Копысов
2. Весна
3. Моя смерть
4. Песня сумасшедшего
5. Уложенный
6. Все когда-нибудь умрем
7. ПТКП не СС. (Памяти тех, кто погиб не своей смертью)
8. Кости
9. Пьянка
10. Тревога и печаль
11. Девушка без ноги
12. PIG
Музыка: Горшок (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11); Балу (10); Князь (12).
Стихи: Балу (3, 4, 6, 7, 8, 10); Горшок (1, 5, 11); Князь (2, 9, 12).
В записи участвовали:
Горшок — вокал (1—12), гитара акуст. (1—9, 11, 12);
Балу — эл. гитара (1—5, 7, 8, 9), пианино (3, 7, 10), подпевки (2, 4, 8), перкуссия (8), бубны (7,5), флейта (6, 7, 12);
Князь — гитара (12), подпевки (2, 3, 9, 10), вокал (12);
Вася — эл. гитара, подстукивание (4);
Поручик — стучание по канистре от пива (1, 6, 12).
Все сценки между песнями — Горшок, Балу, Князь, Вася.

Текст мелким шрифтом – это то, что я написал на кассете 25 лет назад. Мне тогда показалось, что так солиднее будет. На самом деле, и тогда, и еще долгие годы после мы совершенно не делили стихи и музыку на «мое» и «твое». У нас была общая идея, и она не только объединяла нас, она была выше и главнее любого из нас по отдельности. На тот момент нас было пятеро. Я думаю, что если б тогда случайно не подписал кассету, то сейчас бы и не вспомнил, кто что делал. Неважно, кто какой вклад внес в общее дело, важно, чтобы в итоге получилось нечто прекрасное и волшебное. Это все было «наше».

* * *

Немного о песнях, историях их создания, людях, их создавших, и волшебном процессе звукозаписи. Инструментов у нас не было. Перед записью я выпросил у мамы 100 рублей и купил у одноклассника электрогитару «Орфеус»[1] болгарского производства, а еще среднюю блок-флейту. Играть на ней я не умел, но быстро учился, а других инструментов в продаже все равно не было. Гитару мы подключали поочередно то к телевизору, то к виниловому проигрывателю, в зависимости от требований к звуку для каждой конкретной песни. Также надо вам сказать, что моя мама работала музыкальным работником в детском саду и мама Горшка тоже работала музыкальным работником в детском саду, но в другом. Проведя рейд по местам работы наших мам, мы изъяли все предметы, похожие на музыкальные инструменты, как то: детские бубны, что-то похожее на маракасы и разное другое. Из бумаги и палок были изготовлены инструменты, изображающие шелест листвы и потусторонние звуки, Я принес из дома 12-струнную гитару, которую выпросил у брата-студента, и много пустых вымытых консервных банок – мало ли на что сгодятся. Ну, а пианино что у меня, что у Горшка в доме стояло всегда. Одним словом, подготовились идеально.

8. «Ересь», процесс

Альбом мы записывали на кассетный магнитофон «Соната-216», который Князь приносил к Горшку. Его мы решили использовать из-за цифры «2» в названии, что, как известно, означает класс магнитофона (4-й – самый говенный, а 0-й – хороший). Также в дело пошел магнитофон «Квазар 303», который я недавно купил у Васи. Собственно, ничего другого у нас не было, и достать было негде. В процессе записи я сделал открытие, что, если на моем магнитофоне нажать кнопку «Воспр.» чрезмерно сильно и утопить в корпусе, зафиксировав отверткой, то пленка будет крутиться быстрее и записанные голоса будут смешными и мультяшными. Этим мы воспользовались в первой песне, а потом и в сценках, которые записывали между песнями. Все сценки – это чистая импровизация, и записаны они были с одного дубля. Импровизированными также были и все партии на пианино. Никто из нас играть на нем не умел, а, стало быть, нечего было и репетировать. Тем не менее долгая жизнь рядом с инструментом научила меня, что сочетание некоторых клавиш звучит очень прикольно, а некоторых – так и вовсе красиво.

К записи песен мы отнеслись очень серьезно и записывали каждую по несколько раз, пока не добивались нужного результата. Тусовались мы тогда очень разношерстной компанией, но к записи были допущены только следующие люди:

Вася – наш друг, одноклассник и боевой товарищ. На запись всегда приходил вовремя, как на работу, и поэтому участвовал во всех сценках, а в «Песне сумасшедшего» даже сыграл на «Орфеусе» и постучал по пластиковой канистре. По-настоящему его звали Шурик Васильев. Не родственник. Но о нем чуть позже.

Поручик – приходил несколько раз и постучал по той же канистре в трех песнях. К записи юмористических сценок допущен не был.

Балу – то есть я. Все организовал, везде, где надо, играл, пел и настраивал уровень на магнитофоне. В нескольких песнях умудрился одновременно сыграть на пианино, гитаре и флейте, да еще на бубне постучать и спеть.

Князь – участвовал везде, где мог. В последний день записи Горшок говорит: «А вот у Андрюхи еще песня есть, ничего такая, только она на английском языке». Мы ее и записали со второго дубля. Таким образом, Князь заложил традицию делать все в последний момент, чем мы не без успеха пользовались в дальнейшем.

Горшок– пел, плясал и идеологически поддерживал.

Когда запись была окончена, встал вопрос о названии альбома. Решить было непросто: мы с Горшком долго обсуждали и спорили, недели две. Благо жили мы по соседству, встречались каждый день. Гуляли и рассуждали о Боге, о вере, о жизни. О том, что, возможно, для Бога наша жизнь – грязь, но нам без нее не в кайф. О непознанном и непознаваемом, и о том, как опасно их путать. О мистике и всякой непонятке. Есть ли она, и если есть, то что с ней делать. Можно ли представить себе непредставляемое (это Горшка интересовало, и тут мы не сошлись: я считал, что можно, а он, – что нет). Немного об инопланетянах (решено было на них наплевать и вообще всячески презирать такие мелкие вопросы). Ну, и о прочих вещах, о которых, наверное, говорят все мальчишки в 15–16 лет.

Рисунки М. Горшенева

В итоге решили назвать альбом «Ересь», а ниже приписать «памяти человека Га Ноцри Иешуа». Ересь – для крутизны, а остальное для того, чтобы подчеркнуть наше отношение к Христу, когда он был еще на земле.

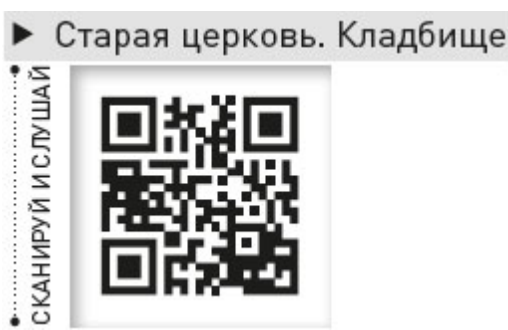
9. «Старая Церковь», «Кладбище»

Начало было положено. После «Ереси» мы стали сочинять песни еще активней. Андрюхиных стихов и музыки в нашем творчестве становилось все больше. Причем зачастую сначала был рассказ, комикс или просто картина, а уж потом из этого рождалась песня. Стихи или музыка. Или все сразу. Так появились «Старая церковь», «Кладбище», «Христос», «Дьявол», «Мертвец» – всех и не упомнишь.

10. «О, как грустна вечерняя земля…», или Вторая «акустика»

Время шло, нам безумно нравилось все, что мы делали, но, к нашему великому сожалению, это совершенно ни во что не выливалось. Даже по-человечески записать результаты нашего труда мы не могли – просто не знали, где и как. Не было связей, не было денег. Наш первый альбом «Ересь» мы откровенно переросли, да и записан он был на бытовой кассетный магнитофон второго класса. Нам казалось, что, вот если записаться на хороший магнитофон, то тогда да, тогда о-го-го.

Так что я принял единоличное решение, что нам нужна хорошая, качественная стереозапись. Чтоб людям показать не стыдно было. В феврале 1991 года я устроился на завод турбинных лопаток фрезеровщиком. Отец мой – фрезеровщик высшего разряда, так что кое-какие навыки по работе с металлом у меня имелись. Идти к шести утра на работу было не больно весело, но у меня была цель. За три месяца я сделал множество турбинных лопаток и заработал немного денег.



У нас с Горшком стихов стало меньше. Гораздо интереснее было улучшать и адаптировать князевские. Да и больно круто у него получалось.

Зарплаты хватило на двухканальный бобинный магнитофон да на пару конденсаторных микрофонов. Это было уже что-то. Кстати сказать, всегда покупка нового магнитофона, комбика, гитары, любого инструмента или оборудования приводила к появлению новой песни или, по крайней мере, новой аранжировки. Мне так понравилось записывать себя на хороший магнитофон, что первым делом я придумал песню «Лунный пень» и сразу потащил ее Горшку. На бобинном магнитофоне. А он тяжеленный, 20 килограмм. Сделал запись – и несешь другу

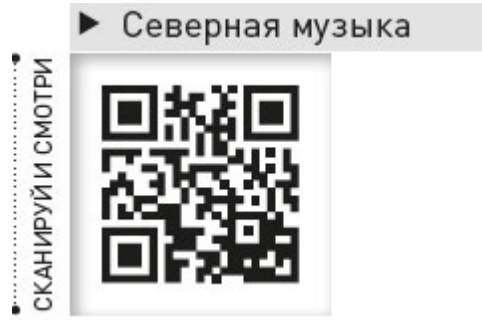
послушать! Позднее на музыку песни «Лунный пень» Князь написал стихи «Звонок из ада», и она превратилась в песню «Мертвая земля». А еще позже стихи снова поменяли, и появилась песня «Мотоцикл».

Благодаря тому магнитофону на свет появилась оригинальная запись, о которой хочется рассказать особо.

В эту сессию вошли четыре песни:

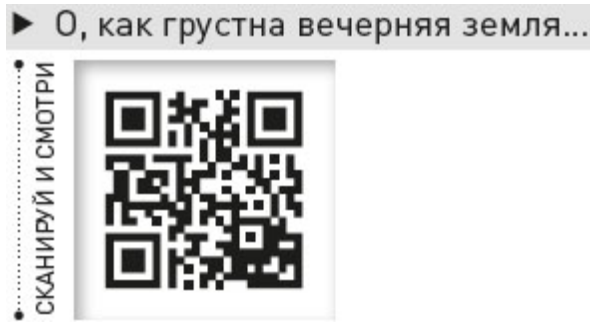
1. *Северная музыка*
2. *О, как грустна вечерняя земля…*
3. *Соловьи. Утро*
4. *Где по утрам восходит солнце*

1. Северная музыка



Однажды ночью, примерно в 4:15 (судя по записи в тетрадке со стихами), я проснулся и быстро нацарапал два четверостишия. А утром перечитал и дописал. К тому времени мы уже порядком прониклись стилистикой Князя, так что в последний куплет я добавил мрачных тонов. Музыку сочинил буквально за 10–15 минут и отправился к Горшку. Это у нас такая была игра: нужно каждый день приносить друг другу новые песни. Поэтому приходилось записывать на бумажки любые строки, пришедшие в голову. Немного переосмыслив песню, мы записали ее на бобинник. Все девушки, которым я ставил потом эту песню, обязательно спрашивали: «А стихи неужели ты написал? А музыку где взяли?» Мелодию в конце песни, кстати, придумал Горшок. Много позже мы сочиняли гитарное соло к песне «Халдей», и я предложил Горшку вставить туда цитатой кусок мелодии из «Северной музыки». Горшок с радостью согласился. Мы вообще любили такие шутки: цитировать песни, которые никто не знает, или просто шутить так, чтоб понятно было только нам самим.

2. О, как грустна вечерняя земля…



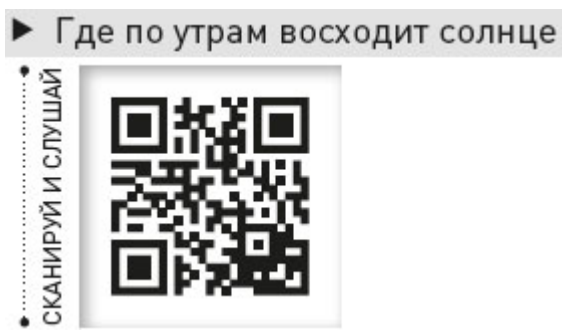
Помню, как вчера, хоть и прошло 25 лет. Однажды ночью я читал книжку и пришел в такой восторг, что почувствовал необходимость выразить это стихами. Написал, набросал мелодию, а наутро пошел к Горшку. И мы начали копаться и переписывать. Стихи переделали под нашу манеру исполнения, а музыку буквально по строчке писали, не заботясь о каких-то там четвертях. Горшок, например, говорит: «Давай из четырех тактов последние два уберем», а я тогда: «Давай второй и четвертый местами поменяем и мелодию выведем наверх!» В итоге музыки получилось много, и мы решили запихать ее всю в одну песню. Влезло не все, но зато я умудрился засунуть в середину проигрыш из Sex Pistols. Если кому интересно, что за книгу я читал, пусть загуглит слова «О, как грустна вечерняя земля».

3. Соловьи. Утро

Эту песню мы записали в тот же день. Незадолго до этого мы посмотрели фильм «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви». Там промелькнула мелодия из «Сильвы» Имре Кальмана, а надо вам сказать, мы с Горшком оба его большие поклонники. И мы сидели с гитарами и переосмысливали

любимую сцену: «Помнишь ли ты, как мы… Помню ли я? Помнишь ли ты?..» Именно переосмысливали. Думая о ней, начинали играть и дальше развивали песню по-своему. У нас осталось много музыкальных тем, не вошедших в «О, как грустна…», и нашлись Андрюхины стихи – Горшок чуть ли не из-под матраса вытащил какие-то мятые бумажки с набросками, – и из них мы сварганили текст. Если бы не это, могли бы не записать песню и забыть музыку. Смешно, не правда ли? Не время смешное, а скорее состояние. Состояние души. Кстати, уже после этой ужасной и нелепой трагедии Князь с Лешкой Горшеневым записали песню «Боль». В ней явно прослеживается параллель с «Соловьями». Я в то время уехал в Лос-Анджелес реставрировать пленки и закончил уже после выхода «Боли», – то есть оригинальной записи «Соловьев» у «Князя» не было, и он эту мелодию вспомнил сам. А ведь сколько лет прошло.

4. Где по утрам восходит солнце



Я принес Горшку тетрадку со своими новыми стихами, и он сразу выбрал эти. И хотел наложить их на какую-то совсем уж заунывную тему, которую я сразу забраковал. Утверждена была не то третья, не то пятая мелодия. Я в сочинении музыки участия почти не принимал – только вторую гитару придумал и сыграл (до сих пор, кстати, нравится). Много позже Андрюха написал другие стихи, и получилась песня «Блуждают тени», где, кстати, я тоже придумал и сыграл соло. Какая все-таки странная и загадочная судьба у гитарной партии в этой песне!

Несмотря на приличное качество, эта запись не получила никакого распространения. У нас тупо не было чистых кассет. Друзья нас послушали, а как дальше поступать – непонятно. Концерт по-прежнему казался недостижимой мечтой. И мы, как обычно, бросив старый материал, приступили к новому. Душа просила электричества.

Кстати, в том, что эта запись осталась лежать на полке, есть один плюс. Пленка не осыпалась только потому, что ее более 20 лет не трогали и не перематывали. Она хранилась у меня, и позже ее помог переправить в Калифорнию мой друг Лешка Деги. Я нашел приличную студию в пригороде Лос-Анджелеса (Голливуд), и два мастера под моим чутким руководством сначала «пекли» ее, а потом восстанавливали звук. Это было долгое и непростое дело – попробуй-ка проиграть пленку, которая осыпается после каждой промотки. Помню, я писал мастерам: Try to express the spirit of St. Petersburg in summer. Вроде получилось.

Рисунок А. Князева

11. Как должны звучать песни

Летом Горшок съездил к бабушке в Бокситогорск, и она купила ему настоящую электрогитару «Урал». А я скопил денег и приобрел в комке на Апрашке бас-гитару – тоже «Урал» – и разукрасил ее разноцветными пятнами масляной краски. И мы смогли играть в «электричестве». В относительном, конечно.

«Электричество» зачастую заключалось в том, что мы включали гитару в магнитофон (нужно было нажать кнопку «Зап.», и тогда он работал как комбик), а бас-гитару – в виниловый проигрыватель. Но нас это не смущало. Мы знали, как должны звучать наши песни.

12. Вася

Тут надо рассказать о Васе, достойном члене нашей банды. Вася тоже был наш одноклассник, друг, единочаятель и сосед. Он жил в моем доме, в соседней парадной, у меня была квартира № 75, а у него № 69. Он взял гитару у мужа сестры, и мы решили ее не возвращать. Таким образом, наше материальное благосостояние выросло еще на одну гитару, а Вася стал играть на басу. Никаких, насколько мне известно, физических свидетельств о его присутствии в группе нет, потому что концертов мы тогда не давали, а записываться было негде. Судьба сложилась так, что Вася скоропостижно женился, и его жена была активно против такого бесперспективного и безденежного занятия, как тусовки с нами, гопниками. А потом он вообще в армию ушел. Но это нам не мешало оставаться приятелями и поддерживать теплые дружеские отношения. Ведь мы слушали одну и ту же музыку.

Рисунок М. Горшенева

13. Унисон или общая музыка

Момент осознания себя человеком у меня наступил примерно в шестом-седьмом классе, то есть совпал с моментом начала нашего с Горшком совместного творчества. И, видимо, тогда возник и на годы сохранился юношеский максимализм в отношении к музыке и ее оценке: мы должны были иметь о музыке одинаковое мнение, а иначе никак. Например, принес однажды Горшок из училища кассетку с группой The Cure. «О! – говорит, – это крутая группа, мне ее продвинутый чувак Рябчик дал». Я послушал раз, другой, третий. «Не, – говорю, – маета какая-то, да и чел не своим голосом завывает». И Горшок мне три дня доказывал, что это на самом деле круто, а иначе он сам бы слушать не стал. Потому что как можно дружить с человеком, если он слушает неправильную музыку? Или в правильную не врубается, что еще хуже. Это было время, когда новую музыку взять было неоткуда, – не было магазинов таких, так что каждая новая кассета, попавшая в руки, была праздником. Помню, мы чуть не поссорились из-за группы Marillion, – ну никак не могли прийти к единодушному мнению. Понимаете? Мнение должно было быть именно единодушное! В общем, мы научились заранее понимать, что понравится другому, а что нет. Именно такое гиперкритичное отношение к музыке очень помогало в дальнейшем творчестве.

Кстати, еще смешной факт. По причине того, что у нас не было музыкального образования, а приемы игры и гармонии надо было как-то называть, мы выработали собственную терминологию, и так как понимали друг друга с полуслова, преспокойно ею пользовались.

У меня дома было много пластинок с классической музыкой, и мы иногда делали звуковые эксперименты. Заводили пластинку, брали две гитары и записывали все на кассетник. Одна такая запись на «Реквием» Моцарта была даже очень приличной и где-то, возможно, сохранилась. Мы вообще были большими фанатами Моцарта и Чайковского. Наверное, отсюда и излишняя требовательность к себе в плане красоты мелодии, особенно на ранней стадии развития нашей банды. Заметьте, говоря «излишняя требовательность», я не имею в виду, что ранние наши работы были достойны бессмертия, я лишь обращаю ваше внимание, что мы всерьез стремились к подобному идеалу.

14. Походы на концерты

Так сложилось, что основным заводилой посещений рок-концертов был я. Точнее, все с удовольствием ходили, но узнавал, где что происходит, и покупал билеты чаще всего именно я. И если в 1988-м на Шестой фестиваль Ленинградского рок-клуба нам с Поручиком удалось пролезть сквозь забор только на выступление одной группы «Нюанс», то в 1989-м все было по–другому. Летом я работал почтальоном, и у меня появились какие-то деньги. Поэтому, как только я узнал о таком важном событии, как Седьмой рок-фестиваль, я мгновенно полетел на Рубинштейна, 13 и купил два абонемента на все (на все!) концерты. По ощущениям – сюр какой-то. Начнем с того, что просыпался я в 5.30 утра и шел на почту работать. Потом тусовался с Горшком, и мы шли на концерт! В будние дни еще успевал перед концертом передохнуть, а в выходные были выступления утренние и вечерние. Такой был безумный нон-стоп. Когда я спал, – не знаю. Групп было много, и они слились в какое-то единое праздничное полотно. Смешно, но я до сих пор помню, с каким звуком какая группа играла. Обсуждая позже, мы с Горшком выделили особо потрясающее энергичное выступление «Нате!», довольно пресную на общем фоне «Алису» и совершенно феерично-безумное шоу «АукцЫона». Хотя, возможно, тогда он еще был «Аукционом». Даже не знаю, какие слова подобрать. Ну, играли ребята драйвово, ну, лазил Веселкин по портьерам, и все в таком духе. Но нельзя описать намек на чудо, которое мы почувствовали. Короче, пока не поздно, сходи, мил друг, на концерт сам, да и посмотри. «АукцЫон» – музыкальное явление мирового масштаба, качества и размаха.

Случилось в тот вечер и маленькое забавное приключение. «АукцЫон» закончил играть, как сейчас помню, в полвторого ночи и, естественно, метро было закрыто. А если кто не представляет, как устроен Петербург, то я поясню. Если с Рубинштейна выйти на Невский и повернуть направо, то как раз можно попасть к нам домой. Сначала, конечно, вы пойдете по Невскому до Восстания, потом Невский превратится в Староневский, после Лавры он станет Заневским и уже в конце будет называться проспектом Косыгина. Горшок жил по адресу «проспект Косыгина, дом 11, корпус 2», а я – «Индустриальный проспект, дом 14, корпус 2». Посмотрите на карту, эти дома стоят друг напротив друга. Так вот, шли мы, шли этой прямой дорогой и обсуждали и музыку, и человека: откуда он взялся, откуда у него берется самосознание и, вообще, что это такое. Такие у нас с ним тогда были темы для

разговора. Естественно, на Староневском мы заблудились (хоть шли по прямой), и пришлось возвращаться на Восстания, чтобы понять, что шли мы правильно и другой дороги все равно нет. Одним словом, до дома мы добрались, когда стало светать и запели птицы. Около пяти. Глядь – нас прямо на перекрестке Косыгина и Передовиков поджидает Юрий Михайлович, отец Горшка, КГБшник. Горшок, зная, что папа его все равно не отпустит на такое мероприятие, поступил изящно и вообще докладываться не стал. Естественно, мы были разодеты в пух и прах, по самой последней неформальской моде. Не помню насчет Горшковского костюма, но у меня был пластмассовый октябрятский значок, из которого я вынул фото Ленина и вставил фото Кинчева. Одним словом, я получил взыскание, а грустного Горшка под конвоем повели домой, прервав таким образом нашу дискуссию на тему «Кто мы такие и куда идем». А я пошел на работу. Понедельник все-таки.

Той же зимой я затащил всех на Black Sabbath. Запомнились простенькие декорации, крутой звук, новые для нас мелодические ходы и то, что я купил билеты на всех, а никто, кроме Горшка, не пошел, и часть денег я потерял.

После этого концерта мы с Горшком впервые написали песню, состоящую более чем из двух мелодий. Обычно в песне две музыкальные темы – куплета и припева, а мы придумали, что можно между ними вставить еще одну. И будет необычно, сложно, красиво и интересно. Эту мелодию Горшок назвал «подприпевник», и термин надолго закрепился в группе. Я же говорил, что нам нравилось не только придумывать новое, но и давать этому новому название. Кстати, примерно в это время мы решили без крайней нужды не вставлять соло после второго припева. Да я и до сих пор уверен, что соло после второго припева – попсня, и не надо его вставлять только потому, что все так делают. Если без соло песня проигрывает, то это другое дело. Аминь.

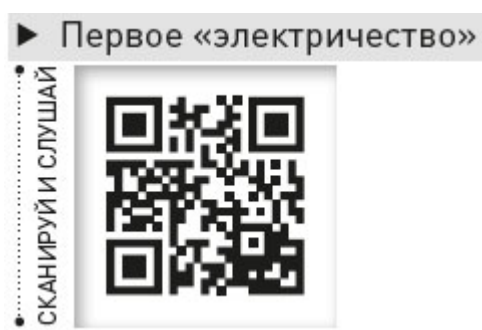
15. Первое «электричество»

Но вернемся к «электричеству». Мучительно хотелось записаться «по-настоящему» в «настоящей» студии. Мы нашли такую в Механическом институте, на Политехе. Она была не то четырех-, не то восьмиканальная и находилась, кажется, на надстроенном пятом этаже или на чердаке здания. Там мы и познакомились с замечательным парнем Мишей Кольчугиным, хозяином студии, все-таки четырехканальной, наверное. Институт был режимный, связанный как-то с военными секретами (не зря же «Военмех») и внизу на вахте сидела охрана. Охрана – старушка или старичок, тщательно проверявшие пропуска, которых у нас, конечно, не было. Хотя обычно пускали и так, но иногда становились в позу, тогда звонили Мише, и ему приходилось бежать пять этажей вниз на вахту и проводить нас под свою ответственность.

Мы по-прежнему играли на болгарских и советских гитарах. Много лет спустя, уже имея свою музыкальную школу в Калифорнии, я с обидой думал, что сейчас у любого ученика инструмент на два порядка лучше, чем был у нас. Как все-таки удобнее и быстрее учиться на хорошем инструменте! Ну, или на инструменте, который нормально строит хотя бы до пятого лада. Наличие плохого инструмента хотя и вырабатывает характер, закаляет его, но и портит, разумеется. В этом я убедился, когда ушел Гриша, и мне пришлось взять в руки бас-гитару. Но об этом позже.

Мы записали четыре полотна.

1. В долине болот



Песня, которая мне сразу понравилась и нравится до сих пор.

Меня она покорила длинным инструментальным вступлением и длинным же инструментальным окончанием, при этом куплет там совсем короткий. Много позже Горшок мне признался, что содрал ее с Fascination Street группы The Cure. Должен сказать, что «содрал», – это не совсем верное слово. Только позаимствовал басовый ход. А все остальное… Короче, послушайте и сравните сами.

В долине болот раздавалися звуки,
мешавшие спать всей ближайшей округе.
Ну, и я
вышел на поля,
мрачные поля,
трясины.
Отныне меня ничего не колышет.
Мне хочется слышать,
как утопшие дышат,
как порой
ночью под луной
слышен голос твой…

2. Мертвая земля

Моя первая совместная с Князем песня, из которой, как я писал выше, получился «Мотоцикл». Вообще-то довольно забавная судьба у этой мелодии. Я ее написал, когда мне было пятнадцать лет. И ценили мы ее только за то, что она была новая. Позже мы ее записали, наверное, просто потому, что ее было проще всего исполнять. Я вообще не считаю ее особенным шедевром. Но, несмотря на это (а даже может благодаря этому), она вошла в несколько наших «официальных» альбомов и почти во все концертные. Сколько раз, – можете посчитать сами.

А стихи эти Горшок частично использовал позже в песне «Звонок»:

Страшные слова слышались во мгле.
Я спал. Кошмары снились мне.
Мертвая земля, кровавая заря,
А там гуляет смерть моя.

Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвеневший телефон.
Трубку снял: на связи ад,

Звонит ваш покойный брат.

Кто в такую пору шутит?
Разве можно так шутить?
Но из трубки, в самом деле,
Брат мой начал говорить.

Мертвая земля, кровавая заря
А там гуляет смерть моя.
В поле у ручья тусклая свеча
В дали вороны кричат

Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвеневший телефон
Трубку снял, на связи ад.
Звонит ваш покойный брат

Кто в такую пору шутит?
Разве можно так шутить?
Но из трубки, в самом деле,
Брат мой начал говорить.

В беспросветной мгле увидел на стене
Я свой дрожащий силуэт.
Мертвая земля, кровавая заря,
Смерть около меня.

Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвеневший телефон.
А-а-а-а-а!!!!!

Доброй ночи, брат любимый,
Спишь ли ты сейчас?
Без тебя мне так уныло.
Посети-ка нынче нас!

В поле у ручья тусклая свеча,
Утром встречу я тебя.
Мертвая земля, кровавая заря,
Я и рядом смерть моя.

И на этом связь прервалась
Лишь волнение осталось…

Доброй ночи, брат любимый,
Спишь ли ты сейчас?
Без тебя мне так уныло,
Посети-ка нынче нас!

3. Ауфидерай

Очень показательная песня, характеризующая наш подход к музыке на тот момент. Хотя и потом мы тоже так поступали. Начать с того, что появилась она странным образом. Горшок нашел у меня дома Васину пустую канистру и стал по ней стучать. Стучал он долго и, в конце концов, говорит: «Смотри, какой я офигенный ритм придумал! Давай на гитаре играй». Ритм и правда был кайфовый, и я заиграл. Заиграл, естественно, в до диез, мы почти все песни тогда играли в до диез, и как-то сразу эти аккорды сложились. Но аккорды – это не песня! А вот когда Горшок запел мелодию, мы поняли, что песня на подходе. Смешнее всего то, что записывать ее мы решили, потому что Горшку очень понравилась вторая гитара, которую я придумал в третьем куплете. Мы так были довольны, что такой мелочью, как стихи, не озаботились. Ну, не приросли никакие почему-то. Мы в то время думали: «И так видно, какая замечательная музыка, а, значит, это песня, просто без стихов!» Позднее ребята эту музыку использовали. При желании легко можно найти, в какой песне.

4. История о Мертвой Женщине

Эпическое полотно, ни отнять, ни прибавить. Песня, впоследствии вошедшая в альбом «Истинный убийца», а позже во второй «официальный». Причем практически без изменений. Настоятельно рекомендую послушать именно эту версию. Она очень точно описывает и передает наше тогдашнее состояние. Именно этого забытого уже года.

16. Первый радиоэфир

Теперь у нас была первая электрическая запись, и это было круто. Конечно, видны были недочеты, но их мы расценивали как руководство к действию. Вот сейчас пишу и думаю: «Ну и что? Мы показали запись всего-то двадцати друзьям». Но тогда такие вещи нас не волновали. Мы записали крутые песни, и весь мир был у наших ног. Просто еще не знал об этом. Поручик вдруг решил стать директором-администратором и сказал, что будет нас продвигать. Мы ни о чем таком представления не имели и, конечно, ему поверили. Тем более, что он все свои деньги тратил на нормальную цивильную одежду и единственный из нас выглядел прилично. И Поручику действительно кое-что удалось. Он реально встретился с Джоржем Гуницким и отдал ему нашу запись.

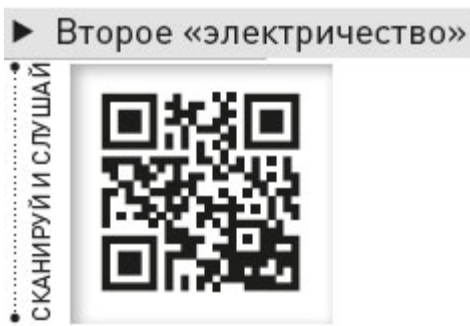
Джорж в то время по средам вел на радио передачу «Ленинградский рок-клуб представляет» и выбрал для эфира «В долине болот». «Рок-клуб представляет» была нашей любимой музыкальной передачей, она, во-первых, была про рок, а, во-вторых, никакой другой не было. Для тех, кто моложе меня, поясню. Передача шла по радио. Радио – это радиоточка на кухне. Музыкального радио на ФМ-частотах практически не существовало.

Наша песня прозвучала по радио! Это была фантастика. Сейчас расскажу, где я ее услышал. Когда нам с Горшком стукнуло по 18 лет, пришло время задумываться о службе в армии. В армию идти не хотелось – столько дел впереди. Решили не ходить, но Горшок после продолжительной беседы с папой сказал: «Нет. Придется идти». Ну, тогда и я решил пойти. Что, думаю, я тут без друга делать буду? А Горшка на медкомиссии развернули, сказали, что сколиоз. А я в армию пошел и после длительных приключений угодил в сумасшедший дом под Ломоносовым, где и пролежал ровно 70 дней. И вот представьте: две комнаты, 50 человек психов, радиоточка, и вдруг – херась! – без объявления войны (я, естественно, ничего не знал) играет наша песня. Меня аж сера с паркопаном попустила. Я, такой, говорю психам: «А это наша песня играет». А они… ну, короче, понятно.

17. Вторая «электрическая» сессия

Пока я полгода был в армии, ребята снова отправились на студию Мишки Кольчугина и записали еще пять полотен, о которых расскажу отдельно. Я смог подключиться уже только на стадии записи вокала и помогал в основном дурацкими советами, бэк-вокалом и на второй гитарке чуть подыграл. Так как я присоединился к процессу не с самого начала, то, придя на студию, был поражен, насколько качественно и ровно звучали барабаны. Видя мое изумление, Горшок с Князем сказали: «А мы решили использовать драм-машину, так лучше!» Одним словом, давайте послушаем вместе, а я расскажу.

1. Король и Шут (Заскучал король)



Из этой знаковой, если не сказать ключевой, вещи получилась сначала песня «Сапоги мертвеца». Мы оставили аккорды и немного переделали мелодию и стихи. И, чтобы отличные стихи не пропадали, написали к ним музыку, так появилась песня «Король и Шут». Еще нужно сказать, что неиспользованная мелодия куплета пригодилась в песне «Отражение», но это уже много позже.

Заскучал король и затосковал.
Раньше весел был, нынче хмурым стал,
Во дворец тогда
Привели шута.

Горбатый карлик прыгал и кричал,
Весь дворец ужасно хохотал,
А урод смешить не прекращал,
Но король вдруг замертво упал.

Теплый яркий день обратился в ночь,
Вылезла луна, дьявольская дочь,
В ужасе народ
Стоял, разинув рот.

А злодей над трупом танцевал,
Но уже никто не хохотал,
С короля корону шут сорвал,
И во тьме со смехом он пропал.

Все, кто видел мерзкого шута,
Поутру свихнулись, сошли с ума.
Над могилой бедного короля
Хохотал народ: «ХА-ХА-ХА-ХА!»

2. Охотник

Песня, которая практически без изменений дожила до наших дней. Разве что начало немножко подправили. Хотя, по мне, так в этой версии тоже прикольно получилось.

3. Лисен хэлс лайт

Одна из моих любимых песен. Ее придумали и записали без моего участия. Мне в ней очень нравилась мелодика и разноголосье. К сожалению, ни разу нигде не играли. Кстати, в архивах, которые мы с Князем сейчас собираем и выкладываем, она называется «Песня на английском». Вообще-то дело было так. Мы писали хор, и тут Мишка Кольчугин (или это был его друг Ромка?) говорит: «А что это у вас за текст такой?» А мы: да никакой не текст, мол, просто рыба «лисафизсайт». А он: «Тогда пойте лучше „Лисен хэлс лайт“, хоть какой-то смысл будет».

А нам не жалко, так и спели.

4. Свечи гаснут

Шикарная романтическая и не очень характерная для нас вещь. Позже музыку использовали в песне «Мастер и слуга».

Свечи гаснут, догорают.

Граф садится у окна,
Звезды шепчутся, мерцают.
Среди них блестит луна.

Но часы застыли над камином,
В полночь стрелки говорят,
Возле графа в зеркале старинном
Промелькнул зловещий взгляд.

Граф трясущейся рукою приоткрыл окно,
На дворе пока спокойно, тихо и темно.
Замер на миг мрачный старик
Слушая звуки, неведомых звезд голоса.

Граф не спит, он в тяжком ожидании,
В беспамятстве и забытьи,
В глазах мучение и страданье.
Он глаз с луны не может отвести.

И пятая песня, о существовании которой я забыл, но вспомнил вместе с Князем в главе, посвященной альбому «Герои и Злодеи». Названия у этой песни нет, но позже из нее получилось «Возвращение Колдуна».

Рок-клуб. Рисунок А. Князева

18. Рябчик

Обе «настоящие» электрические звукозаписывающие сессии по грустной, но неизбежной дорожке привели нас к мысли о расширении технического парка. А именно к тому, что гитары надо приличные покупать, а то на говне играть фигово. Надо вам сказать, что у меня с детства, ну то есть лет с 15, как только мы решили сделать свою группу, появился пунктик. Мол, все ресурсы надо тратить только на дело. И любую копейку, попавшую мне в руки, я тратил на микрофоны, проволочки – проводочки, пленки, усилитель (не пригодился), колонки, магнитофон для записи и прочее. Вот увидел блок-флейту – и купил сразу: вдруг пригодится (и ведь пригодилась же!). Наверное, это было под влиянием книги «Кайф» Владимира Рекшана, в ней он описал историю своей рок-группы, в частности то, как они делали постоянный апгрейд аппаратуры, тратя все деньги, и сделал вывод, что конца-края этому нет. И это правда. Оглянувшись назад, я могу четко сказать, что не будь книги Рекшана, то не возникло бы у меня такого пунктика, ничего б я не покупал, и не было бы у нас никаких ранних акустических записей. Спасибо тебе, Рекшан!

И вот тут «подогнал тему» Рябчик. Рябчик был птица – не птица, самолет – не самолет, а человек и песня. Во-первых, он был фанат The Cure и прочей приличной западной музыки, а, во-вторых, он учился в одной группе с Горшком и Князем в их реставрационном училище. Но самое главное в нем – это то, что он сразу проникся нашими идеями и сразу решил, что будет с нами. И это было правильно. На бас-гитаре у нас тогда играл Князь, а на гитаре я, то есть свободных мест как бы не было. Нас, впрочем, это не смутило, и мы, посовещавшись, решили, что Рябчик будет полноправным членом группы – клавишником. Клавиш, правда, у нас не было, но, право, какие это мелочи! Мы собирались их надыбать и дать Рябчику, чтобы он учился играть. По-настоящему звали его Дима Рябченко.

А тем летом, как я уже сказал выше, Рябчик подогнал тему. Его родственницы (две тетки, по-моему) купили на Миллионной (если не ошибаюсь) квартиру на первом этаже. И хотели ее отделать под офис. А это бабки. И мы все вчетвером – Рябчик, Князь, Горшок и я – несколько месяцев там шуршали. Квартира была старая. И представьте: работаешь шпателем, отрываешь старые обои, а там сначала Брежнев, под ним Хрущев, под Хрущевым Сталин. В общем, отдирали обои, шпаклевали, красили, пилили, строгали, выносили мусор. Под конец даже

Поручик пришел и приколотил красивые реечки под орех по кантику, которые он сделал у себя на работе.

Было безумно весело. Во-первых, с друзьями работать всегда веселей; во-вторых, работать с такими, как мои, – вообще красота; в-третьих, начальства над нами не было, ликует птиц! Много было всего безумного, но особо запомнилось вот что: Горшок с Князем чуть ли не каждый день записывали на магнитофон различные сценки. На всякие темы, безумно смешные. Про знаменитого писателя Конского, например. Не знаю, сохранились ли эти записи у Князя, может, что-то и осталось. По бедности нашей кассет чистых было немного, и, когда заканчивалось место, новые произведения писали поверх старых. Такая вот история.

Заплатили нам хоть и меньше, чем мы рассчитывали, но все же 14 тысяч рублей. Или около того. На современные деньги даже не пытайтесь пересчитывать, довольно скоро с купюр исчезли нули. Музыкальных магазинов, где можно было бы купить инструменты, не существовало, но была комиссионка на проспекте Ленина, куда мы и поехали. В гитарах мы ничего не понимали и поэтому попросили помочь друга Мишки Кольчугина (по-моему, его звали Ромка, я уже и не помню, извини). Он нам и сосватал две гитары: чешскую «Диамант» (под «Лес Пол») и чешскую же «Д-басс». Радости нашей не было предела.

Правда, все это нужно было куда-то включать. Через несколько месяцев мне удалось устроиться на работу охранником в ларек, и я купил где-то в Купчино комбик со встроенным флэнжером, который позже сыграл большую роль в нашей творческой жизни. Справедливости ради, замечу, что из четырех с половиной тысяч за комбик я отдал только три, а остальное беззастенчиво содрал с согруппников. Ибо нефиг.

Мыкались мы с этим комбиком то у Горшка, то у Князя, то у меня, и всюду возили его на метро, что было прикольно, но тяжеловато. А он непростой, а у него целых два входа и встроенный флэнжер. Можно и гитару включить, и голос с обработкой звучит. Красота! Помню, сидели мы как-то у Князя, прикалывались с комбом и походя придумали песню «Король и Шут» – почти в том виде, в каком вы ее знаете.

19. От «Короля шутов» к «Королю и Шуту»

На тот момент группа называлась «Король шутов» и состав наш был таков: **Горшок** – вокал, **Князь** – вокал и бас, **Балу** – гитара, **Рябчик** – клавиши и **Леша Горшенев** – барабаны. Поручик служил в армии. Помните, в песне «Отец и маски» есть слова:

«…Алеша теперь – кабан,
Ты, Дима, – вурдалак,
Саша, – ты, как ведьма, в своем рыжем платье!..»

Это Андрюха так незаметно для всех вписал в песню Лешку Горшенева, Диму Рябченко и Сашу (то есть меня). На оригинальном листке со стихами, который Князь принес на репетицию, были красочно нарисованы наши рожи, превращающиеся в монстров. Это вроде как комикс был, где Горшок был за отца, мы втроем – за детей, а Князь – за продавца. И к рисункам стихи. Но что появилось раньше, стихи или рисунки, про то мне неведомо. Тогда я не спросил, а сейчас не хочу, пусть останется интрига.

А теперь расскажу, как появилось название «Король и Шут». Этот день я отчетливо помню. Мы собрались у Князя в Купчино с конкретной целью – утвердить название. Или придумать новое. Поскольку кассету нас не было, в газетах о нас не писали и автографы мы давали нечасто, название «Король шутов» было только у нас в головах. Итак, мы решили, что название надо поменять. Причем у Андрюхи был железный аргумент, с которым не поспоришь. «Я, – говорит, – вчера пытался нарисовать «Короля шутов», ну типа эмблема такая. Фигня полная получилась». И показывает рисунок. Я его, как ни странно, до сих пор помню, но описывать не буду. Просто поверьте – реально фигня получилась. После этого жить с таким названием мы больше не могли. Стали перебирать варианты. У Князя была в комнате древняя печатная машинка, я с самого начала захватил ее и вел протокол нашего собрания. А печатал я не очень быстро, одним пальцем, после каждой буквы мучительно ища следующую. Поэтому я делал так: печатаю слово – любуюсь, поднимаю глаза (ведь беседа продолжается) и следующим записываю слово, произнесенное в тот момент. То есть не очень связно, но энергично и

экспрессивно, а что еще надо? Варианты были и серьезные, и шутливые, и вообще всякие. Из того, что я помню: «Апокалипсис», «Конец света», «Зарезанный Одуванчик», «Мор пришел», «Происшествие в…», «Вий». Горшок очень хотел «Вий», но его смутило одно обстоятельство. Ему показалось, что если люди из зала будут кричать «Вий», «Вий», «Вий», то выйдет похоже на поросячий визг. А я, помню, подумал: «Толпа людей в зале будет кричать название». В этом я не сомневался, но раньше об этом как-то не задумывался. В итоге остановились на названии «Король и Шут». Оно было достаточно безбашенное и перекликалось с прежним. Это сейчас все привыкли, а первое время нам было с ним очень непросто. Но об этом мне сказали позже, когда я пытался пристроить наши записи на радио. В любом случае дело было сделано. Я, наверно, и запомнил тот день во всех подробностях, потому что произошло что-то необычное, неудобное, волшебное.

В конце же своего замечательного документа я поставил число и заставил всех расписаться на листе. Типа официальная бумажка. И если Князь этот листок не потерял во время всех его переездов, разводов и прочих перемещений, то мы сможем узнать точную дату возникновения названия «Король и Шут».

Афиша «Король и Шут» в клубе ГаМГат

20. Эрмитаж

Время было поганое, и только маниакальная увлеченность музыкой спасала нас от того, чтоб не влезть в какую-нибудь дрянную или денежную тему. А тут еще случилось чудо, и мы смогли еще больше абстрагироваться от окружающего и полностью погрузиться в собственный мир.

Чудо было такое. Горшок, Князь и Рябчик после училища пошли работать реставраторами в Эрмитаж. И им удалось получить там помещение на Миллионной. Подточку. Если кто не в курсе, точка – это место, где можно репетировать. Обрисую ситуацию. Если стоять на Дворцовой площади лицом к Зимнему, то идите направо – вот вам и Миллионная, перейдите Зимнюю канавку – и вот вам дом 31. На его втором этаже нам дали квартиру. Дом был расселен, это был нежилой фонд. Но окна целы, отопление есть, газ есть, плита есть, туалет есть, холодная вода есть. Горячей нет, но где вы видели совершенство? Мебели тоже не было, но мы поползали по округе и нарыли себе какие-то старые кровати, столы, стулья и прочую рухлядь.

Квартира состояла из пяти вроде бы комнат. Огромная кухня с нереально древней огромной плитой, потом комната, где мы расставили мольберты (ведь официально это была художественная мастерская), спальня, музыкальная комната, ну и еще какие-то. Горшок переехал туда на постоянное место жительства, потому что дома он почти не жил и ночевал в основном у меня дома или у меня на работе (я по ночам сторожил ларек на Елизаровской). Домой он забегал только днем – чего-нибудь перехватить, пока отца нет. Я тоже перебрался на Миллионную и прожил там безвылазно больше года. Да и Князь с Рябчиком обустроили себе спальные места, хотя ночевали не всегда: иногда и мыться надо. А младший брат Горшка, Лешка-барабанщик, просто приходил к нам музыку играть, ибо был совсем молод.

Тогда же, кстати, я сумел, наверное, единственный раз за последующие 15 лет заставить Горшка пойти к зубному. Стоматологов он боялся патологически. Но зубы заболели так, что он просто на стенку лез. При этом уговорить его пойти к врачу было невозможно, дохлый номер. В итоге я нашел кооператив, где зубы лечили под общим наркозом и еле-еле туда его затащил. Когда я говорю «затащил», я говорю это буквально: тащил его за руку по улице, а в клинике так двумя руками и держал его, пока он не отрубился. Тут меня докторишки взяли под белы руки, и давай считать. Какие материалы ставить – наши

или импортные? А сколько зубов делать? До сих пор горжусь, что не пожадничал и повелел делать все зубы и только импортными материалами. Как знал, что нескоро мы дойдем до врача в следующий раз. К счастью, за недолгое время работы охранником я скопил две месячные зарплаты – и с облегчением их потратил.

* * *

Мы не могли поверить своему счастью. Жили в Эрмитаже и практически все время занимались музыкой. Окружающая среда и прочий быт для нас не существовали. Немного мы обустроились, конечно. Рябчик врезал новый замок и припер откуда-то бухту провода, я сделал новую электропроводку и свет (из пивных банок получились прикольные светильники на стену), остальные тоже чего-то красили и приколачивали. Но больше всего времени мы отдавали «Королю и Шуту». Огромное спасибо Эрмитажу, замечательному художнику по имени Спартак и всем тем, кто нам помог.

Клуб ГаМГат, сентябрь 1995 года. Фото А. Настальская

Отдельная веселая история – про еду. Внутри самого Эрмитажа была (наверное, и сейчас есть) очень прогрессивная по тем временам столовая. Во-первых, ее построили финны, во-вторых, там было дешево и вкусно и, в-третьих, там в ходу были специальные магнитные карточки – наличными деньгами можно было не платить: сколько наел, в конце месяца вычитали из зарплаты). В обед мне, как единственному не работающему в Эрмитаже и не имеющему пропуска, нужно было обойти здание со стороны Невы и с деловой мордой пройти через служебный вход. Если не удавалось, приходилось пробираться по подвалам. Это было прикольно. Нужно было пройти по узкому проходу в запасниках, где навалены экспонаты. Идешь ты, идешь, как сквозь века: там картины всякие, мумии каких-то рамзесов и прочая культура. Вот когда пишут на выставке «Экспозиция подготовлена

такими-то», это значит, что люди, может быть, несколько месяцев по таким подвалам ходили и выбирали, что б такое-этакое выставить.

Предвижу вопрос. Да. Спереть что-нибудь оттуда можно было проще простого. И никто бы не заметил. Там и в залах-то подворовывали, не везде сигналка стояла. А уж запасники-то. Но нам такое даже в голову не приходило. Серьезно. Как можно украсть что-то из Эрмитажа? Дикость какая. Ну, да ладно, о столовой, значит.

В столовой получалось поесть четыре раза в неделю. И, если повезет, набрать на вечер пирожков. Не было пирожков – ужин отменялся. Денег не было и не предвиделось, поэтому по вечерам и в выходные мы варили макароны. Обычные толстые отечественные макароны. С солью. Чтоб не скучно было есть, клали в тарелку пару зубчиков чеснока. Иногда было подсолнечное масло, если удавалось принести из дома. Больше не было ничего.

Вот сейчас написал и подумал: как объяснить, что все это было в порядке вещей – макароны бесконечные с чесноком? Но тогда мы ни о чем таком не задумывались. Во-первых, не жрать же мы поселились в Эрмитаже, а творить! А, во-вторых, всегда можно было, выбрав правильное время, пойти в гости. И спросить ненавязчиво, есть ли что поесть. Впрочем, и это все так, суета. На тот момент мы жили, как птицы, не думая о хлебе насущном.

21. Как появляется песня

Там на склоне улитка,
и Фудзи прилипла
к ногам ее.

Балу

То были славные и, я бы сказал, немного волшебные времена. Мы не знали, что создателя миров нельзя торопить, нельзя говорить под руку, не знали, что хороший создатель доделывает все до конца. Ведь мы и были этим создателем. Точнее учились им быть.

Как, например, появляется песня? Рождается хорошая мелодия. Точнее, рождается прекрасная мелодия (просто хорошие мелодии мы считали недостойными себя). И носишься ты с этой мелодией, потом она прирастает припевом, потом на нее падают стихи. Или наоборот. Появляются стихи, а они так воздействуют на тебя, что появляется музыка. Много, в общем, было вариантов. Появились песни. Это было мегакруто.

Мы играли их, и нас очень вставляло. И это, между прочим, были не просто песни, а те самые, которые через десять лет войдут в юбилейный сборник «Собрание». Мы даже прощали себе некоторую непрофессиональность в игре и не самый фирменный звук. Просто играли – куплет-припев, куплет-припев. И вот однажды Горшок говорит: «А давайте придумывать красивые концовки и вступления!» Мы ему: «А зачем? Ведь и так видно, что песни офигенные». А он: «Ну, давайте попробуем».

Попробовали. Бодать мой лысый череп! Оказалось, клево. Ведь места для творчества становится в два раза больше. Все-таки самому всему учиться и доходить до всего своим умом не только трудно, но и весело. Конечно, сначала ошибаешься, но зато такие попытки позволяют делать невозможные и удивительные вещи.

* * *

События вокруг нас бурлили. И мы, согласно законам природы, не чувствовали течения, потому что были внутри него. Как воздухоплаватель не чувствует ветра. Как рыбы не чувствуют движения воды. Кстати, наш с Горшком анекдот того времени:

R-Club, 1997 год. Фото Е. Евсюкова

Сидят две рыбы в неподвижной воде, смотрят вокруг. Одна другую толкает локтем в бок и спрашивает: «Слышь, а че все вокруг так суетятся?»

Мы любили сами придумывать анекдоты и даже иногда записывали их на магнитофон. Для смеха. Вот, раз уж речь зашла об этом, еще один. Сочинил его то ли Горшок, то ли Князь, то ли Рябчик:

«Идет Иван Царевич по лесу. Встречает, ну типа, зайчика.
– Ты кто такой?
– Я, ну типа, это… зайчик.
– Ну, и что? Пошел на хрен отсюда!
Идет дальше. Встречает, ну, например, ежика.
– Ты кто такой?
– Я типа, это… ну, ежик.
– Да? Ну, и иди отсюда на фиг! Идет дальше, а навстречу ему конь.
– Привет, Иван Царевич! А куда ты идешь? А возьми меня с собой!
– А на хрен ты мне сдался?»

Тут рассказчик должен был сделать идиотское выражение лица, изображая коня, изогнуться, завести руки назад и выставить одну ногу вперед. И на каждой фразе меняя ногу дружелюбным и заискивающим голосом сказать: «А, может, чем пригожусь! А, может, чем пригожусь!»

Дико смешной и очень популярный в то время анекдот.

Ладно, вернемся к бурлящим событиям. У нас скопилось изрядное количество историй, которые мы хотели воплотить в песни. Изначально песни придумывались так. Писалась красивая история. Иногда таинственная, иногда смешная, а иногда вообще непонятно какая – главное, чтобы зацепила что-то в душе. Из ассоциаций, возникших в результате осмысления этой истории, появляется музыка или что-то похожее на музыку. И если всем получившееся нравится, то выкристаллизовываются стихи, а музыка начинает обретать форму. Когда я говорю «пишется история», то в подавляющем большинстве случаев имею в виду то, что Князь пишет историю. Задача остальных – помочь советом и всячески улучшить текст. А если история была особо страшная, то успокоить и утешить его. Окончательный вариант должен был устраивать всех и каждого. Важен был конечный результат, максимально приближенный к идеалу. Может, именно поэтому Андрюха писал все лучше и лучше.

А когда я говорю «появляется музыка», то имею в виду вот что. Большую часть музыки писал Горшок. Причем писал музыку разную и с дикой скоростью. Технология была такая.

Мы берем в руки гитары и начинаем играть. Музыкального образования у нас не было, а значит, не было ни рамок, ни границ. Если нам по каким-либо причинам не нравился аккорд, мы просто зажимали струну в другом месте. И еще мы никогда (за редким исключением) не подбирали и не играли чужих песен, чтобы избежать шаблонности мышления. Именно поэтому, когда в группе появился Яха, его никогда не включали в процесс придумывания песен и призывали только на время аранжировки. Потому что придумывается, например, новая мелодия, а после трех нот Яха кричит: «О, похоже на это!» Смотришь, и правда. Берешь четвертую ноту, а он: «О, это похоже на то!» Короче, еще не успеет Горшок что-нибудь придумать, а Яха уже пристраивает мелодию на знакомые рельсы.

Так вот, мы берем в руки гитары и начинаем играть. Например, Горшок берет произвольные аккорды, а я исполняю что-то типа проигрыша. Или наоборот. Что такое гармония и тональность мы знали, но чисто теоретически, поэтому частенько фальшивили. И исправлялись. Как только начинает возникать намек на музыкальную тему, у Горшка что-то внутри включается, и он мгновенно придумывает пять развитии темы и 25 окончаний. Вот тут и пригождаются друзья. Они говорят: «Вот эти четыре варианта – фиговые, а вот этот – офигенный, его и будем развивать. Вот это место – кайфовое, на нем акцентируем мелодию, а вот на это не стоит тратить время». Или: «Надо только

поменять концовку и начало». Помнится, Горшок говорил, что больше всего любит писать со мной, потому что я беру множество неправильных нот, а когда слышу правильные у него, всегда легко могу его убедить в этом. Дело в том, что, когда пишешь музыку, не отдаешь себе отчета, хорошая мелодия или плохая. Всякая новая музыка для сочинителя, прежде всего, новая. Нужен взгляд со стороны.

Особенно четко я это понял уже после всех ужасных событий, когда стал не спеша писать собственный альбом. Мелодий много, они витают в воздухе, как говорил Горшок. А друга рядом нет. Грустно и непривычно. Но я все равно к нему обращаюсь и советуюсь. Хотя, бывает, мы просто болтаем.

* * *

К тому времени у Горшка выработалась совершенно особенная манера игры на гитаре. Этакий небрежный панковский стиль, но при этом постоянный контроль каждой струны. Не манера даже, а отношение к игре. Гитара, как женщина: как только перестаешь дразнить и показываешь свое настоящее отношение, – она начинает петь. Если кому интересно, можно послушать ранние концерты того времени, альбом «Истинный убийца». На концертах, правда, играл я, но Горшок и меня обучил этой небрежной манере. Небрежная – не значит поспешная. Характерная иллюстрация – песня «Король и Шут», о которой ниже. Когда позже в группу вливались новые гитаристы, то никто сыграть именно так не мог. Все требовали: «Покажи медленно, по кусочкам». Но там нет кусочков, там отношение к звукоизвлечению.

22. «Истинный убийца», первый альбом, 1993

Иногда во тьме загораются звезды.

И тьма ничего не может поделать с этим.

Потому что не хочет.

Ей самой по приколу узнать, как они горят.

Но как только она подступает к ним, они гаснут.

И что это за тьма такая? Без звезд.

Александр Балунов

Однако пришло время рассказать вам, друзья, о нашем первом электрическом альбоме. Пройдемся, наверное, сразу по песням, а там, глядишь, и какие интересные подробности всплывут. В процессе, так сказать. Послушаем вместе:

В конце надо не забыть рассказать про флэнжер!

1. Король и шут

Свежесотворенная песня появилась, как я уже писал выше, в результате раздвоения. Раздвоилась наша старая песня «Заскучал король». Точнее мы решили, что негоже таким хорошим стихам пропадать, и Князь переделал их под новый размер. А, может, Князь так решил, и мы просто согласились. Смешно получилось с

гитарным соло. Напомню, что мы были противниками общепринятой практики вставлять соло после второго припева, а туту нас придумалось целых два. Первое придумал Горшок, второе я. Большинством голосов решили одно соло выкинуть, но так долго решали, что на студии записали оба. Да так и оставили.

2-3. Лесник. Сапоги

На студии эти песни записаны в связке. То есть мы записали их подряд, без паузы. Чтобы получилась длинная история, перетекающая одна в другую. Помню, пару раз досталось Леше по башке за его барабаны: записали «Лесника», связка, «Сапоги» и – херась! – Леша сбился. И пиши снова.

История появления «Лесника» такова. Горшок однажды приходит ко мне и показывает офигенную мелодию (ставшую впоследствии припевом «Будь как дома, путник…»). «Где взял?» – спрашиваю. «А, вот, зацени, что этот урюк[2] делает!» И ставит мне кассету Князя. А Князь время от времени записывал пленки с таким как бы потоком сознания: он брал гитару и начинал петь на псевдоанглийском языке всякую белиберду. Минут по 7–8 бывали треки. И среди них попадались, как мы видим, очень даже достойные творения. Короче, все ненужное мы отсекли, а к припеву Горшок приделал куплет и вставил всякие проигрыши и переходы, я только соло потом наиграл. А Князь, соответственно, написал стихи. Я бы назвал эту песню ключевой в нашем творчестве. Именно после нее мы уже четко и точно решили, куда будем двигаться в плане стихов и музыки. «Мы решили» – это, конечно, «Горшок и Князь решили». А остальные их поддержали.

История превращения этой версии «Лесника» в ту, которая знакома многим, еще смешнее. Ехал я однажды в 22-м троллейбусе на репетицию. Троллейбус идет прямиком от моего дома на Ржевке до Эрмитажа, где мы жили и репетировали. Вообще-то ехать на метро значительно быстрее, но по дороге я зашел к Ромычу, и мы с ним покурили, поэтому в метро я не полез. И вот еду я такой красивый в медленном троллейбусе и думаю, что сейчас опоздаю на репетицию, все бухтеть будут. Надо что-то такое придумать, чтоб оправдать свое опоздание, чтоб оно не зря, значит, было. И вот где-то на Невском я понял, что если играть припев «Лесника» в два раза медленнее, то будет если не лучше, то, по крайней мере, необычней. Засада в том, что память у меня дырявая, и, чтоб не забыть эту потрясающую идею, я всю оставшуюся дорогу пел про себя медленный припев. Зато так с ним свыкся, что, приехав, прямо в дверях закричал: «Смотрите

что придумал!» И сразу сыграл. А всем так понравилось, что и ругать за опоздание меня не стали.

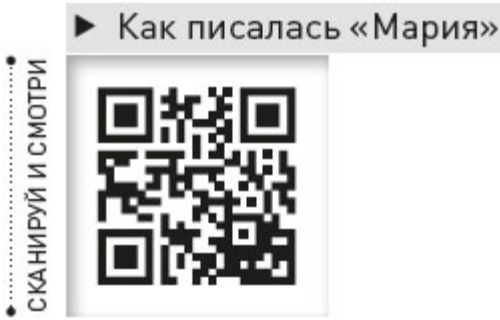
Про «Сапоги мертвеца» я уже говорил, но расскажу еще. Изначально это была песня «Заскучал король», и мне очень нравилась мелодия в куплете, но Горшок почему-то упорно хотел ее переделать. И мы сидели, сидели, а он все переделывал, переделывал, а я все говорил: «Фигня, фигня». Бракую вариант за вариантом. Они, и правда, никакие были, занудные. Потом Рябчик пришел, да и Князь вроде. А я спать лег в соседнюю комнату, ночь до этого не спал. Гитара хоть и громко в комбик орет, но спать не мешает. Поспал пару часиков и вдруг слышу новую свежую и красивую мелодию. Прибегаю. «О, – говорю. – Как круто! Лучше даже, чем было. Давайте так оставим?!» А мне в ответ: «А мы это уже и так без тебя решили».

4. Охотник

А что тут говорить? С момента создания песня практически не менялась. В этой записи начало сделали медленным. Если внимательно слушать записи и концерты того времени, то можно заметить одну деталь. Дело в том, что свои гитарные соло я практически не репетировал, потому что мы считали, что они должны быть живыми. Немного наивно, конечно, но думали мы именно так. Поэтому на примере «Охотника» можно наблюдать, как я от записи к записи меняю (улучшаю, на мой взгляд) свою партию. Ха. Получается вот что: когда я перешел на бас-гитару, то последний на тот момент вариант соло показал Яхе. И больше за 20 лет оно не менялось. Значит ли это, что совершенство достигнуто? Мне-то всегда кажется, что можно лучше, надо только постараться.

5. Мария

Откуда есть взялась эта песня, я подробно рассказал в Интернете, сможете послушать и посмотреть по адресу:



Но и тут расскажу.

Мы сидели на точке в Эрмитаже, просто болтали. И вдруг наш Лешка-барабанщик начал играть ровный ритм. Просто бочка-рабочий и ровный хэт. И мне это так понравилось, что я стал играть басовый рифак. Первая струна открыта, вторая на третьем ладу. И какие-то неведомые доселе гармонии зазвучали в воздухе. Мы переглянулись, Горшок взял аккорд соль (первая струна баса соль), и понеслось. В припеве я просто взял на басу первые пришедшие в голову ноты. Горшок одну поменял. Последнюю. И запел. Вот и песенка готова. Как раз в те дни Горшок придумал, что можно делать красивые вступления, что и сделал. Князь, как обычно, делал все в последний момент, так что стихи мы увидели только на студии. Особых надежд на эту песню мы не возлагали, просто получился очень завораживающий и необычный басовый рифак. И вот когда мы впервые послушали «Марию» готовую, из магнитофона, то, переглянувшись, сразу же признали ее хитом. Молодец Андрюха! Позже у Горшка голос стал более низким, мы поменяли тональность из соль в фа, и мне пришлось изображать этот риф на одной струне, что тоже было прикольно. А еще позже появилась Маха, и Горшок ей тоже придумал мелодию.

6. Истинный убийца

Песня Горшка и Князя. Как ее писали – сначала музыку или стихи – я не в курсе. Мы только немного помогли с аранжировкой, Рябчик в куплете синкопы вставил, а я проигрыш просвистел.

7. Помоги мне!

Обожаю эту песню! Одна из самых энергичных и драйвовых. Я взял бас и смог на нем в этой песне все сказать, что не могла

гитара! Народ (в моем лице) ликует! Обратите внимание на двух виртуозов в этой песне – на Лешку и на меня. Когда мы начали играть соло, то случайно поменяли местами сильную и слабую доли. Но это никого не смутило. А если б я сейчас не признался, то никто бы и не заметил.

8. Валет и Дама

Горшок с Князем принесли на точку песню уже в готовом виде, мне, Рябчику и Лешке оставалось только немного подкрасить ее инструментами. И если некоторые произведения в этом альбоме – исключительно групповое творчество, то эта песня – результат перемещения мыслей в головах двух друзей, вылившийся в итоге в великолепный тандем Горшенев – Князев.

9. Три стрелка

История этой песни проста и незатейлива. Я сидел на подоконнике и обыгрывал на басу аккорд си. Подходит Горшок и начинает на мое си лепить на гитаре три аккорда – си, ре, ми. Запел рыбу, и получился куплет. Прошла неделя. Прихожу на точку – на том же подоконнике сидит Горшок и на басу пробует сыграть тот мой ход, а я беру гитару и играю те его три аккорда в виде рифака. Вот тебе и припев. Правда, когда Князь написал стихи, припев превратился в проигрыш. Но какая разница? На студии я нашел и позаимствовал у замечательной группы «Собака Це Це» неведомую педаль с надписью «Хеви Метал» и, подключив, нажимал на нее в рифачном месте. Поэтому там так задран уровень, что, впрочем, мне нравится. Там же я нашел мегафон и стал орать дурным голосом в припевах. Было круто. Лох цепенел. На концертах мы эту песню никогда не играли, потому что к первому концерту у нас уже было много других новых песен.

10. История о мертвой женщине

Дело было так. Прихожу я однажды к Горшку с приятным сюрпризом. Нашел на антресолях старинный бобинный магнитофон «Комета». Как магнитофон он уже работал не очень, но если к нему подключить определенным образом гитару, нажать «запись» и несильно шлепнуть по лампочке, то он выдавал настоящий перегруженный звук. И часа через полтора Горшок

сделал потрясающее открытие. Если на перегруженном звуке играть открытыми две первые струны, то получится крутой звук. «А ты, – говорит, – играй какой-нибудь бас». Я и заиграл. После недолгих проб и ошибок оказалось, что си, соль, фа очень подходят. Так получилась основа. Через пару недель Князь принес стихи, и мы как-то сразу придумали медленно начинать именно со стихов. А Горшку поручили играть красивую гитару. Сначала у него получалось так себе, ничего особенного, а потом буквально за пару недель он придумал всю ту гитарную красоту, которую вы можете наблюдать. С тех пор ни одна нота не изменилась. На записи в последней части (там, где «То дождь застучит…») я на басу налажал. Вместо ля взял соль или наоборот. Но все закричали, что все нормально, а песня была последняя, и у меня не было сил спорить. Да не так уж и заметно. А потом мы этот кусок вообще из песни выкинули.

Вот такие пиро…

А-а-а! Флэнжер-то, флэнжер! Помните, я рассказывал, как мы купили первый комбик? Советский такой, со встроенным флэнжером. Нам так понравился горшковский голос, пропущенный через него, что мы вывернули из комба весь блок с флэнжером и в авоське принесли его на студию. Через него голос и писали. Слышите, голос немножко фланирует?

Вот вроде и все про первый альбом. Повторюсь, на тот момент нам было глубоко пофиг, кто и что написал. Мы просто делали общее волшебное дело.

Состав группы «Король и Шут» на момент записи первого альбома:

Михаил Горшенев по прозвищу Горшок – вокал, гитара
Андрей Князев по прозвищу Князь – вокал, бас-гитара;
Александр Балунов по прозвищу Балу – гитара, хор;
Дима Рябченко по прозвищу Рябчик – клавиши, хор;
Алексей Горшенев, без прозвища, просто Лешка – барабаны.

По причинческим технинам бас-гитару на альбоме писал я. Князь через какое-то время после записи оставил бас-гитарное дело и перешел в разряд вокалистов, хотя время от времени гитару брал. А басуху с радостью и ко всеобщему удовольствию подхватил Рябчик.

До первого концерта в «Тамтаме» остался год.

Ах да, пленка! Пленка, на которой был записан альбом, бережно хранилась и была восстановлена через много лет благодаря многим людям. Среди них и Лысый, и моя мама, и сын, но артефакт для реставрации и публикации мне передал Шумный. За что ему огромная благодарность от всех нас.

Впрочем, он тоже в нашем повествовании ключевая фигура, и я посвящу ему отдельную главу. Альбом этот, кстати, никогда не издавался, а исключительно передавался фанатами из рук в руки.

А давайте поговорим с Лешей, да и спросим у него, что он помнит о тех временах и событиях.

Балу. Что расскажешь про эпоху Эрмитажа? Тебе сколько лет тогда было?

Леша. Я еще в армию не пошел, это было до 93-го года, мне было 17. Считай 16–17. Ну, в Эрмитаже это вообще был прикол. Если ты помнишь, там было отделение милиции внизу, на первом этаже.

Балу. Ну, не отделение милиции, а ментовка.

Леша. Опорный пункт, назовем его так. Ну, это тоже, знаешь, удивительно, как нас терпели, учитывая беспредельную тему, что творилась на втором этаже. Выносливость была у этих ментов поразительная…

Балу. И какие у тебя воспоминания об этом отрезке времени, пока мы в Эрмитаже жили?

Леша. О! Эрмитаж! Это был такой, знаешь, большой отрезок времени, такое становление, что ли, взрослости какой-то, это лично у меня и, скорее всего, у Мишки тоже. Он же там собирался жить и вроде некоторое время жил. У вас же там был такой мини-отель, где Рябчик старался делать все более-менее технично и культурно, у него была кроватка посередине комнаты, обои, а во всех остальных комнатах была беда. Я помню, как Андрюха нарисовал в проекции замок, «угол обмана». Замок рисовался в углу, причем внутрь, а выглядело так, будто угол замка смотрит на нас. Вообще, Андрюха там много что разрисовал. Но при этом Рябчику все это очень сильно не нравилось, вся эта банда – «Вибратор», мы, вся эта массовая алкогольная и прочая тема. Но при этом как-то было весело, все с ума сходили по-своему, но задорно и неожиданно свободно!

Балу. Да, вот это ты хорошо сказал, именно «неожиданно свободно». Ты же концерты с нами играл в «Тамтаме», даже видео есть.

Леша. В «Тамтаме», да, весело было. Для меня это было даже не то, чтобы музыка, а такой, знаешь, прикол. То есть мне интересно было просто делать что-то новое, тусоваться. Не более того. Альбом мы записывали тогда, который, по-моему, куда-то сгинул, к сожалению. Или он у тебя остался еще?

Балу. Да ты че? Он лежит в нашей с Князем архивной группе в сетке. Там заморочка целая была, я съездил в Лос-Анджелес, отреставрировал его.

Леша. Надо будет как-нибудь… послушать.

Балу. Послушай! Собственно, там все песни, которые впоследствии вошли в диск «Собрание», лучшие за 10 лет.

Леша. Нет, я помню-помню, я даже помню, как мы записывались! Колю я помню, который нас записывал, или Боря его звали, Боря, по-моему.

Балу. Миша Кольчугин.

Леша. А-а-а, Миша Кольчугин, точно! Блин, все уже в голове спутал! Правильно-правильно, Миша Кольчугин. Я, кстати, встречал его потом на студии «Нева», мы с ним записывали наш концерт.

Балу. Да, он туда перебрался.

Леша. А на тот момент, когда мы «Истинного убийцу» записывали, для меня это было чем-то таким удивительным, чем-то уже более серьезным, что ли. Типа: «Вот мы уже начали окучивать студию!» Это было чем-то таким масштабным. Помню, как кассету прослушивали на чьем-то серебристом магнитофончике, и было полное ощущение, что вот оно – настоящее. Что еще чуть-чуть – и будет какой-то прорыв, случится что-то волшебное. То есть оно уже случилось, но еще какое-то предчувствие было чего-то такого в воздухе, остренького, щиплющего… И это было очень прикольно!

Балу. И снова ты в точку! Именно такое предчувствие, при этом мы ничего не ждали и ни на что не надеялись.

Леша. Я помню, как Миша все ходил с этой кассетой и твердил: «О, вот это круто-круто, вот это то, что надо!» Было что-то большее в этом. Не просто такая записулька, это было такое дыхание, типа вот, мы можем. Ну и материал на альбоме был весь такой активный и, знаешь, какой-то он был островатый. Дальше у группы пошло немножко не так, по-другому. Такие впечатления были в первый и последний раз. С альбомом «Камнем по голове» было уже не так, вроде «ну это понятно, можем, так должно быть, естественно, иначе никак»!

Балу. Кстати, я сейчас послушал: блин, он нормальный, а чего мы тогда недовольны были качеством звука? Зачем потом все переписывали? Обалденический звук вообще.

Леша. Так, я тебе говорю, проблем-то не было, я помню, что нам это понравилось. В дальнейшем альбом «Король и Шут» с теми же песнями (он уже стал такого синенького цвета), но совсем другой, потяжелее, в смысле не по звуку, а по характеру. Ушла легкость!

Балу. Ну, хотелось все лучше и лучше…

Леша. Как обычно…

Балу. Ха.

Леша. Тот альбом – он был легким, он был таким панковским

альбомчиком, таким, понимаешь, который создает настроение легкости.

Балу. Да мы себе же даже по кассете не наделали!

Леша. А в дальнейшем все это ушло в какое-то напряжение. И, может, по качеству запись стала и лучше, но вот настроение было уже другое, а… ну ведь мы молодые совсем были, и это чувствовалось.

Балу. Поэтому я и рекомендую тебе, дорогой читатель, послушать альбом «Истинный убийца» в оригинальной записи. Настойчиво рекомендую. Зачем слова, когда все ответы есть в музыке! И еще раз спасибо всем, благодаря кому эта запись чудом (!) дожила до наших дней!

* * *

А Леша тоже был в юности приколист еще тот. Один раз уболтал меня пойти в навороченный антикварный магазин на Невском и спросить, есть ли у них в продаже барабанные палочки. Там они бывают, говорит. Я и пошел. А потом по приколу высадил меня на такую измену, что я полдня ходил – в себе сомневался. Дело было так. Зависли мы с ним как-то в парадной – так, поболтать. Дело в том, что наша общая знакомая по кличке Муха обокрала меня, пользуясь тем, что я свободно пускал ее к себе в дом. Хуже всего было то, что она украла мамины деньги, отложенные на жизнь после отпуска. И меня поражало: как так? Зачем? Ведь моя дружба стоит дороже. Если б она просто попросила на что-то срочное и важное, то я и так дал бы. Да еще пошел бы и занял где-то для нее. Так что я решил, это даже хорошо, что она меня обнесла – легко отделался. Узнал хоть, что человек рядом был ненастоящий. Зато теперь могу забыть о нем, и он исчезнет из моей жизни. Будет ли он вечно болтаться в своей пустоте или просто погаснет, как зеркало в темноте, – мне без разницы. Для меня его больше нет. И тут Леха вдруг говорит:

– Шура, а ты знаешь, что ты – сумасшедший? И к тебе все люди относятся как к ненормальному. Ты не просто наивный и доверчивый, у тебя в жизни все окружающие люди – друзья. Если только они сами не говорят, что враги. А ведь и те, кого ты считаешь врагами, может, и не враги тебе, а просто не хотят иметь дело с таким юродивым. Тебя ведь даже когда предают, обманывают и кидают, ты считаешь это исключением из правил. Как будто все вокруг хорошие, и только иногда попадаются плохие. А все наоборот. Поверь мне, я знаю. Просто обрати

внимание на то, как к тебе люди относятся!

И я реально об этом полдня думал. Думал-думал и понял, что вот это как раз и есть путь к сумасшествию. А он меня просто развел! Впрочем, вспоминая всю историю нашей дружбы, справедливости ради надо заметить, что мы не только помогали и заботились друг о друге, но и прикалывались друг над другом – мама не горюй. Хотя мои приколы все-таки не были такими изощренными. Я всегда относился к нему, как и Горшок, – как к младшему брату.

23. TaMtAm («Тамтам»)

Итак, альбом записан. Что с ним делать дальше, мы понятия не имели, но были уверены, что он офигенный и непременно всем понравится. Помню, я предложил Горшку сделать что-то типа презентации, потратиться: позвать в студию музыкантов и всяких околомузыкальных людей и дать им послушать альбом. Мне казалось, что стоит только человеку услышать наши песни, – он мгновенно станет нашим фанатом. Но Горшок меня высмеял. Зачем, говорит. Мы и так крутой альбом записали!

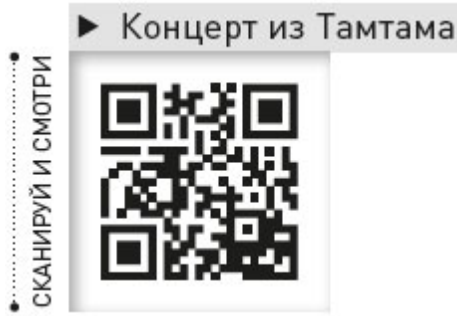
Время шло. Однажды Горшок пришел и говорит: «Все фигня, я узнал про прикольный клуб, там вход бесплатный, короче, пойдем, посмотрим». Это был «Тамтам».

«Тамтам» был совершенно потрясающим. Глоток свободы. Такого в России не было никогда, и вряд ли еще будет. Этот феномен требует отдельной книги, кто бы ее только написал.

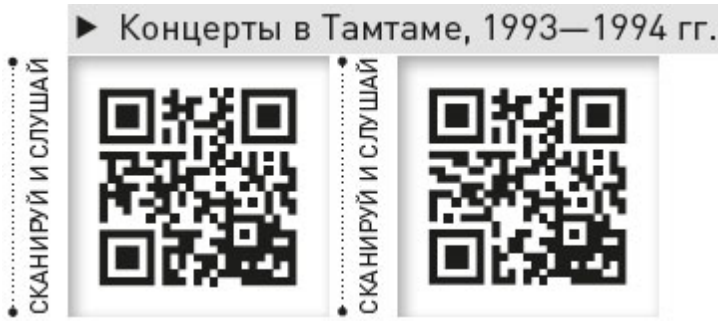
Всем известно, что слово «панк», по сути, означает свободу. И для нас клуб «Тамтам» стал панковским, мы как раз тогда начали усиленно панковать и очень с ним совпали. Играть туда пускали кого угодно, а вход для зрителей был поначалу бесплатным. Да и потом стоил очень недорого.

Двор на ул. Восстания, Питер, август 1993 года. Рис. по фотографии А. Настальской

И мы начали там играть. Не слишком часто, может, раз в 3–4 месяца. Точно не помню. Но каждый концерт был событием. И не просто событием, а праздником, ради которого хочется жить. Мы придумали свои афиши – рисовали их на листочке, ксерили у знакомых на работе и развешивали по городу. Однажды я познакомился с чуваком, который работал в каком-то институте, связанном с кино, и он предложил мне снять на видео концерт, просил недорого. Когда я предложил это парням, все наотрез отказались скидываться. Что, мол, за дикая идея – деньги платить за видео! Я разозлился и занял денег у мамы. Спасибо ей! Благодаря этому у нас теперь есть концерт из «Тамтама».



Отдельная тема была с аудиозаписью концертов. Для этого нужно было иметь кассету. А чистых кассет у нас не было. Не то чтоб они дорого стоили, просто не было денег совсем. Да и отдать свою кассетку означало остаться без нее, стереть какую-то свою запись. Короче, все жмотились, как могли, и обычно кассету жертвовал я. И постепенно у меня не осталось кассет с музыкой, которую я любил, но зато была целая коллекция наших концертов. Сейчас я их выложил на своей странице на kroogi.com.



А очень скоро пришлось продать и магнитофон, чтобы расплатиться за следующую запись. Но сначала мы смотались с концертами в Москву! Сначала расскажу про это.

24. Первая гастроль. Леша Горшенев

Мало-помалу группе стало тесновато в рамках одного города. Мучительно хотелось поделиться своим творчеством с другими людьми. Чтобы они почувствовали то же, что и мы. И мир стал бы другим.

Административных навыков у нас не было никаких – ни связей, ни информации. Делали все вслепую и наугад. Короче, зашел я однажды в гости к своему однокласснику, который, кстати, жил в том же доме, где и Горшок. И договорились с ним, что он будет у нас директором, – Дима Васильев по прозвищу «Лысый».

У нас появился директор, и это было круто. Хотя бы потому, что это круто звучало! И решили мы с ним, что было бы замечательно сделать концерт в Москве. Взяли два билета, переписали несколько своих песен на кассеты (напомню, что никаких «официальных» альбомов у нас еще не вышло) – и вперед! Мы бродили по московским клубам и пытались если не поразить людей, то хотя бы заинтересовать своей музыкой. Нам тогда казалось (да и сейчас мне так кажется), что для группы главное – иметь хорошие песни, и тогда все нам будут рады. Заинтересовать мы смогли только заслуженного деятеля постапокалипсиса по имени Акакий Назарыч Зирнбирнштейн, впоследствии ставшего безумно знаменитым своей игрой в группе «Тайм-Аут». Он трудился в клубе «Секстон-ФоЗД» и совершенно подкупил нас тем, что был все время сильно пьян и чрезвычайно приятен в общении. Он даже пообещал оплатить нам дорогу! Впрочем, надо заметить, что в те времена билеты на поезд стоили дешево, а вот в Москве цены были совершенно неадекватные.

Первая поездка за пределы Питера! Ура! Состав участников: Горшок, Князь, Балу, Рябчик, Лысый и Леша Горшенев. На тот момент уже были записаны основные песни, ставшие впоследствии знаменитыми: «Садовник», «Холодное тело», «Блуждают тени», «Злодей и Шапка», «Рыбак», «Мотоцикл», «Мария», «Два друга», «Сапоги», «Охотник», «Истинный убийца», «Лесник», «Помоги мне!», «Воспоминание…», «Кукольный театр», «Валет и Дама», «Веселые тролли», «Отец и маски» и многие другие. Что тут скажешь? Готового материала у нас была целая куча!

В Москву приехали раным-рано и в 7 утра уже были у клуба. Почему-то нам казалось, что раз мы у них сегодня играем, то нас там должны обязательно ждать. Никто нас, конечно, не ждал, и мы прямо в клубе устроились спать на стульях, ибо устали.

Проснулись и отправились гулять в окрестностях метро «Сокол». Денег не было вообще. И тут нас выручил Рябчик, точнее, его папа. В те выходные как раз происходил какой-то очередной обмен денег, а папа дал Рябчику купюру, которая в магазинах уже не действовала, но ее можно было разменять в сберкассе. Отстояв многочасовую очередь, мы и разжились деньгами. Отправились в пельменную, съели пельменей с бульоном и стали обладателями нескольких банок пива. Жизнь налаживалась.

В клубе «Секстон», где мы собирались играть, было мило, стильненько и богато. К вечеру туда понаехала куча байкеров, каких-то телок в коже и просто небедной молодежи. Сначала перед сценой стояло человек 20–30, а остальные бухали в зале. Мы вышли на сцену, постепенно расслабились, разыгрались и разогрели народ. Кто-то вылез танцевать к сцене (и даже на сцену), кто-то старался петь с нами (слов никто не знал), кто-то просто стоял, разинув рот. Короче, всем понравилось. Потом был перерыв, и мы снова играли.

А после нам предложили выступить еще и на следующий день. Было много веселья. У меня в голове осталась только музыка. Не помню, где мы ночевали, только утром, уставшие и замученные, добрались до вокзала и сумели купить обратные билеты только на вечер. Силы иссякли, и мы ровным рядом в обнимку с гитарами полегли спать прямо на полу у дверей из кассового зала в зал ожидания.

Фестиваль в Манеже, июнь 1995 года. Фото А. Настальская

Для полноты картины давайте послушаем, что может вспомнить по этому поводу Леша Горшенев, наш барабанщик в те веселые два года.

Леша. Выехали мы абсолютно неподготовленными к гастролям, абсолютно не понимающими, о чем идет речь, лично я выехал без каких-либо приспособлений для игры на барабанах – без тарелок, без рабочего барабана, без педали для бочки. Люди московские, глядя на меня, вообще не отлуплялись, че я сюда приехал (смеется), для них это было, знаешь, типа «у барабанщика должно было быть с собой все, вплоть до железа, а ты как лузер. Как ты вообще здесь оказался?». Ходили, разводили руками, обещали найти, нереально удивлялись… На сегодняшний день это естественно – иметь все свое, да и тогда было в порядке вещей, но не у меня. Я вообще хаотично попал в группу.

Самоучка, самоделкин. Кроме того, мы выехали вообще все без денег, вообще категорически у нас ни у кого не было ни рубля.

Балу. Да, деньги были не предусмотрены.

Леша. Это была наша первая поездка. Когда дело дошло до обеда, оказалось, что обед клуб зажал, и что мы в свободном полете, и тут оказалось, что у Димы Васильева, нашего первого администратора, есть какие-то маленькие деньги, и мы с ним сходили на мини-рынок возле метро, купили черный хлеб, кусок сала и зеленый лук. Это вот реальная история. Это был обед для всей группы. После этого начался концерт, и этот концерт поразил всех тех, кто отвечал за музыку в том клубе, потому как слушателей особо не было, в основном работники клуба и байкеры, и поразил так сильно, что они нам предложили еще и второй концерт сыграть. И уже на второй день нашего выступления клуб с большой щедростью выделил нам две больших тарелки с бутербродами. Помнишь?

Балу. Да-да, точно, вспомнил!

Леша. Играли абсолютно за бесплатно. Вот этот случай я запомнил на всю жизнь: что в столице мы ели черный хлеб, сало и зеленый лук и не ворчали. И это было как бы в порядке вещей, т. е. не было такого «ну ни хера, охерели!», понимаешь?

Балу. Еда не была в списке необходимых вещей.

Леша. Ну да, это такое было отношение, знаешь, типа «ну поели и поели, а нет – так нет, хрен с ним». Еще я помню, как среди пришедших нарисовались слушатели в малиновых пиджаках, и между ними произошла ссора, или между этими ковбоями мотоциклетными. Помню, мы с Андрюхой вышли в туалет, а там раковина разбита и все в кровище, и мы такие стоим в туалете и думаем: вот это прикольно вообще, вот это деятельность клубная! Так че еще было-то?! Еще мне понравилось – я вместо бочки играл в том! Это тоже забавно.

Балу. А ведь точно, блин! И звук потом еще на записи такой легкий был! Вот я не помню, ты ногой играл или палочкой?

Леша. Палочкой! Ну как, ногой-то? Мне москвичи нашли «рабочий» барабан, хай-хэт. Педаль – дело серьезное и никто не дал на пользование. Палочкой играл в том, как будто это была бочка. Умудрялся какими-то еще вариантами играть в тарелку, в крэш. У меня один был крэш, мне его дали, (смеется).

Балу. Цирковой какой-то прям вариант.

Леша. Да ваще! Цирковой номер, да-да (смеется). Забавно!

Балу. Ты ж с нами два года почти играл?

Леша. Да, но вот еще гастролей-то я уже не помню, по-моему, их больше и не было в это время.

Перед поездкой в Москву я попросил у мамы денег и купил

две кассеты «Сони», на которые мы и записали эти концерты. Позже эта запись стала одной из самых популярных среди наших поклонников. Где эти кассеты, сейчас сказать трудно, но, возможно, они еще всплывут. По-моему, одну взял послушать мой приятель Юрка Кулаков, а вторую Горшок, по его словам, отдал Сергею Фирсову для отправки в Лондон.

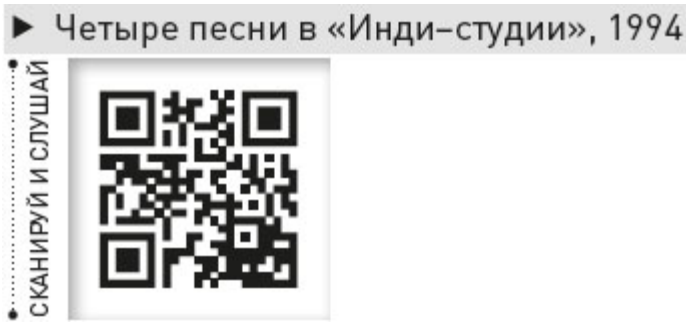
25. Электричество в «Инди-студии», 4 песни, 1994

Кстати, о пленках. Хотя во время записи первого электрического альбома «Истинный убийца» нас морально поддерживали и помогали советом такие дико продвинутые люди, как Миша Кольчугин и Сергей «Пельмень» Живков (группа «Собака Це-Це»), качеством записи мы были не очень довольны. Хотелось чего-то нового и большего. Тем более, что все «профессионалы» уверяли нас, что эти записи очень низкого качества. А мы были доверчивы и неопытны. Я прослушал эту запись сейчас – и качеством, и энергетикой очень доволен.

Афиша «Король и Шут» в клубе ГаМГат. Автор А. Князев

А тогда прослышали мы, что в ДК Ленина, где-то у метро «Пролетарская» открылась новая студия под названием «Инди». И решили там записаться. По-новому записаться. Качественно. Отобрали четыре самые яркие песни: «Мотоцикл», «Веселые

тролли», «Вячеслав» и «Сапоги мертвеца». В студии писали на продвинутую по тем временам дат-кассету, (которую мы купили вскладчину), был такой формат. А дат-кассета цифровая, поэтому никто не скажет, что запись низкого качества. Так нам казалось.



После окончания записи мне подвернулась удачная халтурка: я сложил печку (даже с камином). На все деньги я купил четыре этих самых редких по тем временам дат-кассеты, скопировал на них студийную инди-запись и начал обивать пороги радиостанций. Все обошел, ну или почти все. И услышал новую отмазку: «не наш формат», говорят. Причем говорили это те же люди, что через семь-восемь лет будут зазывать нас к себе и хвалить взахлеб. Мне по секрету, в конце концов, намекнули, что «неформат» означает «дай денег». Ха! Платить деньги за прокрутку на радио! Мы были принципиальные противники такой политики. Денег у нас, конечно, не было, но даже если бы и были, платить мы бы не стали. Попытка попасть на радио была мой собственной инициативой, но на самом деле и так стало ясно, что нас никто не принимает. Мы занимались своим творчеством и никак не пересекались с существующей музыкальной реальностью. От старших коллег-музыкантов помощи не было тоже, над нами откровенно смеялись: «Сказки они поют! Ха-ха. Ребята вы хорошие, но сказки… Это же все не серьезно. Поймите, вы же позорите русский рок!»

Клуб ГаМГат, сентябрь 1995 года. Рис. по фото А. Настальской

26. Альбом «Будь как дома, путник», 1994

Опыт работы в «Инди-студии» показал, что мы можем записаться качественно. И зимой мы снова встретились с Мишей Кольчугиным и договорились записать полновесный альбом.

Тут, кстати, вспоминается забавный случай. Постоянного дохода ни у кого из нас на тот момент не было. Кроме Поручика. Поручик мутил тему с нашим одноклассником Лысым, тем самым, который недолго, но плодотворно потрудился у нас директором, – развозил по музыкальным магазинам всякие подставки и кейсы для CD. Покупал дорогие шмотки и все рассказывал, какой он бизнесмен. Ну да конь с ним! Сидим, значит, договариваемся с Мишей о деньгах. Договорились по 50 баксов с носа, то есть на все про все 250. И вот тут Пор, ни с того, ни с сего, заявляет небрежно: «Пусть будет 300!» И смотрит свысока. Миша, конечно, согласился. А мы припухли от такой заявы: даже полтинник найти по тем временам была задача не из легких. А Пор говорит: «Да я сотку заплачу – и все!» Зачем? Почему? Что у него в голове происходило на тот момент? Я не знаю. Но, забегая вперед, скажу, когда пришел час расплаты, Поручик вообще денег не дал и заявил, что уходит из группы в бизнес. Горшок, который вместо 50 бачей сумел набрать только 40, взбесился. Мне с трудом удалось их помирить. Но это же были мои друзья, и я принимал их такими, какие они есть. В итоге снова пошел занимать денег у мамы. И из 300 долларов за альбом 160 заплатил я.

Концерт в клубе ГаМГат, октябрь 1995 года. Фото А. Настальская

Когда впоследствии эту запись Шумный пристроил издаваться на мелкую студию Awesome Records, продажи шли только в одном магазине, и нам стали капать небольшие деньги. Маленькие, но это были деньги за музыку! И мы их честно делили на четверых, без Поручика, на что он очень обижался, причем так, что Горшок ужасно стеснялся и старался делать это тихо. Сейчас вспоминаю и удивляюсь: почему никому и в голову не пришло сказать ему, что он ни на запись денег не дал, ни на барабанах там не играл. Такие мы были трогательные и нежные…

Но вернемся к записи. Студия Миши Кольчугина переехала на Сенную, хотя, может, это Миша перешел работать в другую студию, фиг знает. Потом она стала называться «Нева». Назвать альбом мы решили «Будь как дома, путник!» и большинство песен

взяли из предыдущего альбома, изменили некоторые аранжировки, добавили новые песни. И вообще постарались серьезно отнестись к вопросу качества звука. Процесс был долгий и муторный, мы все время что-то переписывали и переделывали, к тому же Поручик, который сменил Лешу на барабанах, вообще не смог сыграть ни одной песни ровно. Не приспособлен оказался к студийной записи. Выручил нас барабанщик Денис Можин по прозвищу Дэне, потрясающе добрый и интересный человек. Он в то время играл в какой-то металлической группе и как раз проходил мимо. Между прочим, человек интересной творческой судьбы, сейчас он трудится в дружественной группировке «Ленинград», тоже на барабанах. Спасибо тебе, Дэне, ты нам очень помог!

Мы хотели назвать альбом «Мастера кукольных дел», но что-то нас остановило. Бас писали через 500-ватную кинаповскую колонку, что еще в древних кинотеатрах стояла. Денег, как обычно, не было, и нас очень выручал Князь. Он рисовал нам транспортные карточки. Бумажные такие карточки для проезда в метро и на наземном транспорте. Просто цветными карандашами – если приглядеться, то видно, что рисунок, да еще и не очень убедительный. Но всегда прокатывало. И это очень нам помогало. Спасибо, Андрюха!

А про альбом, ну что сказать про альбом? Круто было записаться, да еще с профессиональным барабанщиком. Конечно, это была веха в нашей жизни. А о песнях подробно я лучше расскажу вам в главе, посвященной второму «официальному» альбому «Короля и Шута», который вначале назывался «Король и Шут», а при очередном переиздании мы вернули ему имя «Будь как дома, путник», так как на нем мы переписали все песни с этого альбома.

* * *

Примерно в это время произошло еще одно важное событие. Я по объявлению в газете купил гитарный тюнер «Ямаха». А то, бывало, мы могли по три (!) часа настраивать гитару на репетиции. Именно тогда я познакомился с Ромкой. Впоследствии он стал нашим аппаратчиком, т. е. поставлял нам комбики, микрофоны и прочую хрень по умеренным ценам, а главное, в кредит.

27. Путч

Когда в августе случился путч, я сидел дома и никого не трогал. Вдруг звонит Горшок.

– Видал, чего случилось!?

– Где? – говорю.

– А ты телевизор включи!

Я включил. Там балет «Лебединое озеро».

– Ну, беда! – я ничего не понял, но насторожился.

– Короче, я сейчас к тебе, разберемся! – Горшок повесил трубку и через пять минут был у меня.

Снова включили ящик. Там какой-то старый пень чего-то вещает – ля-ля, три рубля и снова то же самое. И вдруг Горшок тычет пальцем в экран и кричит.

– Слышал, чего они задумали!? «Ограничить продажу спиртных напитков», говорят!

Мы прекрасно знали, что нужно поступать вопреки всем запретам. Взяли бидончик и пошли за пивом. Пиво, как оказалось, запретить пока не успели, в очереди в ларек никто ни о каком путче не слышал.

Вернулись ко мне, открыли окно, уселись на подоконник, стали петь, выкрикивать революционные лозунги и следить за проходящими внизу гражданами. Мало ли что начнется, а мы прозеваем! Но ничего не произошло. Даже прохожие не реагировали, ошибочно принимая нас за обычных хулиганов.

Тогда мы сочинили такое произведение:

Что там за крики «Хэй! Хэй! Хэй»?
Это коммунисты бьют детей.
Что там за крики «Хэй! Хэй! Хэй!»?
Это пацифисты бьют детей.
Что там за крики «Хэй! Хэй! Хэй!»?
Люди всего мира бьют детей.

и припев:

«Это старое поколение
Воспитывает себе смену!»

Потом нам все надоело, и мы пошли гулять. Поэтому если меня потом спрашивали, что я делал в августе 91-го, я неизменно

отвечал: «Пиво с Горшком пил». И вряд ли кто-либо провел это время с большей пользой.

* * *

Все музыканты делятся на два вида. Одни издают звуки и печально смотрят, провожая уходящие из мира ноты, а другие отправляют ноты непосредственно в мир. И совершенно не важно, если идеально отыгранный по энергетике концерт в Кургане (например) не сохранится, и его услышат только те, кто пришел. Да и из них не все поймут, что именно произвело на них такое впечатление и к чему им удалось прикоснуться. Все равно что-то останется в их душе, что-то станет лучше и гармоничней. И вот для этого мы и играли.

Или скажем еще понятнее.

Одни издают звуки и печально смотрят им вслед, провожая навсегда ушедшие из мира ноты, а другие как будто бы делают тоже самое, но в твердой уверенности, что вселенная слышит их, и они приносят гармонию в мир, они творят непосредственно в вечность и верят, что ни одна сыгранная нота не пропадает даром. Из этого, кстати, следует и умение не извлекать лишние ноты. Ведь паузами и отсутствием лишних нот в песне зачастую можно сказать больше, чем издав какие-то звуки, но это уже совсем другая история…

Концерт в Военмехе (с Маррадерами, Вибратором и АУ),

июль 1996 года. Фото А. Настальская

28. 90-е

Итак, где же мы тогда играли?

«Тамтам», «Гора», «Тэн», Wide side, «Джем», «Лесопилка» – маленькие клубы, маленькие залы. Потом «Полигон» в ДК, кажется, «Красный Октябрь», там зал был уже побольше. Нужно сказать, что в те времена администрация клубов платить артистам не особо стремилась. А чтобы не платить, проще всего было устроить «фестиваль» – в один вечер выступают, например, три группы. И скажите, мол, спасибо, что позвали и дали возможность выйти на сцену. Нам это казалось ужасной несправедливостью, и мы как могли с нею боролись. Дело не в деньгах, дело в принципе. И многие музыканты говорили нам за это спасибо.

Если за выступления и платили, то обязательно старались нае*ть. Смотришь – в зале человек 200, а тебе говорят, что продали 80 билетов. Помню, мы только написали песню «Рыбак» и в первый раз ее играли именно в «Полигоне». Клуб был знаменит жлобскими объявлениями на всех углах: «Уронил микрофон – штраф $ 100», «Поставил пиво на сцене – штраф $ 20», «Закурил в гримерке – штраф $ 15» и все в таком духе. Может, оно и по делу, но больно по-совковому и явно преследует цель не предупредить нарушение, а обидеть артиста. Так вот, один раз Шумный встал в дверях и стал тупо считать, сколько людей входят по билетам. Сразу прискакал Паша Клинов, который называл себя хозяином клуба, и дико обиделся: как так, вы нам не доверяете? Как можно вести с вами бизнес, если вы нам не доверяете? Суть этого явления мне потом разъяснил один московский промоутер. Пойми, говорит, все промоутеры считают себе честными людьми и очень обижаются, если начинаешь их проверять. Они ведь платят артистам и не лезут в творчество. А если на билетах и прилипнет к рукам долларов 200 или 700, так это не воровство, а накладные расходы.

Потом «Полигон» переехал в другое помещение на Лиговке. Хороший зал, в центре. И поскольку народ на наши концерты приходил всегда, Паша Клинов стал с нами дружить и перестал замечать, что мы ставим пиво на сцене. Там, однажды летом, но значительно позже, мы и записали видеокнижку «Праздник Скоморох».

В клубе «Лесопилка» рулил Игорь по прозвищу Мутноглазый. И он после нескольких успешных концертов предложил нам сделать сольник в другом зале. Сольный концерт! Не в клубе, а в нормальном зале, снятом специально для этого. Вот это прорыв!

Были напечатаны афиши. Снят ДК им. Шелгунова, что на Шамшева. И настал великий день. Мы очень ответственно готовились, много репетировали, подготовили несколько новых песен. Но главное – на концерт пришли люди. Фанаты. Не просто в клуб, а в незнакомый ДК, находящийся неизвестно где. Пришли, чтобы послушать нас.

Потом нам устроили концерт в ДК им. Горького на Нарвской. Снова аншлаг, да такой, что администрация пожадничала и впустила слишком много людей, которые моментально снесли деревянный барьер в зале. Игорь Мутноглазый на все это посмотрел, да и слился куда-то с бабками, больше мы его не видели.

Дома культуры закончились, впереди были дворцы спорта. «Юбилейный» – дело серьезное, поэтому мы отправились в серьезную фирму «СП-концерт» и стали вести переговоры. Торчали там днями, старались контролировать каждый шаг. Пресса, эфиры, аппарат, да много чего. А репетиций же никто не отменял. В итоге отыграли концерт, все довольны, я вернулся домой на метро и лег спать. Устал очень.

Мы уже выпустили два, а записали три альбома. Собрали в Петербурге дворец спорта. Пора было двигаться дальше. Но ни в Москву, ни в другие города России нас никто особо не звал и гастролей нам устраивать не собирался.

29. Анфиса

Пришло время рассказать о первой жене Горшка, прелестной девушке Анфисе. Она в нашей истории сыграла немалую роль – не как член группы, а как первый и самый преданный фанат.

Девушкой она была не просто красивой и эффектной, а просто каким-то воплощением женского начала и сексапильности.

Хотя любили мы ее не только за это. Кажется, она приехала в Питер из Лодейного Поля, окончила тут хореографическое училище, работала танцовщицей экзотических танцев. Горшок с ней где-то познакомился и через пару месяцев позвал меня к ней домой. У нас было негласное правило: обязательно, чтобы его девушка нравилась мне, и наоборот. И, естественно, чтобы она понимала и уважала то, чем мы занимаемся. За год до этого Горшок расстался с одной красавицей и на мой вопрос «Почему?» ответил:

– Так, ты ж сам сказал, что она дура!?

– Я сказал, но это мое мнение. Ты же себя должен слушать, не окружающих.

– Да я и не слушал. Просто ты сказал, а я подумал, а на хрен мне такая дура? Перед друзьями неудобно.

Я тоже как-то встречался с милой брюнеткой, которую почему-то не восхищал Горшок. Я старался этому не придавать значения, тем более что Горшок терпел ее ради меня. Но однажды я попробовал ей объяснить, что Горшок – мой самый близкий человек, и это на всю жизнь. Тогда она попросила меня выбирать. Ну, понятно, что было дальше…

Так вот, Анфиса мне сразу понравилась. Она все время улыбалась и вообще была человеком крайне жизнерадостным и целеустремленным. Никогда никого не слушала и обо всем имела свое собственное мнение. И всегда внимательно прислушивалась к словам тех, кого она любит и уважает.

С их женитьбой смешно получилось. В нашем кругу вообще-то официально оформлять отношения было не принято. Денег-то не было. Угостить пивом, цветы подарить – это одно, а квартиру снимать – совсем другое. О какой свадьбе может идти речь, если праздновать не на что, а жить потом придется с родителями?

Я, правда, к тому времени уже успел жениться, у меня сын даже родился. На какой-то Новый год родители Горшка уехали, и он устроил тусу. Там мы с Инной познакомились и больше уже не расставались, устраивали совместные веселья и беспределы. Потом она сказала, что родители-юристы гнобят ее за

аморальный образ жизни. Тогда я как честный человек предложил узаконить наши отношения.

Так вот, Горшок подходил ко мне за советом – я же единственный женатый человек был. Что да как, да и надо ли вообще.

– Знаешь, – говорю, – штамп в паспорте ничего не значит. Прислушайся к себе: если любишь ее больше всего на свете, больше своей жизни, то женись.

И через какое-то время Горшок с Анфисой зазывают меня в гости и говорят, что все решили. Мы взяли пару бутылок «Медвежьей крови» и поехали в ЗАГС нашего района. Помню на улице стоял мороз, но нам было смешно и весело.

И с тех пор долгие годы они все делали вместе. Слушали одинаковую музыку, ведь музыкальным образованием Анфисы занимался Горшок. Он же, как мне кажется, научился у нее не просто идти своей дорогой, а еще и не обращать внимание на то, что говорят за спиной. «Они не стоят твоего внимания. Это неважно, а, значит, этого не существует». Такая вот у нее была философия.

Когда я приходил к ним поиграть на гитаре и поучаствовать в придумывании новых песен, Анфиса всегда уходила на кухню. А если мы ее звали, то она смотрела на происходящий процесс, как на какое-то священнодействие.

Ей и правда все очень нравилось. Помню, однажды сидели мы, разбирали новую мелодию Горшка (из нее потом «Невеста палача» получилась), и вдруг влетает в комнату Анфиса, кидается Горшку на шею и начинает со слезами его расцеловывать, а потом и меня за компанию.

– Это, – говорит, – что-то сверхъестественное и неземное. Это будет не просто какой-то сраный хит, это останется навсегда. Какие же вы молодцы! Кто это сочинил?

Ну, я там ни фига не сочинил, просто на гитаре подыграл. А Горшок и говорит:

– Просто все вещи и мысли – ты только начинаешь понимать, откуда и почему они к тебе пришли, они уже – бац! – принадлежат кому-то другому, И ничего ты тут не поделаешь. Можно только вцепиться и начать грызню за несуществующее право ими обладать, но тогда вселенная перестанет смеяться вместе с тобой. И останешься ты один с отвоеванным кусочком собственности.

Что тут скажешь, друзья? Любовь.

Я как-то пожаловался Горшку на то, что ребенок и жена отнимают много времени, и группой я занимаюсь все меньше. А он ответил:

– Так ведь и ты поменялся. Группой ты, может быть, занимаешься и меньше, зато более качественно и более ответственно.

И добавил:

– Шура, понимаешь, когда ты любишь, смотришь на мир по-другому, вещи, которыми ты зря занимался в жизни, становятся неважными, а действительно важные приобретают новый вес, красоту и силу.

Лучше и не скажешь. Так что спасибо тебе за все, Анфиса, наш самый преданный фанат! Живи, мечтай и улыбайся чаще. Где бы ты ни была.

30. Татьяна Ивановна

С Татьяной Ивановной Горшеневой, мишкиной мамой, мы в последние годы много общались. Я старался ее поддерживать, присылал подарки, мы обменивались фотографиями. Но звонить мне всегда очень трудно: у человека умер сын, что тут еще скажешь? Что спросишь? Но для того чтобы я вспомнил события нашей юности и узнал о том, чему позже свидетелем не был, мы договорились созвониться по Скайпу.

Балу. Давайте вспомним или попробуем сравнить наши воспоминания о ранних годах, когда мы с вами только познакомились.

Т.И. Я вспоминаю, как вы играли у нас дома, и как я в 11 часов приходила и вытаскивала вас со всеми тремя этими гитарами. Миша был в бешенстве, а остальные все: «Ой-ой» – и быстренько разбежались. Миша кричал: «Мама, мы бы еще попели!», а я ему отвечаю: «Нет, все! Надо правила исполнять».

Балу. Да, точно так и было. Вы нас еще перед уходом часто пытались какими-нибудь котлетами накормить.

Т.И. Котлет я не помню. Наверное, так быстро уходили, что… *(смеется)* Ты-то сам что хочешь вспомнить?

Балу. Ну, так сразу не вспомнишь, столько лет дружили, 25 лет.

Т.И. Да-да, вот я, знаешь, подумала, у Кинчева 25-летие группы. А я посчитала – у нас тоже 25-летие.

Балу. Ну да, больше даже. А помните, как барабаны притащили к Вам в квартиру?

Т.И. Да, это мы купили барабанную установку, и тогда началось самое… (смеется) для соседей счастье.

Балу. А, кстати, мы какое-то недолгое время репетировали в детском садике, это кто нас пустил туда? Вы или моя мама?

Т.И. Так я, а кто же еще, договорилась.

Балу. Это внизу ваш садик был, да? А то я думал, мы и в другом еще репетировали, репетировали, где только могли.

Т.И. Да, может, в тот твоя мама пустила. Везде нужно стараться, правильно. Под лежачий камень вода не течет.

Балу. Мы закончили школу, и пошел Мишка в лицей. Кстати, как он назывался то? ПТУ? Я все время путаюсь.

Т.И. Реставрационный лицей! Никакое не ПТУ! Там и Цой учился.

Балу. Да, я забыл слово лицей. Не училище.

Т.И. Там он встретился…

Балу. С Князем. Он ничего об этом не говорил? Может, он

сказал что-то, например, я познакомился с одним придурком:)))

Т.И. Ну, у нас тогда речь не шла о том, кто с кем. У нас дома шла отечественная война. Поэтому там надо было обороняться, наступать нельзя, а обороняться надо было.

Балу. А как Миша закончил лицей?

Т.И. Я туда ходила, и мне дали справку, что он учился. Посмеялись еще – сказали, вы что, диплом хотите?.. Но дали, дали все-таки, что окончил курс, и диплом, я его тут держу. Вот: диплом Горшеневу М. Ю. Ленинградское Реставрационное Училище. 22 мая 1991 года, окончил курс с получением среднего образования по профессии реставратор декоративно-художественных покрасок. И выписка есть, какие оценки.

Балу. Ну двоек нету, пятерку вот там вижу.

Т.И. Все тройки, одна четверка: Этика и психология семейной жизни! *(смеется)*

Балу. Умереть не встать.

Т.И. Да, еще «рисунок и основы композиции» четыре. Так что было у них там пороху маленько.

Балу. Значит, закончил училище с дипломом реставратора, так и скажем.

Т.И. Нуда, все как бы официально.

Балу. А потом он сразу пошел туда в Эрмитаж работать или еще помыкался?

Т.И. В училище мне сказали: хорошо, мы ему дадим справку, только он нигде по специальности работать не сможет. Я говорю: так как же он деньги то будет зарабатывать? Потому что у него на все это аллергия, ему нельзя красить, ему ничего нельзя. На высоте, врач писала, ему нельзя работать. А он в «Тодце»-то прыгнул! Свалился! *(смеется)* Руку тогда повредил. Ну, они там, конечно, белили что-то, красили, в Эрмитаже-то. Ну, это он уже ушел из дома. Поэтому особенно Мишу было не расспросить, что там и где.

Балу. Ну, он приходил же домой.

Т.И. Никуда он не приходил. Потом уже когда-то, когда надо было в армию идти, Горшенев устроил его на работу, тут рядом цементный завод. Там у него история была тоже, знаешь, да? Как он спину надорвал. Пришла машина с цементом и вдруг у нее отваливается борт. И Мишка держал этот борт, представляешь, один! Он мог бы вообще плюнуть на все и сказать: «Да похер! Пускай валится все!» Нет, он держал, спину надорвал. У него и так она кривая, так еще надорвал. Потом на молочном заводе работал, Горшенев сказал: «Чего это мы тебя должны кормить? Иди, работай, зарабатывай». Так он даже молоко приносил, представляешь? С молочного завода. Вот тут рядом у нас в

районе.

Балу. Потом после молочного он устроился грузчиком на «Степана Разина»?

Т.И. Да, что-то такое было. А потом, когда в армию пришла повестка, и вы с ним вместе на комиссию поехали, Горшенев договорился, чтоб его взяли в погранвойска. Вы пришли. Комиссия посмотрела и сказала: не годен. А он так радовался: я в армию пойду, в погранвойска! И облом такой. А я думаю: слава богу, а его там убили бы.

Балу. Поехали дальше, по порядку. Мы год в Эрмитаже жили. Он к вам заезжал все-таки?

Т.И. Нет, я же говорю.

Балу. Он говорил: я заехал, папы нет, курочку съел.

Т.И. Ну, это знаешь так, налетом таким, когда курочку съел и быстренько…

Балу. Он потом неделю рассказывал – вот, я там поел, сразу и первое, и второе, и третье, маму повидал.

Т.И. Ну разве что. О тех годах у меня воспоминание только негативное, потому что, когда война и мир… не очень, надеешься на лучшее. Все становилось хуже и хуже.

Балу. У Миши с Юрием Михалычем?

Т.И. Да, отец очень строгий был.

Балу. А когда мы уже записали первую пластинку, он приходил хвастаться?

Т.И. Да, он мне тогда песню поставил. Музыка была потрясающая, но когда я услышала слова… Там слова такие были:«… доносится с помойки какой-то запах». Я спрашиваю: «А нельзя как-то…». А он говорит: «Нет!»

Балу. Да-да, я знаю эту песню: «Я слы-ы-ышу мертвых голоса… лица коснулся свежий ветерок»… Хорошая песня. «Кладбище» называется.

Т.И. Музыка хорошая. И «В воспоминаниях о былой любви» тоже прекрасная мелодия, но это позже вы записали.

Балу. «Кладбище» мы просто записали дома на магнитофон. А когда уже первую официальную пластинку издали, он не приносил?

Т.И. Не осталось в памяти, я такое стирала, когда было много негатива… Радостное, наверное, стиралось этим негативом. У Миши же там шлейф.

Балу. Вы вот про отца его говорите. Но у меня-то как хватало наглости в рваных джинсах с заплатками заходить в дом то к вам?

Т.И. Такты у себя дома жил, а Мишка под рукой, его можно и поругать, и выгнать, но ты же все-таки гость, тебя не выгонишь.

На этом прервемся. Вторую часть нашего разговора я помещу в главу которая рассказывает о более поздних годах Мишкиной жизни.

31. Альбом «Камнем по голове», 1996

Чтоб не трезветь, не надо пить.

Балу

Но вернемся назад, во времена «Тамтама». На нашем горизонте появилась «Курицца».

Как-то после концерта в «Тамтаме» сижу я на подоконнике. И подходят какие-то мутные люди и начинают что-то вещать про нашу музыку, свою крутизну и всякие малопонятные вещи и вдруг до меня доносится: «…студия «Мелодия…» «Чего? – говорю. – Отсюда поподробнее!». Ну и выясняется, что они могут нас записать. Это было невероятно круто. Я даже не поверил. До сих пор мы сами платили за все: за инструменты, за запись, да за любой музыкальный чих. А тут можно записаться и не платить денег! Да еще на настоящей студии! Я так офигел, что даже взял их телефон. И сразу передал его Горшку и Шумному. Горшок телефон сразу потерял, а что сделал с ним Шумный, не знаю, потому как через несколько месяцев эти люди снова к нам пришли. Короче, как-то мы с ними договорились.

«Курицца» на тот момент состояла из двух людей – Алексея Ершова и Лысого Пита. Раньше они, по их словам, были ужасно крутыми, выпускали Курехина и «Аквариум», а теперь вот набрали всяких молодых групп. На самом деле у Алексея была фирма, занимающаяся ремонтом квартир, а Пит был просто левым штрихом, хотя и представлялся всем другом и водителем Гребенщикова. Но нас это не волновало. Мы могли записаться. И кто-то собирался выпустить наши кассеты.

И вот пришли мы в «Мелодию». Находилась она в премиленькой церквушке в начале Большого проспекта Васильевского острова. Яха взял в аренду у друга настоящую гитару «Фендер» в красивом пластиковом чехле. Мне Шумный надыбал у кого-то непростой бас «Ямаха», у которого было два выхода, а звук снимался активным и пассивным датчиками и четырьмя пьезодатчиками с каждой струны. Правда, поиграв на нем и покрутив его на спектр-анализаторе, записываться я решил на своем корейском «Джаз Басе» (или «Ария про два», фиг знает).

Когда настраивали аппаратуру (инструменты писались внизу, в церкви, а пульт стоял на втором этаже), кто-то крикнул в микрофон, что пора жрать. Ершов поступил щедро и выделил бюджет на булку, колбасу и сыр. И все следующие дни нам резала бутерброды очаровательная девушка Наташа, за свою красоту

получившая прозвище «Принцесса». Наш давний друг и поклонник. Это было очень круто, спасибо тебе, Наташа, за помощь и поддержку!

И вот встал вопрос, что именно записывать. Напоминаю, что к этому времени у нас уже был электрический альбом («Истинный убийца – Будь как дома, путник»). Песни с него слушатели знали и любили. Конечно, хотелось перезаписать их на настоящей студии. До этого мы записывались в студиях рангом много ниже, а все наши кассеты были, по сути, самиздатом. Сейчас выйдет официальный альбом, даже с настоящей типографской обложкой. Если рассуждать разумно, то стоило бы записать все хиты, самые лучшие проверенные вещи («Король и Шут», «Два друга», «Сапоги», «Охотник», «Лесник», «Валет и дама», «Отец и Маски», «Веселые тролли» и прочее). Но мы приняли очень непростое решение. Поспорили пару дней и поняли, что нужно записать новые песни. Большинство из них были придуманы относительно недавно и от предыдущего материала несколько отличались звучанием и аранжировкой.

Давайте теперь вместе с вами послушаем альбом «Камнем по голове». В наших обсуждениях также примет участие Князь.

Князь. Пара слов о концепции альбома «Камнем по голове». Это был наш самый первый «официальный» альбом, который мы записали на легендарной питерской студии «Мелодия». Песни для альбома были придуманы очень быстро в отличие от того материала, который был представлен в альбоме «Будь как дома, путник!». О последнем я еще расскажу, но, забегая вперед, отмечу, что, несмотря на даты официальных релизов, «Камнем по голове» был вторым по счету альбомом группы. Но когда мы стали сотрудничать с нашей первой коммерческой фирмой, то решили записывать именно свежий материал, поскольку на тот период старым пресытились.

В этот альбом попал и хит, который по времени ближе к материалу «Путника». Это «Мария», но, по воле судьбы, она оказалась именно в этом составе песен. То ли мы долго не могли придумать ей достойную аранжировку, то ли хотели иметь проверенный хит в новом материале. Точно уже не помню. «Камнем по голове» бесспорно принес успех группе, хоть и не сразу.

Балу. О! Спасибо, что добавил серьезняка в нашу беседу. А теперь к песням!

1. Смельчак и ветер

Балу. Насколько я помню, эту песню мы незадолго до этого придумали и прямо перед записью переделали, то есть поменяли аранжировку. В то время я оставил гитару и начал играть на басу, поэтому сыграл на нем свое гитарное соло после каждого припева, получилось круто. А стихи, вроде, не сразу придумали?

Князь. Я работал непосредственно с готовой мелодией и на нее накладывал текст. Поэтому насчет музыки ничего сказать не могу. «Смельчак и ветер» – это в некотором смысле уникальная вещь для «Короля и Шута». Потому что до этого я ничего в подобной стилистике не писал. Были брутальный «Мотоцикл», зловещий «Охотник», безумный «Кукольный театр». А чтобы такой вот залихватский рубаха-парень вышел в поле и начал с ветром тягаться, – таких вещей еще не было, так что текст получился довольно-таки экспериментальный. Я был морально готов, что его Миха не выберет, ибо он выпадал из общей стилистики. Аон прошел на ура. По мотивам песни «Смельчак и ветер» была написана еще одна тема – «Дурак и молния».

2. Скоморох

Балу. Песня появилась вообще случайно. Я сидел дома с температурой и играл на гитаре. Комбиков, естественно, никаких у меня не было, и я сумел воткнуть гитару в старый телевизор. На выходе из динамика даже какой-никакой перегруз пер. И помню, меня очень прикололо, что если брать одну струну открытой, а вторую на седьмом ладу (октава), то из телевизора раздаются потрясающие звуки. Я и играл три струны по очереди – ля, ре, ми, стандартный рок-н-ролл, в принципе. За мной зашел Горшок ехать на репу и говорит: «О! Что это за песня такая прикольная?». Я говорю: «Не могу никуда ехать, температура 40, еле хожу, блин». А он мне: «Тогда покажи песню, мы ее на точке без тебя пока сделаем». И я прямо в коридоре (Горшок даже ботинки не снял, так спешил) показал ему эти три аккорда.

Князь. «Скоморох» – это одна из первых шуточных песен «КиШа» без зловещего финала. Музыка ну никак не позволяла писать что-то брутальное, и я решил обратиться к фольклору. Я вспомнил скоморохов из фильма про Калиостро и начал писать про этого шалунишку.

3. Верная жена

Балу. Одна из наших самых сложных песен на тот момент.

Надо было соединить текст, который вначале читает Князь, с телом песни, да еще в конце куплета и припеве мы присандалили распевный хор. Короче, заморочились. В данном случае «мы» означает, что все партии, включая хор, гитару и бас придумал Горшок в одно жало! Человек!

Князь. Да! «Верная жена» – одна из песен-основоположниц «Короля и Шута» с текстовыми прологами. Она получилась весьма зловещей и атмосферной. Мне жаль было главного героя, но ничего с этим поделать не мог.

4. Садовник

Балу. Вот песня, у которой было штук пять разных аранжировок за все время существования группы. На этой версии я везде леплю басовые проигрыши, потому что, как уже говорил, перешел с гитары на бас. Все гитарные партии, включая соло, я придумал еще до прихода Яхи в группу так что ему осталось только скопировать их. Что он с успехом и сделал. А стихи же изначально были шуточные, нет?

Князь. В работе над текстом я фантазировал в направлении все того же деревенского фольклора, и сюжет разворачивался в голове по мере написания. Концовка выглядела зловещей, но именно к этому все и шло. Там же и появилась мораль: мол, женщины из-за своих прихотей и капризов могут, сами того не подозревая, подвигнуть мужчину на поступок, который ему потом может дорого обойтись.

Балу. Несмотря на столь серьезную мораль и смысловую нагрузку, все-таки есть ощущение, что песня написана с юмором.

Князь. А почти весь ранний «КиШ» с юмором. Все раннее, скажем так, до песни «Невеста палача», были шуточными. Вот «Невеста палача» – уже получилась серьезная вещь. А вот «Запрет отца», например, песня шуточная, черный юмор. «Лесник» получается тоже с юмором, с таким зловещим. «Охотник» тоже – в конце типа прикол. Ну, как «Байки из склепа». И «Садовник» – тоже была шуточная вещь. Ну или так задумывалась, *(смеется)*.

Балу. Как собственно и с «Марией».

Князь. Вообще во времена «Камнем по голове», «Будь как дома, путник», тексты в большинстве своем сразу попадали в точку. Это потом уже, много позже, когда множество тем было исписано, когда встала задача усложнения стихов, тогда уже приходилось переделывать. Несколько вариантов получалось. А в первых альбомах практически все тексты сразу получались, как надо, у меня очень мало в черновиках вторых версий.

Балу. Да ладно! Мы, когда в Эрмитаже жили, ты все время стихи переделывал. Я имею в виду не то время, когда альбомы записывали, а когда все это придумывали. Ты все время приносил разные версии, у тебя их по пять штук было!

Князь. Да? Ну, значит, я уже не помню, ха-ха-ха. Вообще, если посмотреть мои старые тетради, то они исписаны от корки до корки.

Балу. Насколько я помню, альбомная версия что стихов, что музыки разительно отличалась от изначальной. И почти все первые версии стихов времен «Валет и дама» стопудово отличались от окончательных. Помнишь, то Горшок говорит, что сюжет не тот, то Леша, – что рифма странная, я тоже лез с советами по улучшению. И ты переделывал, пока все не становилось совершенно идеальным.

Князь. Не совсем так. «Смельчак и ветер», «Охотник», «Лесник», «Мертвая женщина» были сделаны с первого дубля, но кое с чем приходилось и повозиться. Также был еще один нюанс – у Горшка были некоторые проблемы с дикцией, и не все у него легко выговаривалось. Скороговорки – не его конек. Он прикидывал, как текст будет выглядеть в его исполнении. Я боролся за смысл, а он в первую очередь парился за произношение и крутость. Потому что когда он пел эти песни, то примерял их непосредственно на себя. Он, помню, все время к вам бегал и советовался, как лучше.

5. Блуждают тени

Балу. Тут мы перекроили на новый лад нашу старую песню «Где по утрам восходит солнце». Князь взамен моего написал новый текст, и песня заиграла!

Князь. Да, все в группе любили эти стихи: такая загадочность, мистика и романтика в одном флаконе. В дальнейшем нашем творчестве такое появлялось нечасто.

Балу. Ты стихи писал на болванку без слов или на старую запись?

Князь. Я делал от песни «Где по утрам восходит солнце», по-моему, она из альбома «Ересь», или туда она не попала?

Балу. Нет, мы ее придумали и записали позже «Ереси».

Князь. И вот эта песня мельтешила-мельтешила, но она была лаптовая.

Балу. Что такое «лайтовая», поясни нам с читателями.

Князь. Лайтовая – это значит light, легкая. Это мое объяснение тех песен, которые звучат легко и хило цепляют.

Балу. Ты имеешь в виду, что веселую песню превратил в мрачную?

Князь. Изначально, когда Горшок придумал «Где по утрам», она пелась достаточно романтично. Если с чем-то сравнивать, то давай сравним ее с «А-На». «Где по утрам восходит солнце» – это некая «А-На». В «Камнем по голове» Горшок уже начал врубаться, как правильно нужно делать. Приложил панк-рок, видоизменил, насытил жесткими гитарами, поменял вообще всю концепцию в хлам. То есть, если сравнивать «Блуждают тени» и «Где по утрам восходит солнце», то это уже разные вещи, противоположные. Поэтому я уже работал с более жесткой музыкой, чем та, что была на твои стихи.

Балу. А помнишь, смешная была история? Аранжировку делали прямо на студии, впопыхах. И когда писали болванку (барабаны, бас и гитара), то просто оставили место для соло. И когда пришло время его писать, Яхов с Горшком часа полтора безрезультатно мучились. Причем отгоняли меня, когда я что-то пытался советовать. И когда они сдулись, я с понтом говорю: «Хотите сыграю?» Пошел в комнатку с комбом и гитарой и записал с первого дубля. Горшок мне: «Как так?» А я просто по настроению хотел разломать эту дорогую гитару. И чуть даже не сломал. То есть импровизация в чистом виде. Особенно смешно, по-доброму смешно было смотреть, как Яха, а позже и Рене пытаются по ноте скопировать для концерта эти звуки. Но ребята в итоге справились!

6. Внезапная голова

Балу. Насколько я помню, тоже новая песня. Снова относительно новый для нас прежних звук и аранжировка. Помню, что Горшок пришел ко мне домой и мы придумали штук 20 (!) вариантов басовых ходов (кто слушает вместе с нами песню, тот поймет, о чем я), и под конец я так опух, что перестал понимать, какой лучше, и согласился просто на последний вариант. Кто его придумал, не помню, врать не буду.

Князь. Текст, написанный в один присест. Я его принес Михе без каких-либо ожиданий. Мы с ним любили так прикалываться: я пишу что-то шуточное просто так, чтобы потом вдвоем посмеяться. Типа пошутили и все. Но иногда такие приколы попадали в точку. Я прикололся, а Горшок заценил.

Балу. Как и «Мертвый анархист», кстати, если я не ошибаюсь?

Князь. Там особая история, расскажу, когда дойдет очередь.

7. Шар

Балу. Не помню, зачем и почему мы вдруг решили записать кавер. Наверное, просто для смеха.

Князь. Это ж русская народная…

Балу. А на хрена мы вообще ее записали, не помнишь?

Князь. Слушай, если честно, я упустил это. В какой-то момент Горшок хотел долбануть чего-то такое… Не знаю, может, кто-то предложил ему?

Балу. Я помню, что какая-то причина была, но какая – не могу вспомнить. Ладно, всплывет еще.

Князь. Я помню причину Yellow Submarine, а «Шара» не помню.

Балу. Если буду про каверы писать, глядишь и вспомню.

8. Злодей и шапка

Балу. В плане музыки, это новая песня, хороший рифак, на котором все и держится.

Князь. Я очень любил писать тексты, которые можно было петь по ролям. «Злодей и шапка» – именно такая работа. В этой песне была скороговорка, которую Миха тут же переадресовал мне. Он бы сам замучился ее петь. А я как раз таки любил такое. Активное исполнение мне в ту пору нравилось больше. Сама песня о тщеславии со стебным зловещим финалом.

9. От женщин кругом голова

Балу. Тоже новая песня. Нам дико нравилось делать песни с такой структурой: в начале идет рассказ, а потом песенная заморочка. К ней еще комиксы смешные были в комплекте со стихами. Вы ведь знали, что наш Князь многогранен?

Князь. Помню, валялся у меня этот текст и ждал своего часа. Потом я нарисовал иллюстрацию к нему в своем альбомчике для рисования. В период работы над лесным альбомом «Будь как дома, путник!» подобные тексты не рассматривались, а в скоморошеском «Камнем по голове» «Невольница» (рабочее название этой песни) пришлась как нельзя кстати. Горшок в итоге накидал на нее музло, а идея родилась совместно. Сперва думали будет петь девушка, но потом все купились на мое писклявое исполнение.

- Душа моя тоски полна,
Ах, скажись, незнакомец милый,
Я здесь одна, совсем одна,
Прошу, спаси меня, помилуй!
Когда-б меня ты развязал,
Тебя-б всем сердцем полюбила,
Неужто каменный подвал,
На веки будет мне могилой!
- От женщин кругом голова!
Влюбись, хлопот не оберёшься,
А что любовь, одни слова,
И толку, братец, с них добьёшься!
Как говорил папаша мой,-
Последним делом бабу слушать!
Пойду-ка лучше я домой,
Желудок стонет, просит кушать.
Песня № 9 «Невольница». Рисунок А. Князева

10. Рыбак

Балу. Немного мистической лирики. От начала и до конца песня Князя. Мы только аранжировочку сделали.

Князь. Я каждое лето жил в деревне Голубково в Лужском районе Ленинградской области. Атмосфера того места сказалась на моем раннем творчестве. Когда я писал «Рыбака», то представлял наше Черменецкое озеро, как я иногда с лодки рыбачил и к вечеру возвращался домой. Однажды мне представилось, что прихожу я с рыбалки домой, а там все замерло, и я застрял в мгновении. Вот и появилась такая песня. Музыка была взята с моей ранней демозаписи, где я пел на «рыбе»[3], что, кстати, тоже имеет отношение к рыбалке, *(смеется)*

11. Мотоцикл

Балу. Еще одна вещь, аранжировка которой переделывалась очень много раз, песня-долгожитель, которая умудрилась войти сразу в несколько альбомов, вроде бы в три «номерных» и три концертных. Когда мы в первый раз попали на студию, она была в числе тех, которые мы записали. Как уже писалось выше, я

написал к ней музыку, когда нам было по 15, потом Князь написал стихи, и получилась песня «Звонок из ада». Позже Князь принес другие стихи, и получился «Мотоцикл». На этом альбоме мы ее записали, потому что только что придумали новую аранжировку. Впрочем, позже она еще не один раз видоизменялась.

Князь. Этот текст я написал на нашей точке в Эрмитаже. У нас уже был укомплектован альбом «Камнем по голове», точнее, была сделана полная программа, и мы готовились к концерту в «Тамтаме». Оставалась очень крутая музыка, но не было текста. Горшок очень хотел, чтобы мы ее спели. Она уже была полностью аранжирована и сыграна. Времени у нас не было, я уединился в своей комнатухе и начал думать. Я заставил всех куда-нибудь убраться, чтобы я их не слышал, и искал подходящую тему. Час примерно просидел. Мне казалось, что недоработок море, но Горшок завопил, что больше с текстом ничего делать не надо. На том и порешили.

12. Холодное тело

Балу. Тоже старая песня, но в новой аранжировке. Я в маниакальном рвении везде навести бас-гитарную красоту вставил в начале и после каждого припева басовый ход (похожий на ход в «Марии», но видоизмененный), который так и прижился. Что скажешь насчет стихов? Мы ее играли еще в Москве, в «Секстоне», с другой, правда, аранжировкой.

Князь. Вот этот момент потихоньку начинает всплывать в голове…

Балу. Она еще игралась на сильную долю в начале, пам-пам-пам-пам, пам-пам-пам-пам. Еще без басового начала, я ж тогда еще на гитаре играл, а на басу Рябчик.

Князь. Сперва был написан текст… Точнее, был написан текст на мою музыку, помню, такая мрачная мелодия была – под стать тексту. Я с этой песней ничего не делал. Потом, то ли Горшок написал другую музыку, повеселее, и я подложил этот текст, то ли Миха написал музло сразу на этот текст, – точно не помню. В итоге мрачная вещь неожиданно стала веселой.

13. Дураки молния

Балу. Новая песня. Моя любимая, потому что я обожал басовый ход в куплете.

Князь. Стихи написаны по мотивам песни «Смельчак и ветер», поэтому текст шел как вторичный. И мы с Горшком долго думали, запускать его или нет. Действительно, было над чем подумать. Пелся он очень хорошо, но сходство со «Смельчаком» было заметно. В конце концов решили, что такой текст еще пригодится, ну и не прогадали. Песня «Дурак и молния» по рейтингу даже поднялась выше и стала постоянным концертным хитом.

Балу. Точно, точно! Я помню, мы с Рябчиком вас уговаривали, мол, фигня, что похоже, зато круто!

14. Леший обиделся

Балу. Новая песня, даже вроде нигде не игранная. Если мне не изменяет память, стихи появились почти прямо перед студией?

Князь. Текст довольно своеобразный, шуточный и как бы слишком добрый. Когда я его написал, то не был уверен, что мы будем его петь, решил, что он слишком сказочный. Я планировал на следующий день написать что-то другое. Так, на всякий случай его принес. А все прикололись с этого текста. По-моему, Горшок тоже сперва колебался…

У меня была какая задача: если я писал текст на музыку Горшка, то в любом случае прислушивался к любому его решению. И если я с ним был не согласен, я оспаривал, но если видел, что Горшок абсолютно твердо решил, что это не годится, – я уступал, потому что он как автор музыки не должен петь то, что ему не по душе. Но в итоге «Леший» его покорил, после того как он текст примерил на музыку.

15. Два вора и монета

Балу. Все музыканты обожали эту песню. Особенно на концертах играть.

Князь. Да и мы с Михой тоже, тем более что в ней я написал небольшой пролог, разложил его по ролям. Вся песня построена на диалоге двух персонажей.

Балу. И в группе всех вдохновляло, что ты постепенно перестаешь быть просто сказочником-стихоплетом, а становишься равноправным вокалистом.

Князь. Сейчас, с колокольни нынешнего времени, я с ностальгией вспоминаю, как оригинально смотрелся такой вот панко-скоморошеский вокальный тандем. Хотелось больше таких песен, и Горшок тоже частенько предлагал мне написать что-то по

ролям, но на практике далеко не все мелодии подходили для этого.

Песня «Два вора и монета» стала лидером в этом стиле. Теперь что-либо другое сложно представить на эту музыку. В сюжете этой песни был спор двух бродяг, но наши слушатели не знают, что крылось за этим театральным спором. Нужно было на сцене разыгрывать сюжет, и Горшок начинал в мою сторону кидать экспрессию. Я отвечал ему тем же, но частенько мы заигрывались и начинали бороться на сцене, не желая друг другу уступать. Очень смешно! К слову, на протяжении всего времени мы постоянно возвращались к вопросам: кто из нас лучше борется, кто сильнее, и кто кого положит на руке. Мне сложно сказать, сколько вообще раз мы с Горшком валялись по полу. У него перманентно появлялась тяга помериться со мной силой, особенно в те времена, когда я качался. Чего только стоила борьба в Киеве возле гостиницы на газоне после рок-фестиваля, где мы поломали все клумбы и под одной из них нашли чью-то заначку конопли. Эту фигню наблюдали музыканты других групп. Смешно, что и охрана не вмешивалась. Все было, разумеется, по-доброму. А спарринг на кулаках в каком-то городе в шесть утра в горшковском номере после совместного распития? Я ему сказал, что он уже не такой боец, как в «тамтамовские» годы, и его бокс уже не тот. Я сказал, что если встану в защиту и не буду нападать, то он вообще не сможет меня пробить. Так и получилось. Он рьяно меня атаковал, но я читал все его удары и парировал. Градус у обоих был хороший. Потом произошло следующее: при очередном его выпаде я увидел, что у меня мизинец вывихнут в обратную сторону. В те времена у нас еще не было айфонов и инстаграммов, поэтому я это не сфоткал. Мы несколько секунд смотрели на это, как два барана, затем я дернул себя за палец, вернул его на место, и мы как ни в чем не бывало продолжили поединок. К слову, вывих на утро конкретно опух и заживал полгода.

16. Любовь и пропеллер

Балу. Тоже новая. С попыткой записать «грузинский хор» в середине и конце.

Князь. Текст песни был написан по наитию. Когда появились первые строчки о любви, я решил, что допишу песню в прикол и даже показывать не буду. Но в финале понял, что получилось забавно. Горшок любовную тематику старался не исполнять, но альбом «Камнем по голове» был своего рода экспериментальным,

и мы готовы были пробовать разные фишки. Его, конечно, коробило, что начинается произведение с таких, как бы попсовых слов, но общими мыслями пришли к тому, что фактор стеба перевешивает. Несомненно, ассоциации с Карлсоном тоже присутствовали, (смеется)

17. Камнем по голове

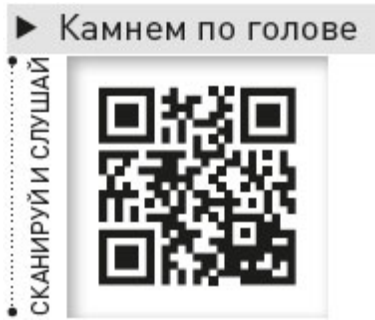
Балу. Моя самая любимая вещь в альбоме. Есть песни, которыми хочется гордиться, даже если ты просто рядом стоял и чуть-чуть помогал. Расскажи об истории ее создания с самого начала.

Князь. Среди моих демок была одна забойненькая вещичка с оригинальным текстом. Я очень хотел заинтересовать ею Горшка, но он очень сильно варился в собственных композиторских задумках. Каждый раз, когда он приходил ко мне, я ставил на магнитофоне свои новые музыкальные находки, и он либо критиковал, либо соглашался, что тема неплохая. Эту песню он заценил, но не более того. Однажды он неожиданно попросил у меня этот текст для своей музыки. Признаться, я согласился не сразу. Так и появилась песня «Камнем по голове». Но самое забавное, что я давно забыл про ту свою мелодию, пока случайно не обнаружил старую демозапись в своем архиве. И тут меня осенило, что Миха со свойственной ему изобретательностью создал новую песню на основе моей старой. То есть, он убрал бридж, изменил стиль исполнения куплетов и слегка поменял мелодию в припевах. Я сразу этого и не заметил. А вот так вот звучали слова в бридже:

«Шумел веселый маскарад,
Чудесных образов слияние,
Лишь проходимец был не рад.
Он был в ужасном состоянии».

Это один из моих любимых текстов, хотя, когда люди задумываются над его содержанием, то не все понимают, о чем там идет речь. На одном из концертов поклонники поднимали листки с вопросом, жив ли персонаж песни? На самом деле песня о том, как неприятность может поменять психологическое состояние человека. Первое название песни было таким: «Камень, испортивший праздник». Наш герой мечтал оказаться на празднике в маске рыжей обезьяны, что уже само по себе идиотское желание. Но после того, как камень упал ему на

голову, у него образовалась ненависть ко всем окружающим. Между прочим, этот текст и дал название всему альбому – «Камнем по голове».



18. С тех пор, как он ушел

Балу. Новая песенка. Аранжировка возникла очень смешно. Горшок долго пытался мне объяснить, чего он хочет добиться на басу. Я ничего не понял и сыграл самое смешное, что мог изобразить. Чисто пошутил. «О! – закричал Горшок. – То, что нужно!» Я не очень поверил и говорю: «Давай тогда и проигрыш такой сделаем?» И наиграл смешной проигрыш, типа канкана (ну, мне так тогда казалось). Тоже пошутил. Горшок утвердил и его. Послушали все вместе, и песня зазвучала по-новому. А про стихи, которые немного выносят мозг, расскажи ты, Андрюха.

Князь. Это была финальная песня в альбоме. Как говорил ранее, альбом писался на одном дыхании. Песня «С тех пор, как он ушел» была замыкающая, и законченный текст я принес в последний день записи вокала. Дело в том, что музыка там была достаточно специфическая, поэтому и текст на нее написать было не так просто. Обычно на классические, жесткие или мелодические горшковские полотна у меня мысль всегда хорошо шла. Панк, фолк, ска – с этими направлениями проблем не было. А вот с такой непонятной стилистикой музыки работать было непросто. Я этот текст в буквальном смысле вымучивал. После такого объема проделанной работы ничего весомого, брутального не приходило в голову, да и нужно ли было здесь что-то крутое? В общем, в итоге получилось нечто весьма забавное. Чисто теоретически я мог сказать, что сейчас текст не вяжется, мы эту песню к следующему альбому подготовим. Но я реально не хотел, чтобы все увидели, что с какой-то работой я не справился. Я хотел, чтобы люди не сомневались в моих возможностях. (смеется)

19. В доме суета

Балу. Еще одна новая песня. Появилась незадолго до записи в студии. Горшок принес уже готовую версию, включая басовую партию. Яха только гитарной красоты от себя добавил.

Князь. Текст о человеке, который находится внутри своего сна и видит картинки из загробного мира, а во внешнем мире его не могут разбудить. Достаточно мрачная тема.

20. Лесные разбойники

Балу. Когда эта песня у тебя родилась?

Князь. Эту песню некогда я под гитару орал во дворе. Не помню, почему мы ее включили в «Камнем по голове», – то ли я настоял, то ли Горшок предложил, не помню.

Балу. А я помню этот момент четко. У нас два дня было на запись болванок, и к концу первого Горшок вдруг говорит: «У Андрюхи есть еще песня про разбойников, разбойники – наша тема». А мы-то не то что аккордов не знали, мы даже ее и не слышали.

Князь. Прямо на студии сделали?

Балу. Репетировать и разбирать нам ее было негде и некогда, и мы попросились 15 минут посидеть в церкви (в смысле в студии, ведь студия в церкви), в уголке, прямо у бокса, где бас-гитара записывалась. На корточки сели и накидали основы. Хотели, как посмешнее, да побыстрее, – так и осталось на долгие годы. А знаешь, откуда взялись проигрыши в куплете (A, G:) и после него (G:,G)?

Я их просто так придумал. Хотелось сделать не мелодическую, а графическую гармонию. Просто понравилось, как красиво расположены ноты.

Князь. Ты про переходы между куплетами, да? Это самое путаное место, потому что в первой версии я какую-то фигню играл. А сейчас, когда я ее разбирал со своей группой «КняZZ», тоже долго не мог понять, что там происходит вообще. Давай так и скажем читателям: песня была сделана на шару. Горшок ее предложил, мы подумали 15 минут и больше над ней практически не работали.

21. Мария

Балу. Старая наша песенка. Кстати, тот трек, который сейчас

везде стоит как последний на альбоме, вроде записывался значительно раньше – на студии Миши Кольчугина. А на первой кассете было вообще 17 песен. Кстати, стихи…

Князь. «Мария» – крутой текст. Горшок его ассоциировал со своей темой, точнее у меня он ассоциировался с Горшком. Я видел Горшка в кожаных штанах, который сажает рядом с собой в машину мертвую телку. Песня попала в точку. По моим ощущениям, от нее веет панковской эстетикой 80-х годов. Музыкально мы вынашивали ее долго. Пробовали записывать еще до официального релиза. В «Тамтаме» «Мария» шла на ура.

Здесь мы прервем нашу беседу. Продолжение, как говорится, следует.

* * *

– Как дела?
– Зашибись! Только не у меня.

(шутка того времени)

В «Курицце» наше творчество никто не любил. Даже наш компакт-диск выпустили с большой задержкой и самым последним из всего списка команд на лейбле. А на лейбл нас взяли потому, что «Курицца» купила оптом много студийного времени, его не израсходовали и оно пропадало.

Между тем наши поклонники снова показали себя с самой лучшей стороны: кассеты раскупались прекрасно. Собственно (со слов «Куриццы»), мы были единственной группой, чьи кассеты вообще хоть как-то продавались. И нам с этого даже полагались какие-то деньги. Но Пит безжалостно нас обворовывал и даже был пойман за руку, при этом он нагло утверждал, что должен нашими честно заработанными копейками покрыть свои расходы на другие группы. Короче, денег мы не увидели. Но этот удар нас не расстроил, а только сплотил. Это было по-настоящему «Один за всех, и все за одного». Песни писались замечательные, только успевай записывать. Впереди было много событий и открытий. Мы не унывали, верили в свое дело и продолжали творить на радость людям!

32. «Камнем по голове», презентация

Презентация первого «официально» выпущенного альбома «Камнем по голове» происходила в клубе «Ватрушка», в ДК Пищевиков.

Это был знаковый концерт сразу по двум причинам. Во-первых, мы в первый раз играли не просто в клубе, а под наш концерт специально сняли этот клуб. То есть случайных людей не было. Во-вторых, сбылось то, о чем мы с Горшком давно мечтали.

Как-то мы зависали у Шумного как у единственного обладателя видеомагнитофона. Смотрели массу панковских видеосборников, то есть повышали уровень своей культуры (тогда мы, например, первый раз увидели клип Vagabonds группы New Model Army). И вот на одном из видео «Рамонес» был клуб и куча народу, которые войти в него не смогли. Но это их совершенно не смущало, все дружно и радостно распевали рамонесовские песни. И такая, знаете, чувствовалась атмосфера братства и единения… Тут Горшок поворачивается ко мне со светлыми такими глазами и говорит: «Шура, а вот бы и у нас так, а?»

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова

Так и произошло. Ну, почти так. Панк рок, все-таки. Сначала раскупили все двести пятьдесят билетов на концерт. Потом пожарник за взятку разрешил пустить еще сто человек, за полторы цены билета. Потом охрана за двойную цену пустила еще сотню. Последние пришедшие к началу концерта платили охране какие-то немыслимые деньги. Мы об этом узнали позже, но дело не в деньгах, а в желании людей попасть на концерт любимой группы любой ценой. Напомню, нас не крутили по

радио, наших кассет не продавали в магазинах, о телевизоре и речи быть на могло. Услышать наши песни люди могли только у друзей. И переписать. И дать переписать в свою очередь. И вот так, из рук в руки, от человека к человеку, наше творчество текло в народ. А тут оказалось, что народ не только слушает записи, но и ходит на концерты. И это прекрасно, друзья! Ничто так не помогает артисту, как понимание того, что он нужен. Впрочем, это также и мешает.

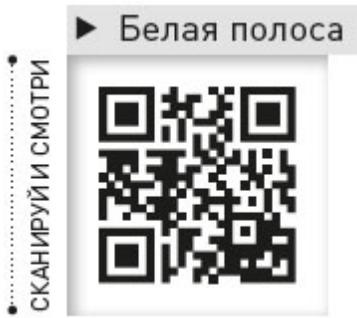
Фирма, которая организовывала этот концерт, для его продвижения, к сожалению, не сделала ничего. Кончилось тем, что нам пришлось забрать у них афиши и самим расклеивать их по городу. За день до концерта мы собрались у Шумного дабы поставить автографы на первые пять сотен кассет. Подписать пятьсот кассет оказалось не таким плевым делом, каким казалось в начале. Но, заправившись несложными ржевскими коктейлями, мы справились, хотя и провозились чуть ли не до утра. По ходу дела мы стали пририсовывать различные добавления на фото, а потом и писать различные пожелания внутрь вкладыша. Лет через десять я встретил одну семейную пару и узнал, что у них сохранилась кассета с этого концерта с остроумными, но не очень приличными стихами. И хранили они ее как одну из главных семейных ценностей.

Короче, для нас и наших слушателей это был один из первых концертных успехов. Даже не «первый концертный успех», а еще один шаг по дороге, по которой мы вроде и собирались идти. С одной стороны, мы играли только для себя, а, с другой, кем бы мы были без фанатов? В общем, все закрутилось по-настоящему.

Кстати, в журнале «Фузз» позже вышла замечательная рецензия под названием «Нам ДК заманчивые своды». В статье нас жутко поливали грязью и рассказывали, как на улице перед, после и вовремя концерта избивают ногами слушателей. И в конце статьи было написано (цитирую по памяти): «…И правильно избивают, нечего на концерты "Короля и Шута" ходить…» Непонятно, зачем журналист так отозвался о первом успехе молодой группы. Мы ему ничего плохого не сделали и даже не были знакомы. Впрочем, на такую статью мы особого внимания не обратили. Просто поняли, что друзей у нас, кроме фанатов, нет, рассчитывать можно только на себя и, пока мы вместе, нам все нипочем!

33. «Белая полоса»

С удовольствием расскажу вам о еще одном чуде чудном и диве дивном – передаче «Белая полоса». Не так давно милейшая Наташа Крусанова выделила мне качественную копию этой теперь уже культовой передачи, и мы можем сейчас сесть и вместе посмотреть ее на нашем канале архивов:



А я по ходу расскажу немного о том, как все было. Начиналось все довольно буднично. Наташа Крусанова, культовый в определенных кругах режиссер петербургского телевидения, заприметила нашу веселую группу на каком-то фестивале и стала ходить на наши концерты. Мы, понятное дело, об этом не знали. Однако Наташа приняла судьбоносное для нас решение: снять телевизионную передачу о творчестве «Короля и Шута».

Расклад был простой: нам дают автобус, оператора с камерой и прочий фарш, а мы целый день катаемся по городу и снимаем, что хотим. План поездки – полностью наш. Плюс день съемок на Чапыгина, 6. Никакого плана мы не составляли. Идеи просто переполняли нас, и составлять их список казалось глупым, ведь даже если что и позабудешь, всегда можно придумать еще лучше. На всякий случай решили, что возьмем с собой шахматы и как-нибудь это обыграем.

Фестиваль в Манеже, июнь 1995 года. Фото А. Настальская

Прошел месяц или два, мы на съемки не очень надеялись, потому что в такое счастье как-то не верилось. Но в назначенный день подъехал небольшой такой автобусик, и мы поехали по городу. По местам, так сказать, боевой славы. Побывали у стен уже давно закрытого «Тамтама», где лазили через какую-то стенку. На закрытом и торжественном «Петровском», где бегали по снежной целине футбольного поля. С нами, естественно, бодро бегал славный парень Миша Зельдин – с камерой. Поехали на нашу старую точку в Эрмитаж, но проникнуть туда не удалось, и мы поснимали на Миллионной, а на Дворцовой даже поиграли в футбол пустой банкой с какой-то малышней (они победили). Потом поснимали немного по дороге и отправились на Просвет, на точку у Кабана, где и засняли «репетицию». Разумеется, все это происходило под чутким, но совершено незаметным

руководством режиссера.

Наташа ненавязчиво попросила нас изобразить процесс придумывания песни. Потом долгие годы этот отрывок из передачи гулял по сети, и все были уверены, что мы реально что-то сочиняем. Мило.

Повторюсь, что у нас тогда был период диких шуток и искрометного веселья, поэтому мы ничего не планировали, были уверены, что вдохновение придет во время съемок. Может, оно и к лучшему. Обошлось без особых безумств.

На второй день снимали в павильоне на Чапыгина. Прекрасные девушки, работавшие там оформителями, построили совершенно сюрреалистические декорации, притащили какие-то огромные катушки от кабеля, из травы и палок сделали что-то невообразимое. Короче, посмотрите сами. Нас гримировали перед каждой съемкой – было очень непривычно и щекотно. Мы то снимались в куче лампочек, свисающих с потолка, то в декорациях, то изображали тени в дыму, то танцевали до упаду. Наташа проявила себя как настоящий профессионал и сделала свою работу четко и правильно. Прямиком в вечность. Мы со всеми прекрасно поладили, а с Наташей и ее сыном Платоном даже подружились.

Напомню, это была просто музыкальная передача по питерскому ТВ, но благодаря тому, что все было сделано отлично, мы смогли нарезать из нее музыкальные номера и долгое время выдавали их за видеоклипы. Кстати, успешно.

Забавный курьез рассказал позже затейник и весельчак Шумный. Дело в том, что в России МТВ распространялось следующим образом: в Москве снимались оригинальные передачи, записывались клипы и прочий контент, потом все это писалось на бетакамовскую кассету и поездом (!) с проводниками передавалось в другие города по сетке. Естественно, на любой кассете после записи материала остается одна или две минуты пустого места. И чтобы место не пропадало, туда дописывали наш клип «Грохочет гром» – просто потому, что он длится меньше двух минут.

Немало потом было у нас съемок на различных телевизионных каналах, но эти запомнились особенно, все казалось не совсем реальным. Очень по-питерски.

34. Фестиваль «Праздник Скоморох»

Раз уж речь зашла о концертах, расскажу о нашем втором «Юбилейном».

После того как мы собрали Дворец спорта в первый раз, мы уже смогли диктовать организатором какие-никакие условия, хотя меня всегда смущала такая постановка вопроса: «Мы собрали». Правильней будет сказать, наши поклонники поверили в нас и пришли на концерт в количестве, достаточном для того, чтобы получился большой праздник. Ну и мы, конечно, не просто так рядом стояли.

И когда наши поклонники поверили в нас и пришли на концерт в количестве, достаточном для того чтобы получился большой праздник, они наделили нас полномочиями гнуть в плане организации концертов нашу линию. В течение нескольких лет до этого ДДТшники проводили летние фестивали, в которых мы участвовали. «Наполним небо добротой» на «Петровском», на следующий год несколько дней в «Юбилейном», а вот в тот год решили не проводить. И совершенно естественным образом мы решили подхватить это знамя и провести фестиваль вместе с ребятами из «СП-концерт». Мы принялись обзванивать все на свете группы – и знакомые, и незнакомые, и молодые, и не очень. Остановились, только когда поняли, что выступление каждой группы будет длиться не больше чем 10–15 минут. Так что многим пришлось отказать.

Около ДС «Юбилейный» перед фестивалем, июль 1997 года. Рис. по фото А. Настальской

Наш и старые друзья из фирмы «Молотов Коктейль» подогнали бухло в виде этих самых коктейлей. «Молотов-коктейль» – это такой слабоалкогольный напиток в прикольных бутылочках с кольцом на горлышке. Чтоб открыть, надо было дернуть за кольцо. Наш любимый был клюквенный – не химический, а из настоящей клюквы.

Так вот, мы с Яхой, как два дурака, стояли за кулисами на раздаче. Подходит кто-то и говорит: «Мы группа такая-то», Яхов сделает вид, что ставит в списке крестик, а я с шутками и прибаутками выдаю ящик, а если кто-то догадается спросить, то и два (Стае из «Минтрейторс», например). Все было феерично и весело, ни до, ни после я не припоминаю. Только вот народу пришло ползала.

И мы поняли, что организация фестивалей для молодых групп – не наша стихия.

Перечитал и подумалось, а ведь нехило так наши фанаты нас поддержали! За два с половиной года из ранга «молодой группы» (как нас представляли на «Петровском» на фесте «Наполним небо

добротой») они переместили нас в ранг группы, собирающей «Юбилейный» сольно. Еще раз спасибо вам, друзья!

35. Альбом «Король и Шут» («Будь как дома, путник»), 1997

Все знают и все понимают
только дураки да шарлатаны.

А. П. Чехов

Расскажу сейчас о следующем альбоме, который получил оригинальное название «Король и Шут». А затем вернемся к таймлайну.

После того как «Курицца» выпустила «Камнем по голове», пути наши разошлись. Они не хотели ни продвигать нашу музыку, ни хоть как-нибудь участвовать в жизни группы. Мы же решили записать еще один альбом – перезаписать старые песни, но уже на профессиональной студии. Уже могли себе это позволить. Да и душа просила. Да и сколько можно уже… Короче, надо.

Шумный договорился о записи на «ДДТ-рекордс». Они обосновались в ДК Железнодорожников, в подвальчике. Клип ДДТ «Белая река» видели? Он там снимался. Место четкое, наигранное.

Писались мы там на три адата. Звук решили делать жесткий и жирный, чтоб как у взрослых. Да и комбы у ДДТшников стояли козырные. Со звуком нам очень помог местный мастер Игорь Сорокин по прозвищу «Золотые уши», человек интеллигентный и образованный. Большинство песен взяли из наших первых электрических альбомов «Истинный убийца» и «Будь как дома, путник!». Решили не только дать песням новую жизнь, но и перезаписать их с более четким звуком. И это было славно.

Давайте вместе послушаем, а мы с Князем вспомним, что и как было.

1. Король и шут

Балу. Переписали так, как было на «Истинном убийце». Это был последний раз, когда Горшок помогал Яхе на альбоме ритм-гитару писать. На последующих альбомах Яха почти везде справлялся сам.

Князь. Стихи я писал специально под название группы, чтоб у нас была песня с одноименным названием. За основу, конечно же,

был взят текст из старой песни «Заскучал король», но только как идея, сами стихи, как вы видите, разные.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова

2. Два друга

Балу. Это песня, ставшая впоследствии одной из наших «визитных карточек».

Князь. Как раз тот случай, когда песня написана по мотивам моего рассказа. У меня был рассказ о том, как в деревне сидят мужики, бухают и рассказывают друг другу страшные истории. И вот один рассказал, что существует легенда о том, как разбойники поймали двух друзей, и один другого предал (см. текст песни).

Балу. А рассказ-то чем кончился?

Князь. А он и не кончился, я его не дописал, к сожалению. Но смысл был в том, что они погибли оба в темнице, в яме и уже после смерти тот, которого предали, стал ходить за предателем.

Балу. Куда?

Князь. Ну, вообще. Смысл был в том, что мертвый предатель ходил и всех мочил, но потом его неизбежно настигал его мертвый друг. И вот я выдернул основную часть этой истории и сделал из нее песню.

Балу. О! Вспомнил! Там же еще третий куплет был, точно, – что-то о том, как в яме жизнь одного через глаза перетекла в другого. Или что-то типа того.

3. Сапоги

Балу. Про историю возникновения этой музыки я, наверное, уже рассказал, а что касается текста…

Князь. Песня была написана, что называется, по наитию. Когда начинаешь писать, сам себя ведешь в этой истории, лишь ближе к концу начинаешь разгадывать ребус и открываешь сам для себя, чем же все закончится.

Балу. То есть ты в начале еще не знал, чем все закончится?

Князь. Такая участь была у многих наших ранних песен. Я не любил какие-то планы и сценарии, предпочитал голый импровиз. То есть начинаешь писать, а оно уже само вырастает.

Рисунок А. Князева

4. Охотник

Балу. И «Сапоги», и «Охотника» переписали так, как было на «Истинном убийце», только в «Охотнике» Игорь Сорокин предложил вставить клавиши в начале. И вставили.

Князь. Со стихами история была, примерно, как с

«Сапогами». То есть погружаешься в сюжет и до конца не знаешь, чем все закончится.

Балу. То есть ты сам удивился, когда узнал, чем все закончилось в третьем куплете?

Князь. Не совсем, дело в том, что в этой песне было все очевидно с самого начала. Если нужны параллели, то посмотри на Тарантино. Человек ломает шаблоны современного кино. Он не гонится за какой-то безумной крутой идеей фильма в целом. Весь прикол – в построении диалогов и сценах. То есть иногда можно мысленно сделать стоп-кадр и поймать себя на мысли: «Что я, блин, смотрю!? Что это за звездец?!» И мне захотелось тоже не просто раскрыть сюжетную линию, а погрузить слушателя в определенную ситуацию, развернуть перед ним яркую картину (ночь, дом, чердак, Себастьян превращается в оборотня). Чтобы человек погрузился полностью, а потом оглянулся и спросил себя: «А что я тут вообще делаю, и как сюда попал?» Этакий микрофильм длиной в секунду. Эта задача стояла передо мной во многих песнях. Кстати, на создание «Охотника» повлиял фильм «Серебряная пуля». Это был второй фильм про оборотня, который я посмотрел (первым был «Американский оборотень в Лондоне»), и он, можно сказать, навеял общее настроение.

5. Паника в селе

Балу. Безбашенная совершенно песня, Горшок ее очень любил и часто на концертах объяснял слушателям, о чем она, если кто не понял. И до самого конца вставлял в концертную программу.

Князь. Мне дали уже готовую музыку, и на нее я писал стихи. Горшок предложил достаточно груженую музыку, и надо было придумать что-то соответственно мрачное. Поскольку в те времена я еще в мрачные готические сюжеты не уходил, то самое страшное, что я мог написать, – взять тему из деревенского фольклора. Тогда все было в зеленых тонах. То есть, ты помнишь, мы любили тексты и музыку переводить в цвета и сравнивать, кто как видит. Например, «Охотник»: у одного синяя, а у другого темно-зеленая или коричневая и зеленая. Это приемлемо. А вот если песня у одного темно-зеленая, а у другого рыжая или красная, то тогда получается, что мы по-разному видим. То есть, если «Паника в селе» для меня темно-синяя, зеленая, коричневая, то красной она не может быть категорически! А вот песня «Король и Шут» у меня оранжевая.

6. Истинный убийца

Балу. На этой записи все инструментальные партии мы практически полностью скопировали с альбома «Истинный убийца», о нем я рассказывал выше, еще до того, как к нашей беседе присоединился Андрюха.

Князь. Песня написана от стихов. То есть стихи появились раньше музыки. А, точнее, Горшок принес музыку, а я подложил один из имеющихся текстов. Хотя идея песни сама по себе достаточно своеобразная, но тут я, как и во многих других песнях, столкнулся с тем, что до третьего куплета не имел представления, чем буду заканчивать. И вот тут появилась удачная находка – игра слов в конце.

Балу. Блин, поминальный! Мне никогда в голову не приходило, что это игра слов! А ведь точно!

Князь. Ну, вот! А тут написалось: «Убийца, потому что, я!», и песня получилась завершенной.

7. Лесник

Балу. Версия отличается от ранней в «Истинном убийце». Как я уже рассказывал, мы решили играть припев в два раза медленнее. А еще Горшок внезапно придумал басовый ход в самом конце. Смешной, да?

Князь. Дай подумать. Это была песня второго эшелона, точнее, второго дыхания начально развивающегося «Короля и Шута». Особенность ее состоит в том, что я считаю ее одной из основоположниц нашего стиля. Как только я принес ее Горшку, его очень сильно взорвало, потому, что он сразу увидел, что это мегахит. Он в восторге бегал и всем ее показывал. И именно он зацепился за нее и всех нас убедил, что у нас формируется новый стиль. Потому что я мог предложить и другой текст, с другой стилистической и смысловой нагрузкой. В принципе я и предлагал. То есть, грубо говоря, фольклорно-мистический стиль у нас был не всегда. Например, в «Будь как дома, путник» было два направления: деревенская фольклорная мистика и стебалово типа «Короля и Шута», «Отца и Масок» или «Кукольного театра».

Балу. Но у группы «Король и Шут» единый же стиль! Я по крайней мере воспринимал это всегда так.

Князь. Нет, это понятное дело! Это единый стиль «Короля и Шута», но я-то сам делю на направления. Я ведь про тексты тебе говорю. Для меня наше творчество – как целое дерево с ветками стихотворных стилей. Кстати, как ты помнишь именно это дерево

было символом первых альбомов «Короля и Шута» – пень с человеческой головой. И вот росли у этого пня ветки. И каждая ветка – это определенный отдельный стиль. То есть хоррор, мистика, драматические песни, маньяческие песни, зловещие песни, шиза откровенная, лирика. И каждую нашу песню можно так классифицировать.

8. Помоги мне!

Балу. Одна из моих любимых песен – по причине того, что тут я впервые на записи играю слэпом в куплетах. То есть фигачу со всей силы большим пальцем правой руки по струне, а не играю медиатором, как все приличные люди. Ну, и, конечно, Горшок с Яхой шедеврально гитару записали. Даже Яха, я считаю, сделал большой шаг вперед в своем развитии. Если послушать версию из «Истинного Убийца», где еще я на гитаре играл, и эту, то видно, что Яха не просто снял один в один, а сыграл более чисто. Да и вступил вовремя.

Князь. Это довольно зловещая песня. Горшок предложил достаточно своеобразную композицию с речитативом в куплете. Он, вообще-то, не был большим любителем петь скороговорный текст, но поскольку не имел в тот момент особых проблем с дикцией, то решил сделать небольшой уклон в сторону панк-рока 80-х. Горшок парился, смогу ли я закатать такое большое количество текста. И так, чтобы его можно было нормально пропевать. Но я с задачей справился без особых проблем. Хотя я таких песен на тот момент опасался. То есть я понимал, что она неплохая, но я не знал, как такой стиль воспримет наш слушатель. Не хотелось бы, чтоб такие песни порождали в людях агрессию. Мы же никогда не знаем, как слушатель в действительности понимает то, что мы поем. Мы поем, делаем это из добрых побуждений и с профилактической целью, а некоторые могут воспринять это как призыв к безжалостному отношению к другим людям. Поэтому я очень парился по поводу этой песни. Но, как оказалось, ни в ком она злобы не вызывала, и никто не говорил, что мы злые.

Балу. Вообще-то говорили. Шумный рассказывал, что именно из-за этой песни нас дирекция, например, «Полигона» называла фашистами и не пускала к себе играть.

Князь. Что, серьезно?

Балу. Да, нам еще пришлось, чтобы доказать, что мы не фашисты, играть на фестивале в клубе «Тэн». Об этом я потом отдельно расскажу.

Князь. А, да, точно! Но я не связывал это с песней, и потом вроде там разобрались.

Балу. Да, разобрались мы, все нормально.

9. История о мертвой женщине

Балу. Запись этой песни сопровождалась тем, что на студии три раза вырубалось электричество. На записи это, впрочем, не сказалось. Вроде. А, вообще, довольно забавно сравнить эту версию с версией на альбоме «Истинный убийца».

Князь. Это одна из наших самых первых тем, придуманных после альбома «Ересь». Длинный пролог перед композицией, да еще с нагнетанием музыкальным.

Балу. Мы ее еще с Шуриком Васильевым играли, помнишь?

Князь. Да-да, я помню. Я вообще помню, что текст этот писал у Горшка дома, не у себя даже.

Балу. Мы ее очень часто играли на концертах. И я каждый раз реально погружался в другой мир. И поэтому всегда следил, какая песня будет следующей, чтобы перетечь плавно по энергетике.

10. Кукольный театр

Балу. Шикарная песня нелегкой судьбы. В смысле аранжировка придумывалась нелегко. Но зато весело. И если со стихами почти сразу разобрались, пару раз всего переделывали, то с гитарой было тяжелее. Вот правдивая история о том, откуда появились в песне все гитарные рифаки и проигрыши. Приходит ко мне Горшок весь такой уставший, уставший (бухой, короче), говорит с трудом, но с огнем в глазах. «Давай, – говорит, – Шура, гитару в этой песне сделаем пр-р-р-рикольную!» На гитаре тогда в группе играл я, и поэтому отдуваться пришлось мне. «Вот, смотри!» – говорит. И начинает петь гитарную партию: «Пе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе!» Старается, такой, слюни пускает, но неясно, чего хочет. «Да ты сыграй», – говорю. Нет, не получается. Гитара из рук падает. Но! «Я, – говорит, – точно знаю, какая должна быть гитара, сыграть не могу, но могу напеть. Давай подберем, пока не забыл!» И вот мы сидели часа два. Он бебекал, а я подбирал. Славя богу, что мы друг друга с полуслова понимали, а то б еще дольше просидели. А стихи откуда выросли?

Князь. Прототип чувака, который всех перестрелял в песне, –

Сид Вишес.

Балу. Он даже был в первой версии стихов.

Князь. Да-да, и эта песня стала первой среди стебных и шуточный тем в «Короле и Шуте». У нас стебные тексты делились на две категории: понтовые стебные, дебильные стебные и лоховские стебные.

Балу. Это три уже.

Князь. Да, три, получается. Но первые две главнее. Ха-ха-ха.

11. Валет и Дама

Балу. Если кто пробовал играть эту песню на гитаре, то заценил, какие там простые и четкие гармонии и как ложится на них проигрыш. Это твоя песня, я не путаю?

Князь. Да, это моя песня, Горшок придумал тут только офигенный проигрыш. Я ее написал под гитару дома, Миха ею заинтересовался и выбрал для исполнения.

Балу. А чем навеян текст?

Князь. Да не помню уже. Помню припев как-то хорошо пошел, и остальное к нему само приросло волшебным образом. ***Балу.*** Давай послушаем. Трек под номером пять.

12. Веселые Тролли

Балу. Насколько я помню, песню практически в готовом виде принес Горшок – с гитарными партиями и всеми делами. А, нет, когда мы ее в ДК Ленина записывали, в «Инди-студии», еще до записи «Истинного убийцы», я придумал смешные гитарные проигрыши с открытыми струнами. А в этой записи я такой сделал на басу ход в конце песни – цитату из Billy Idol вставил. Из хулиганских, конечно же, соображений. И спустя годы, кстати, мы так ее и играли, не меняя аранжировки.

Князь. Тут в стихах я постарался все наши приколы перенести в образы персонажей песни. Некая песня запугивания злодеев. Я тогда троллей воспринимал, не как во «Властелине колец» – не как здоровенных монстров. Я тогда думал, что тролли – это такие смешные летающие существа.

Балу. Ну, так еще веселее получилось!

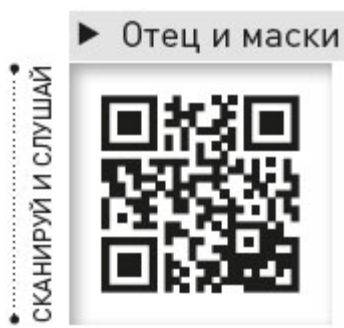
Князь. Да, веселее, но вообще-то у различных народов троллей по-разному представляют. В Норвегии это горные монстры, а в некоторых фэнтези-книжках они чуть ли не эльфы! Летающие, по крайней мере, у меня в детстве была такая книжка с картинками.

13. Вячеслав

Балу. Вот песня! Тут горшковскую мелодию мы решили разукрасить всякими панковскими штуками. Просто придуривались, а получилась песня. Ты ведь стихи написал, не как текст к песне? Помню, у тебя была смешная картинка из школьной тетрадки с эпиграммой на вашего с Мишкой одногруппника Славу. Фамилии его я не помню, но вот так человек вошел в песню.

Князь. Вячеслав Казаченко его полное имя. У меня была в училище целая коллекция дурных стихов – «Вячеслав», «Скотный двор» и многие другие. Естественно, я их не продвигал Горшку как идеи для песен. Во времена, когда Горшка пробило на панкуху, я был в армии. А он приехал ко мне домой и выгреб все мои старые тетрадки. Там и были все эти стихи, кстати «Веселые Тролли» тоже. То есть я троллей написал еще до армии, и музыку к ним Горшок писал уже без меня. А «Вячеслава» и «Скотный двор» он взял до кучи и просто на текст наложил музыку.

14. Отец и Маски



Балу. Это песня времен нашей жизни в Эрмитаже, вроде? И хоть уже и писал, но повторюсь, чтобы вы, друзья, прочувствовали. Потому, что меня, например, такие вещи очень трогают и волнуют. В эту песню Князь шуточно поместил всех нас, участников группы, и заставил подчиниться своей фантазии. Помните:

«Алеша теперь – кабан,
Ты, Дима, – вурдалак,
Саша – ты, как ведьма, в своем рыжем платье!..»

И Леша Горшенев уже ушел делать свои «Кукрыниксы», и Дима-Рябчик уже не играет с нами, а песня осталась. Хотели было слова поменять, но решили, что так будет еще смешнее. Никто ведь не догадается, о ком эта песня! Такие вот у нас были шутки.

Князь. Изначально эту песню мы репетировали еще раньше, у меня дома. И она была сделана с гармошкой. Самое смешное, что эту гармошку играл я.

Балу. Да, да! Точно! Я вспомнил! Офигенная была запись, кстати!

Князь. И где-то ведь валяется.

Балу. Там еще начало офигенное было, под «А-На».

Князь. И вот сделали мы ее дома, Горшок пел, естественно, рыбу, стихов еще не было. А во времена Эрмитажа я написал текст, и он очень сильно изменил вообще все представление об этой песне. Потому что раньше она ассоциировалась с чем-то другим.

Балу. Да, совершенно.

Князь. Абсолютно другие ассоциации вызывала. Я бы сказал, что в раннем варианте было что-то благородное в плане мелодии. А стихи я писал так, как пишется. То есть, если написал и не прокатило, пишу еще. И так до того момента, пока все ни кайфанут. И слова «Отцов и Масок» были сначала просто версией. Но неожиданно Горшок в нее вцепился. И я решил, раз композитору нравится, то оспаривать не буду.

Балу. Я помню! Вцепился – это мягко сказано! Он носился с этими стихами по всем пяти комнатам в Эрмитаже, ко всем приставал и кричал, как это офигенно. Рябчик еще в шутку взревновал немного и говори: «Что ты тут носишься со своим Князем! Влюбился, что ли?» А Горшок остановился и с серьезным таким и задумчивым видом говорит: «А ты знаешь, если бы я влюбился, то, пожалуй, поменьше бы прыгал». Прикинь, запомнилось!

Князь. Да, а впечатление от песни поменялось кардинально.

Балу. По моим ощущениям, от старой версии хотелось петь и летать, а от новой рубить и зажигать. В хорошем смысле, конечно.

Князь. Песня просто переродилась. Иногда, кстати, хочется на какие-то старые мелодии написать новый текст и аранжировать по-другому. Чтобы ту же самую песню дать в другом ракурсе. Но руки не доходят. И слушателям странно.

15. Сказка про Дракона

Балу. Музыкально очень интересная песня, я имею в виду технически. Я чуть голову себе на изнанку не вывернул, придумывая гитару для нее, особенно вторую. Хорошо, что дело было в Эрмитаже, и времени было много, не неделя и даже не месяц. Серьезно, только я вздохну и подумаю, что готово, как нарисовывается Горшок и говорит: «А давай, Шура, усложним немного, а то больно обычно получается». Зато соло сделали простые и ясные, их, по-моему, Горшок придумал, хотя точно уже и не припомню. И стихи, как и когда появились, не вспомню.

Князь. Этой песней я замыкал альбом.

Балу. Там еще «Собрание».

Князь. Не последней в альбоме поставил, а написал в последнюю очередь или в предпоследнюю. Стихи написались быстро, на одном дыхании. Нас, если помнишь, тогда старые заслуженные рокеры шпыняли, типа вы сказочники и все такое.

Балу. Не надо имен, у нас добрая книга, про дружбу и любовь.

Князь. Когда я эту песню притащил, видел, что она хоть и звучит как сказка, в ней есть свой шарм и прикол. Скажу так, духовно эта песня родом из моей деревни Голубково. Миха туда приезжал ко мне несколько раз. Мы там тусовались, бухали, он пиво привозил.

Балу. И я приезжал!

Князь. Да, и ты приезжал, я помню. И вот эту атмосферу деревни он прочувствовал, уловил вибрации и захотел петь этот текст.

Балу. Сначала ты про стихи расскажи. *(смеется)*

16. Инструмент

Князь. Одна из самых дебильных песен КиШа. Текст писал от балды, как бы изначально пошлую штуку вдруг обратив в не

пошлую, но крайне тупую. Чисто панковский прикол.

Балу. Музыка такая типичная «привет из 78-го», помню, Горшку очень нравился бас, который я придумал. Ему еще казалось, что я эту партию спер у какой-нибудь старой панковской группы. А я, естественно, не пер ничего. Просто стиль такой, что ноги сами в пляс идут, простой и незатейливый. Кстати, несмотря на нашу любовь к переделыванию старых песен, эту мы ни разу не изменяли. Стихи, кстати, тоже как-то удачно и органично легли.

17. Собрание

Балу. Про стихи что-нибудь скажешь? Они официально вроде горшковские?

Князь. Это, наверное, первая песня, где автором текста выступает Горшок. Мы так решили. Я ему, скорее, уступил, но это не принципиальный был момент абсолютно. Когда я был в армии, Горшку понадобились новые стихи, и он стал копаться в моих тетрадках со стихами. И нашел там несколько заготовок, доселе не использованных.

Балу. А идея чья была собрать всех персонажей под древним дубом?

Князь, сейчас расскажу по порядку. У меня в загашниках было, я помню:

«В обличье всей нечистой силы
Возник никто и никакой»…

Дальше что?

Балу. Дальше у тебя что-то готическое было, типа норвежский маг Густав, я точно не помню, а я просто по приколу предложил Горшку переиначить наоборот – в «российский князь – колдун Василий». Типа тебя повеселить. Да так и осталось.

Князь. В общем, он насобирал каких-то фрагментов у меня и на их основе сварганил песню со смыслом, который сам хотел в нее вложить.

Балу. Но идею саму, идею собрания, он придумал?

Князь. Да, идея, что все собрались у дуба, его. У меня, правда, есть рисунки, где я рисовал то же самое. Не помню, как было: рисовал ли я изначально эту тему, и Горшок просто описал это в песне, или, наоборот, он придумал, а я потом картину нарисовал.

Балу. Про нас могу рассказать. Приходит однажды Горшок на

репу (мы у Кабана на точке тогда репетировали) и говорит: «А давайте, это будет песня о наших песнях! Какие у нас персонажи есть?» И мы с Яхой начали ему строчки сочинять, а он править, а потом наоборот. Куплетов пять или семь накидали, но не все оставили. Точнее, Горшок оставил, он этими стихами занимался, а мы просто рядом были.

Князь. На самом деле, это вообще неважно! Можно вообще сказать, что идея такого собрания – это наш романтический идеал. Мы всегда хотели, чтобы все наши друзья, все музыканты, просто кореша, все, кого мы знаем, – все собрались в одном месте. Желательно в лесу, и чтобы стол, и немерено бухла, и веселье, и чтобы это не кончалось никогда.

Балу. Да, были такие разговоры…

Князь. И то, о чем я тебе говорю, – это очень важная и неотъемлемая часть нашей истории. Такая же важная, как появление вот этого дерева, которое рассказывает…

Балу. Да, про дерево ты уже хорошо сказал.

Князь. Потому что это дерево было символом всех первых альбомов. И этот пень был на всех обложках, футболках, афишах и вообще везде, где только можно. Хотя он и родился случайно. Идея собрания имеет такое же важное значение, потому что это романтика. Всем хорошо, никто никого не напрягает, нет жлобов, нет гопоты, одни только нормальные ребята и девчонки бесконечно тусят. А Миха эту романтику выразил в песне.

Если вы сейчас вместе со мной прослушивали этот альбом, то обратили внимание, что бас с гитарой чуть опережают все остальное, добавляя энергетики. Дело в том, что во время подготовки альбома Поручик потерял к группе интерес, загулял и забил ходить на репетиции. Дошло до того, что встал вопрос, на хрена нам барабанщик, который не стучит. Особенно это достало Горшка, и он позвал к нам барабанщика из группы «Трутни». Он нам понравился, но тут внезапно на репетицию явился Поручик. На три часа опоздал, но нам все равно стало неудобно, что мы его официально не выгнали, а уже замену ищем. Поручик же устроил истерику, разорался и ушел, хлопнув дверью. Неделю я его уговаривал вернуться. Мы же все-таки были друзья.

Как вы догадались, Поручику вновь доверили барабаны, поэтому пришлось громкость гитары и баса увеличить, чтобы получить более плотный саунд.

А еще на студии произошли события, кардинально поменявшие наши взгляды на возможность разумного сосуществования рок-н-ролльного братства и хорошего менеджмента. Или, проще, первое крушение идеалов. Не музыкальных, но все же.

36. «Театр ДДТ», «Караван»

Совершать поступки – это думать или чувствовать и принимать ответственность за это.

Балу

В ДДТшной студии перед пультовой был очень кайфовый предбанничек, весь обшитый деревом, с деревянным же столом. Туда частенько заходили музыканты ДДТ по своим ДДТшным делам и, если и не советом, то дружеским участием точно помогали. А это еще до роже. Мы же, как могли, поучаствовали в обустройстве студии. Рядом с ней находился пивной ларек. Стандартный совковый пивной ларек с окном-дыркой и стеклянными пол-литровыми кружками. Вот мы и понатырили их оттуда, и пили пиво в студии из красивых аутентичных кружек. Даже Юра Шевчук нас похвалил.

Одно событие произвело на меня огромное впечатление. Мы уже почти закончили запись, и на студию приходили только сводить и наводить прочий марафет. И вот, приходим мы однажды, а Игорь Сорокин занят с ДДТшниками. Что-то там мудрит для группы. Погодите, говорит, через час-другой освобожусь, и будем работать. Мы уселись за стол и были очень довольны выпавшей возможностью потусоваться с музыкантами легендарной группы образца 1996 года. Тем более ребята там все прикольные и общаются с нами на равных.

И вот зашел у них разговор о деньгах, что кому-то надо зайти в офис и занять денег у администрации. И тут Доца, барабанщик ДДТ, как взорвется: «Да ты чего! Пойдешь к этим ******сам! К ****** функционерам!? Да ******* **** в ****** ****** ********** ********** как *** себе ****** *** **********.

Ну что-то в этом духе, дословно не воспроизведу. Сказать, что мы были в шоке, значит, ничего не сказать. Мы по своей наивности полагали, что «Театр ДДТ» создан ради группы ДДТ, и все если уж не братья, то хотя бы друзья. А тут такой пи*дец и ******** ******** ******** в **** на ***».

Естественно, мы решили докопаться до причины такой лютой ненависти музыкантов к дирекции. Оказалось, все до банального просто. Дело было отнюдь не в творческих разногласиях. Если коротко, то технология была проста. Выпускает на деньги группы «Театр ДДТ» условно сто кассет и с них должен заплатить группе

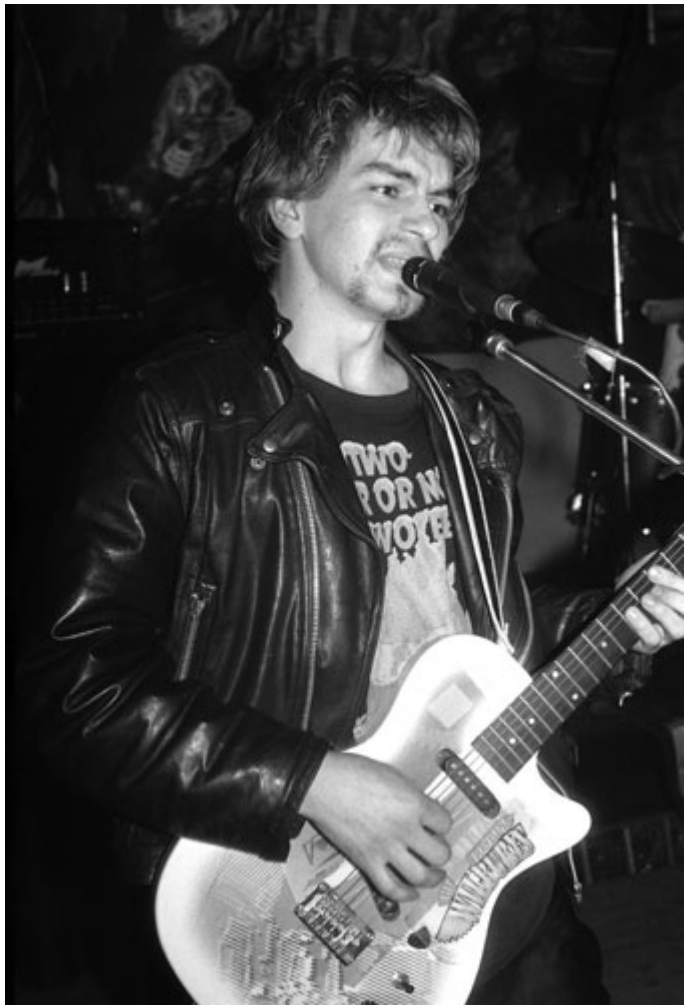
роялти. При этом без ведома группы «Театр ДДТ» печатает еще сто кассет на свои деньги. И продает именно их. А кассеты, изданные на деньги группы, лежат мертвым грузом. Группе нужно говорить, что продажи идут медленно. И в доказательство всегда можно сказать: «Смотри сам! Было сто кассет, продано только двадцать. Вот лежит еще 80».

То, что за это время их продалось 10 000, никто не узнает, потому что к документам у группы доступа нет… Меня лично поразило, что музыканты были возмущены не столько тем, что «Театр ДДТ» ворует, а тем, что не знает меры. Я про эту схему рассказываю только потому, что мы с Яхой потом поймали «Театр ДДТ» за руку на такой же афере с нашими кассетами.

Короче, у меня лично произошло полное крушение идеалов. А ведь через две недели нам нужно было отдать им альбом!

Но деваться было некуда. Шумный тогда сильно болел и делами группы заниматься не мог. Горшок с Князем тоже люди довольно далекие от бизнеса. Так что разруливать все пришлось мне. Хорошо, что Яха позже подключился и помог.

Поперлись на Пушкинскую в «Театр ДЦТ» – давайте, мол, посмотрим внимательно контракт. Причем интересовали нас не столько деньги, сколько рекламная поддержка альбома. Очень хотелось клип снять, например. Да мало ли чего еще! Для нас ведь это были не просто песенки, это была наша жизнь. Обидно, когда выпускающая фирма ни фига не делает для продвижения группы.



Концерт в клубе «Полигон» (ул. Блохина, д.8), май 1996 года. Фото А. Настальская

Оказалось, что тем временем «Театр ДЦТ» уже напечатал 15 тысяч кассет и собирался отдать их в магазины. Мы это дело остановили и потребовали заключения нормального контракта. Два дня спорили, слушали крики «Вы что, нам не верите?!» и «Как можно делать дела без доверия!». В итоге они говорят: «Забирайте свой альбом, студию только оплатите и изготовление кассет». Зашибись! Мы забрали кассеты, но ходить по магазинам и предлагать их на продажу стеснялись. Поэтому подключили к этому вопросу горшковского папу-КГБшника. Он на своей «Волге» развез тираж по магазинам и обо всем договорился. Прочел нам лекцию о том, как надо везти бизнес. Сказал про горячие пирожки, которые продаются, как наши кассеты (или наоборот?), короче, продал весь тираж. Тех денег нам хватило расплатиться и

за студию, и за все остальное. Даже немного на пиво осталось. Папа Горшка, по-моему, постепенно стал менять свое мнение о том, чем занимается его сын.

Тут Шумный совершил подвиг. Он нашел двух парней из музыкального магазинчика «Караван» и предложил им купить альбом. Ребята видели, как папа Горшка ящиками возит кассеты и как они разлетаются. И поэтому заинтересовались. Мы пришли в их магазин всей толпой и говорим: «А чего мелочиться? Покупайте у нас все права на выпуск альбома на кассетах и СД на два года. Денег просим немного, 10 тыщ долларов».

Они все подсчитали, решили, что это выгодно. Только деньги, говорят, будем постепенно платить, по графику. Характерная черта того времени. Приползли мы за первым платежом в магазин (тысячи две или полторы вроде) на час раньше, чем договорились. Караванщики говорят, подождите, мол, лабаз свой закроем через час и рассчитаемся с вами, чтоб народ не видел, какие у нас тут миллионы. Мы вышли на улицу, и выяснилось, что у всей нашей компании не хватает денег даже на бутылку пива. Небогато мы жили.

Далее грянул очередной кризис, рубль обвалился, и выплата наших денежек растянулась на все два года. То есть мы их почти и не почувствовали. Хотя один раз пригодились. Горшок со своей любимой женой загремел в больницу, и нужна была большая сумма наличных. Мы, естественно, решили заплатить – и вправду были один за всех и все за одного. А судьба альбома была печальной. Два года наши кассеты продавались только в «Караване», а больше нигде. Про другие города я вообще молчу. Компакт-диски они стали делать через год. Причем у себя в подвале, – тупо нарезая их на пишущем СД-роме в компьютере. Это было что-то! Альбом существовал, но его почти никто не видел. И сделать мы с этим ничего не могли, потому, что нам честно заплатили. Но жить и веселиться мы продолжали! О, как мы в то время умели веселиться!

* * *

Надо сказать, что у всех доброжелателей, которым действительно нравилась наша группа и которые имели опыт в музыкальный делах, к альбому была только одна претензия: «Зачем вы на альбом поставили столько хитов? На альбом нужно два-три хита, остальные должны быть просто хорошими. Иначе популярными никогда не станете, станете только культовыми. А это денег не приносит. Где слушателю отдыхать?»

Они, конечно, были правы. Но нас переполняли новые песни, и мы не знали, где взять проходные, чтобы разбавить альбом. К тому же казалось, что еще полгодика, и мы напишем новый, ничуть не хуже!

* * *

Да и еще: на обложке первого издания мы использовали специальный шрифт. Фанаты из Москвы отсканировали какую-то древнюю книгу, чуть не семисотлетней давности, сделали шрифт и подарили нам. Так как наш директор Шумный хранил контакты этих прекрасных людей на бумажке, а дискету со шрифтами в заднем кармане брюк, все было утеряно, и в дальнейшем мы стали пользоваться шрифтом «Кирилик олд».

37. Рябчик, Яха, Гриша

Расскажу я вам, друзья, сказ о том, куда делся Рябчик, откуда появился Яха и кто такой Гриша.

Рябчик – культовый персонаж в истории группы. Напомню, что он присоединился к группе по идеологическим соображениям, потому что был единомышленником. В некоторых музыкальных вопросах он был по тем временам более продвинут, чем все остальные. Он вообще единственный среди нас практически не слушал отечественную музыку и старался ориентировать нас на западную музыку, коей был большой знаток и ценитель.

Сначала он был в группе клавишником. Не смотря на отсутствие клавиш, он имел полноправное членство в группе. Позже, когда Князь оставил бас, Рябчик стал играть на басу и преуспел. Несколько его бас-гитарных фишек я использовал в дальнейшем, когда бас пришлось взять мне (в песне «Валет и Дама», например). Хотя мы все были одногодками, Рябчик добавлял нашей компании серьезности и вообще подходил к каждому делу с большим тщанием. Даже иногда чересчур. Кстати, у него был искрометный и стремительный роман с моей очаровательной одноклассницей Ксюшей, и когда она его бросила, он сочинил очень грустную и трогательную песню. Правда, никому не показал. Я ж говорю, он был очень серьезный и положительный штрих, хотя и безбашенности ему было не занимать.

Рябчик активно участвовал и помогал в первых альбомах «Истинный убийца» и «Будь как дома, путник!» («неофициальных»). Он был с нами, когда мы полтора года панковали в Эрмитаже. Короче, боец. Расскажу вам занятную историю про него, а то прямо некролог какой-то получается: «был», «участвовал», «серьезный», «положительный».

Праздновали Новый год. Позвали девчонок – Аню и Ксюшу. Скопили денег и затарились бухлом, а на хавчик решили шикануть и купили куру. Целую курицу! А кура, как известно, это и закуска на первый день, и суп на второй. Да и не было ничего больше. Так вот. Новый год. Курицу поставили варить, пьем пиво, развлекаем девчонок, Горшок исполняет только что придуманную им песню-танец под названием «Цыганочка с выходом». Тут Рябчик озабоченно идет на кухню и возвращается с видом победителя. «Пока вы тут сидите, там курица сварилась, и я ее слил». «Что-что ты сделал?!» – закричали мы. «Да слил ее, ну, как макароны».

Ул. Восстания, Питер, август 1993 года. Фото А. Настальская

После того как нас выперли из Эрмитажа, мы помыкались, помыкались, да и перебрались на новую точку к Кабану, на Гражданку. Про точку расскажу позже, но в то время нас проперло повышать качество исполнения и звучания, и мы старались как можно больше репетировать. То есть все свободное время. А Рябчик начал темнить, отлынивать, не могу, говорит, чаще двух раз в неделю. Собрали общее собрание. Оказалось, что вектор развития группы его не устраивает, и будет честно, если он не станет фачить нам мозги, а просто уйдет. На том и порешили. Мирно и спокойно, оставшись друзьями. Я до сих пор благодарен ему за эту честность. Кстати, в это же время и Поручик порывался уйти из группы, но его я уговорил остаться, а Рябчика не стал. Такой он был серьезный человек, и так все уважали его решение.

Когда ушел Рябчик, встал вопрос о бас-гитаристе. Знакомых музыкантов у нас было немного, и мы решили взять Гришу из группы, которая репетировала с нами в Эрмитаже. Бас-гитара покинула группу вместе с Рябчиком, а у Гриши была своя. Парень Гриша был хороший, но, к сожалению, не идейный. У меня было четкое представление, как должна звучать бас-гитара, какая нужна подача и какое место она должна занимать в ансамбле. И начал заниматься с Гришей, как в свое время с Рябчиком. Да и все мы стали больше репетировать и учиться. Но недолго.

Сначала я придумал довольно непростую партию баса в «Песне друзей», и Гриша не мог ее сыграть. На концертах мне приходилось брать бас и играть эту песню за него. Потом он пропустил концерт. Вернее, он пришел, но без бас-гитары. Хорошо, что в тот день перед нами играла группа «Кирпичи», и парни одолжили мне бас. Хороший такой дорогой японский бас. На нашем первом стадионном выступлении на фестивале «Наполним небо добротой» Гриша умудрился за полтора часа до концерта нажраться так, что почти ничего не сыграл. Больше всего почему-то взбесился Яха, и на общем собрании у себя дома потребовал выгнать Гришу. Все задумались и согласились, слава богу, мы не успели особо сдружиться. Но официально мы его не исключали. Ему просто никто больше не звонил. И он не позвонил, не поинтересовался, когда репетиция. Короче мы перестали обращать на него внимание и, как следствие, он исчез из нашей жизни.

После того как Гриша слился, я понял, что утомился обучать басистов. И решил играть на басу сам. У нас с Горшком была давняя концепция: гитара в группе должна быть одна, если в группе две гитары, значит, или один гитарист слабый, или еще что-то не так. Две гитары в 99 % случаев мешают друг другу. Все, чего не хватает, должен давать бас. То есть, у бас-гитары должна быть энергичная и немного гитарная подача.

А поскольку до этого я играл на гитаре, некоторые партии перенес в бас. Да и на басу не стеснялся вставлять соло, там, где надо. Послушайте песни, где я придумал новый бас именно в те месяц-два: «Смельчак и ветер», «Садовник», «Мотоцикл», «Холодное тело», «Дурак и молния», «Помоги мне!».

Бас-гитару мне помог купить Яха. Кто-то из его знакомых продавал привезенный из-за границы корейский «Джаз басе» и сказал, что это «Ария про 2», но фиг знает, по виду так «Джаз басе». Хотел тот чувак триста долларов. Триста долларов! Неподъемная по тем временам сумма. Я работал мебельщиком и получал около сотни баксов в месяц. Яха занял денег у своей одногруппницы и договорился, что я отдам позже. Помню, там

была хитрая схема из долларов, немецких и финских марок. Шикарный бас! Он есть на фотографиях, черно-белый такой. Много позже я подарил его старшему сыну, и он его использовал в своей группе Broken Vehicle.

Яху (по-настоящему его зовут Яков) нашел Горшок. Однажды пришел и говорит: «Я нам гитариста приглядел, давайте посмотрим?» До этого Яха играл в группе «Аусвайс», о которой я ничего, кроме названия, не знаю. Горшку Яха понравился тем, что у него была жутко громкая примочка. Просто не овердрайв, а хэви-метал какой-то. А вот гитарка была говенная, совковая, но он как-то подсуетился и почти сразу купил «Черри». Что-то типа корейского страта. Играл Яха не очень хорошо, но был согласен учиться и готов был репетировать столько, сколько надо, как, впрочем, и я. Как-то мы ехали в Москву, я позвал Яху в тамбур, и у нас произошел примерно такой разговор:

– Яха, а ты в курсе, что фигово играешь? – спросил я ласково.

– Да, а что? – он засмущался.

– Но ты ведь будешь стараться и учиться? – я не наезжал, я правда хотел помочь ему.

– Ну, да, конечно.

– Послушай, Яха, «Король и Шут» – это дело и смысл всей моей жизни. И если ты будешь фигово стараться и тянуть группу назад, то я лично тебя выкину. Без обид.

– Из группы? – Яха боязливо посмотрел на дверь тамбура.

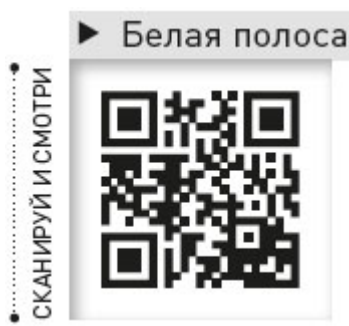
Позже, в течение нескольких лет, Яха вспоминал этот разговор и говорил мне слова благодарности. Это, говорит, был серьезный стимул для того, чтобы стараться.

Вот, собственно, и все про Рябчика, Гришу и Яху.

38. Быт, точка Кабана

Раз такие пироги, то заодно расскажу про точку у Кабана. После того как нас попросили из Эрмитажа, репетировать нам стало негде. Из аппаратуры у был один комбик (тот самый комбик, с флэнжером). Леша Горшенев уже оставил нас, а Поручик, соответственно, пришел из армии, но барабаны покупать не спешил.

И тут на горизонте появляются ребята из группы Second Hand Condoms. Их барабанщик работал электриком в ЖЭКе, и ему под мастерскую выделили подвал, где они и репетировали. Барабанщика звали Кабан. У них тоже был комбик, какие-то колонки и (о, чудо!) барабаны. Про одну особенность подвала надо сказать особо. Чтобы зайти на точку, надо было через дверь с улицы спуститься вниз, потом метров 30 согнувшись идти под трубами центрального отопления и затем сквозь пролом в стене попасть в репетиционную. Высота потолка – метр шестьдесят пять, в полный рост не выпрямишься. Кому интересно, посмотрите – я выложил видео на своем ютьюбовском канале. В передаче Наташи Крусановой «Белая полоса» есть сцена, где мы «репетируем» песню «Внезапная Голова», – так это на точке. Видите, стою один я и то голову пригнул. Там же хорошо виден и «Джаз басе», и «Черри», о которых я писал выше.



Это было время фанатичной работы, и, оглядываясь назад, можно сказать, что именно тогда сформировалось то, что все называют золотой состав. Мы работали над собой, над звуком, репетировали чуть ли не каждый день. С одной стороны, именно в те годы мы написали первый «официальный» альбом «Камнем по голове» и более-менее сформировали общее видение группы, а с другой… Денег не было совсем. Я после долгого перерыва устроился на работу и как-то еще перебивался, хотя и тратил все

на музыку. Князь тоже бабосами не богат был. Из нас всех, наверное, один Поручик был на бабках, но он был человек принципов и не тратил их на общее дело, видя свое будущее в частном предпринимательстве. История со студией все еще была актуальна. Пор не отказывался вносить свою долю за студию, но только обещал, чем доводил Горшка до белого каления. Все это, впрочем, совершенно не мешало нам быть друзьями.

Ладно бы деньги, Горшку жить было негде. Из-за конфликта с отцом он давно ушел из дома и оказался без крыши над головой. Поэтому он тусовался весь день на улице или еще где, а вечером приходил к кому-нибудь и просился переночевать. А там и пожрать. На практике это означало, что примерно раз в неделю он ночевал у Князя (чаще нельзя, у Князя были строгие родители). Редко у Яхи (Яха жил в многодетной семье, и Горшок жаловался мне, там невозможно оставаться, потому что из жратвы только чай и хлеб). И пять, а то и больше дней в неделю Горшок ночевал v меня.

Клуб «Гора», май 1996 года. Фото А. Настальская

Мой дом был тоже заполнен родственниками, и я жил в проходной комнате вместе с младшим братом. Я выгородил себе угол, и мы с Горшком тусовали там по вечерам. Это выглядело так: диван и около него метр свободного пространства, по бокам два шкафа, а вместо двери натянуто покрывало. То есть уже втроем в моем закутке можно было находиться только сидя, да и то сначала нужно было пробраться через какую-то аппаратуру и

инструменты. Было тесновато, но зато очень уютно и по-панковски. У меня сохранились тетрадки тех времен с записями песен, стихов, сказок, раскладов, телефонов и адресов.

Обычно распорядок дня у нас был таким.

Подъем в 7.00. Еще один прекрасный день! Мне пора было фигачить на работу, и мы, слегка перекусив, выметались из дома. Горшок стеснялся оставаться в моем доме без меня, ибо фактически это бы означало, что он переехал сюда жить, а для него это было неприемлемо.

До 17.00 я работал. Таскал, сверлил, колотил – мастерил мебель. В то время мне нужно было срочно расплатиться за свой шикарный корейский бас, на котором позже я записал первые три альбома. Так что брал халтурку: еще пару часов разгружал и пилил на морозе доски. Иногда ко мне присоединялся и Горшок – подзаработать. Но случалось это нечасто: работа была тяжелая.

Далее нужно было почти час ехать на метро на другой конец города, на Гражданский проспект. Там, на Просвещения, была точка Кабана, где мы с друзьями встречались и весело проводили время. Репетировали примерно до 11, редко 12, потому что надо было еще пилить обратно на Ржевку.

Домой мы с Горшком, голодные и уставшие, приползали уже поздно ночью. Обычно мама оставляла мне на ужин тарелку под тряпочкой – макароны или картошечка. Мы с Горшком потихоньку прокрадывались ко мне в апартаменты, и делили этот нехитрый ужин. Ели с одной тарелки, как два Гавроша. Горшок даже куртку в коридоре не снимал, стеснялся, что кто-нибудь заметит, что у меня гости.

Потом мы полчаса-час болтали, обсуждали день, строили планы. Одно время понемногу писали вместе бесконечный рассказ, но потом Горшок нашел очень интересную сюжетную линию, и я уговорил его выделить ее в отдельный рассказ. В итоге у него появилось целых три рассказа, правда на совершенно разные темы.

Мы были уже здоровые лбы, но однажды Горшок заметил, что мы чувствуем себя в этом закутке, как дети, которые спрятались от родителей под одеялом и с фонариком читают там интересные книжки. Да так оно и было.

Раз уж я принялся описывать всякую мелочевку и бытовуху, то нарисую характерную картину тех дней, я лично без смеха о ней вспоминать не могу.

Как вы понимаете, Горшку приходилось много ходить, причем в старых высоких шнурованных ботинках из секонд-хэнда. А носить такие ботинки без носков означало мгновенно стереть ноги. Поэтому он занашивал носки до дыр и выкидывал. Взять

новые, кроме как у меня, было негде, поэтому скоро и у меня не осталось носков. Но! Я работал мебельщиком и мог сколько угодно брать на работе бязь. Бязь – это такая грубая дешевая тряпка, применяемая при обивке мебели, она валялась у меня на работе рулонами. Из нее я наловчился вертеть портянки. И это было очень круто, потому что пока я выплачивал долг за бас, денег не было даже на носки. Кстати, из этой же бязи я сшил нам концертные рубашки и большой задник на сцену, которые Князь потом раскрасил.

Так вот, приходим мы с Горшком к кому-нибудь в гости, снимаем ботинки. Горшок остается в носках с дырками величиной с кулак, а я босиком, живописно разложив мокрые портянки поверх ботинок. Мокрыми они были всегда, потому что на подошве ботинок была трещина и в нее все время набивался снег. Горшок же был интеллигентного воспитания и вежливо просил у хозяина одеколон или какой-нибудь лосьон. И тщательно протирал ботинки изнутри. Весело было, одним словом. Ничто материальное нас не держало, и это тоже давало ощущение свободы. Кстати, именно это чувство помогло мне принять решение уйти из группы, но об этом позже. Но какое же счастье я испытал, когда через пару лет сумел купить себе первые нормальные, фирменные ботинки! Мои ноги были сухими! Это было потрясающее ощущение. Я смотрел на людей вокруг и думал о странных вещах. Ведь я теперь хожу с сухими ногами, а они никогда о таком даже не задумывались.

39. «Акустический альбом», 1999

Когда творишь, времени не существует,
Потому и творения бывают бессмертными.
То есть неподвластными времени.

Балу

Ладно, бог с ним, сбытом. Давайте о музыке. Хотя тоже вопрос, что интереснее. Какая гитара была у Горшка или где он встретил свою первую любовь Анфису? У каждой темы свои обертона. Ну, раз я обещал рассказывать все подряд, то так и дальше буду поступать. А сейчас расскажу о самом коммерчески успешном музыкальном творении нашей группы – «Акустическом альбоме».

После того как мы записали второй «официальный» альбом «Король и Шут» и пристроили его «Каравану», во внешней жизни группы наступил небольшой застой. Нечастые концерты в Питере, еще более редкие в Москве. И все. Несмотря на то, что любое выступление в столице сопровождалось аншлагом, нас не пускали почти ни в один клуб, и каждый концерт был прорывом. Позже мне сказали, что отчасти все это происходило потому, что московские музыканты видели в нас конкурентов. Зато Шумный пробил нам один концерт в Череповце. Еще выступили в Минске.

Одним словом, мы задыхались в границах одного города. Из-за невостребованности у Горшка началось что-то вроде депрессии и, как следствие, проблемы со здоровьем. Но мы по-прежнему были одной командой и поддерживали друг друга. Из-за нерегулярного питания и общей неустроенности Горшок со своей женой Анфисой загремел в больницу. Денег на лечение взять было неоткуда, но, к счастью, подоспела очередная выплата от «Каравана», и мы на общем собрании решили все отдать Горшку.

И вот в эти не очень радостные дни на нашем горизонте снова появляется «Курицца». У них по какой-то причине осталось около ста часов студийного времени на «Мелодии», и они предложили нам их использовать. С одной стороны, мы имели печальный опыт общения с «Курицей», а, с другой, записаться были всегда рады. Хоть нам и предлагали записаться «бесплатно», мы боялись, что новые песни снова уйдут «в никуда». Мы отлично помнили первый альбом, которым никто не занимался, второй,

который продавался в одном (!) магазине в Питере. Было четкое ощущение, что, если мы запишем еще один хитовый альбом, тоже не увидим его в продаже. Было реально жалко тратить свои силы впустую. Тем более Горшок совсем разболелся и почти не ходил на репетиции.

Но все-таки возможность на халяву записаться на хорошей студии не давала мне покоя, и я кое-что придумал. У Князя была целая серия шуточных записей «для своих». Это и несерьезные песенки, и целые аудиопостановки. Множество шедевральных историй, которые он никогда не собирался использовать. О том, как молодой человек переживает, что друзья называют его сосиской, о том, как другой молодой человек уговаривает девушку остаться на ночь, но предупреждает, что писается в штаны, о том, как третий молодой человек сильно переживает, что его девушка увидела его без штанов. Ну и все в таком духе.

Я пошел к Князю и предложил все это записать. Во-первых, это будет смешно – записать такую фигню на профессиональной студии. Во-вторых, мы ничего не потеряем, т. к. при других раскладах никогда бы такое записывать не стали, и это будет офигенный плевок в сторону «Курицы». И, в-третьих, это просто будет весело, потому что мы сделаем веселые аранжировки. Яху мы уговаривали недолго, а Горшок, как я и говорил, нечасто приходил на точку, хотя в альбоме, конечно поучаствовал.

Ромка-аппаратчик подогнал нам к тому моменту комбы Fender Roc Pro 1000 и Fender BXR 200, что существенно повлияло на звук. Силы и время у нас были, так что мы с энтузиазмом принялись за работу.

Что касается аранжировок. Князь делал свои шедевры на игровой приставке ZX-Spectrum, звук и аранжировка у них были соответствующие. Я предложил все переделать в самом издевательском ключе. На тот момент нас не только игнорировали официальные СМИ, но и от коллег по цеху поддержки и понимания было не дождаться. Известные, успешные и уважаемые нами звезды отечественной рок-музыки в приватных беседах говорили: «Ну, ребята, сказки… в рок-музыку. У нас тут серьезное музыкальное дело…» Опасались, что если они, такие все серьезные, будут стоять рядом с нами, такими несерьезными, то отношение к ним будет соответствующим. Естественно, мы (в первую очередь Горшок, а мы за ним), восприняли такую позицию в штыки и мгновенно противопоставили себя русскому року. Стоит что-то запретить, и соблазн нарушить запреты становится непреодолимым. Кому интересно, могут почитать наши интервью того времени. Стоило нам доказать свою самодостаточность и способность добиться всего без поддержки извне, такие разговоры

развеялись как туман поутру.

В это время в радиоэфир начал активно прорываться шансон. Поэтому вполне естественно, что мы противопоставили себя и ему тоже. Забегая вперед, скажу, что радио «Русский шансон» было единственным, кто крутил нас по просьбам радиослушателей. Блата у нас там не было, но факт остается фактом. Чтоб проникнуть в эфир любой другой радиостанции, надо было приложить массу усилий, и попасть можно было только в авторскую программу, да и по знакомству.

Учитывая все вышесказанное, желание показать фигу «Курицце», русскому року и шансону, а также вообще показать всю степень безумия окружающего мира было нестерпимым. Так что я предложил сделать все аранжировки максимально издевательскими. Издеваться нужно было над шансоном, играя до-соль, над серьезным роком, играя с серьезными лицами лирическую песню с ржачным концом, над «Куриццей», которая ждет «нормального» альбома. Над всем миром, но чтоб было весело. Позже у меня были из-за этого смешные и не очень проблемы с друзьями, но об этом позже.

Против нас был весь мир. Моя жена сильно болела, иногда не могла о себе позаботиться, четырехлетним сыном нужно было заниматься, так что каждый выход из дома давался мне с трудом. У Горшка ситуация была еще хуже. У Поручика где-то примерно в это время накрылся его бизнес, он кричал, сколько денег потерял, и был уверен, что прямо сейчас его придут убивать бандиты. Про Князя ничего не скажу, а Яха никогда богато и не жил. Но это все не имело никакого значения. У нас у всех было общее дело, общая идея, которая была больше каждого из нас по отдельности.

Была музыка. Так что давайте просто послушаем вместе альбом, а там, глядишь, и еще что интересное вспомним. Как обычно, Князь приносил песни, а группа их переосмысливала уже в нашей стилистике. В большинстве случаев «группа» – это были я и Яха. На последние репетиции и запись, для того чтобы звучать уж совсем нереально, мы позвали двух девушек-скрипачек, Машу Нефедову и Машу Бессонову. А когда пришло время женского вокала, пригласили известную певицу Марину Капуро, которая и исполнила несколько песен, совершенно бесподобно, на мой взгляд. Ей песни очень понравились, что было приятно, и позже она пару раз приходила на наши концерты и интересовалась совместными выступлениями. Но Горшок съезжал с этого по каким-то своим причинам.

Итак, слушаем, а мы с Князем будем радовать вас историями. Впрочем, к нам в обсуждении этого и некоторых других альбомов присоединяется Машенька Нефедова, наверняка и она что-нибудь

да вспомнит!

Балу. Поделись своими воспоминаниями о создании этого альбома.

Князь. На протяжение первых лет нашей музыкальной работы я, помимо стихов на Михину музыку, писал и свои песни, которые исполнял в армии, в застольях, у костра. Их было приличное количество. По пять часов в день минимум я ежедневно проводил с гитарой и, естественно, чтобы песни не забывать, я начал придумывать, как и куда их записывать. Моим спасителем стал кассетный магнитофон «Соната-216». У меня были специальные кассеты, на которые я писал свои черновики. Но у этого процесса была эволюция. Мне захотелось делать аранжировки, и я начал пользоваться всякими подручными средствами. В начале 90-х, как известно, у нас не было ни компьютеров, ни соответственно музыкальных программ. Опишу одну из самых забавных работ: я притащил домой второй магнитофон, записал на него свое пение под гитару, после чего включил другой мафон на запись, а первый на воспроизведение и под это дело записывал соло и подпевки. Для имитации барабанов я иногда брал большие наушники и хлопал ими друг о дружку, создавая низкий ритм, напоминающий бочку. Далее у меня появилась моя первая игровая приставка ZX-Spectrum, которая загружала игры на телевизор через кассетный магнитофон. Сами игры были записаны на кассеты в виде дребезжащих звуков. Прогуглите в Интернете, если кому интересно, в каком средневековье мы жили, (смеется) Среди игр я вдруг обнаружил свой первый музыкальный редактор, так стали появляться мои первые аранжировки.

Следующим этапом эволюции была квартира моего троюродного брата Дмитрия Смирнова, где мы вживую записывали мой материал на бобинный магнитофон. Эти машины писали звук очень хорошо. Я делал аранжировки на синтезаторе брата, и под его аккомпанемент брательник играл бас, а я бренчал на гитаре и пел. У меня была целая кассета таких аранжированных песен, и именно с них мы в свое время начали делать «Акустический альбом». Разумеется, многое надо было перелопачивать, но некоторые проигрыши были включены в конечные версии песен.

Балу. А что ты нам можешь поведать, Машенька?

Маша. Понимаешь в чем дело, Саня, я не помню ни хрена.

Балу. Это уже немало!

Маша. Даром, что я самая трезвая была из всех, но не помню вообще ни черта. Поэтому из пустоты что-то брать…

Балу. Ничего, тут главное втянуться. Давай попробуем! Как ты вообще присоединилась к нашему славному коллективу,

расскажи.

Маша. Мы пересекались на точке у Кости по кличке Пустоглаз, а потом, когда вы стали делать «Акустический альбом», я уже пришла на точку в ДК Кирова («Падающая Башня» – прим. Балу). Я помню, вы еще искали звукорежиссера, и Паша появился – такой чахлый, ушастый. Записали альбом, а потом мы с Машей Бессоновой сыграли клубе «Лесопилка». А потом еще мы сыграли с другой скрипачкой, Инкой-мелкой, концерт в ДК Шелгунова.

Балу. Да ты что, мы в Шелгунова играли с двумя скрипками? Точно, вспомнил Инну! Кудрявая такая, симпатичная.

Маша. Да. А больше я не помню ни черта!

1. Кукла колдуна

Балу. Князь принес ее в довольно своеобразной аранжировке, и мне очень понравился припев. Всем известно, что если любую вещь повторить много раз, то она начнет нравиться. И я предложил подчеркнуть припев, сыграв на скрипке основную мелодию, а после припева пусть скрипка еще раз сыграет то же самое. И в начале два, нет, четыре раза! Только после второго куплета мне не дали вставить скрипичный проигрыш, а я хотел! Но зато настоял, чтобы в конце и гитара, и скрипка по одной струне играли одну мелодию. В итоге мы этот мелодический ход исполнили 14 раз. И бас еще я в куплетах нехарактерный для себя придумал. Если грамотно поюзать ютьюб, можно найти, как «Куклу» заводят на хоккейном матче вместо гимна (вроде, чего-то там мы выиграли, и песню завели по желанию того, кто шайбу забил), или как в Питере футбольные фаны кричат речевки на эту мелодию. Молодец, Андрюха!

Фотосессия. Финский залив, 2000 год. Фот М. Лапис

Маша. Никаких хороших воспоминаний не всплывает. Одно воспоминание: одну и ту же мелодию нужно пилить по многу раз.

Балу. Ну, прости, Маха!

Князь. Это одна из самых известных и долгоиграющих песен. Она постоянно звучала на лучших концертах «Короля и Шута», и я не убираю ее из концертной программы группы «КняZZ». Первоначально я записал ее, используя вышеуказанную музыкальную программу с игровой приставки, и она имела совершенно другие куплеты и исполнялась на «рыбе». Горшок тогда сказал, что хитовый припев и слабые куплеты. К моменту работы над «Акустическим альбомом» я решил не упускать эту песню из виду и всерьез подошел к ее созданию. Я полностью поменял куплеты и написал текст. Когда мы наворотили огромное количество повторяющихся мелодий в этой песне,

возникли сомнения, но было очевидно, что здесь такая мелодия, которую слушать не надоедает. И мы не прогадали.

2. Наблюдатель

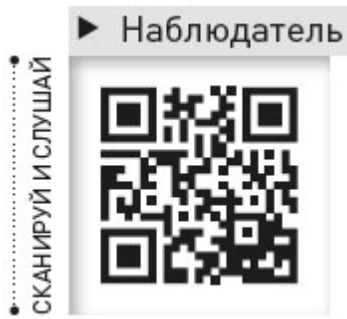
Балу. Тут концепция была такая. Решили все максимально минимизировать и не издавать лишних звуков, хотя это скрытая идея всего альбома. Начало песни решено было сделать с максимально русско-роковым басом – та-да-да, та-да-да, а Яха придумал еще и подчеркнуть это гитарой в самом начале. Потом постепенно решили разогнаться, бас играет ровно, гитара вешает, и в третьей части, где Князь поет, уже все лупят в полную силу. А потом – хоп! – и снова простецкий рифак, как в начале. Простота подхода поначалу немного смущала, но когда Горшок, Князь и Марина Капуро спели по ролям, все отошло на второй план и все инструменты стали выглядеть, как будто так и надо.

Маша. «Наблюдателя» я не пела. Я пела только в одной записи в «Кузьма и Барин».

Князь. Черновик этой песни я записал дома у своего троюродного брата Смирнова в достаточно медитативном ключе. А когда стали ее репетировать, то решили, конечно, динамики добавить. В демозаписи для исполнения женской партии я привлек свою соседку Викторию, но на студию, разумеется, нужно было приглашать кого-то посерьезнее в плане вокала.

Мы попробовали нескольких девчонок, которые говорили, что умеют петь. Анфиса еще привела свою подружку. Но было очевидно, что это все совершенно не то. Владелец компании, на которой мы собирались выпускаться, неожиданно предложил позвать Марину Капуро, сообщив, что имеет контакты ее представителя. И все сложилось. Я пропел женскую партию фальцетом, чтобы показать мелодию и Марина тут же сделала красиво. В конечном итоге Горшок спел куплеты от лица парня, Марина – женскую партию, а я взял себе припевы.

Балу. Я ее считаю чуть не самой главной песней альбома. Если честно, то меня сразу пробрало до мурашек! Прямо слезы на глаза навернулись от того, какие чувства эта песня во мне вызвала, какие струны моей души затронула. Я почувствовал свое одиночество. И какую-то детскую жажду того, чтоб хоть кто-нибудь меня понял. Поэтому каждый раз, когда эта песня заканчивается, мне немного грустно.



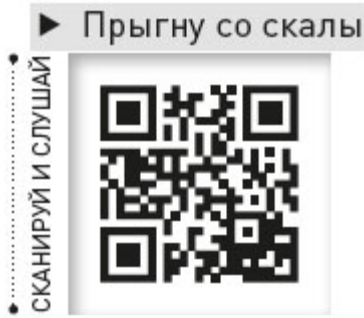
3. Бедняжка

Балу. Тут в мы решили совместить оба подхода, которые применяли в предыдущих песнях. А Яха вставил зажигательное соло собственного сочинения. Даже два. Особенно живо эта песня звучала на концертах.

Князь. Это чистый экспромт. Написал и положил, планов не было никаких. Вообще, с текстами для «Акустического альбома» мне работалось исключительно легко, я записывал, что в голову взбредет. Казалось бы, галиматья, «девушка в смирительной рубашке», «шашки», но нет. Ведь главной концепцией альбома было несерьезное отношение к содержанию.

4. Прыгну со скалы

Балу. Князь принес вот это полотно (одна из песен по ссылке):



И что с ним можно сделать, поначалу было совершенно непонятно. Мелодия и стихи очень хорошие, но при таком темпе к третьему куплету внимание слушателя уже не может концентрироваться на песне. Попробовали сыграть побыстрее – лучше не стало. Да еще такой бас у него в куплетах играл на болванке, что прямо слышался голос сверху: «Нужны крайние меры!» И тут нас выручила самоирония. Я говорю: «Андрюха, а давай ты куплет будешь петь под одну гитару, типа ты не то бард, не то металлист – балладу поешь! А перед припевом мы все вместе ударим по струнам семь раз и грянем припев. А после припева гитара повторит припевную мелодию. Два раза. Таким образом, мол, мы достигнем того, что грустный текст куплета будут слушать (он же просто под гитару и ничего не мешает), а в припеве появятся мощь и героика. Попробовали – так и надо! Я вообще ее с трудом представляю в другой аранжировке, и чтоб при этом она не стала хуже. Кстати, когда ты ее написал?

Князь. Я написал ее уже после армии. Практически сразу как вернулся. И к тексту относился не очень серьезно. Если бы вы мне, например, тогда сказали: «Андрюха, с колпаком ты переборщил. Какой колпак? На фига тут колпак? Какое он имеет отношение к песне?», то я бы, естественно, убрал. Но никто ничего не сказал. И эта фраза: «С головы сорвал ветер мой колпак…» Меня поразило, что люди не очень задумываются, о каком колпаке идет речь. И с хера ли здесь вообще колпак?

Балу. Странно, по-моему, очевидно, колпак есть колпак.

Князь. На самом деле просекли-то, может быть, и многие, но не задавались этим вопросом и считали, что все на своих местах. И позже я заметил, что для некоторых «колпак» – синоним слова «крыша».

Балу. А ты что имел в виду?

Князь. Да просто: «Ветер сорвал мой колпак». Все.

Балу. Значит, я правильно понял.

Князь. Я тебе говорю, что я писал в шутку. Просто шизу такую. А потом шиза превратилась в серьезную песню. И то, с

чего я начинал, и то, чем мы закончили, – это абсолютно разные вещи.

5. Девушка и Граф

Балу. Тут вся песня держится на стихах и игре вокалов Князя, Горшка и Марины Капуро и стихах. Музыканты ничем особым не отличились. А чего нам при таком обилии певцов? Хотя нет, под конец, когда все допели, я попробовал разогнаться басом. А вообще, это ведь не самая характерная для нас песня, да?

Маша, *(поет)* Как она мила!

Балу. Нет, это «Наблюдатель» *(напеваю)*.

Маша. А я там, по-моему, даже не участвую. И мы ее никогда не играли.

Балу. Ну, как не играли… Знаешь песню «Бродяга и Старик»?

Маша. И?

Балу. Ну, это та же песня.

Маша. А! Ее потом переделали. Знаешь, я почему-то два и два не сложила, вот и не знала об этом.

Князь. «Девушка и Граф» – это наша первая готическая песня. Дело в том, что до этого я песни делал в коричнево-темно-зеленых тонах. Я говорю о своем восприятии, конечно. Или озорные какие-то, панковские песни – они у меня были рыжими или красными. А тут получилась песня, которая, по моим внутренним ощущениям, была темно-синей. В те времена я закладывал в песни несколько ролей, причем именно с женским голосом. Мне было интересно такие эксперименты проводить. Я хотел, чтобы у меня получилось что-то красивое и романтическое, именно из-за двухголосья. Но попасть с этой романтикой в один ряд с какой-нибудь попсой я категорически не желал и поэтому постарался сделать что-то максимально зловещее.

6. Песня мушкетеров

Балу. История создания этой песни такова. Шли мы однажды с точки до метро по Малому проспекту на Васильевском и в шутку спорили, кто на концертах устает больше. И Горшок говорит: «Князь, а придумай песню, чтобы все пели по очереди, а не только мы». Хотя нет, это был разговор о песне про пиратов.

Маша. Суперская песня! И то, что там все по очереди поют, и что мушкетеры, и что разные характеры. Во всех смыслах суперская.

Князь. «Песня мушкетеров» была написана с конкретной целью: привлечь к исполнению других участников группы. Отсюда и персонажи – д'Артаньян и три мушкетера. Мне всегда нравился этот фильм, и давно хотелось написать что-то для коллективного пения. И, на мой взгляд, песня удалась. Она, как и все остальное в «Акустическом альбоме», написана с юмором, и поэтому в стихах мы постоянно стебемся над д'Артаньяном, роль которого исполняю я. Портос получился как настоящий Портос, его отлично исполнил Горшок. Арамисовские все темы тоже получились мягкие и эластичные, и тут блестяще справился ты. Мне, кажется, только Яков не подходит на роль Атоса, а все остальные сыграли очень хорошо.

Балу. Да не так уж и плохо Яха пел. Конечно, Атос в моем представлении совсем другой, но зато он спел весело! Хотя Атос, конечно, не самый весельчак был. Но и д'Артаньян у тебя не совсем классический.

Князь. А образ д'Артаньяна я выбрал абсолютно дурацкий, потому что это стеб: «С друзьями я себя не чувствую салагой». Я показал д'Артаньяна не «сорвиголовой», который смело лезет во все драки. Он у меня такой чувак, который с пацанами герой.

Балу. Кстати, в книге он такой и есть, совершенно не похож на киношный образ.

Князь. Поэтому над д'Артаньяном я в этой песне позволил себе немножко прикольнуться, понимая, что эту роль буду исполнять я. Уже с самого начала я представлял, кто и что будет петь. Я дал роли всем четверым членам группы.

Балу. Нас пятеро было.

Князь. Конечно, пятеро! Я имею в виду кроме барабанщика!

7. Тяни!

Балу. Песня полностью соответствует концепции этого альбома. Сыграно по всем канонам, ранее нами не играным. И какой текст! Какая глубина поступка главного героя песни! На концертах, уже после того как замолкнут последние барабаны, я очень любил раскачивать в конце бас и играть его о-о-о-очень долго, заставляя всех импровизировать до бесконечности. Было весело.

Маша. Так и думала, что ты очень любишь эту песню. Я помню, как ты подпевал это «Тяни!» с душой.

Князь. Да. Она и писалась как шуточная песенка. Мысль просто лилась из моего воображения на бумагу, не особо советуясь со мной. Типа про любовь. Типа необычная. Типа

странная. И все в этом духе. В альбом попала без лишних вопросов.

Балу. Да, мы ее как услышали, так сразу стало ясно, что наше. Это старая твоя тема или нет?

Князь. К сожалению, историю написания многих песен того времени в памяти уже сложно восстановить. Это было давно, а песня уже настолько въелась в сознание, что стала данностью. Причем, даже если про некоторые песни вспоминаешь, откуда ноги растут, очень сложно это объяснить.

8. Утренний рассвет

Балу. Старая песенка, написанная давно, но нигде не пригодившаяся. По понятным причинам мы ее вставили сюда. Ну и, конечно, в лучших традициях минимализма, вместо соло гитара играет мелодию. Мне название понравилось сразу, по-моему, очень отражает общую стилистику альбома. А поскольку уже через год обложку делал тоже я, то так и оставил, мне интересно было: заметит кто или нет. Заметил только Яха, правда, после выхода альбома. А все журналисты и прочая музыкальная братия ничего не заметили, и никто не поправил. Даже обидно немножко.

Маша. Мы никогда ее не играли, никогда. Но мелодически она очень красивая.

Князь. Эта одна из двух песен, написанных не на мою музыку. Вот «Мотоцикл» твой и эта еще. Когда мы решили записывать «Акустический альбом», Горшок не стремился в нем участвовать как композитор.

Балу. Он стремился. Просто из-за проблем со здоровьем нечасто на точку заходил. Но когда заходил, то активно участвовал. И в аранжировках, и во всем.

Князь. Да и альбом уже был набит под завязку материалом. А эта песня у него валялась.

Балу. Это вообще со школьных времен песня.

Князь. А, ну вот. Мне нравилась, и поскольку она явно акустическая и в панк-роке ее не сделаешь, решили записать. Когда я начал писать стихи, то понял, что с таким мелодическим рисунком хочется не сюжет какой-либо увидеть в песне, а, скорей, описание природы. Мы с Горшком это обсудили, и он согласился. Ну и, конечно, ты правильно сказал, была допущена очень смешная ошибка в словосочетании «утренний рассвет».

Балу. А когда ты это заметил?

Князь. Я это заметил, когда Цвирк мне стал об этом говорить

во время каждого застолья, гораздо позже. Также, как и в песне «Пьянка» – «прохладный теплый вечер»…

Балу. А в чем проблема с «вечером»?

Князь. Ты вдумайся: «Прохладный теплый вечер».

Балу. Ну, прохладный и теплый. Тепло, но не жарко. Прохладно, но не холодно.

Князь. Нет. Понимаешь в чем дело. Ты объясняешь так, как ты это понимаешь. Но если смотреть с точки зрения классического понимания русского языка, то «прохладный» – это близко к «холодно». А «теплый» – это значит «тепло». А тут и прохладный, и теплый.

Балу. «Прохладный» – это значит не «холодно», а «нежарко», «комфортно». И «теплый» – тоже не «горячий», а ближе к «комфортный».

Князь. Не, Шур, подожди. Смотри. «Теплый» – это когда тебе тепло. Да?

Балу. Да.

Князь. Тебе не жарко, а тепло. То есть «тепло» – это по-английски hot, а прохладный – это значит, что, в принципе, тебе не тепло. И даже не нейтрально. То есть «тепло» – это близко к жарко, а «прохладно» – это близко к холодно!

(к беседе подключается жена Князя, Агата)

Агата. Вы о чем, вообще?

Князь, *(ржет)* Ну идет «жарко», «прохладно», а потом «холодно», понимаешь? Мы про фразу «прохладный теплый вечер».

Агата. «Прохладный теплый вечер» *(заливисто смеется),* у тебя есть такая песня?

Князь. Такие слова в песне «Пьянка».

Балу. Ну, про «Утренний рассвет», я думаю, мы все объяснили.

9. Сосиска

Балу. Одна из вершин симфонического юмора Князя! Кто еще сможет такое спеть с серьезным видом? С настолько серьезным, что начинаешь главному герою сопереживать! А что еще надо? Музыку целенаправленно сделали максимально простой, бас на сильную долю, гитару на слабую. То есть, проще некуда. Так казалось смешнее. Только в припеве я наиграл максимально быстрый и сложный по тем временам бас. Хотя вот сейчас послушал и на моих колонках, да с левого канала ютьюба, и что-то он не очень прослушивается. Но опять-таки все наши

музыкальные изыски затмевает вокал. Что скажешь про историю создания?

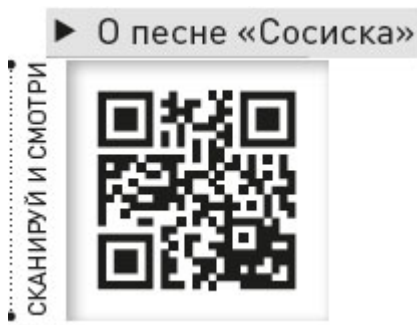
Князь. Песня «Сосиска» написана под впечатлением от многократного исполнения какого-то дурацкого экспромта Александром Балуновым.

Балу, *(длительная пауза)* Да ладно! Серьезно?

Князь. Угу. Ты ходил по точке и напевал какое-то четверостишие.

Балу. Точно, вспомнил! Забыл уже, прикинь? Дай вспомнить, придумал я его по дороге на точку, и мне так понравилось, что я спел его потом за неделю раз сто, пока он у всех из ушей не полез.

Маша. Ты поработил их этой песней еще до моего появления.



Вот стихи:

Хоть и был я душа-человек,
Принимал я всегда к сердцу близко.
Как друзья называли меня,
А меня называли сосиской.

Князь. Я послушал эту чепуху и подумал, что «меня называли сосиской» звучит душещипательно. И дома уже мысль начала работать. Дело в том, что я многим в свое время клички придумывал и любил это дело, а они мне в ответ. И мои клички мне не нравились, а придумывать для других нравилось. И я очень четко понимал, что неудачное прозвище может повлиять на жизнь человека.

Балу. Понятно. А тебя как называли в детстве, лошпет? *(ржем)*

Князь. Я на самом деле имел много дурацких кличек, потому что не было ни одного человека в классе, которому бы я не придумал прозвище. А каких именно, я вам не скажу.

Балу. А ведь мы с этой песни концерты начинали. ДК Горького, Ленсовета и какой-то «Юбилейный».

Князь. Серьезно? С шуточных песен?

Балу. Не просто с шуточных, с «Сосиски».

Князь. А ведь у нее еще четвертый куплет был, не вошедший в альбомную версию.

Балу. Споешь?

Князь. И сейчас у меня в репертуаре группы «Knяzz» есть номер: я акапельно начинаю исполнять эту песню, а со второго куплета включается бэнд.

Балу. Да ты че!?

Князь. Да, ее часто просят на моих концертах, и я пою.

Балу. То есть группа «Knяzz» не забывает «Акустический альбом»?

Князь. Да, эти песни у меня в программе. А «Сосиску» я пою теперь с четвертым куплетом, добавляющим драматизма:

Быть артистом я в детстве хотел,
Стал клиентом дурной психбольницы,
И я понял, что это предел,
И тогда я решил утопиться.

И сейчас у пруда я стою
И пишу я вот эту записку:
«Проклинаю судьбу я свою,
Все к чертям, больше нету сосиски».

Балу. А, вообще, если так вспомнить, это был мегавызов! Панк-рок-группа поет песню «Зачем называют сосиской меня»!

10. Карапуз

Балу. Песня с интригой. Князь с самого начала, наверное, со времени, когда написал стихи, был уверен, что «карапуз» – это толстый старый дядя. Мне стоило неимоверных усилий из соображений собственной важности не разуверять его в этом. Хотя нет, после выхода альбома кто-то ему все же рассказал. А вы говорите, мол, «Утренний рассвет»! Что скажете про музыку?

Маша. Эта песня мне всегда очень нравилась. Веселая. Особенно «пара-пиру».

Князь. На момент создания «Акустического альбома» у меня было много мелодий, основанных на забавных переборах на гитаре. И поскольку время уже поджимало, то я взял ту песню, на

которую уже были написаны стихи.

Балу. Какое «поджимало»? У нас было время. И выбирали мы песен из тридцати, наверное, не все еще брали. Оставляли только лучшее!

Князь. Нет, понимаешь, какое дело. Я уже не помню, по каким причинам, но я приносил вам на точку разбирать только песни со стихами. У меня такая же ситуация была, когда я писал альбом «Любовь негодяя»: песен было навалом, то есть музыки, но я брал только те, к которым уже есть тексты. И в «Акустическом» получилось так же.

Балу. А я тебе о чем!? Ты приносил уже со стихами, и у нас даже еще ненужные оставались.

Князь. Говорю же, со стихами. Просто у меня были еще кайфовые и серьезные песни, которые бы очень хорошо, на мой взгляд, в «Акустический альбом» пошли. Но у них не было текста.

Балу. Раз уж мы отвлеклись, то, может, расскажешь о дальнейшей судьбе песен без текста? Я уверен, этого никто не знает и всем интересно.

Князь. Например, первый хит группы «Knяzz» «Человек-загадка» был написан именно тогда. И будь к тому времени к ней стихи, песня вполне могла бы попасть в «Акустический альбом», а так она увидела свет лишь в 2011 году. С «Ангелом и Демоном» та же история. Кстати, моя работа над «Акустическим», очень походила на работу над «Любовью негодяя», вернее, там было наоборот: мне жутко не хотелось переделывать уже готовые стихи. Вот возьмем песню «Карапуз».

Балу. Мы о ней и говорим.

Князь. На нее написан совершенно глупый, дурацкий текст. То есть он не крутой, не панковский, не лирический…

Балу. Я его всегда воспринимал, что он тем и крутой, что такой… дурацкий совершенно. Но он дурацкий по-нашему, по-правильному!

Князь. Да. И вот песня про какого-то лузера. А Горшок очень не любил песни про лузеров, по крайней мере, на себя он такой образ примерять не хотел. Максимум, на что он мог согласиться, – это на песню «Наблюдатель», но он этот прикол понимал.

Балу. А ты пытался переделывать текст?

Князь. Да, с другим текстом эта мелодия могла совершенно по-другому зазвучать. Но как я ни пытался переделать этого «Карапуза», ничего у меня не получалось. То ли я на себя какого-то особого давления не оказывал, то ли еще что. И, в конце концов, плюнул и оставил как есть.

Балу. По-моему, песня, конечно, неожиданная, но очень

стильная.

Князь. Точно. Как будто из «Ералаша».

Балу. Отличное определение стиля «как будто из «Ералаша».

Князь. У меня вообще ряд песен таких, «как будто из «Ералаша»: «Сосиска», «Голые коки», «Карапуз», «Арбузная корка».

Балу. Ну и напоследок опиши карапуза, как ты его представлял тогда.

Князь, *(долго смеется)* Это такой чувак с рыжей бородкой и толстым пивным брюхом.

Балу. А если этого не знать, то текст действительно получается панковский, крутой и идиотский совершенно. В нашем, хорошем смысле слова.

11. Спятил отец

Балу. Вообще-то, как я только что говорил, Князь принес для альбома песен 30, а то и 40. И вот эту песню, хоть мы ее и переделали, как могли, чуть было не отсеяли. Но пришел Горшок и сказал: «Да вы что? Такое безумие! Да и бас там прикольный!» Решили оставить.

Маша. Эту песню я очень люблю. По звучанию.

Князь. Я не помню мотивацию написания этой песни. Но она была. Хотя такой стиль не был мне близок. Почему про отца? Может, и про моего батю, не знаю. Скорее всего, нет, просто общий смысл. Демку я записал у своего брата троюродного, Димы Смирнова. И «Спятил отец» – это я как раз впервые начал заниматься аранжировками у себя дома на «самоиграйке». Кстати, я ее сейчас в своей группе играю.

Балу. Да, текст безумный, чем он меня и подкупил. А Горшок, ты не помнишь, как к нему отнесся?

Князь. Горшок вообще все тексты рассматривал через свою специфическую призму. Были вещи, которые он принимал сразу и безоговорочно. Всякие почтовые или крутые, например. То есть критерий такой: «Это круто! А это не круто!» А некоторые вещи приходилось в него прямо впихивать, убеждать, то есть. Но если вообще не катила тема, то можно было потратить день на убеждение Горшка, убедить его, но он все равно приходил на следующий день и говорил: «Я подумал, не годится». То есть, абы что в плане текста Горшку было не втюхать.

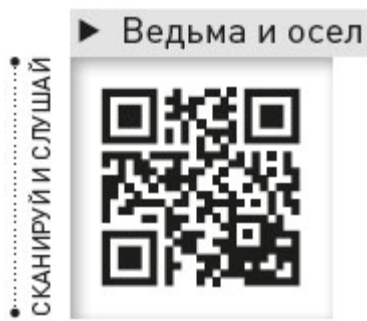
Балу. Ну, на то мы и были группой! Чтобы трудиться совместно.

Князь. Да, я помню, когда у него были колебания или сомнения, то первое, что он делал, – это бежал к тебе

советоваться.

12. Ведьма и Осел

Балу. Музыкально эту песню сделали, как и все остальное, – минимализм. А когда я предложил петь на записи «Иа-иа!», Князь сначала не поверил: «А кто петь-то будет?» Я, говорю, и спою. А он: «А на концерте? И на концерте тоже?» Да, говорю, запросто. Так и пел. Потом газета «Комсомольская правда» написала в рецензии, что запись моего вокала «Иа-иа-иа-иа!» можно выпускать отдельным треком. Я вешаю ссылку на оригинальную запись, которую ты принес на точку и из которой мы сделали трек для альбома. Что скажешь о нем?



Князь. Эту песню я написал, если мне не изменяет память, с расчетом на то, что ее будет петь девушка. Но поначалу во дворе я ее пел сам, потому что у меня тогда еще был очень хороший фальцет, не испорченный рок-н-роллом. А когда я собрался эту песню записывать у своего брата, позвал соседку. Я в то время любил прикалываться и к записи привлекать людей, далеких от музыки. И вот она спела, а я говорил «иа».

Балу. Потом я пел «Иа»!

Князь. Да, потом ты начал петь «иа», когда мы стали готовить песню к альбому. Самое интересное, что несмотря на то, что к записи была привлечена такая блестящая певица, как Марина Капуро, которая замечательно пропела женские партии в двух песнях, эту песню все единогласно решили оставить мне. Потому что в женском исполнении песня потеряет часть стеба.

13. Екатерина

Балу. Нет слов. Мы с Яхой, конечно, постарались сделать

красиво, но все меркнет перед мегапосылом лирического героя песни. Это просто надо послушать и полюбить.

Маша, *(послушав песню, беззвучно смеется).*

Балу, *(с напускной серьезностью)* Ты играла эти песни, записывала. Не надо стыдиться своего прошлого.

Маша, *(сквозь слезы)* Я не стыжусь! Совершенно! Мне кажется, что это просто шедевральноо! Записать эти песни… это… это…

Балу. Мегавызов, я считаю.

Маша. Это мегавызов, и это дикая смелость! Это могут сделать только люди, которые серьезно к себе не относятся. И это просто прекрасно.

Балу. А ты б детям своим поставила такую песню?

Маша, *(задумалась)* Да, наверное, поставила бы. Только когда чуть подрастут.

Князь. Эта песня про скромного человека, который не знает, как убедить девушку остаться у него. К сожалению, желая избежать сходства с романсом, я в свои молодые годы написал идиотскую финальную строчку и таким образом разрушил всем девушкам милую картинку романтической встречи.

14. Прерванная любовь

Балу. Как и песню «Со скалы», эту нужно было играть с серьезным лицом, это главное.

Князь. Абсолютно стебная песня, как и «Екатерина», но была написана раньше. Думаю, я сделал ее в силу неприязни к попсе в текстах – любовь-морковь, кровь, вновь и вновь, и прочие дурацкие рифмы, которые меня раздражают в низкопробной поп-музыке. В какой-то мере «Арбузная корка» (это второе название песни) является пародией на такие грустные явления.

Балу. Я бы сказал даже не пародией, а издевательством.

Князь. Очень верное слово, издевательством. Вот почему мне нравится панк-рок новой волны? Потому, что это не музыка протеста, а музыка высмеивающая. Почему нам понравилась тема шутовства и скоморошества? Ну, не всем ребятам, мне и Горшку. И тебе еще, конечно, потому, что ты в теме.

Балу. Именно поэтому «Акустический» я считаю самым панковским альбомом.

Князь. Да. Допустим, жесткий протест, как например Exploited – это одна эстетика, но была и другая – панк как стеб.

Балу. И она гораздо ближе нам, согласен, да и более эффективная.

Князь. Не то чтобы эффективная. Мы не сможем небольшим числом людей сломать всю систему.

Балу. Можем, и мы это сделали, я знаю много случаев, когда люди далекие от музыки, послушав «Акустический альбом», прекращали слушать попсу и начинали интересоваться настоящей музыкой. А ведь, по-моему именно появление такого интереса и прекращение тупого потребления и есть первый шаг к свободе. Хоть в музыке, хоть в чем, наше дело – показать направление.

Князь. Это другой момент. Мы не можем создать систему, но мы можем создать свой круг.

Балу. Этим мы и ломали.

Князь. Это невозможно, она слишком огромна, причем в физическом мире тоже.

Балу. А я всегда думал, что любую систему сломать можно только одним способом – создать свою.

Князь. Если мы говорим о мире искусства, то да. Одно направление может выжать другое. Так вот, песня «Арбузная корка» – это стеб, потому что слова там совсем незамысловатые *(проговаривает стихи всей песни)*. Банальнейшие слова и словосочетания, которые используются в поп-индустрии. Но тут вся хитрость в последнем куплете. В нем я превратил все произведение в комическую зарисовку в стиле Andy Kaufman. То есть ты ведешь зрителя по одной колее, даешь ему информацию. Он начинает формировать свое мнение по поводу композиции и видеть в ней что-то привычное и знакомое. И вдруг ты переламываешь все его соображения и превращаешь все в шоу, в стеб. Эта задача и была выполнена.

Балу. Блестяще выполнена, я бы сказал.

15. Мотоцикл

Балу. Песня появилась в альбоме случайно. Горшок как-то спросил меня в метро: «А ты не против, если и твою песню в шуточном ключе переделаем?» Да я всегда только за то, чтобы серьезное сделать несерьезным и наоборот. Прямо там, в метро, решил, что играться она должна не в до диез, а в ля, как все блатные песни. А пока мы доехали, придумал вставить еще одну фишку. Если вы помните фильм «Голый пистолет», то там главные герои поют песню Besame Mucho и в середине очень смешно вдруг кричат «Хэй!», так вот «Хэй!» в третьем куплете «Мотоцикла» – цитата оттуда.

Князь. Про то, как были написаны стихи, я уже рассказывал, когда мы говорили про предыдущие альбомы.

Балу. Маша, твоя любимая!

Маша. Ох. *(смеется уже почти без сил, только услышав название)*

Балу. Ну, не рыдай, скажи чего-нибудь.

Маша. Oh, my Goodness… с ней мы прыгаем как зайцы, ох, вы яйцы, мои яйцы.

Балу. Нет, это другая песня совсем.

Маша. Я знаю! Просто это вторая серия «Голых коков», которая никогда не была издана.

Балу. К сожалению, даже записана нами не была.

Маша. Вот так и напиши, что есть вторая серия песни «Голые коки». И я надеюсь, что когда-нибудь вы с Андрюхой ее запишите и издадите.

Балу. Да, я тоже надеюсь. А что касается этой песни, то мне всегда очень нравился басовый рифак в куплете. Опять-таки смысловая нагрузка выходит за пределы разума. Я сам себя считаю человеком остроумным, но когда слышу такие стихи, хочется встать и снять шляпу.

Князь. С виду это абсолютнейшая шиза. Но над смыслом стихов некоторые серьезно поломали голову. Я слышал две трактовки.

Балу. Да ты что!?

Князь. Да. Откуда я вообще слово «коки» взял? Коками мы называли яйца у собаки. У нас была маленькая собака, и ее яйца назвать яйцами было сложно, поэтому мы их называли коками. И вообще я с детства знал, что «коки» – это яйца.

Балу. Ну, я тоже это всегда знал.

Князь. Нет, ну ты-то знал – понятное дело, *(дурацкий смех)*.

Балу. А ты откуда знал? Это непонятное что ли дело?

Князь. Нет, ну я же про яйца писал. Понимаешь, если бы я написал песню «Голые яйца» – это было бы пошло, тем более слово «яйца» звучит некрасиво.

Балу. Согласен.

Князь. А вот спеть о яйцах, но назвать их другим словом, – это уже фишка. А поскольку слово «коки» я уже давно знал и использовал в своем лексиконе, то проблем с этим не было.

Балу. Так это очевидно, какие еще тут могут быть еще версии?

Князь. Одна из версий была, что мы поем не «коки», а «хохи». Людям в голову не могло прийти, что мы можем петь о яйцах.

Балу. Ты расшатываешь мою картину мира. Какие еще «хохи»?

Князь. «Хохи» – это в понимании некоторых были какие-то гномы.

Балу. Гно-о-омы…

Князь. То есть получается песня о каких-то голых специфических гномах, которых Князь придумал.

Балу. Лох цепенеет…

Князь. Понятно, что эти люди невнимательно слушали текст, а если слушали, то под каким-то определенным углом.

Балу. И я ведь слышу, что ты не шутишь.

Князь. Или вот еще есть один свеженький момент.

Балу. Еще!?!

Князь. Да. Фан-клубы моей группы «Knяzz» в Интернете называются дружинами. И вот в каком-то городе я общался с девочками из редколлегии фан-клуба, и одна поинтересовалась, о чем эта песня.

Балу. Ну, добивай уж, не тяни.

Князь. И она говорит: «Я решила»…

Балу. Ну, порази меня.

Князь. «Что коки – это же повара на судне». И она все время думала, что песня о голых флотских поварах.

Балу. Ой.

Князь. Когда я стал прокручивать у себя в голове слова этой песни, подставляя вместо «коки» «повара», меня просто вскрыло.

Балу. За что ты так со мной? Там же в третьем куплете…

Князь. Да-да. То есть получается, что девушка меня обидела тем, что увидела с голыми поварами.

Балу. В сущности, голые повара – как это прекрасно…

Князь. У этой истории есть продолжение.

Балу. Что? Продолжение!?

Князь. Я, естественно, прикололся по этому поводу, и эта история разлетелась по всем дружинам. Наша питерская дружина всячески поддерживает группу и устраивает крутые флешмобы, один лучше другого.

Балу. И ты показал коки?

Князь. Нет. И вот, на одном из концертов в Петербурге пацаны из дружины во время этой песни, сыгранной специально по их заказу, выбежали в слэм, то есть встали в круг и принялись танцевать. С голыми торсами, в поварских колпаках и с поварешками. Короче, смешная версия одной премилой девушки переросла в целое движение.

Балу. Андрюха, а я ведь скучаю по твоим безумным идеям.

17. Забытые ботинки

Балу. Одна из самых красивых лирических песен, естественно, со смысловой ловушкой в конце. Что скажешь про ее историю?

Маша. А это разве не горшковская песня?

Князь. Стихи на песню «Ботинки» были написаны одновременно с музыкой. То есть я играл эту переборку и тут же накидал этот текст.

Балу. А тогда почему на концерте в «Рок-клубе», по-моему, стихи у нее были другие:

Скрипели старые колеса у телеги.
Кобыла шлепала копытом по грязи.
Уставший дед курил и думал о ночлеге.
Кобыле молвил он: «Быстрей в село вези!»

Но та тревожно в сторону леса поглядела.
«Волков почуяла! – смекнул тотчас же дед.
– «Скачи галопом, коли жить не надоело,
Пока не выскочил лохматый наш сосед!»

Но вдруг кобыла резко в сторону метнулась.
Порвала вожжи и помчалась вихрем прочь.
Телега на бок в тот же миг перевернулась,
И дедушка был скушан в эту ночь!

Князь. Абсолютно точно! Видишь, ты какие-то вещи лучше меня запомнил.

Балу. Изначальные стихи были…

Князь. Да, теперь я начинаю вспоминать, что эта музыка у меня висела гораздо раньше, чем появился текст «Ботинок». В то время я очень любил, когда у меня было музыкальное вдохновение припариваться на переборки. Я выдумывал какие-то мегахитрые переборки, которые даже люди, неплохо владеющие гитарой, не могли воспроизвести. Например, сейчас своему гитаристу в группе «Князz» я даже не даю эту песню играть, а играю сам.

Потому что там специфическая такая переборка, под меня заточенная.

Балу. И их много было, таких заготовок?

Князь. На тот момент целая куча. «Человек-загадка», «Ангел и Демон», «Ботинки», «Карапуз» и много других, которые даже еще и не использованы. «Служанка», например, из неизданного тоже построена на хитром переборе. И память моя все эти заготовки хранит. И с мелодией «Ботинок» такая же история. Долго висела.

Балу. То есть сначала эта песня была на стихи «Жаль, нет ружья!»? Я для читателей поясняю.

Князь. Да, получается так.

Балу. Была песня «Жаль, нет ружья!» на мелодию «Ботинок», и мы играли ее на концертах. А к записи ты принес новые стихи. Мы послушали, и всем понравилось, потому что они очень в стилистике «Акустического альбома». Такой дурацкий в хорошем смысле слова текст.

Князь. Я уже не помню, что было раньше, курица или яйцо. То ли я песню «Ботинки» писал под стихи «Жаль, нет ружья!», то ли я текст «Жаль, нет ружья!» писал под музыку «Ботинок». Я этого не помню. Но каждый из читателей может попробовать и сам подставить на мелодию «Ботинок» стихи «Жаль, нет ружья!».

Балу. Кстати, друзья, раз уж мы с вами вместе слушаем альбом, то давайте так и сделаем. Споем вместе! (Учтите, что мелодия припева со стихами «Жаль, нет ружья!» не используется, поется только куплет.)

Князь. Да я и сам сейчас спою!

Балу. Замечательно! А сейчас ты исполняешь эту песню на своих концертах?

Князь. Да, я сам беру гитару, мы вдвоем со скрипачкой остаемся на сцене и исполняем ее. Очень камерно и душевно получается.

Балу. Романтично, наверное, выглядит. Ведь песня, хоть и шутовская, но очень лиричная.

Князь. Эта песня, конечно, как бы с юмором, но… Шутовской юмор бывает разным. Есть веселый шут, есть насмешливый шут, есть тупой шут. А есть грустный шут. Вот песни «Арбузная корка», «Екатерина» – это грустный шут. А «Забытые ботинки» – это…

Балу. Тоже грустный?

Князь. Нет, это шут рассеянный, шут… неуклюжий. Он забывает свои штаны… То есть, в принципе, это, конечно, все шутка, но она описана серьезно.

Балу. Там непонятно, на мой взгляд, то ли шутка, то ли не шутка. На грани.

Князь. Да. Потому, что песня поется от имени тонко чувствующего персонажа. Он «зажжет свечу, но будить ее не станет». То есть он человек романтический, но очень рассеянный…, человек рассеянный с улицы Бассейной. Многие знают произведение Самуила Яковлевича Маршака «Человек рассеянный с улицы Бассейной», так вот, верите или нет, но с рождения и до пятилетнего возраста я как раз и жил на этой улице.

Балу. Да ты что?! На Московском? Там сейчас рядом площадь

назвали в честь братьев Стругацких, я слышал.

Князь. Да, напротив парка Авиаторов, где самолет стоит.

Балу. Тогда это многое объясняет…

* * *

Это был этакий альбом-протест. Мы позорим русский рок? Нате вам до-соль в куплете. У нас несерьезные песни? Нате вам такие несерьезные песни, по сравнению с которыми прежние уже покажутся серьезными. Для вашего радиоэфира наше творчество неформат? Нате вам такой неформат, что мне самому страшно. Страшно смешно. На самом деле, ни о чем таком мы не думали, это я уже с высоты прожитых лет описываю один процент наших чувств и стремлений. Просто было море безудержного веселья и полное отсутствие каких-либо рамок и авторитетов.

Но, блин ты мой поминальный, грин ты мой зеленый! Вы думаете написать песни и записать их на студии это полдела? Ничего подобного. Даже не четверть. Но обо всем по порядку.

40. Продажа «Акустического»

Нам всегда чинили запреты.
Обычно так мы и узнавали,
что нужно делать в жизни.
А, может, это жизнь нам так
подсказывала наш путь.

Балу

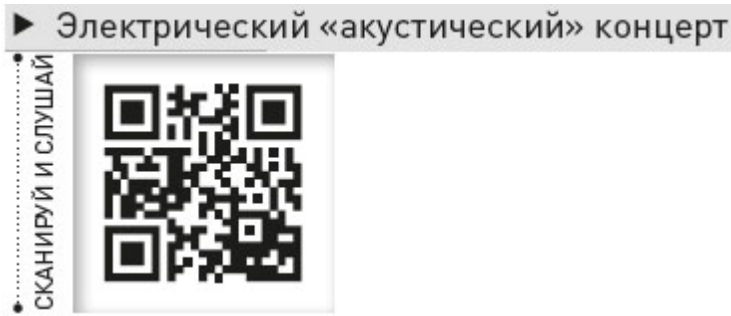
Итак, альбом записан. В смысле, записаны все треки. Осталась ерунда: свести их, отмастерить и издать. И тут выясняется, что никому, кроме нас, это неинтересно. Никто не хочет связываться с нашим альбомом. То есть, он реально никому не нужен, и никто его не хочет ни доделывать, ни выпускать. Совсем. Что, конечно, было обидно, но нисколечко нас не смутило.

Отвлечемся от альбома, давайте я расскажу вам, что такое акустика в нашем понимании.

Как только мы взяли электрогитары и начали играть под барабаны, в воздухе сразу появилось то, что преследует меня до сих пор. Энергия. Мы всегда были энергичной группой, а Горшок и вовсе говорил, что 90 % нашего успеха на сцене – это энергетика. Все правильные ноты взяты до нас, и ничего нового тут уже не изобретешь. А вот привести в мир новую силу и воздействовать ею на окружающих – возможно. Именно это мы и делали. Именно этому и пытались научить Яху, когда он к нам присоединился. Именно это и культивировали. Однако если играть не умеешь, то донести свою энергию до слушателя будет сложновато. И поэтому мы очень много репетировали. Все свободное время.

Мы выплескивали на сцене море энергии, и она затапливала зрителя. Благодаря этому мы и вышли на большие площадки. Каждый, кто попадал на наш концерт, даже случайно, даже просто так, за компанию, уже не мог остановиться и приходил снова и снова. И друзей приводил. Правда, контролировать этот океан энергии мы еще не особо умели, что зачастую приводило к всяческим эксцессам на концертах. Сломанные стулья, например, были не исключением, а скорей правилом. Общая ситуация усложнялась тем, что у Горшка был период непримиримого панк-рока, что выражалось в дикой агрессии в жизни и на сцене. Посему нас неохотно пускали куда-либо играть. Нужно было что-то делать, и мы придумали «акустические концерты». Мы

переделали наши энергичные боевики в подобие «акустики» и играли их облегченный вариант, что, впрочем, еще больше заводило публику. Можно это послушать у меня на сайте:



Поскольку концерты назывались акустическими, мы обещали организаторам, что будем на сцене сидеть на стульчиках. Кроме меня, конечно, я всегда играл и записывался стоя. Нам и вправду выносили стульчики, и мы на них сидели. Первые две песни. А потом энергия, которая волной накатывала из зала, захлестывала нас – и понеслась душа в рай! Концерт превращался в обычный праздник, разве что у Яхи гитара была не подключена через овердрайв, а выдавала обычный чистый звук. Иногда к таким концертам мы привлекали Александра Леонтьева, гитариста Лешкиной группы «Кукрыниксы», потому что у него была приличная акустическая гитара.

Менеджер. Рисунок А. Князева

А теперь вернемся к альбому.

По совету Евгения Левина, самого улыбчивого гитариста группы «Алиса», мы изыскали средства на покупку компьютера и суперзвуковой карты, и вот зачем. Мы решили свести альбом сами дома на компьютере. Дело было для нас новое, но интересное. Занимался им в основном Яха. Я приезжал пару раз с творческой инспекцией, но он убедил меня, что работа эта нудная и кропотливая, и я буду только мешать. Я ему сразу поверил, ибо в первый мой приезд Яха три часа занимался тем, что вырезал по одному удару каждого барабана и ставил его на место, ибо барабаны сыграны были не очень ровно. Титанический труд! Яхе помогал Павлик Сажинов, присоединившийся к нам звукорежиссер. Они не только выровняли барабаны и вычистили из них всю грязь (лишние удары, щелчки и пр.), но и полностью сделали весь саунд альбома. То, что мы сейчас слышим, – это результат их трудов.

С этим связана одна смешная история.

Как-то в разговоре Яха с Павликом упомянули о своих заслугах в создании этого шедевра. Горшок пренебрежительно отмахнулся:

– Даже не напоминайте об этой херне!

– А что, там плохой звук? – Яха ничего не понимал.

– Да ладно, сделали и сделали, понятно, что ничего хорошего вы сделать не могли. Забудьте лучше об этом, – сказал Горшок.

– А что тебе не нравится? Мы ж нормально сделали, – влез Павлик и тут же пожалел.

Видимо, Горшок долго носил это в себе, но, не желая обижать ребят, которые и вправду очень старались, старался этой темы не касаться. Но тут они наступили ему на больную мозоль.

– Охеренный звук? Да я ничего херовее в своей жизни не слышал! Да когда я дома у себя этот диск поставил, нас с Анфисой чуть не вырвало! Об этом позоре вообще нужно забыть, и как можно быстрее!!!

Яха реально остолбенел, а у Павлика слезы на глазах выступили.

А мне, в отличие от Горшка, саунд на «Акустическом» очень даже нравился. И напомню, что за всю историю нашей дружбы с Горшком ни разу не было, чтобы наши музыкальные вкусы разошлись. А тут налицо явное противоречие. И мне стало смешно, потому что я, в отличие от Яхи и Павлика, знал Горшка давно и частенько бывал у них с Анфисой дома. Я повел Яху и Павлика к Горшку.

– Гаврила, а ты на чем диск-то слушал? – смешно пока было

мне одному. Яха с Павликом стояли расстроенные, Горшку тоже было неудобно. Не любил он людей огорчать.

– Да, на этой фигне, на чем все слушают! Какая разница! На стэйплэйшене, а чего?

Одним словом, Горшок засунул диск в Sony PlayStation (самая первая модель) и слушал его через хреновый монотелевизор. Мы ему, конечно же, включили альбом через нормальные колонки, и он остался доволен. И даже отечески похлопал Павлика по плечу, а это знак высшего одобрения с его стороны для малознакомых людей.

* * *

Собрали мы, значит, альбом и попытались кому-нибудь продать или хотя бы просто втюхать. Не тут-то было. «Мы» в данном случае означает, что этим занимались я и Яха. Наш друг и соратник директор Шумный на тот момент был страстно влюблен в свою будущую жену, у него где-то в это время должна была родиться дочка, и поэтому всеми делами уже несколько лет занимались мы вдвоем.

Горшок нашу невостребованность принимал очень близко к сердцу. Я однажды пришел к Горшку и принес одну прикольную музыкальную тему с рифаком. Горшок посмотрел и говорит: «Знаешь, Шура, ее можно сделать не так и значительно лучше». И переделал. И хотя от того, что я ему принес, не осталось и следа, я был доволен. Позже эта тема превратилась в песню «Разговор с Гоблином». И под конец Горшок сказал:

– Ты знаешь, все эти песни – очень хорошо, но если нас никто не услышит, то и смысла в этом мало. Вот, посмотри, у Стругацких книга «Град обреченный» после написания пятнадцать лет пролежала в столе. Пятнадцать! А если бы за это время рукопись потерялась? Чем бы тогда писатели отличались от своих соседей-алкоголиков, если в результате на выходе ноль?

В общем, он попросил меня все свои силы направить не на творчество, а на административную работу, это, мол, полезнее для группы будет. А что, ведь верно? Музыку Горшок лучше меня пишет, Князь у нас по стихам, а, главное, делаем-то мы одно дело! И пришлось мне впрячься в организационные дела, тем более что у нас к тому времени уже и Яха был, и делали мы почти все вместе.

Вместе с Яхой мы и пытались пристроить «Акустический альбом». И как уже сказано было выше, результата ноль. Все это было настолько скучно, нудно и утомительно, что и рассказывать

смысла нет. Скажу лишь, что последняя фирма, которая согласилась взять альбом, была «Фили рекордз». Игорь «Танкист», тамошний заправила, несколько месяцев переписывался со мной и сбивал цену до неприличия. Последнее его предложение было 2000 долларов и все права на альбом на 50 (на пятьдесят!) лет. Это был грабеж. Но эта запись у нас уже год валялась без дела. Деваться было некуда. Дело было в декабре, и хоть я и был против, Горшок сказал: «Да давайте уже отдадим его, получим деньги, да Новый Год нормально отпразднуем, а песен мы еще новых понапишем!» И мы согласились с условием – бабки до нового года. А Танкист исчез. Несколько месяцев сбивал цену, а когда мы сказали «да», пропал. А ведь при личных встречах производил очень адекватное впечатление.

Ну, да черт с ним, давайте лучше о чудесах расскажу.

Чудеса у нас были, прежде всего, в музыке. Причем музыка это не та, что в песнях да стихах. А та, что в душе.

* * *

В один прекрасный день сижу я у себя дома, в закуточке. Раньше мы тут с Горшком жили, а теперь я со своей женой любимой живу, вот оно как. И тут телефон звонит. Кто такой? Чего надобно? А трубка говорит голосом мне человечьим: «Здрасьте, я Гоша! У вас директор в неадеквате, я ему уже месяц звоню, сообщения оставляю, а в ответ тишина».

И этот Гоша говорит, что нашей группой заинтересовался лейбл «ОРТ-рекордз» и ждет нас на переговоры – они не против альбомчик какой-нибудь прикупить.

Звоню Шумному. Что, мол, за движуха? Что за тема? Почему я не в курсе? А Шумный говорит: «Им надо – пусть они и приезжают. Почему это мы должны в Москву тащиться?» Логику этого поступка и поведения я подробно объясню в отдельной главе, посвященной нашему другу и соратнику Шумному.

Через какое-то время снова звонок – звонит Лена Карпова, которая занималась отбором групп для «ОРТ-рекордз». Я взял Яху, и мы поперлись в Москву. И Шумного с собой прихватили.

Прибыли в столицу в шесть утра на самом дешевом поезде и часа три катались по кольцевой ветке метро, спали там. Потом приехали к милейшей Лене Карповой, человеку начитанному и эмоциональному, попили чайку и переместились на ОРТ. Познакомились с Гошей, он нам очень понравился: был лыс, имел сзади маленький хвостик, а еще у него был фольксваген-жук.

В офисе «ОРТ-рекордз» дым стоял коромыслом. Одних

секретарш было несколько штук, и щеки они надували – лох цепенел. В отдельном кабинете за одним из четырех вроде столов сидел некто Иосиф Пригожий. С виду лет на пять старше нас, но с пузом, как у нас с Яхой вместе взятых.

Пока мы с Леной Карповой у открытых дверей ждали аудиенции, он совершил две вещи. Во-первых, очень по-хамски уволил одну из своих секретарш лет 19 (наверное, задело, ему виднее). Девочка, кстати, нимало не расстроилась, а пошла вниз в буфет, купила подружкам шампанского, и они устроили отвальную прямо на бывшем рабочем месте. Мне понравилось, как девки, не моргнув глазом, за 15 минут пропили 200 баксов. А, во-вторых, жестко, по-бандитски, наехал на какую-то пиратскую контору. Представьте, берет трубку, набирает номер и начинает с характерным акцентом.

– Але! Эт фирма «Хрен Поймешь рекордз»? У вас можно купить партию аудиокассет сборника «Крути жопой – 28 1–2»? Э-э, да! Это Иосиф Пригожий из «ОРТ-рекордз», вы включили в свой сборник нашего артиста Хуембекова, да?! Вы взяли наше, и за это ответите! Мы люди дерзкие в этом отношении, вы понимаете? У нас крыша – четвертое управление, вы в курсе, что это? Короче, я сейчас подъеду с ребятами, приготовьте деньги и не пытайтесь исчезнуть, а то хуже будет!

Впечатление, надо сказать, произвел. Позвал нас, мы немного поговорили. Шумный вдруг достал из кармана нашу афишу из «Юбилейного».

«Вот, – говорит, – мы во Дворце Спорта играем». Договорились так: мы отдаем им альбом плюс делаем еще один – «Тхе Бест», то есть сборник лучших песен. А «ОРТ-рекордз» нам за это 30 тысяч. Мы, конечно, обрадовались, поэтому как-то не очень серьезно отнеслись к словам, которые Иосиф Пригожий сказал нам на прощание:

– Ребята, вы понимаете, что такую сумму мне за один раз не собрать. Так что заплачу я вам частями. И в контракт лучше не будем вносить такие деньги, а то вам же с них придется налоги платить.

И мы повелись. Нет, ну в натуре! У человека офис в телецентре Останкино, все по-богатому. Пока мы ждали приема, Лена и Гоша сводили нас в местную столовку – ресторан, вообще-то, где покормили за свои бабки, баксов на 300. То есть все говорит о том, что не будут люди кидать нас на бабки из-за небольшой, по московским меркам, суммы. Мы ошибались.

Подписали контракт – не без приключений, договорились альбом привезти.

Отдельная история была с оформлением. Портрет девушки с

вампиром для обложки нарисовал Князь, а все остальное – компьютерные дела и прочее – сделал я на пару с любимой женой Инной Демидовой. Она у меня крутой дизайнер и художник, и ее кисти принадлежит рамочка вокруг князевского рисунка и рисунок замка на внутреннем развороте. Я же все это слоями накладывал в фотошопе, ставил фильтры и занимался прочей ерундой – с ее помощью, конечно. Еще нам помог наш веб-кудесник Тимофей Епрст по прозвищу Артем Блюм. Он одолжил мне мышку, чтобы я мог закончить дизайн, потому что моя сломалась, а на новую не было денег. Когда мы отдавали дизайн Пригожину, он скривил губы: его, мол, дизайнер говорит, что там то ли точек мало, то ли еще чего. Короче, надо переделывать. Мы подорвались и специально из Питера отправили Тему Епрста поездом с грузом дискет, на которых находилось все то же в большем разрешении – хоть для плакатов дизайн бери.

Так ведь этот дизайнер, молодой совсем парень, один хрен все переделал, причем так по-уебански, что нет слов. Он просто прилепил какое-то пламя. Причем в плохом качестве. Где он его взял, я не знаю, но зачем он это сделал, стало понятно, когда Лена Карпова показала нам счет за доработку дизайна штуки на полторы баксов. И не столько из-за денег было обидно, сколько из-за того, что обложку сделали фигово. Некачественно и без души.

А с деньгами получилось так. Из обещанных 30 тыщ мы в итоге получили около толи 12, толи 13. Мы ездили за ними в Москву раз пять, причем три из них – зря. Лена Карпова и Гоша разводили руками: «Нет сегодня денег, зря приехали». Это было унизительно, но мы все равно на что-то надеялись. В последний раз поехали вместе с Горшком. Лена Карпова попросила нас подождать в соседнем кабинете, а через несколько часов сказала, что Пригожий уже ушел и денег сегодня не будет. Сегодня. А мы, вообще-то специально приехали, и ночевать нам в Москве негде, да и зачем? Ясно, что кидалово. Причем к Лене и Гоше у нас претензий не было и нет, это же не они нам деньги обещали. Короче, Горшок психанул и побежал за Пригожиным, пока тот не уехал. Вернулся ужасно довольный.

– Неужели, – говорим, – догнал?

– Догнал, – говорит, – у самой машины, он уже сел в нее, только дверь не успел закрыть.

– И что, прям денег дал?

– Да, нет, стал мямлить, что ему заправиться не на что и всякое такое.

– А ты тогда чего такой довольный?

– Да я штаны расстегнул и нассал на него, прям на руль, на

пиджак, на пальто его поганое. На лысину хотел, но не достал.

– А он чего?

– А чего он? Промок, наверное.

Вне зависимости от этой истории было понятно, что бабосов мы больше не увидим. А где-то через год и «ОРТ-рекордз» развалилась.

41. Покупка гитар

Свои плюсы во всей этой истории, конечно, были. Однажды мы с Яхой пошли навещать Горшка в больницу (тот повредил себе руку, оцарапал, вроде, старым значком и получил заражение крови). Там Яха и сказал: «А давайте, как в следующий раз поедем в Москву за очередным куском денег, то купим хорошие гитары».

На шмотки нам всегда было плевать (исключая ботинки, все-таки погода в Питере не очень) и одевались мы кое-как, кроме Пора, он всегда был модником. А вот инструменты – дело другое. Со звуком мы очень заморачивались, и иметь хорошие гитары было нашей давней мечтой. И это было насущной необходимостью.

Яхина идея заключалась в следующем: пусть группа оплатит музыкантам половину стоимости гитары. Это было неоценимо, ибо за полную цену никто из нас купить гитару был не в состоянии.

Яха хотел что-то классическое, типа Gibson Les Paul, а я целенаправленно выбрал Fender Jazz Bass. Я его всегда хотел. В итоге он взял красный (!) Gibson SG, а я синий Rickenbacker. Мечта удава. Ну и барахла всякого микрофонного прикупили еще.

42. Fender Jazz Bass

Если бы господь хотел, чтобы у бас-гитары было больше, чем четыре струны, то дал бы бас-гитаристам рояль.

Балу

Расскажу теперь о том, как я хотел Fender Jazz Bass, и к чему это привело.

Человечество в своих метаниях и терзаниях, а точнее, отдельные его представители в поисках внутренней свободы и своего места в жизни создали уникальную вещь – Fender Jazz Bass. Во-первых, это совершенно универсальный инструмент, он прекрасно совместим практически со всеми комбиками и применим, наверное, для всех типов музыки. Во-вторых, он зашибательски звучит. Ну и в-третьих, – это красиво. Если у вас будут сомнения поводу покупки бас-гитары, то скажу коротко: «Надо брать!» Мир бас-гитаристов делится на две части. Те, у кого уже есть (или был, это нормально) Jazz Bass, и те, кто пока не познал счастья обладания им. Вторую часть еще можно поделить на тех, кто мечтает о Jazz Bass, и тех, кто еще до этого не дозрел. Хотя есть еще красавцы, которые играют на Music Man… Да. Music Man – это круто, слов нет! Когда-нибудь я тоже куплю себе Music Man. Но не будем об этом, тем более что все, кто играет на Music Man, – это исключительно достойные и уважаемые мною личности. Так что не будем о высоком, это неинтересно. Обсирать другие марки гитар тоже не будем, и так все ясно.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова

Итак, я мечтал о Jazz Bass! Но когда мы с Яхой пошли выбирать гитары в Москве (в Питере такие не продавались), то оказалось, что Rickenbacker, он не то, что бы лучше… Он просто в другой весовой категории и ни с кем не соревнуется. Кстати, обратите внимание: у Rickenbacker ни у гитар, ни у бас-гитар нет (за редким исключением) красивых названий для различных моделей. Есть просто Rickenbacker. И он произвел на меня такое впечатление, что я решился. Во-первых, от мечты завести Jazz Bass я не отказывался, и все равно собирался его купить в дальнейшем. Во-вторых, если б я купил Jazz Bass, то мечта моя бы исполнилась, и уже никогда не купил бы Rickenbacker. А это как-никак была бы потеря. Любому бас-гитаристу ясно, что две бас-гитары всегда лучше, чем одна!

Через несколько лет в Москве я повздорил с любимой женой и, чтобы как-то утешиться, поперся за новым инструментом. Да, я шел не выбирать, а покупать Jazz Bass. Но в магазине его не оказалось! Разочарованию моему не было предела, но с пустыми руками уходить не хотелось, и я взял Fender Precision. Тоже очень хорошая бас-гитара. Тем более что она продавалась вместе с пластиковым кейсом. Но есть один момент, может, кому пригодится. Дело в том, что за одну и ту же цену, Fender или Gibson бывают хорошие, средние и нормальные. Причем по виду они совершенно неотличимы. Так вот, лучшие образцы продают в Америке, а что похуже отправляют в страны победней. Это факт, и не будем углубляться в подробности.

Поэтому следующую бас-гитару я решил покупать в Америке. Перед американскими гастролями я специально полетел за океан на три дня раньше всех. И не в Нью-Йорк, а в Лос-Анджелес, где больше музыкальных магазинов. Там меня встречала моя любимая Иришка, о которой позже, и мы принялись метаться по городу. Перво-наперво я дал себе зарок не покупать ничего, кроме Fender Jazz Bass. Мог еще согласиться на Fender Jazz Bass Deluxe. Поэтому я прямиком пошел в бас-гитарный отдел и присмотрел себе бас. Нет, не присмотрел, я влюбился в него! Это был не новый уже, местами даже покоцаный Jazz Bass, правда, безладовый, но на это я плюнул, ибо звуки, которые он издавал, можно было мазать на бутерброд. Безладовый бас – это не совсем то, о чем я грезил, но этот был просто пределом мечтаний, полным совершенством! Я взял это произведение искусства под мышку и небрежной походкой пошел на кассу. И там мне сообщили цену. 8 тысяч долларов плюс налог. Я, сука, морально не был готов к такому потрясению. И дело не в том, что у меня с собой было только две или три штуки. Дело было… Короче, не важно. Трагедия. Я ни при каких обстоятельствах не мог позволить себе этот бас. Оказалось, я случайно заперся в самый дорогой отдел старинных и редких гитар. Продавец – обычный такой хипан, у нас в Питере по Невскому много таких ходит, – видя мое горе и растерянность, решил меня утешить. «Пойдем, – говорит, – я покажу тебе что-то как Jazz Bass, только лучше». Так я встретил Fender Zone Deluxe. И приобрел. Это была новая модель Fender и она реально была лучше. Точнее нереально. Конечно, прошло время, и Fender Jazz Bass снова вырвался вперед.

43. ОРТ, продолжение

Итак, несмотря на то, что нас динамили ОРТшники, группа обзавелась настоящими фирменными инструментами. Это о-очень сказалось на звуке. Особенно хорошо было слышно на гастролях в небольших городах, где не было качественного аппарата.

И еще Лена Карпова подогнала нам директора Сашу Гордеева. Мы с Яхой вздохнули с облегчением и, заручившись согласием группы, передали ему все дела (хотя долго еще ему помогали, ведь мы делали общее дело и, не важно, кто чем занимается). У меня просто груз упал с плеч. Или камень с души? Все-таки заниматься административными делами – мерзкое для музыканта дело. А когда ты занимаешься мерзким делом, то и сам со временем становишься мерзким.

О! Еще про мудрость и доверие! В контракте с ОРТ был пункт о том, что им положено 30 % от гонорара за наши концерты. Концертов у нас в то время было мало. Поэтому и процентов было не жалко. К выходу альбома мы сами (!) устроили себе концерт в Питере, в «Юбилейном», а «ОРТ-рекордз» устроили нам концерт в Москве в ДК им. Горбунова. Естественно, ОРТ захотели свои 30 %. Хитрый Яха написал Лене Карповой и предложил следующее: поскольку ОРТ с нами до конца не расплатились, можно вычесть положенную им за концерт сумму из суммы долга. Как нам потом рассказывал Гордеев, Лена Карпова бросила это письмо ему в лицо и принялась кричать: «Как так? Они что, нам не верят!? Как можно работать с людьми без доверия?!?»

Ну и последнее о доверии. «Горбушку» нас уболтали играть не за гонорар, как в Питере, а на кассу. Это значит, что все деньги за билеты идут нам, минус, естественно 30 % ОРТ. Концерт мы отыграли на «отлично». Все было круто. Набился полный зал, за что еще раз спасибо нашим слушателям. За любовь и поддержку. И это даже несмотря на какие-то несусветно высокие цены на билеты. А после концерта нам дают бумажку, где расписано, сколько стоил звук, сколько аппарат, сколько зал и прочая хренотень. В конце сумма. Триста долларов США, из которых 30 % полагается ОРТ. От такой наглости офигел даже начинающий директор Гордеев, хотя Лена Карпова была его подругой, и он был ей многим обязан.

Напомню, что, описывая эпопею с «Акустическим альбомом», я охватываю очень большой промежуток времени: начиная с создания и до «акустических» концертов уже после «Горбушки». Так что временные маркеры, коль не лень, расставляйте сами.

44. Послесловие об «Акустическом»

Я вам обещал рассказать о «смешных и не очень» проблемах с друзьями, которые возникли из-за этого альбома. Напомню, что идея записать именно эти песни и именно в таком виде была полностью моя, поэтому и ответ пришлось держать мне. Когда мы приступили к альбому, у Горшка был период жуткого панк-рока, и вести какие-либо серьезные или, не дай бог, административные дела ему было затруднительно. Что, впрочем, не мешало ему активно участвовать в творческой жизни группы, когда он вдруг появлялся на точке. Поэтому создание концепции прошло практически без него, а потом уже все завертелось, обросло деталями и зажило своей жизнью. Очень долго, полгода, наверное, Горшок вообще отказывался считать эту запись номерным альбомом группы. Говорю же, у него был период дикого панк-рока и угара! Особенно угара. (Это, кстати, послужило отправным толчком для появления в коллективе скрипачки, но об этом позже.) И мне стоило больших трудов убедить его, что это полноценный альбом, и последним моим аргументом было название. Я его придумал специально для Горшка. Князь предлагал назвать альбом «Любовь негодяя». Горшку эта идея, мягко говоря, не нравилась:

– Вы ох*ели все! Мы панк-рок играем! Над нами смеяться будут!

– Пусть смеются, – говорю, – можем себе позволить. Мы для этого его и записали!

– Но люди же на меня подумают!

– Х*й на них на всех! Мы, панки, делаем, что хотим! – я могу быть убедительным.

– Хорошо, сделать уже ничего нельзя, но номерным этот альбом не будет! – я уже не помню, чего вдруг его прибило на «номерные» альбомы.

– Хорошо, Мишка, смотри, сделаем так! Назовем его «Акустический». Вот зацени. Первый альбом – электрический, – я загибал перед ним пальцы, – второй альбом – электрический, а третий – бац! – акустический. Никто и не заметит, а если заметит, то относиться к нему будет соответственно, как к «акустическому».

Уболтал, одном словом, но только потому, что я очень полюбил этот альбом и не собирался расставаться с ним из-за каких-то условностей. Хотя и Горшка отлично понимал. Мы уже начали понемногу ездить по стране, исполнять «Сапоги», «Охотника» и прочее, а когда народ подходил за автографами,

выяснялось, что все слушают только «Акустический альбом», ведь других-то в продаже не было. C'est la vie.

Неожиданно к спору подключился Князь. Он наезжал на меня и кричал, что я ему все песни своими аранжировками испортил! Они, мол, у него были светло-синие, а теперь стали салатно-зеленые, и слушать он их теперь спокойно не может. Я нагло отбивался, утверждал, что я нарочно их так переделал, потому что салатно-зелеными они мне нравятся больше, что я не предал панк-рок, а сделал то, что посчитал нужным для нашей общей идеи.

R-Club, 1997 год. Фото Е. Евсюкова

Выручило меня только то, что впоследствии этот альбом стал самым популярным и продаваемым за всю историю группы. И тогда песни из «Акустического» постепенно переползли в

электрическую программу, переплелись, перемешались. Теперь никто и не помнит, что изначально это были две разные и не очень совместимые программы. Вот такие пироги.

Где-то через год после описываемых событий у меня вышел с Горшком довольно интересный и уже серьезный разговор по поводу «Акустического альбома» и его к нему отношения. Он сказал:

– Шура, понимаешь, бывают разные подходы, что в творчестве, что в жизни. Бывает, когда ты весь напрягаешься ментально и скользишь по жизни, как по гребню волны, балансируя на грани, и тогда все, что тебе по дороге встречается, поворачивается к тебе лучшими и самыми полезными для тебя сторонами. Откуда ни возьмись появляются кассеты с новой музыкой, которая помогает тебе найти новые музыкальные решения, ты начинаешь слышать в словах окружающих подсказки для своих стихов, любой светофор может тебе подсказать ответ на незаданный вслух мучающий тебя вопрос и так далее. Ты снимаешь с окружающего мира сливки и синтезируешь их в себе. И уже из себя ты делаешь что-то, из чего потом выходит музыка, стихи и прочее, прочее, прочее… в большинстве своем неназываемое. А бывает, что ты окрылен какой-то идеей, подпитываешься ее силой и прешь по океану жизни, как корабль. И мир подчиняется твоей воле. Не ты берешь, а он сам дает все то же самое, что и в первом случае. Вот так ты поступил с «Акустическим», а такой подход мне не очень нравится.

Я его прекрасно понимал, тем более что мы и правда балансировали на грани, – это вообще была наша старая тема, потом как-нибудь расскажу подробнее. Поэтому пришлось извиниться:

– Ну, Мишка, увлекся веществами и слегка бросил нас. Вот мне и пришлось переть одному, как корабль. Я ждал тебя все это время, ведь знаешь, скользить по гребню волны в одиночестве, без друга, понимающего меня с полуслова, довольно скучно.

45. Епрст

Раз уж мы упомянули о интернетчике Епрсте, то надо рассказать, чем он занимался. Епрста в обычной жизни звали Артем Блюм, но потому как по профессии он был шпионом (немецким), то называть его в дальнейшем будем Епрст. Как выяснилось позже, он занимался тем, что сидел на толстом канале и перекачивал наш молодой, по тем временам, российский Интернет за границу, но это не для печати.

Мы с Яхой были заядлые фидошники и сидели в сети днями и ночами. Фидо – это такой дедушка Интернета. Интернета в то время практически не было. Точнее он был, но стоил чуть ли не сто баксов в месяц, да и мало чего тогда в Интернете было. Сотовая связь уже существовала, но тоже не для всех: безумно дорого. Сорок центов минута плюс роуминг. Но сейчас не об этом. Приходит ко мне однажды Яха и говорит: «А вот там есть сайт фанатский, давай напишем и познакомимся?» Сайт принадлежал Епрсту. Мы написали, предложили сделать этот сайт нашей официальной страницей. Так и повелось. Епрст делал дизайн, вешал новости и вел прочую шпионскую деятельность. Как оказалось, жил он через дорогу от меня, и мы очень быстро подружились.

И вот Епрст у себя в институте нашел провайдерскую контору, в которой знали и любили «Король и Шут». И мы с Яхой и Епрстом стали счастливыми обладателями халявного Интернета. Ну, за рекламу, конечно.

Контора эта называлась Unitel и с главным нажимателем кнопок в ней Анджеем Вержбицким, по прозвищу «Все пропало», мы тоже подружились. И впоследствии провели множество совместных вечеров в декламации и дегустации.

Клуб «Бункер», 1999 год. Фото Е. Евсюкова

46. Машенька

Коль скоро нить нашего повествования ненавязчиво вьется вокруг «номерных» альбомов, то поехали дальше, хотя для этого надо рассказать о появлении на сцене Маши и о клипе «Ели мясо мужики».

В то время Горшок угорал по полной, слонялся со своей красавицей женой Анфисой по съемным углам, и для тех, кто знал его не очень хорошо, его поведение выглядело если не сказать страшно, то уж точно странно. Мы с Яхой как раз выполняли тогда директорские обязанности, и смешно нам совсем не было. Люди, которые любили наше творчество и считали группу по-настоящему культовой, с извинениями отказывались сотрудничать с нами. Именно из-за безумного поведения Горшка. Мы пытались сказать ему, что если уж он не помогает в организации процесса, то пусть хотя бы не мешает. Ответ был всегда один: «Да ладно, это панк-рок!» Возразить мне было нечего. Ведь мы делали одно дело и были одной семьей.

Однажды мы с моей горячо любимой женой Инной сидели дома, курили и пересматривали The Great Rock 'n' Roll Swindle («Большое рок-н-рольное надувательство»). И мне пришла в голову потрясающая мысль. Панк-рок – это, прежде всего, свобода, и замыкаться в рамках какого-то определенного стиля просто глупо. Тем более что у нас с Горшком было свое, отличное от общепринятого представление о панк-музыке. Для нас и Blondie и Slayer были в одинаковой мере панк-роком. И вот я подумал, не взять ли на сцену девушку с красивой фигурой. Чтобы она, по контрасту с нами, привлекала внимание зрителей на концертах. Инка предложила просто позвать танцовщицу, но этот вариант я сразу забраковал. Просто так «торговать» красотой на сцене – это попса. Нужно было, что бы девушка что-то на сцене делала, и чтобы именно это было ее главным занятием. А то, что у нее красивая фигура, зритель должен был заметить сам. Ну, вроде как на самом деле всем просто приятно смотреть на ее, но поскольку красота как объект не может быть предметом торга, то все делают вид, что слушают игру. Вот если бы Ванесса Мэй была не такая красивая и на 30 лет старше, то много бы она с концертами наездила?

Премия Fuzz, 2000 год. Фото М. Лапис

Я позвонил Горшку и предложил взять в группу красивую девушку, играющую на трубе. Он был рад меня слышать и сообщил мне две вещи. Во-первых, что идея офигенная, он и сам об этом давно думал, только все забывал сказать (это был его обычный ход). И, во-вторых, какая на хрен девушка? Нужно найти парня панковского вида, причем с ирокезом.

Я его убеждал, что панков у нас на сцене хватает, а красивых девушек нет. А он мне: предаешь наши идеалы. А я ему, мол, вертел я на детородном органе идеалы, которые ограничивают меня в творчестве. А он мне, ты, мол, не понимаешь, панк с ирокезом и трубой – это круто!

Короче, Горшок меня переспорил, за ним осталось последнее слово.

А за мной – дело. Правда, девушку я нашел не с трубой, с

тромбоном. Но дальше разговоров по телефону дело не пошло. Тогда Инка мне говорит: вы же только что со скрипками писались, возьмите скрипку, это тоже необычный инструмент! Я подумал и согласился, это было достаточно ново, до этого никто из наших знакомых панк-рок со скрипкой не играл.

Маша, 2000 год. Фото М. Лапис

На очередной репетиции я предложил это Яхе, и он с энтузиазмом подхватил эту идею, ибо от горшковского угара тоже слегка устал. Пор поддержал тему, вызвался позвонить нашим скрипачкам и спросил Яху:

– А какую возьмем? Надо же прослушивание устроить.

– Ты чо, дурак? Какое прослушивание? Возьмем ту, которая посимпотнее! Мы ж не играть ее зовем, а для шоу.

Позвали Машу. Поставили задачу. Купили звукосниматель «Фишман» на скрипку, и Маша стала ходить на репетиции. Помню, больше всего она жаловалась на то, что у нас половина песен в тональности до диез, а она по целым нотам играть привыкла. Поначалу зрители приняли ее довольно настороженно. Бытовало мнение, что Машина роль на сцене очень нехитрая, в

куплете «пень-пень» играть, а в припеве – голосовую мелодию, ну и проигрыш гитарный дублировать. Мне даже пришлось выступить с заявлением в духе «Не бухтеть!» Со временем Маша втянулась и даже стала «официальным» членом группы. А напоследок расскажу смешную историю.

Как только мы взяли Машу в группу, я сказал Пору и Яхе (дело было на репетиционной точке на Васильевском):

– Так! Давайте только сразу договоримся. Никаких романтических отношений с Машей.

Любые романтические отношения рано или поздно надоедят, а сколько времени уже будет потрачено на обучение и репетиции? Опять новую брать и учить?

Короче, дали мы друг другу суровое мужское слово. Но Маша-то призналась мне позже, что шла она в нашу тусу с конкретной романтической целью, а о том, что ей такая музыка нравится, свистела. А мы ей дали скрипку и сказали: «Играй!» Словом, обманули ее ожидания.

Вот только с Гордеевым, который пришел позже, мы не догадались ни о чем таком договориться. Глядишь, и проблем в будущем было бы поменьше.

47. Ели мясо мужики

Калифорния в дождь – это Питер зимой.

Так же грустно и так же прекрасно.

Тот же скользкий асфальт, те же люди…

Балу

Пристало время рассказать вам об этапе нашей жизни под названием «Ели мясо мужики». Сначала хотел рассказать просто: факты перечислить – песня, клип, концертник. Три дня переписывал. В итоге понял, что это целая эпоха. Странно, что я на это раньше не обращал внимание. Начну издалека.

Это было в те времена, когда все люди были зайцами… Тьфу, это было во времена «Акустического альбома». Вообще-то у читателя могло сложиться впечатление, что тогда Горшок не особенно участвовал в жизни группы. Это, конечно, не так. Во-первых, мы с ним общались и помимо музыкальных дел. Во-вторых, времена «Акустического альбома» – это довольно длинный промежуток времени. Напомню, сначала мы придумали концепцию, потом переделывали песни, потом записывали, потом альбом почти год валялся без дела, потом, потом… И если в самом «Акустическом» всю музыку написал Князь (за исключением «Утреннего рассвета» Горшка и моего «Мотоцикла»), то это не значит, что Горшок отлынивал. Нет, мы продолжали репетировать, творить и веселиться. Довольно плотно и с присущим нам отрывом и безбашенностью.

Именно тогда появилась песня «Ели мясо мужики». Изначальный вариант был довольно жестким, но в итоге мы немного смягчили аранжировку. Видимо, сказалось-таки влияние «Акустического». Ибо записали мы этот трек на студии «Мелодия» в то время, когда записывали там «Акустический». Причем практически случайно. Дело было так.

Мы писались на Studer – такие здоровенные толстенные бобины. Записав все князевские песни, мы обнаружили, что еще осталось полбобины пустого места. Не пропадать же добру! И вот Горшок предлагает:

– Давайте запишем еще одну. У меня тут есть смешная, как раз подойдет по стилю к альбому «Утренний рассвет».

Записали.

– Давайте еще Шурика песню запишем, «Мотоцикл». Записали. Понравилось. А место еще есть. И Горшок снова:

– Давайте еще запишем «Ели мясо мужики».

R-Club, 1997 год. Фото Е. Евсюкова.

А пленки осталось минуты на две-три. Решили попробовать. И песня влезла, на бобине секунд десять чистых осталось. Так у нас появился аудиотрек «Ели мясо мужики», который еще долго провалялся без дела.

Смешная история. Пор очень долго не мог сыграть эту песню. Недели две мы ею занимались, но никак у него ровно не выходило. После каждой неудачи Пор бросал палочки и кричал: «Раз так, давайте позовем Нестерова! Давайте позовем Нестерова!» Или Нестеренко? Не помню точно, как его звали, но крутой по тем временам был барабанщик. Закончилось тем, что Горшок отправил Пора искать на эту песню нормального барабанщика, ибо песня хорошая и «портить ее плохой игрой из-за глупых амбиций неохота». Пор был хитер. Он привел чувака, который преподавал барабаны в ДК Кирова, где мы репетировали. Мы послушали, а он еще хуже!

– Вот! А он преподает! – подытожил Пор.

Короче записали с Пором, а потом Яха с Павликом во время сведения выровняли все барабаны на компьютере. И слава богу!

Кстати, о боге. Для завершения альбома мы купили Яхе козырный компьютер, одна звуковая карточка 550 баксов стоила. И прямо после окончания сведения Яха позвонил и сказал, что комп сперли. Когда он вышел на полчаса из дома, его (как он

предполагает) старые друзья по музыкальной деятельности вскрыли квартиру и сперли комп, старенький видеоплеер и еще какую-то фигню вроде утюга. Великий Устюг! Трагедия, если не сказать больше. Помню, Яха так печалился, что я в утешение совал ему половину памяти из своего компа – я как раз только заапгрейдился. Однако господь от нас не совсем отвернулся: уроды, укравшие компьютер, презрели стопку стоявших рядом болванок. А на них как раз и был весь «Акустический». И «Ели мясо мужики»…

Пришло время поведать и еще об одном чуде, которое произошло в нашей жизни. Дружба по-прежнему грела наши сердца, бесконечные репетиции по-прежнему стачивали наши пальцы о грифы гитар, но для выхода на следующий уровень нужно было появиться в телевизоре. Из телепередачи «Белая полоса» мы нарезали несколько клипов: «Грохочет гром», «Садовник», «Блуждают тени». Но качество было совсем не телевизионное. Все утверждали, что нам нужен нормальный дорогой видеоклип. Мы и сами это понимали, но где взять денег? И вот тут появляются ребята из компании, которая производила «Молотов-коктейль». Точнее в этой компании работал Яха и он как-то договорился: они дают нам денег на клип, а мы отрабатываем рекламой. Зашибись! Кстати, Яха никогда не выпячивал своего участия в этом процессе, но я уверен, что без его инициативы и стараний ничего бы не получилось. Впрочем, какая разница? Мы делали общее дело, и каждый вкладывался, как мог.

Режиссера мы выбирали недолго, просто взяли лучшего на тот момент– Бориса Деденева. Очень приятный человек.

Снимали клип два дня, на «Леннаучфильме», вроде. Причем нас позвали только на второй день, в первый снимали артистов. Помню, атмосфера была такая, киношно-телевизионная. Да и, вообще, первый клип – это вам не хухры-мухры! К нам с Яхой подвалила деденевская директриса и предложила написать в смете на несколько тысяч больше, а разницу поделить. Мы ответили, что это наши друзья. Как можно! Короче еще один урок шоу-бизнеса.

Клип мы презентовали на МТВ и не без приключений. Нас позвали на какую-то передачу, куда мы приперлись в компании Аркадия из «Молотов-коктейля». Мы же должны были везде рекламировать продукт, так что захватили с собой ящичек. Угостили всех, МТВшники ужасно обрадовались! Сказали, что снимали многих, но никому в голову не приходило проставиться. Аркадий поскакал договариваться о рекламе, а ящик мы поставили рядом с собой.

Через пару дней после эфира нам позвонили. Оказалось, хозяин канала увидел этот беспредел и наехал на всех– неприкрытая, мол, реклама! Ведущую оштрафовали на десять процентов от зарплаты, но «Молотов» все ей возместил. А нам скостил долг за клип на тысячу долларов.

Расплачивались мы следующим образом. Играем концертик– вешаем молотовскую растяжку – минус $500. Если интервью даем, надеваем кепки «Молотов» или бутылки в руках держим, – еще минус пара сотен. Короче, за хороший клип – все что угодно.

Выезжая из города, мы брали с собой несколько ящиков «Молотова», чтобы поставить бутылки на сцену, заснять и предоставить отчет (а ведь где-то должен быть целый архив с нашими выступлениями на фоне баннера!). Естественно, половину мы выпивали по дороге, не таскать же тяжести! Да и собственно, что там пить!? Четырех-градусный коктейль! И вот в то время, о котором я сейчас рассказываю, контракт с «Молотовым» уже заканчивался, а в группе появилась Машенька. Машенька не особо пила, так, бутылочку-другую и то если на халяву. И вот едем мы в поезде, культурно отдыхаем, пьем коктейли, в какой-то момент я выхожу из купе и вижу, что по коридору на четвереньках ползет Маша. Совершено бухая. Удивился, довел ее до купе и возвращаюсь к себе. И что я вижу!?! Все сидят с красными мордами, орут, веселятся – абсолютно косые! Я прислушался к своим ощущениям. Никаких изменений. И это меня сразу насторожило. Я уже тогда достиг того уровня алкогольного мастерства, когда понимаешь, что первый признак сильного опьянения – это уверенность, что ты трезв как стекло. Вы спросите, в чем же дело? Скорое следствие показало, что вместо четырехградусных коктейлей нам загрузили двенадцатиградусные. То ли это новинка была, то ли на заводе случайно неправильно смешали, а выкидывать было жалко. Все нажрались, сами того не ведая. Смешнее всего вышло с Князем, который, не зная, что он пьян, поперся в вагон-ресторан и вступил в дискуссию с посетителями. Но это уже его личная история.

Однажды мы с Горшком стояли у станции метро «Василеостровская», пили пиво и вели неспешную беседу о прекрасном (о бабах) и вечном (музыке). И он рассуждал о том, какие должны быть песни, чтобы ими было интересно заниматься. Я с ним согласиться никак не мог, но посмотрите, как мы поступали до этого.

Пример № 1. Когда появилась возможность записать первый «официальный» альбом, то есть донести песни до широких масс, мы не стали записывать проверенные хиты. Мы записали новые, не опробованные на публике песни. Просто потому, что так нам

было интереснее. Новое всегда интереснее!

Пример № 2. Вот упали деньги на клип, то есть появилась возможность прорваться на ТВ, к людям, которые без этого никогда бы нас не услышали. Как было бы логично поступить? Для первого знакомства с публикой взять уже проверенную песню, стопроцентный хит. «Камнем по голове», например, или «Лесника», «Два друга», да мало ли! Нет, мы взяли никому не известную вещь «Ели мясо мужики». Мало того, что она нигде не издавалась, так мы ее и не собирались когда-либо издавать! Но с новой песней было интереснее.

* * *

И, чтобы закончить тему с «Ели мясо мужики», надо пару слов сказать про одноименный альбом. Дело было так: прискакал известный персонаж рок-клубовского движения Панкер и давай петь себе осанну: он мол, мастер видеокнижки снимать. Ну, раз мастер, то давай снимай. Тем паче опыт уже есть. Забили мы под это дело клуб «Полигон» (про него чуть позже) подготовили программу.

День для концерта нарочно выбрали не самый козырной, чтоб народу было поменьше, но это не помогло. Набилась полна коробочка, и жара стояла такая, что ого-го! На видео это хорошо видно. Вообще странно описывать видео, когда его можно просто посмотреть. Песни играли все старые, проверенные. Представили новую версию песни «Мотоцикл». Возникла она так. Я уже говорил, что каждый раз покупка нового инструмента приводила к написанию новых тем. Когда я взял свой первый корейский Jazz Bass, то сразу придумал все проигрыши в «Смельчак и ветер», «Садовник», «Холодное тело» и другие песни. А тут, как только Яха мне привез из Москвы Rickenbacker (я сильно заболел и не смог за ним съездить), так он сам прыгнул ко мне в руки, и я заиграл новое вступление к «Мотоциклу». Такое возникает приятное ощущение легкости и свободы, что голова отключается, и руки тоже практически не участвуют в процессе. Гитара поет сама. Одним словом, когда я принес новую версию песни на репетицию, никому даже в голову не пришло что-то изменить или улучшить. Как спела гитара, так и осталось. И теперь уже, видимо, навсегда.

Отыграли концерт, стали монтировать видео. Точнее Панкер с Лешкой Бесстрашным по прозвищу Деги монтировали, а мы на точке новый альбом начали выдумывать. И вот они звонят и говорят, что все хорошо, только звук записан так, что надо все

перезаписывать. Не то, чтобы мы криво сыграли и спели, не подумайте, просто надо немножечко кое-что подправить. И кончилось все тем, что мы переписали и бас, и гитары и многое из вокала. Но в живую. Без заморочек. Особым успехом Панкер считал то, что между песнями вставил крики толпы, которые вырезал из какого-то концерта группы «Кинг Кримсон» 1978 года. Потому что на концерте микрофон, который должен был писать крики фанатов, кто-то свернул, и он ни фига не записал.

А! Скрипка! Впервые появилась Машенька! Тут нечего сказать, просто посмотрите видео. Она была прекрасна и обворожительна и уж точно скрасила своим появлением наш суровый мужской коллектив. Для этого, собственно, она и была создана. Поначалу Маша вставала на правую сторону сцены, но там, по ее словам, она все время натыкалась на гитару, а после переезда на мою сторону обрела полную гармонию и покой. Постепенно я ей стал показывать, что можно не просто ноты брать, а смотреть друг другу в глаза, играть вместе, танцевать, да и просто дурачиться и бегать друг за другом. По причине врожденной смекалки она схватывала все на лету, и постепенно у нас появился нефиговый такой тандем, хотя это я вперед забегаю.

Мы не осветили творчество еще одной прекрасной девочки, приложившей свои руки к этому альбому. На ней были оформление и дизайн. Это известная питерская художница Инна Демидова, моя любимая Инночка. Я рассказывал, что она делала дизайн и рисовала внутреннюю картинку к «Акустическому альбому». Делала нам всякие календари и прочую фигню, что помогало нам материально, ибо денег она с нас за свою работу никогда не брала. Рисовала мне сценические футболки. Организовывала фотосессии. Короче, вкладывала душу и, повторюсь, исключительно за идею. И вся красота обложки этого альбома – ее заслуга. Однажды она меня разбудила среди ночи и говорит:

– А давай Горшку молнию в руки дадим!?! Помнишь фотку Горшка с руками? Так я ему руки немножко разведу, а между ними молнию нарисую! А вас тогда всех вниз смещу.

Да так и сделала.

А потом Панкер и предложил, раз уж мы все перезаписали, продать этот саундтрек как концертный альбом. Далее была мутная история, о которой я писать не хочу, так что на этом про альбом и закончим. Помню, как после окончания монтажа мы собрались в «Спартаке», и все вместе посмотрели книжку, и как всем понравилось, и как потом нас с Инночкой забрали в ментовку прямо из метро – за то, что мы себя вести не умеем. Как пешком шли ночью по пустынным улицам и целовались.

Через пару дней к нам в гости пришел Горшок и принес кассетку посмотреть. Концерт Led Zeppelin.

– Смотри, – говорит, – какие они крутые! Моя егоза Инка сразу влезла:

– А, может в жизни они и не крутые?

Мы с Горшком принялись ее убеждать, что непременно крутые, это сразу видно. Тем более нам. Потом обсуждение плавно перешло на звезд, с которыми нам приходилось сталкиваться в жизни. А это был не всегда приятный опыт. После долгих обсуждений пришли к выводу, что на самом деле мы смотрим на людей, которых видим на экране, на сцене и думаем, что они лучше, мудрее и добрее нас. Мы не приписываем им эти качества, мы просто верим. И даже если в какие-то моменты мы встречаем их в повседневной жизни и видим, что они недотягивают до образа, который мы создали, мы говорим: «Ладно, это только сейчас, на самом деле он еще «ого-го!». И это правильно. Ведь настоящий артист живет и умирает по-настоящему только на сцене. А все остальное время – это так, иллюзия. Иллюзия игры.

48. PlayStation

Однажды летом Анфисе негде было жить, мы с Инкой приютили ее, и поскольку мои родственники поразъехались, провели все лето веселой тусой. Анфиса нарассказывала массу всяких занятных историй про Горшка. Я их буду вспоминать и постепенно вставлять по ходу повествования. Где надо, и уж, конечно, где не надо, а просто захотелось. Вот, например.

Князь где-то надыбил редкую по тем временам вещь – примочку для PlayStation, руль и педаль газа. В машинки играть. Горшок, естественно, как только об этом прознал, взял Анфису и сразу же понесся к нему в Купчино, хотя до этого не спал всю ночь.

Князь говорит, мол, я сам еще не наигрался, давай по очереди. Сначала я, а потом ты. Посиди пока в сторонке, посмотри, тоже интересно. А я тебе бутербродов с чаем дам. Горшок присел на диван и смотрит. Увлекательная вещь! А сидеть-то не очень удобно, он и прилег. А прилег, так и вздремнул чутка. Князь его еще и одеялкой накрыл для уюта. Одним словом, солнце село, и пришло время им двигать обратно ко мне домой. Горшок просыпается довольный, а Анфиса его спрашивает:

– Ну, что? Наигрался?

– Вааще, – говорит, – круто! Отличная игра.

– Да ты ж проспал всю дорогу!

– А это мы в дальнобойщиков играли. Андрюха рулил, а я типа сменщик, сзади спал. Я все равно как будто все видел и слышал.

49. «Праздник Скоморох»

«Король и Шут» – это была, скорее, все-таки секта, не просто рок-группа. Многотысячная секта. Во всех смыслах этого слова. С отделениями во многих городах и даже странах. И состояли в ней все кому не лень, и делали то, что хотели, а нам оставалось только песенки играть. Отчасти.

Впрочем, я увлекся и, рассказав о видеокнижке и альбоме «Ели мясо мужики», перескочил по времени чуть вперед. Так что теперь давайте вместе со мной отпрыгнем на пару лет назад и насладимся нашей первой видеокнижкой «Праздник Скоморох». Снимать ее, как я говорил, придумал Панкер.

В клуб «Полигон» нас долгое время не хотели пускать, администрация почему-то считала, что мы – фашистская группа. Но наш доблестный директор Шумный как-то вписал нас в фестиваль «Десять против наци», проходивший в клубе Теп, так что все сразу поняли, что мы никакие не фашисты, а благородные доны. И пустили нас играть в «Полигон».

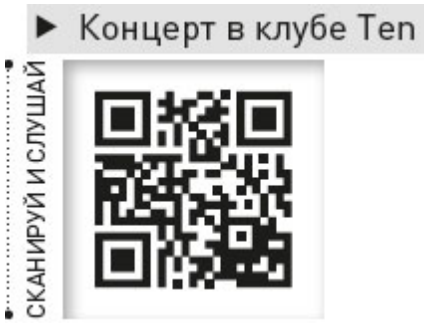
Пока не забыл, скажу пару слов о клубе Теп. Он находился на Обводном, в какой-то ДКшке, был необустроенный и странный, что не мешало нам давать там отличные шоу. В других местах было по-разному, а в «Тэне» концерты получались всегда замечательные, не знаю почему. Заправлял там прикольный и жизнерадостный парень по имени Радион «Радик» Чикунов. Он трудился в группе «Улицы». Приличная, между прочим, группа была. И на этом фестивале («Тэн против наци») кто-то впервые напечатал наше название на футболке! Это было потрясение. Помню, выходим мы с Горшком из трамвая, идет впереди мужик, а у него на спине список фестивальных групп и на последнем месте мы, «Король и Шут». Я бросился за мужиком, чтобы удостовериться, что мне не показалось. Горшок меня догнал:

– Ты куда ломанулся?

– А ты посмотри мужику на спину! – отвечаю, – только из штанов не выпрыгни.

Горшок так офигел от неожиданности, что чуть не стащил эту футболку с несчастного мужика, – вот сколько счастья было. Шумный, правда, еще до фестиваля «Наполним небо добротой» сделал десяток черно-белых футболок «Король и Шут», но это было совсем другое.

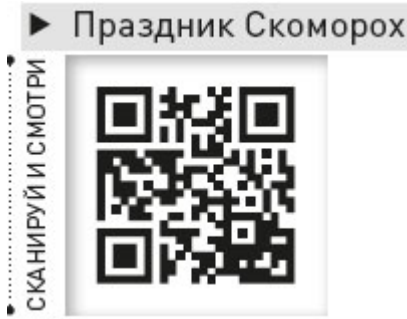
Вот, получилась небольшая глава про клуб Теп и его фестиваль, а так фиг бы вспомнил. Поэтому давайте считать, что я не отвлекся, а по порядку, не спеша вспоминаю.



Так вот, «Полиглот», то есть «Поликонь». Мы подготовились, разоделись, как могли. Поручик взял у меня несколько разноцветных красителей для ткани и специально для такого случая соорудил себе концертную майку, выкрасив старую в разные цвета. Князь надел знаменитую расписанную им самим концертную рубаху, которую я ему сшил вместе с задником для сцены. Горшок напялил знаменитую рубашку, за которую его позже прозвали «Полосатая собака», и попросил меня отдать Яхе на концерт мою единственную приличную футболку с пивом, потому что Яхе для видеосъемок надеть было нечего. А я сам напялил футболку с какой-то рыбой, фиг знает зачем.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

Опять-таки, глупо рассказывать словами о том, что можно посмотреть глазами. Так что давайте посмотрим вместе, а я расскажу. По ходу дела, глядишь, чего и вспомню.



Вступление. Когда мы пришли смотреть уже смонтированную книжку, Яха спросил, что за музыка такая в начале.

– Это ваша.

Яха недоуменно повернулся ко мне, но я тоже не знал ничего. Оказалось, мы на саундчеке играли какие-то ноты, а техник взял, да и записал. Смешно.

«Ели мясо мужики», обратите внимание, исполняется в старой аранжировке, не самой первой, но еще и не в классической.

Посмотрите на публику. Несмотря на то, что некоторые чересчур настойчивые ребята все время старались вылезти на сцену, атмосфера была очень праздничная и, я бы даже сказал, семейная. Кстати, прыгать со сцены вниз нужно было довольно осторожно – внизу бетонный пол.

«Помоги мне». Несмотря на то, что у Яхи в середине песни сломалась гитара, отыграли и так, под бас-гитару. Главное – энергетика!

«Сосиска». Вы спросите, почему Князь поет в два микрофона. Дело в том, что князевский микрофон почему-то все время делали тише, и это бесило. И сколько Князь ни просил сделать погромче, результата не было. Поэтому, когда Горшок не пел, Князь брал его микрофон. Он реально громче звучал. А на этой песне местный звукач включил глухаря и зачем-то отключил на пульте второй микрофон, но Князь не растерялся и стал петь в оба. Шикарная картинка, мне очень нравится!

«Мария» – исполняется все еще в тональности «соль», но это уже переходный вариант, аранжировка уже не старая, но еще и не последний вариант. Отдельно надо сказать про начало третьего куплета. Это был любимый момент Панкера. Горшок забыл слова и на лице его, показанном крупным планом, отражается вся гамма эмоций и переживаний. Правда, очень смешно.

«В ночном лесу/ Леший обиделся». Зацените, как зал начало песни поет не вместе с Горшком, а вместо него. Поэтому я и говорю, – секта.

«Субмарина». История возникновения этой кавер-версии довольно занятна. Возникла она исключительно благодаря нашему энергичному директору Шумному. Некто Коля Васин, известный питерский весельчак и битломан, проводил фестиваль, посвященный не то дню рождения Джона Леннона, не то еще чему-то битловскому. И Шумный, прознав по своим каналам, что там будет снимать «Пятый канал», вписал нас. «Ты, – говорит, – не смотри, что они панки! Они, знаешь, какие битломаны, ой-ой-ой!» Нам поставили единственное условие – сыграть битловскую песню. Мы и сыграли. Причем подготовили этот кавер минут за 15–20. А в конце Горшок предложил проиграть мелодию припева в различных стилях панк-рока, такой вот культпросвет. По «Пятому каналу» нас, кстати, показали. Шумный – молодец!

Кстати, знаменит Коля был тем, что ему прислал пластинку с автографом сам Джон Леннон. Коля написал ему письмо и поздравил с днем рождения, а Джон прислал ему пластинку. С тех пор Коля ходит и улыбается. К слову, это одна из причин, по которой я всегда с удовольствием даю людям автографы и раздариваю авторские диски: мне это ни фига не стоит, а людям приятно. Всегда надо приумножать добро, особенно если даром.

Что еще сказать? Обратите внимание на звук бас-гитары и сравните его со следующей видеокнижкой. Это звучит Jazz BASS, хоть и корейский, а на следующей видеокнижке – уже Rickenbacker. Вот это и есть разница, о которой я писал раньше. И баланс «громкость гитары – громкость бас-гитары» тем, кто просекает, тоже о многом говорит. Весь концерт звучит энергично, и просто видно, что все музыканты – друзья. Хотя Пор перенервничал и все песни начал играть быстрее, чем надо.

Помню, мне все время лезли в глаза волосы, и приходилось постоянно трясти головой, чтоб хоть иногда видеть, какие ноты нажимать. А после концерта Андрюха собрал в специальный мешок задник и концертную рубашку, расслабился, да и подзадержался на Лиговке. Я не помню точно почему, у него спросите. И когда собрался домой, метро уже давно было закрыто. Это его не смутило, и он, закинув мешок за плечи, поплелся пешком. По Лиговке, на Витебский налево, а там, глядишь, и Купчино. По карте посмотрите. Часа за полтора-два можно дойти. Его нетвердую походку приметили менты и, естественно, задержали. «Открывай, – говорят, – мешок! Показывай расчлененку». Они вроде маньяка ловили. Немало они удивились, когда Князь достал из мешка и расстелил посреди улицы огромную картину (три на семь метров примерно) на ткани. Чего только ночью в нашем городе не увидишь!

Когда пришло время издавать видео, Панкер со своим

корешом Владом пошли в «Бомбу-Питер», где им сообщили, что неизвестно откуда появилась «Курицца-брос.» и хочет денег. Потому что некоторые песни в книжке были с альбома «Камнем по голове». Не знаю точно, о чем эти продюсеры договорились, но группе был поставлен ультиматум. Либо выпускаем книжку и ничего вам не платим, либо не выпускаем вовсе. Мы решили выпускать, конечно. Ведь мы всегда были за чистое искусство, чем все и пользовались бессовестно, суки!

Еще смешная история получилась с названием. Мы встречаемся с Панкером, разглядываем свеженапечатанную видеокассету, хвалим нашу совместную работу. И тут Князь говорит:

– А хорошее ты название придумал, Панкер, смешное.

– Я?! – он аж присел от неожиданности, – я ничего не придумывал! Это ты придумал.

– Я!? Ни фига. Если б я придумал, я бы знал. Или, по крайней мере, у меня было бы ощущение, что что-то такое было!

– Да ни фига! Ты мне сам на бумажке написал, вот она! Объясняю. Князь написал Панкеру список песен, где первая была «Проказник Скоморох». Этот листок бумаги долго путешествовал в различных карманах и уже напоминал тряпочку. Помножьте это обстоятельство на Андрюхин почерк – и вуаля! Никто название не придумывал, а оно появилось. Так, кстати, частенько у нас бывало, поэтому никто и не удивился. Эка невидаль, видеокнижка сама себя назвала.

Была еще одна видеокнижка – «На Манежной площади». Сделал ее наш директор Шумный. О ней в следующей главе. Самое время рассказать о Шумном подробно.

50. Шумный

Много материалов и историй пропадает, не засунешь же все в одну книгу! Вот допишу эту, и посмотрим, может, стоит написать более развернутую версию. А пока – Шумный, человек, немало сделавший для нашего общего дела, наш с Горшком большой друг. Познакомились мы с ним после очередного нашего фееричного выступления в клубе «Тамтам», отыгранного мощно и впечатляюще, как обычно, с драйвом и малой толикой безумия. Он вышел на сцену после концерта и сказал в зал: «Король и Шут» – великая группа». Так мы и подружились, потому что он полностью разделял наше мнение о группе.

Разговорившись, мы пошли вместе к метро и, как только спустились вниз по эскалатору, он предложил стать нашим директором. И это было круто! Шумный оказался чрезвычайно продвинутым и образованным в плане панк-рока человеком. Мало того, у него была хорошая коллекция аудио– и видеокассет панк-музыки. Я уже говорил, что он однажды поставил какой-то панк-сборник, где мы и увидели прикольную песенку Vagabonds группы New Model Army. Много позже Горшок позаимствовал оттуда музыку для песни «Северный флот», но не будем отвлекаться.

Так вот, Шумный имел приличную, по сравнению с нами, работу: он вел музыкальную передачу «Лестница в небо» на тридцать шестом дециметровом канале. Канал этот ни у кого из нас не ловился, но все равно было приятно. Кстати, впоследствии Шумный не раз и не два снимал нас для своей передачи, брал интервью и вообще всячески продвигал. А как-то меня позвал и говорит: «Приходи, Шура, передачу будем снимать! О панк-роке». Он накидал мне текст, и я отснялся несколько раз на фоне зеленого полотнища. Рассказывал про историю панка, историю разных групп и прочие астралы. Сам я потом этой передачи не видел, но не отказался бы посмотреть! Если у кого случаем завалялась, присылайте в нашу группу архивов.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

Однажды Шумный приходит и толкает перед собой такую телегу: «Давайте клип снимем на песню «Шар голубой»! А для этого перед концертом в «Полигоне» вы предупредите зрителей, что будет съемка клипа, и сыграйте «Шар голубой» несколько раз подряд. Под фонограмму, естественно. Я это действо сниму на камеру, а потом смонтирую. И счастье наступит!»

Так мы и сделали. Собрался народ. Горшок толкнул речь, мол, так и так, съемки, простите, что под фонограммы, нам надо и все такое. Начали. Херак-херак! Поручик вылетел из ритма. Еще разок, херась! Сбился. Завели снова, – йобс! Убежал вперед. Короче, бросили мы это дело, а Поручик потом год или два гордился: смотрите, какой я крутой, под фонограмму играть не умею! Да и никто из нас не умел.

Но Шумный совершенно не расстроился. После концерта он вышел на сцену и заявил, что такого-то числа в такое-то время приглашаются девушки для съемки клипа «От женщин кругом голова». Идея у него была такая: от предыдущей работы остались забракованные куски видео и, если доснять девушек, то можно смонтировать клип. И вот в условленный час во дворе 36-го канала, на Петроградке, собирается стайка прелестных девушек, которые, обратите внимание, притащили с собой красивые платья и прочую косметику. Вылилось все, конечно же, в тотальную пьянку. Нет, девушки, снимались и очень активно, но все музыканты от безделья (они ведь в съемках не участвовали) увлеклись смешиванием коктейлей и расстановкой акцентов. Помню, как после съемки мы чуть не кокнули камеру, поэтому

решено было ее убрать, чтоб не мешалась. А потом все переместились в уютный летний дворик, заросший акацией и жимолостью, потом девчонки почему-то бегали в парадное переодеваться.

Через какое-то время Шумный смонтировал клип и назначил просмотр у себя на Удельной. Я опоздал и поэтому ничего не увидел, а Горшок работу забраковал. Я, помню, еще удивился: ведь любой клип лучше, чем ничего. Что там не так? «Да, так, просто поверь мне, Шура!» – сказал Горшок, и я поверил. Лет через десять, кстати, я посмотрел этот клип, и мне он тоже не понравился.

Но космическая ценность Шумного была не в том, что он был наш единочаятель, а в том, что он безропотно взвалил на себя всю нелегкую административную работу, а ее, поверьте, было немало. Ведь каждый (нет, ну реально каждый), встречный-поперечный хрен, будь то организатор концерта в клубе, фестивале, аль еще какая шишка в прессе старался сделать нам какую-нибудь бяку или наколоть на бабки. Причем зачастую не по злобе, а так. Исключения были, но крайне редко. И вот в борьбу с этим неизбежным злом и вступил рыцарь Шумный.

После того как мы пропели осанну его светлой стороне, пытливый читатель, конечно, задастся вопросом: а с какого недобитку мы тогда расстались? А вот с какого.

Когда мы собирались у Шумного дома, бывало, что и с ночевкой, он любил рассказывать байку про директора Led Zeppelin. Когда группа приехала на американские гастроли, им предложили 15 % от сбора, как всем, а директор сказал: «Ни фига! Нам нужно 90 %, и до завтрашнего вечера в гостинице мы будем, а потом улетим обратно в Англию. Если передумаете, – звоните». Естественно, промоутеры позвонили, и это была победа зепелиновского директора. Не знаю, насколько все это правда, но Шумный был фанатом этой истории, и я не раз ее слышал. Мы все, конечно, соглашались: директор нагнул толстосумов и принес группе много всего вкусного, плохо ли.

Но российские реалии были совсем другими. Мы задыхались от невостребованности. Один раз съездили в Череповец, несколько в Москву и Минск, и все. Никакой вины Шумного в этом нет, нас, правда, никуда и не звали. А мы не навязывались.

Тут еще Шумный совсем перестал жалеть себя в плане алкоголя, и чтобы хоть что-то происходило в плане административном, Горшок попросил меня взять на себя часть его функций. Просто, чтобы наше общее дело продолжалось. Шумный по-прежнему был нашим директором, участвовал в общих расходах и получал равную со всеми долю.

Илья Черт, Андрей Князев, Шумный (Дмитрий Журавлев). Нашествие, 2000 год. Фото Е. Евсюкова.

Но нашим первым сольным концертом в ДК Шелгунова уже рулили мы с Яхой, в ДК Горького тоже. Когда мы замахнулись на Дворец спорта «Юбилейный», Шумный зашел пару раз на «СП-концерт», но не нашел себе достойного применения. Когда стали звонить с ОРТ, он даже не удосужился сказать нам об этом, а ждал, пока они сами к нему в Питер приедут. Примерно тогда же он безумно влюбился в прекрасную девушку и уже даже ждал рождения первой дочки. Так что нашему романтику было совсем не до группы, и мы хоть и расстались, но до сих пор сохранили теплые и дружеские отношения. Последние лет десять он успешно работает с группой ДДТ, и я очень рад, что сейчас он жив и в добром здравии.

А не так давно Шумный отрыл и переправил мне в Калифорнию на реставрацию целую коробку аудио– и видеоматериалов, которые мы выкладываем для бесплатного ознакомления в нашей архивной группе в Интернете.

А, вспомнил! Vagabond – это название ботинок! Дело было в Москве, играли мы в замечательном клубе «Не бей копытом», где арт-директором работала отличная девушка Лина. И вот перед концертом внезапно нас повезли на какой-то склад, и выяснилось, что на наших афишах стоит логотип Vagabond. А это фирма, которая производит ботинки (нормальные, кстати), и каждому из нас полагается бесплатная пара. Приятный сюрприз! Я взял себе

гады с самой толстой подошвой. Жили мы очень небогато, и это было неплохим подспорьем. Оделили всех музыкантов группы, а Ренегата как сессионника – нет. Он тогда иногда с нами выступал, играл на гитаре, но членом группы не считался, потому что был в «Кукрыниксах». Тогда он «включил молдаванина» и стал демонстративно расстраиваться. Никто из Vagabond не повелся, зато добряк Горшок отдал ему свои боты. Шикарный жест.

Обещал я рассказать о видеокнижке «На Манежной площади». Шумный договорился с хорошим парнем по имени Игорь Черномор о нашем выступлении на Манежке в рамках «чего-то там против наркотиков». Наше выступление Шумный снял и смонтировал, по-моему, в одно жало, то бишь самостоятельно. Он же придумал назвать это «официальным бутлегом», чтобы легче было отбрыкаться от всяких шакалов типа «Куриццы» и прочих.

Чтобы закончить главу о Шумном на мажорной ноте, попробую вспомнить, какие еще подвиги за ним числятся.

Шумный сделал нам видеоклип «Камнем по голове». Он снимал почти каждый наш концерт и совал это, куда только мог. Договаривался об эфирах на радио, причем часто по бартеру. Например, нас приглашают в авторскую программу на радио «Балтика», а он рекламирует эту передачу у себя на 36-м канале. Шумный через милую барышню Алену Вислякову договорился, что нас снимут в «Живой Коллекции», о которой – в другой раз. Или Алена была из Программы «А»? Не помню. Вот что барышня была милая – помню точно!

Шумный вписал нас в эфир на «Радио 101», где правили Валера Жук и Саша Устинов, и на радио «Катюша» к Гене Бачинскому, а потом и к Илье Бортнюку. Кстати, с Бачинским была смешная тема. Когда радио «Катюша» накрылось, он стал делать передачу о роке на радио «Модерн». И на первый же эфир пригласил Горшка. Тут передачу и закрыли.

Шумный пропихнул наши клипы и песни в московские сборники «Панк-революция» и «Железный Марш». Шумный вписал в Питере в ДДТшный фестиваль группу «Тараканы!», за что те по бартеру организовали нам концерт в Москве. Шумный пристроил нашу фотографию на обложку прикольной минской «Музыкальной газеты», и мы сгоняли в Минск. Шумный договорился о нашем участии в фестивале «Учитесь плавать», но вышел небольшой облом. В Питере нас поставили играть перед группой «Ва-банк». Но после нашего выступления много народу свалило, и «Ва-банк» играл перед полупустым залом. Александр Ф. Скляр осмыслил это событие и решил нас в Москву не звать.

Шумный был засахарен! Однажды мы ехали в поезде, а

Горшок взял с собой из дома чай и сахар. Но маленьких пакетиков у него не было, и в силу широты натуры он взял большой пакет: мало ли кто еще чаю захочет с сахаром! И, естественно, мешок у него в сумке порвался. И Горшок был в сахаре, и все его вещи в сахаре, и спящий внизу Шумный тоже был в сахаре. Нефигово чайку попили.

А однажды Шумный в один день спас целых двух апологетов панк-рока. После нашего эпохального выступления в Москве на панк-фесте (вместе с группами Stramglers, Toy Dolls, «Тараканы», «Наив» и «АУ») приехали мы на Ленинградский вокзал, чтобы проследовать домой, в Питер. А прямо на перроне лежит Андрей Панов по прозвищу Свин, устал очень. Рядом стоит жена его Оля и не знает, что делать. Шумный не растерялся, кликнул носильщика, Свинью погрузили на тележку и успешно закинули в вагон. Но видя такой беспредел, проводник нашего вагона восстал и отказался пускать Горшка, что было несправедливо, ибо он хоть и тоже был сильно уставший, но все-таки передвигался пока еще самостоятельно. Мы и так, и сяк, а проводник ментов давай вызывать, экий жлоб попался, право слово! Причем денег у нас на всех – на одно мороженое хватит, уж никак не на еще один билет. И тут Шумный говорит, ладно, мол, я с ним останусь, что-нибудь придумаем. И остался. И придумал же! Сейчас как раз можно хоть что-то хорошее и про газету «Фузз» сказать! Шумный встретил на перроне Долгова, редактора из «Фузза», занял у него денег на два билета и благополучно довез Горшка до Питера. Вот такой он у нас, Шумный. И, самое главное, это был последний директор группы, который не воровал.

51. «Наполним небо добротой», 1997

Давайте для разнообразия вспомним что-нибудь из памятных фестивалей. 23 июня на стадионе «Петровский» прошел ДДТшный фестиваль «Наполним небо добротой». Было нереально круто! С размахом и стилем, богато и душевно. Это можно сравнить с «Крыльями» или «Нашествием», на которых мы играли позже. Спасибо тебе, Юра! Не люблю громких слов, но в этот день Юра не только небо наполнил добротой, но и каждого из присутствующих.

Мы уже тогда не считали себя «молодой группой», и поэтому наше участие в таком фееричном событии было само собой разумеющимся. Но недели за три до концерта Шумный сказал, что мы должны отыграть в клубе. Потому что все группы участвовали в отборочном туре, а у нас и концерта не было. Люди могут не понять. И мы сыграли в «Ватрушке». Без рекламы, без настройки, просто отыграли новую, еще сыроватую программу (только что сделали «Халдея» и с удовольствием опробовали его на публике). Было весело.

Фестиваль поразил своим величием и размахом. Но мы не растерялись, спокойно и уверенно отыграли совершенно дикое по энергетике выступление. Мы всегда, кстати, были не столько про музыку-стихи-умение играть, сколько про энергетику. Мы с Горшком это давно просекли и всегда старались донести до новых членов группы. В итоге нас запомнили многие. Нас перло от нашей музыки, зритель это чувствовал, тоже перся, мы в свою очередь это чувствовали и перлись еще больше. Такой вот заколдованный круг.

А еще Шумный тогда сделал наши самые первые черно-белые футболки.

Даже не сильно помешало, что наш бас-гитарист Гриша умудрился напиться втихаря и не сыграл нормально ни одной песни. Это стало формальной причиной для расставания. Как уже упоминалось раньше, я задолбался объяснять басистам, какие именно звук и манера игры нужны в группе, и взял бас-гитару. Хочешь что-то сделать хорошо – сделай сам. Ах, да, еще на этом фестивале совершенно офигительно выступил Свин со своим «Оркестром АУ». Вот прикол. После выступления я стоял на берегу речки Ждановки (это у «Петровского») и курил трубку. Подошел Свин, грустный такой, прикурил. Стоим у ограды, плюем в речку.

– Ты чего такой смурной? – спрашиваю.

– Да в речку прыгать придется, – и задумчиво так смотрит в

даль.

– А на фига? – удивляюсь я.

– А надо!

И ближе к вечеру прыгнул. Но рассказывать об этом должен кто-то более сведущий. У нас своя история.

Фестиваль на стадионе «Петровский», июнь 1996 года. Фото А. Настальская.

* * *

Фестиваль был масштабный и по внутреннему содержанию мега-крутой. Наверное, такого больше никто и никогда не сделает, а жаль. И, как следствие, обошелся Шевчуку с музыкантами в какие-то несусветные деньги и, если я ничего не путаю, они после этого чуть ли не год ездили с концертами, долги отдавали.

На следующий год Юра проводил похожий фест в ДС «Юбилейный» – три жарких июньских дня. Тоже было весело. А вообще-то повезло нашему городу, что Юра тут живет. Правда ведь?

* * *

Еще через год фестивалей ДДТ не устраивал, зато устроили мы. Хотя об этом я уже рассказывал. Впрочем, что мы все о Питере и Москве?

Примерно через год после выхода «Акустического» мы поехали в более-менее организованный тур. Предложила его нам фирма «Золотая рыбка». Деньги были небольшие, но нам предложили сыграть подряд в пяти (или семи?) городах, причем во Дворцах Спорта. Это было свежо и интересно. Неожиданно для организаторов, зрителей было много, не полный зал, но везде больше половины.

Для нас это был бесценный опыт. Не имея поддержки ТВ или прессы, мы завоевывали, именно завоевывали нашего зрителя концертами. Каждый концерт должен был таким, будто через две минуты умрешь.

Яха уже довольно уверенно держался на сцене, а Машеньку (после того как Яха ее пару раз случайно ударил гитарой) я уговорил перебраться на мою сторону. Точнее, Горшок поручил мне это. «Ты ж, – говорит, – врубаешься! Чего она там стоит и робко улыбается? Покажи ей, как и что».

Я по мере сил постарался. Заставлял смотреть мне в глаза во время игры. Гонял бас-гитарой по сцене. Не давал стоять на одном месте. Постепенно она привыкла и даже выдумывала новые па со смычком. Особенно нас забавляло играть в пятнашки на сцене или, если песня была тихая и спокойная, сесть тихонечко вдвоем где-нибудь на краю и играть как будто бы друг для друга.

52. Что в имени тебе моем?

Дело было давно. Сижу я как-то дома. Я тогда я со своей красавицей женой Инночкой и сыном жил у мамы, на Ржевке. Вдруг вот звонит мне удивительная девушка Лика и озадачивает вопросом:

– Шурочка, а нет ли у тебя, случайно, чего-нибудь поесть?»

– Найдем! – говорю, – мне не жалко.

– Хорошо, тогда мы к тебе заедем через полчаса.

– Прекрасно, только кто «мы» и сколько вас будет?

Лика вообще умница, я ее очень люблю, всегда накормлю и приючу. Но это «мы» немного заинтриговало. И не зря.

– Нас четверо: я, водитель, Илья «Черт» и Костя Кинчев.

С Чертом из «Пилота» я знаком был довольно хорошо, а вот с Костей ни разу не виделся.

Жена моя готовить отказалась, ей срочно понадобилось вымыть голову. Но я справился и сам, сварганив яичницу с сосисками. Которую, впрочем, никто, кроме меня, есть не стал. У Кости был вроде пост, Черт в то время не ел мяса (или позориться перед Костей не хотел), а Лика следила за фигурой. Я понял, что никто из них есть не хотел, заехали они просто познакомиться. Ну, и молодцы. Мы поболтали час-другой о всяческих астралах и эзотерических константах. Собеседники оказались толковые и почти не ездили мне по ушам. Но книги Олдоса Хаксли у меня на полке тоже не для красоты стояли, все труды Карлоса нашего Кастанеды были прочитаны не по разу, да и с творчеством Станислава Грофа я знаком был не только в печатном виде. Короче мило побеседовали и разошлись. Костя двинул на саундчек, у него на следующий день был концерт, Лика, наверное, с ним, это ведь она «Алисе» концерт делала. Черт отправился по своим чертячьим делам. А я поехал на репетицию.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

И после репетиции я совершенно случайно слегка нажрался. То есть сильно. А я тогда практически не пил, а уж появиться в таком виде дома перед мамой было просто невозможно. Дело в том, что с мамой у меня самые теплые и дружеские отношения, и расстраивать ее своим видом мне было… нет, сказать стыдно, это ничего не сказать. Тем не менее это произошло, повторюсь, по совершенно не зависящим от меня причинам. Я надеялся незаметно проскользнуть к себе в комнату. Но в коридоре наткнулся на маму. И под ее укоризненным взглядом я, сгорая от стыда, стал что-то лепетать в свое оправдание. Мол, мама, так и так, я не нарочно, Костя Кинчев в гости приезжал. Не знаю, зачем я так, но неожиданно это сработало. Мама меня простила и отправила спать. Ну, раз Костя Кинчев, то понятно. Кто б тут не напился!

Дальше еще смешнее. Через пару месяцев встречаю я человека, близкого к группе «Алиса». И он начинает на меня наезжать. Типа, Балу, ты офигел, да что ты делаешь, да как так можно, да Костя специально приехал из Москвы на день раньше и прочий набор букв. Я с ним во всем согласился, но потребовал объяснений, в чем, собственно, дело.

Оказалось, что Костя за те несколько часов, что прошли между тем, как он заехал ко мне в гости (где прочитал замечательную лекцию о вреде алкоголя и наркотиков и о пользе здорового питания), и тем, как он появился в «Юбилейном», успел нажраться. Причем так, что о саундчеке не могло быть и речи. И на вполне логичный вопрос музыкантов, «а чего за байда, и на

хрена мы тут собирались?», Костя объяснился примерно так:

– Да, ребята, я не нарочно. Просто, понимаете, я к Балу в гости заехал, познакомиться. И вот…

И самое обидное, что все сказали: «А, ну, к Балу заехал, тогда понятно. Кто б тут не напился!»

53. «Скоро в школу», «Юбилейный», «Фузз», 1998

29 августа 1998, вроде, года разразился фестиваль «Скоро в школу», а организовывали его затейники из газеты «Фузз», которая к тому времени уже превратилась в журнал. С одной стороны, люди они знакомые и неплохие. С другой стороны, организаторами они были исключительно скверными. Мы долго думали, стоит ли с ними связываться.

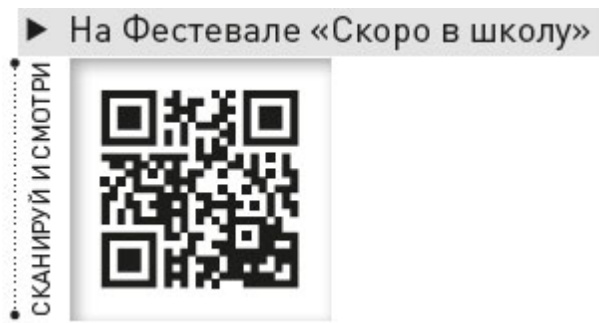
Осенью этого года мы собирались замахнуться на сольный концерт в «Юбилейном», поэтому выступление на фесте могло бы нам помешать. Но Шумный привел веские аргументы: во-первых, СКК – это огромная площадка, на которой мы раньше не играли, и во-вторых, организаторы «фузы» завалят нас благами в виде пиара (какое говенное слово!). И мы перенесли свой первый «Юбилейный» с осени на зиму.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

Договоренность о выступлении была достигнута. Мы согласились на небольшой гонорар, но выдвинули условие: название группы на афишах будет написано большим шрифтом. Не мельче «Мумий Тролля». Этого требовал Горшок. Ничего не вышло: когда вышли афиши, то Долгов из «Фузза» стал оправдываться, что они ни при чем, это типография напутала. А потом сходу сообщил, что заплатить весь гонорар они не смогут,

потому что очень бедные, цены высокие, расходы непредвиденные и прочее. Даже не знаю, что хуже – решили ли они заранее нас на бабки кинуть или просто организовали все через жопу.

К фестивалю мы подготовили специальную программу, долго и тщательно ее репетировали. Потому, что на такой площадке, как СКК, играть значительно сложнее, чем, например, в «Юбилейном», а обосраться мы себе позволить не могли. У меня есть тетрадка, где записаны почти все репетиции, вроде дневника, который лежал на точке: когда пришли, когда ушли, что делали, какая движуха. Так вот, в течение 40 дней до этого концерта мы репетировали 33 раза. И это дало свои плоды, ибо отыграли отлично!



Смешной и предсказуемый цирк вышел с бабосами. В день концерта Долгов прятался от нас по СКК, а когда Шумный его поймал и поинтересовался судьбой гонорара, стал плакать, что курс рубля нестабилен и снова скакнул (это правда, тогда как раз случился финансовый кризис, и рублю настал кирдык), и заплатить они смогут только половину от уже ополовиненного гонорара. И то только после концерта, потому что деньги за проданные билеты еще не привезли из театральных касс, кассир застрял в пробке, и все в таком духе.

В гримерке не было даже воды, и мы тусовались за сценой, там и нашел нас Илья Лагутенко. Очень вежливый и обаятельный чувак. За сценой грохотало, так что слышно было плохо, говорить приходилось громко. Поэтому не скажу, что у нас была эпохальная встреча на Эльбе. Но, как правильно сказал Андрюха, «познакомились и молодцы».

Славный был концерт! А, главное, зрители! Судя по реакции зала, люди были довольны и получили то, за чем пришли на этот праздник. Я вот переслушал сейчас и прямо растрогался. В последней песне «Камнем по голове» Горшок в начале, как обычно, перестает петь, и весь СКК поет за него. Спасибо вам, друзья!

Что касается «Фузза», то в итоге Шумный практически зубами вырвал у них пятьсот долларов и клятвенное обещание остальные деньги отдать после того, как они устроят нам концерт в Москве. Тогда мы еще не знали этой классической заманухи организаторов: не заплатить за концерт, а уговорить отдать все на следующем. То есть артист не получает ни фига, да еще в надежде вернуть потерянное подписывается работать дальше с человеком, который его уже кинул. Лохотрон, который мы впоследствии испытали на собственной шкуре.

Не буду утверждать, что «фузы» совсем уж упыри и воры. Просто люди занимались не своим делом. Зато это вроде как был настоящий журнал о музыке. Как сказал один мой кореш из «Театра ДДТ»: «Ситуация как в деревне. Газетка – говно, но другой нет». И мы поехали в Москву.

Мы с Яхой часа три составляли контракт с «фузами», думая, что нас это обезопасит. Хрен. Концерт прошел замечательно. Мы очень старались, да и не были избалованы выступлениями в Москве. Толчеи не было, да и звук был хороший. В гримерке мы нашли штук 200 афиш, которые «не успели» расклеить. Но в целом все прошло хорошо. Денег обещанных «фузы» нам, естественно, не заплатили – все рассказывали, какие понесли убытки.

Ну а самая фишка произошла через два дня. В зал, где мы играли, приходили люди и с удивлением узнавали, что концерт был два дня назад. Красавцы из «Фузза» напечатали в своем же журнале рекламу своего же концерта с неправильной датой.

54. Ramones, Exploited, etc., 1997

Давайте еще про пару памятных концертиков расскажу и думаю, уже можно будет к следующему альбому подойти. Концерты я выбираю совершенно произвольно. Бывает, важный концерт, но так на нем устанешь, что и рассказать нечего, смотреть надо было. А бывает, что фестиваль левый, а воспоминаний – на полтора листа. Я нарочно не у всех концертов указываю дату. Натурам романтическим такой поход не будет сковывать воображение, а пытливым умам придаст импульс вписать эти даты самостоятельно. Тем более, что в рамки одной книги история «Короля и Шута» явно не влезает.

Признаться, пишу я эти малозначительные заметки только по просьбе одной девчонки из-под Киришей со странной фамилией Лышь. Она считает, что даже такие мелочи должны быть зафиксированы, ибо альтернатива этому – пустота.

* * *

В 1997 мы уже имели достаточный вес, чтобы нас активно зазывали на разогрев известных западных групп. Это было как привет из детства.

В один прекрасный майский день мы поехали в Москву играть вместе со Stranglers! Для меня лично это мега-крутая группа, переоценить вклад которой в современную музыку просто невозможно. А манера игры этой четверки очень сильно повлияла на мое музыкальное мировосприятие. И вот мы с ними на одной сцене. Отыграли мы прилично (закончили, вроде «Субмариной»), но не главное это. Stranglers выступили так, что я понял, что вообще не знал, как надо играть вживую. И звук. И сыгранность. И общее шоу. Все. Я весь концерт, не шевелясь, простоял на балконе. Где-то через 15 минут я наметил план своего личного (да и для группы тоже) музыкального развития. Одним словом, боги если не сошли на землю, то, проходя мимо, показали, где свет. Этот свет я всегда и старался ловить и нести другим.

* * *

На следующий день играли Toy Dolls. Их записи я слышал раньше, они мне нравились, но фанатом я не был. До этого концерта. Они втроем делают на сцене что-то невообразимое.

Если нет возможности сходить на их концерт, обязательно посмотрите запись. Тогда они как раз записали One more megabyte. Помню, после концерта я встретил в зале Сида из «Тараканов», и он говорит: «Что, тоже офигел? Мне после таких концертов музыкой заниматься не хочется». И я прекрасно понял, о чем он говорит. Хотя мне еще больше захотелось заниматься, – даже несмотря на то, что совершенство, как казалось, недостижимо. Зато я подарил Stranglers целую горсть травы.

Гюль-Гюль отдыл.
-Оззи Озборн! Нет! Джон Вуд! О нет... Кайли! Кайли Миноуг! Исключено! Того Кутюнье! Да кто-ж ты?! О чудо-вище?!
-Я обыкновенная невежда панк-фока! Ничего необычного.
Первая и последняя неофициальная встреча Горшка и Мика Джеггера.
Здрово, Тертелини здешнего-каа!
Желаю, Мик!

Рисунки А. Князева.

* * *

Exploited. С ними сыграть, конечно, хотелось, что говорить. Концерт устраивали какие-то жадные москвичи и сначала предложили нам сыграть бесплатно, – даже промелькнула фраза «спасибо должны сказать». Но директорские функции тогда выполняли мы с Яхой, и выторговали $ 200. Дело было не в

деньгах, а в принципе. Кстати, $ 150 из них нам не заплатили, сославшись на то, что Горшок, якобы, погнул какую-то микрофонную стойку. За кулисами меня поразил Уотти. Сначала он попытался прогнать что-то про тори и виги, а потом стал учить смешному британскому юмору. Надо рифмовать все слова с «факовски». Чайковский – Факовский, Либовски – Факовски. Может, кому и смешно, но я лично Чайковского очень люблю. А во время выступления, когда на сцену полетели пустые банки, он сначала просил перестать, потом пригрозил остановить концерт, потом позвал организатора, и тот перевел его просьбу перестать кидаться. Короче, панк-рок. К слову, перед нами одну московскую группу тоже закидывали банками, так что Уотти просто не повезло. После концерта мы с приятелем столкнулись с ним за кулисами. Приятель поинтересовался, как же они играют на стадионах в Англии.

– Are you fucking crazy? – сказал Уотти. – This is our first gig at the stadium! Оказывается, они в Англии только по небольшим клубам играют.

Кстати, в нас тоже пытались бросать банки, но Горшок на второй песне прямо во время соло прыгнул со сцены в зал и набил морду одному красавцу. Больше, почему-то, никто ни кидался. Помню еще, сидит Горшок после концерта, пригорюнился (только что нам сказали, что денег не будет), а я ему говорю: «Гаврила, а знаешь? А ты ведь круче Уотти!» Он обрадовался, и мы пошли пить квас.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

«Рамонес». С ними мы согласились отыграть чисто для коллекции. Ну как не сыграть с «Рамонес»? Хотя из рамонесов там

был один только барабанщик, все равно было приятно. Да и сыграли они прилично. Не хуже нас. Помню, что Чача из культовой московской панк-рок группы «Наив» почему-то ходил с заклеенным изолентой ртом. Хотя, возможно, это было на Exploited или Toy Dolls.

55. Стихи

Нет красоты и нет притворства.
Цветок судьбы запущен вспять.
Умрешь, взрослеешь, отрок, юность,
И снова надо умирать.

Балу

Страна наша невероятна и прекрасна. И в силу того, что мы с друзьями много путешествовали, красоту эту и невероятность наблюдали не единожды. Вот, например, едешь поездом. Например, из Иркутска в Хабаровск. А за окном белая шуба из снега до горизонта. И вдруг невдалеке проносится мимо изумительной красоты березовая рощица. И ты начинаешь жалеть о том, что такая красота пролетела мимо, а ты не успел ни с кем поделиться, даже просто насладиться не успел. И вот уже грусть от потерянной красоты котенком свернулась в душе и мурлычет. А на смену безмолвию, обычному после прикосновения к прекрасному, в голову начинает прокрадываться мысль об эфемерности и даже условности всего красивого. Вдруг – бац! – появляется еще одна точно такая же рощица и бежит вслед за первой. И ты понимаешь, что прошло меньше минуты. И все это на самом деле происходит с тобой. И вторая прекрасная березовая роща не обесценивает первую, а, наоборот, дописывает еще одну ноту в эту невыразимую сибирскую симфонию. А потом еще одна. И еще. И еще. И так двое суток.

За двое суток уже и книжки перестают читаться, и водку пить становится неинтересно, и вот тогда на выручку приходит смекалка! У нас в группе было множество массовиков-затейников. Валяемся мы в купе, делать совершенно не фига. И я говорю: «А давайте придумывать стихи! Правила такие: первый говорит двустишие, следующий его улучшает, следующий тоже и так далее. В итоге мы получим стих лучше, чем в начале».

Клуб «Бункер», 1999 год. Фото Е. Евсюкова.

Первым напрягся Поручик и выдал все, что помнил из школьной программы:

– Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик. Горшок улучшил:

– Я поэт, зовусь я Цветик, от меня пошли все на х*й!

Наступила моя очередь, и я внес свой кирпич в построение дворца совершенства:

– Я поэт, пошли все на х*й! От меня пошли все на х*й!

Последним вступил Князь. И он выдал, на мой взгляд, конечную и идеальную версию. Потом мы многие годы использовали ее в качестве идиомы или, так сказать, цитаты, передающей внутреннее состояние, выражающей целый сонм эмоций:

– Я – поэт! Пошли все на х*й!

Я всегда говорил, когда Князь в ударе, он неподражаем. Ведь правда? Позже по этому поводу я написал:

Прошу не забывать, что я поэт.
Мои слова записаны подробно.
Есть даже адрес в сетке Интернете:
Poshlivsenahiu точка сот, удобно.

56. «Живая коллекция», 1998

Сейчас расскажу вам о еще одном «номерном» альбоме «Собрание». Или нет, давайте, лучше расскажу о еще одном «неномерном» концертном альбоме «Живая коллекция».

Так называлась музыкальная передача на канале РТР. Концепция была следующая: записывали живой концерт, а между песнями перебивки из интервью. Редакторами этой передачи были Гоша Понюшкин и Лена Карпова, которые впоследствии помогли нам пристроить «Акустический альбом». Спасибо им и за альбом, и за передачу!

К концерту мы особо не готовились, все песни были старые и отыгранные. Хотя несколько репетиций все же провели. Дело в том, что как только Шумный сказал, что мы едем в Москву в телевизоре сниматься, мгновенно нарисовался наш старый кореш из группы «Кукрыниксы» Ренегат и давай подкатывать к Горшку на предмет поехать с нами. Одной, мол, гитары мало, давайте я на второй поиграю.

Горшок, помню, еще удивился:

– Как же ты с нами будешь сниматься, если наших идей не разделяешь? Никто же не поверит, что ты – член группы!

– А вот так и буду! Главное, что я играю лучше Яхи, значит, звук будет лучше. А в члены группы я и не хочу, у меня своя есть.

До этого уже не раз бывало, что на больших и оплачиваемых концертах Ренегат сотрудничал с нами в качестве сессионника. За что собственно и получил прозвище от «Кукрыниксов». Взяли мы его и в этот раз. Эфир, все-таки, мало ли что.

Перед концертом приключилась смешная история с нашей одеждой. Мы ведь приехали сниматься в том же, в чем и ходили. Мы так всегда и выступали. Только у Князя, естественно, была разрисованная рубашка. И вот перед съемкой сидим в гримерке, нам гримеры морды кремом мажут, чтоб не блестели в телевизоре. И вдруг видим, что Яха собирается выйти на сцену в совершенно лоховской майке. Майка и правда была ужасной, с эмблемой какого-то университета. Это не оттого, что Яха лох, а просто не заморачивались мы на шмотки, да и денег на них не было. Горшок говорит:

– Шура, посмотри, разве можно в такой майке на сцену выходить? Мы же панки!

– Совершенно невозможно! – отвечаю.

– Раз так, отдай ему свою майку Fuck You с крысой. А сам в рубашке будешь.

Делать нечего, отдал. Общее дело – прежде всего. Но тут

Горшок обнаружил, что его легендарная полосатая рубашка вся порвалась и протерлась. И он, прежде чем я успел что-то сказать, надел поверх нее мою черную рубаху. «Смотри, – говорит, – как круто! Прям как Сид Вишез!» Я кричу:

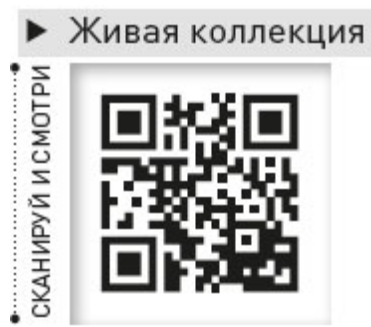
– Ты, че, собака полосатая, офигел? А я чего голый пойду, что ли?

И тут Яха с Гаврилой стали с серьезным видом объяснять мне, насколько это круто, что для группы так лучше и что все равно в середине концерта я мокрую насквозь майку снимаю. Подытожил Горшок:

– Шура, я тебе все равно твою рубашку не отдам.

Короче, пока вокалистов догримировывали, пошел я с голым торсом по Останкино, да и похитил в одном из незакрытых кабинетов какую-то маечку для гольфа. Вот хотел написать, что потом отдал, но ведь мы решили писать только правду?

Ладно, давайте, впрочем, вместе посмотрим концерт, а я буду рассказывать.



Поскольку изначально в группе был заявлен один гитарист, Яха, то ему и выставили здоровенный комбик «Маршал», а рядом поставили такой же, но без внутренностей, для вида. Но потом все же нашли Ренегату маленький комбик «Фендер» у которого он и простоял весь концерт. Мы топтались на сцене, а съемки все не начинались. Какой-то хрен, которого было не видно, совершенно хамски и грубо командовал процессом. И на невинный вопрос Яхи, нельзя ли повежливее, сверху раздалось: «Не нравится – уматывайте». Настроение испортилось, но деваться было некуда. Минут через сорок запустили публику. Слава богу, о концерте мы объявили заранее, и хотя бы половина публики группу знала. Зрителям выдали сидушки от кресел, чтобы не сидеть на голом полу. Со сцены это выглядело так: сидят на полу люди и машут руками. А на экране это выглядит, будто они стоят. Такой вот специфический зюзюн телевизора. Непривычно, но пока еще терпимо.

Начали играть. Сыграли полпесни, вдруг тот же хамский голос как заорет: «Стоп!» Мы не поняли, что случилось. А он: «Сначала!» Ну, ладно. Мало ли что. Отыграли песню, опять крик: «Еще раз!» Хорошо. Отыграли, играем следующую. Опять: «Стоп! Сначала!» Бесило это до невозможности. Только начинаешь играть энергично, заводишься, как опять этот урод орет. И, главное, без объяснения причин. Картинка плохая? Звук? Сломалась камера? Сука.

Настроение у всех было швах. Один Горшок сумел свою злость преобразовать в нормальный драйв. Артист, что скажешь. Если обратите внимание, то в «Скоморохе» Горшок забыл стихи в целом куплете, а вместо него заорал я (как в видеокнижке «Праздник Скоморох», помните?). Это не от разгильдяйства, просто мы были уверены, что этот дубль не войдет в эфир. Вот и старались раскачаться. Сейчас я подумал, может этот конь специально нас злил, чтоб фиговые дубли получить? Ведь до этого они снимали концерт Хлебниковой. Неважно, впрочем.

Или вот во «Внезапной голове» посмотрите, как Горшок оставляет, по привычке, зрителям допеть строчки, а в ответ тишина. Поэтому поначалу все выглядят довольно статично. Но к седьмой песне разыгрались, да так, что я порвал струну на бас-гитаре. Но нет худа без добра: когда менял, нашел в кармане кейса нормальную майку с рыбой.

На песне «Леший обиделся» Ренегат ушел со сцены, видимо мы не успели с ним эту песню разобрать. «Мотоцикл» вы можете наблюдать уже в переходной аранжировке. Я не считаю эту вещь лучшей, но она мне дорога. Во-первых, эту музыку я написал в совсем уж юном возрасте. А, во-вторых, эта песня, как ни крути, вошла в три наших «номерных» альбома и в три концертных, считая этот. Под конец мы совсем разошлись, что заметно по нашим улыбкам. Когда на «Субмарине» Горшок случайно сунул микрофон в мониторы, и тот засвистел, суровый голос сверху опять стал хамить и требовать остановиться. Но был послан Горшком, на том концерт и закончили. А, да! Ренегата забыл похвалить: только во время нашего совместного музицирования в песне «Шар» выкристаллизовалась гитарная мелодия в проигрыше, до этого пели ее голосом, как лохи.

Короче, съемки нам не понравились. Нам нигде так не хамили. Зато после все с удовольствием давали интервью, отмучились. Всех по очереди заводили в комнату с красным роялем, где Гоша задавал вопросы. Когда позвали Ренегата, Горшок запротестовал: «Э! Он же не член группы!» На что Гоша ему возразил: «Вот и хорошо, будет взгляд со стороны». И Ренегат очень достойно высказался. Цитирую дословно:

– Прежде всего, это очень убежденные люди. Знающие, что они делают и чего они хотят добиться. Особенно Миша. Миша с Андреем – явные лидеры в группе именно потому, что они полностью представляют всю картину, которую хотели бы создать. Очень многие молодые команды грешат тем, что они не знают, чего им надо. Я могу сказать, что Миша, Андрей и Шура Балунов прекрасно знают, чего хотят и у них все получится».

Хорошо сказано! Спасибо тебе, Ренегат, за добрые слова! Горшок тоже офигенно сказал:

– Без фанатов – мы никто! Это я четко понимаю. Я не смогу играть, если я никому не нужен.

Я получил от друзей назад свою одежду, кстати, с ней была еще смешная история. Один раз майку, в которой выступал Яха, взял без спроса отец моей жены Инны, адвокат. У него было плохое зрение. И вот приходит он в свою адвокатскую контору в майке Fuck You… Не хватай чужое.

Далее все ребята срулили домой, а нас с Яхой, как самых ответственных, оставили концертный звук сводить. На следующий день мы мудохались в этом Останкине часов 12 или 15. А главное, зря, потому что на диске какие-то уроды звук перекрутили.

А завершилось все так. Провозились мы с Яхой со звуком целый день, даже не жрали ничего, там такие цены, что мама не горюй. Темно. Холодно. Зима. Стоим на троллейбусной остановке, ждем транспорт до метро. Размышляем, поехать на маршрутке или пива купить. Подъезжает навороченное какое-то такси. Садитесь, говорит, подвезу бесплатно. Садимся. А за рулем, тим-тим-селувим, Амаяк Акопян. У него передача такая: катается по городу за рулем, байки травит и слушает. Ну, и мы с Яхой поучаствовали, чай не лохи какие.

57. Moscow Fuzz, МДМ, 2000

2000 год. В каком-то журнале мы победили в номинации «Фонд загубленного детства», или что-то такое. Помню две вещи:

1. Мы хотели отказаться, потому что понятия не имели, что это за фонд или журнал. Но нас подкупило то, что они тоже нас не знают, и мы честно (что редкость) заняли первое место в опросе читателей. После концерта, как обычно, незнакомые организаторы и журналисты подходили в восторге от нашего выступления и сильно удивлялись, что раньше такого чуда не видели.

2. Шоркаясь по задворкам МДМ, я набрел на декорации неясного свойства, сделанные из толстенной фольги. А мы как раз вскладчину купили Яхе красную гитару, и она довольно сильно фонила. Выяснилось, что звукосниматели не экранированы. Так что эта находка была кстати. Яхов оторвал здоровый кусок фольги и позже все наладил.

* * *

Вот еще вспомнил. Дело было до описанных выше концертов. Как-то журнал «Фузз», воспользовавшись нашей наивностью, предложил нам концерт в московском клубе «Не бей копытом».

Нас привезли в какую-то квартиру типа хиповского сквота, где все были очень дружелюбны. Но почему-то человек, который должен был нас накормить, ушел. Ушел и не вернулся. Помню, кто-то полез в ванну и вылетел оттуда, потому что в воду стали падать тараканы. В ответ на наши недоуменные вопросы какая-то девочка сказала, что они – московская редакция «Фузза», к питерскому «Фуззу» отношения не имеют и за их обещания не отвечают.

Горшок, Илья Черт. Нашествие, 2000 год. Фото Е. Евсюкова.

Зато сам клуб сердечно порадовал. Совершенно потрясающий звук – и на сцене, и в зале. Домашняя и ненапряжная обстановка. Полный зал народа – добрых и расслабленных людей. Видимо, они специально в этот клуб ходили, потому что такую атмосферу я позже встречал только в Сан-Франциско. Множество людей не просто подпевает, но знает наши песни наизусть. Замечательный арт-директор Лина. Цветы, подаренные во время концерта. Букет тюльпанов после концерта.

«Фуззы» нас как-то суетно отвезли на вокзал и исчезли. Мы уставшие, мокрые после концерта, заползаем в вагон и видим, что он не купейный, а плацкартный. Поругались на уродских организаторов и плюнули, очень хотелось лечь. Яхов пошел класть гитары, вернулся с белым от злости лицом и шипит: «Эти бл*ди купили общие билеты, сидячие». Для тех, кто мало ездит, поясню. На восемь человек они взяли одно плацкартное купе у туалета и два боковых места там же. Зато мы получили еще один урок. Проверяй обратные билеты!

Фотосессия. Финский залив, 2000 год. Рис. по фото М. Лаписа.

58. Альбом «Герои и Злодеи», 2000

Хоть меня ты обнимаешь нежно,
Только бесконечность
неизбежна…

Балу

Следующим нашим эпохальным творением был альбом «Герои и злодеи». Ситуация с альбомами у нас на тот момент сложилась не самая понятная. Мы уже начали довольно плотно гастролировать, нам это безумно нравилось и, казалось, никогда не надоест. Слава Всевышнему, по стране уже каким-то образом разошлись наши первые два альбома, а не только «Акустический», и народ песни знал, что радовало. Однако нового материала мы не записывали очень давно.

Посчитаем. «Акустический» – шикарный альбом, но он, как ни крути, акустический. Горшок согласился считать его номерным, а некоторые песни из него плавно перекочевали в «электрическую» программу, да там и остались навсегда. Как сказал про «Акустический» Горшок, «пошутили и хватит». Далее, альбом «Король и Шут». Собственно, целый альбом хитов, но записанный много лет назад. А если вспомнить, что впервые мы эти песни записали намного раньше, то вообще можно считать это старым материалом. Да это фактически наши первые приличные песни! И, наконец, альбом «Камнем по голове» – вот мы и досчитали до начала. Понятно, что за это время группа хорошо продвинулась вперед. Но просто пришло время для нового.

Кстати, это выражение Горшка «просто пришло время». Я пытался ему втолковать, что материал новый у нас есть, но 20 песен явно не наберется, да и доделать бы их хотелось сначала, да и вспомни, вокруг каждой песни должна быть история, а из нее уже должны выкристаллизовываться стихи, тоже и с музыкой…

Но была причина поторопиться. У Горшка начались серьезные проблемы с героином. Мы его лечили, но это совсем непросто. Я не буду рассказывать про бессонные ночи и прочие радости, но было понятно, что если не записать альбом сейчас, то, возможно, мы больше вообще ничего не сделаем при участии Горшка. А наша затея даже немного его вытянула. Однажды, когда он совсем уж собрался помирать, я сидел у него дома и держал за руку, дежурил. «Что, – говорю, – сдуться хочешь? Пару альбомов записал и все? Больше ведь ничего после тебя не останется».

Грубо, конечно, но его проняло. «Нет, – отвечает, – теперь из вредности не крякну…»

До кучи оказалось, что пока мы думали, рассуждали, да гастролировали, студия (а мы решили писаться на «Добре») оказалась занята. И нам удалось уговорить знакомых музыкантов немного подвинуться и выделить нам немного времени. Как следствие, записаться мы должны были ускоренными темпами. Что добавляло нервотрепки.

Вдобавок, как только мы сели на точку, начали репетировать и собирать в кучу альбом, Князь стал приносить совершенно непонятные песни. Вернее, явно недотягивающие до уровня предыдущих альбомов. Сам он утверждал, что они хорошие, предлагал их разбирать, записывать и играть на концертах. У меня лично вообще сложилось впечатление, что он на авось приносит весь старый и забракованный материал. Но это было мое личное мнение, и оно, конечно же, неправильное, слишком уж активно Князь пропихивал эти песни.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

У нас никогда никаких правил не было, но в разборе и выборе новых песен сложилась определенная традиция. Если в музыке или тексте что-то кому-то не нравилось, – все переделывалось. Или было так: тебе не нравится какое-то место в песне – предложи лучше! Обычно в спорных моментах всегда предлагалось множество вариантов, так что было из чего выбирать. Но если хотя бы одному члену группы не нравилась новая музыка или стихи, то мы ее откладывали. Как можно стоять

на сцене и играть песню, которая тебя не прет? Весь смысл пропадает.

А тут Князь уперся: давайте, блин, делать песни на мою музыку, чего мы все время на горшковскую делаем!? Мы говорим, Андрюха, да какая разница, на чью музыку, это все равно все наше, общее, но именно поэтому средненькие песенки не стоит «совать» (это термин такой). Безрезультатно. Да еще стихов на половину песен нет, что тоже не есть гуд, хотя как раз к этому все уже начали привыкать.

Короче, долго спорили, но князевскую песню «Дед на свадьбе» решили играть и даже поставили первой на альбоме. Это на самом деле хорошая песня, но моя душа просила и уже нагло рассчитывала на офигенные! Я ж говорю, я всегда и ждал, и требовал от Князя и Горшка только самое лучшее. А еще одну песню («Про Ивана»), Горшок попросил записать в качестве личного одолжения – специально дождался, когда Князя не было на репетиции. Для сохранения гармонии в группе. Мы согласились, все равно больше песен не было. Конечно, все ждали от Князя песен уровня «Бродяга и Старик», но он тоже их не с дерева снимает.

Процесс записи предварялся тем, что мы с Яхой решили придумать всякие мелкие детали на гитаре и басу. Разукрасить музыкальное полотно. Оставалось две недели, и мы вознамерились спокойно, без Князя и Горшка, втроем порепетировать, уделяя внимание исключительно гитарным и бас-гитарным мелочам. До этого мы репетировали, но все вместе, глядели на все в целом, не отвлекаясь на мелочи. В первый же день выяснилось, что Поручик не может ровно и правильно сыграть барабанный переход. Мы с Яхой убили на это целый день. Сделали два перехода в одной песне и еще один во второй, оказалось, что это не единственное тяжелое для Поручика место. Когда лажаешь на концерте, это не так заметно: вокалисты поют и вообще угар. А на записи деться некуда. Тем более, что сначала мы записываем барабаны, потом на них бас и так далее. Тут мы вдруг поняли, что ничего не запишем. Пор тупо не может записать ни один нормальный дубль. Делать нечего, стали репетировать. У меня тетрадка с записями, смотрим. За 14 дней мы втроем репетировали 13 раз. Причем две репетиции по 7 часов, а остальные больше. Мы с Яхой, сука, две недели по полному рабочему дню, без выходных делали барабанные переходы. В последний день я уже сдался, говорю, если я денек от музыки не отдохну перед студией, то записываться точно не смогу. Так что был один выходной. А Пор, кстати, еще рвался порепетировать, для уверенности.

Ладно, вот веселая история, для разбавки. В песне «Невеста палача», в третьем куплете идет развитие, и барабаны с басом и гитарой должны играть мощную тему «та-га-та-га-даааа, та-га-та-га-таааа», а Пор упорно не хотел ее играть ровно. Или хотя бы одинаково, чтобы мы могли под него попасть. Тут уже даже Яха плюнул. «Давайте, – говорит, – без этой фишки. Все лучше, чем позориться». На том и порешили. А потом пришел Горшок и говорит: «Да вы офигели, хорошее место, пусть хоть как сыграет, а вы на студии наложите». «А на концертах?» – не унимался Яха. «А к концертам я научусь, еще месяц до тура!» – влез Поручик. А надо сказать, что Поручик где-то за год до этого с огромной помпой купил крутую педаль для барабана DW с двумя колотушками. И долго потом ходил и кричал, какой он крутой и какая у него дорогая педаль. А тут, видимо, Яху достало две недели переходы делать, и он спрашивает: «Пор, ну вот честно скажи, ну зачем тебе педаль с двумя колотушками, если ты до сих пор играешь одной, да и то мимо?» Накипело у парня. На что Пор с невинным и искренним видом говорит: «Так я еще парень молодой. У меня все впереди. Еще научусь». Мы долго ржали, да и потом не раз этот случай вспоминали. Кто-нибудь забудет слова на концерте, а потом не отмазывается, а цитирует: «Так я еще молодой, выучу». Смех, да и только!

И вот если человек мудак, то, прочитав это, решит: «О, Пор плохой барабанщик». А моя книга – для друзей. Добрых, хороших и умных, и они сразу подумают: «О, это как же они дружили, что столько сил тратили на барабанные переходы, а не взяли другого барабанщика!»

Короче, давайте послушаем этот замечательный во всех отношениях альбом вместе и заценим, что у нас получилось.

1. Дед на свадьбе

Балу. Сразу смешная история вспомнилась. Песня играется в тональности ля и все такое, в смысле дальше ре да ми. И Князь предложил: «Сань, а давай ты в начале басом обыграешь первую ноту, а потом я начинаю петь?» Обыграть, так обыграть. Я наиграл первое, что пришло в голову. Ну, ля обыграл, ясно? Записали мы это дело. Потом в туре поставили эту песню первой, чем убили сразу стадо бизонов. Во-первых, на первой песне всегда публика орет и ни фига не слышно. Ни нам, ни им. Во-вторых, как вы слышите, начинается песня с одних барабанов, потом гитара, потом бас. Это очень удобно звукорежиссеру: всегда можно подстроить звук и все такое. Ну, и в-третьих, концерт, по-моему,

всегда нужно начинать с песни, где Князь поет за главного, чтобы у зрителя не было иллюзий, будто он на вторых ролях, а сразу бы было понятно, что у нас в группе два равноправных вокалиста. А точнее, один Сказочник и другой Сказочник. Так вот, продолжим про ноту ля. Где-то через полгода мы стали разбирать еще одну князевскую песню, и он говорит: «А сыграй вот бас как в прошлый раз. Помнишь, ты с «АшБлок» содрал?» Я – пык, мык, как содрал? О чем речь? Оказалось, что есть такая группа и в одной их песне в начале очень похоже обыгрывается первая нота. Серьезно. Я даже названия такого не знал! Но Князь все это время был уверен, что я знаю эту песню и нарочно бас содрал. «Так что же ты молчал, – говорю. – Это ж позор!» Впрочем, пока никто не заметил. Что скажешь, брат?

Князь. Вообще, у этой песни особая история. Я ее написал еще до армии в шестнадцатилетнем возрасте примерно. Музыку, в смысле. И на нее у меня были дурацкие подростковые стихи «Нет телки у меня». Смысл был такой: у меня нет ни телки, ни бабок, но я себя круто изменил, и теперь все круто.

Балу. Жизнеутверждающе.

Князь. Так вот. И это был мой хит. Потому, что каждый раз, когда я пел ее в армии, это был неизменный успех, потому что песня бешеная и веселая. Но только к этому альбому я накатал другой текст. Вдохновили меня, кстати, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

2. Запрет отца

Балу. Шикарная песня, просто шикарная. Ноу меня она ассоциируется с бессонными ночами. Дело в том, что придумали мы ее давно, помню, мы еще на «Московских воротах» репетировали. Пор никак не мог ровно сыграть сложный для него ритмический рифак, тот, что перед куплетом. Мы даже играть ее на концертах не могли. Я работал тогда на последней работе, рядом, на «Фрунзенской». И чтоб сделать эту песню, я после работы приходил на точку (точка была не наша, но Пор там подрабатывал сторожем), и мы по ночам репетировали это место. И еще три или четыре песни, которые он плохо играл. Помню пять ночей (это после работы!) я не спал, а потом, когда вдруг понял, что засыпаю за фрезерным станком, решил, хватит. Поехал домой и лег спать посреди дня. Да и проспал до утра. А на следующий день Пор звонит – ты надинамил, а я ждал! А я ему: «Все. Хватит, родной. Если ты и после пяти ночей будешь этот переход криво играть, то я тебе просто пи*ды дам, понял?»

Но это было задолго до записи, так что к этому моменту Пор играл эту песню уже значительно лучше. Опять-таки не подумайте, что я подкалываю друга, просто всплыли такие флешбэки. Справедливости ради, надо сказать, что наши усилия не пропали даром, и многие годы мы играли эту песню энергично и с удовольствием.

Князь. Я помню, что мне дали музыку, а на нее я постепенно наложил стихи. Длительный получился промежуток времени.

3. Кузнец

Балу. Шикарная песня. Форма и аранжировка придумались буквально за день-два. Как в случае с предыдущей песней, в дальнейшем мы совершенно офигенно исполняли ее на концертах. Значительно лучше, чем на записи.

Князь. Тут я сюжет развернул, как в комиксах. С первого раза не был уверен, что текст сгодится для этой песни. И Горшок тоже имел ряд вопросов по этим стихам.

Балу. Но решили оставить.

Князь. Да, решили, что люди приколются от такого развития сюжета. А стихи написались непосредственно перед записью, впритык.

4. Разговор с Гоблином

Балу. Валялась у нас старая заготовка, еще времен «Акустического альбома». Появилась она так. Мы сидели у Яхи дома, что было редкостью, потому и запомнилось, и на акустиках готовились к какому-то акустическому же концерту. Я ждал, пока все успокоятся, и чисто на автомате играл рифак. Рифак ко мне привязался с одного английского панк-сборника 78 года и никак не отвязывался. Что за сборник и что за группа, я не знаю, ибо переписал его у приятеля, и кассета у меня была без названия. Тут подсаживается Горшок и говорит: «О, кайфовый рифак, только ты играешь его неправильно». Берет гитару и играет совсем другой рифак, даже не похожий на мой. (Еще бы ему играть мой, он ведь мою кассетку не слышал еще, я ее только-только достал.). Короче, всем понравилось. Князь мгновенно сочинил стихи. «Забежали в магазин. Пингвин. Павлин».

Ну, и так далее, там дальше не совсем прилично.

Тут Горшок приносит эту песню, давайте, говорит, ее сделаем. Яха поначалу: «Как, песню из одного рифака?» Но как

только попробовали, все вопросы отпали. Офигенская песенка получилась! Просто и энергично.

Из смешного. Слышите, там ближе к концу действительно происходит разговор с гоблином. И вот наш искрометный юморист Андрей Князев не мог не вставить в конце строчку из популярного анекдота: «Пид*расы, куда вы меня тащите!» Анекдот рассказывать не буду.

Князь. А стихи родились из моего рисунка. Карикатуры, как я их называю. И вот по мотивам этой идиотской картины я и написал стихи. А лейтмотив – это, конечно, наши «тамтамовские» тусовки.

5. Вор, Граф и Графиня

Балу. Очень и очень старая песня. Времен написания «Истории о мертвой женщине», если не ошибаюсь. Тогда мы ее отложили по очень смешной причине. Придумали мы ее красиво, но сыграть не сумели. Там были довольно сложные гитарные, да и барабанные дела. Позже мы к ней возвращались, но безуспешно. Да мы и не напрягались по этому поводу особо, хороших песен хватало. Да, точно, вспомнил. Мы записывали ее в альбом «Будь как дома, путник!», который не номерной. А тут подросли в плане техники, да и записали, чему все были очень рады. Песня-то ведь хорошая!

Князь. Точно! У меня такое ощущение, что я ее придумал очень давно.

6. Что видел малыш

Балу. Одна из песен, на которые все очень рассчитывали. Обалденная простая и запоминающаяся мелодия, приятная аранжировка и вообще. Но Князь долго не мог написать стихи. Пришло время записи, а стихов все не было. И в последний день Князь принес листочек. То есть Горшок не только не знал текст, когда записывался, он стоял с листком и с него пел. А все остальные музыканты стихи услышали уже вместе с музыкой. В моей голове песня звучать должна была совсем по-другому. Но стихи, между тем, достаточно глубокие и довольно интересные. В них Князь умудрился смешать закон Старджона (или если хотите «Откровение Старджона») гласящий «Ninety percent of everything is crud» («все фигня, кроме пчел», по-нашему) и известный закон 5 %, который проявляется в любой группе людей. Ну, помните,

если 5 % толпы будут что-либо делать, то все начнут это делать? Или типа того. И, соответственно, влияние всей этой фигни на молодой и неокрепший мозг. Но хитом песня, почему-то не стала.

Это вдвойне обидно, потому, что в эту песню вставили мой проигрыш. Тот, который после второго и третьего припева, типа где: «А? – А-ха! А? – А-ха!» Пустячок, а приятно. Я как-то показал Горшку одну свою песенку, а он ее раскритиковал в хвост и в гриву. Куплет, говорит, говно, припев еще хуже, и хорошо, что стихов нет, не жалко выкидывать. А вот проигрыш, говорит, офигенный. Запомни его, потом вставим куда-нибудь. Вот и вставили.

Князь. Согласен. Песня достаточно противоречивая. Хоть некоторые считают, что прикольный текст, стебный и все такое, Горшок был не в восторге от него. Я ее все оставлял на десерт, понимаешь? Так бывает, что под конец работы над альбомом мысль не идет и нужен глоток свежего воздуха, а у меня уже башка с трудом что-то рожала. Мелодия была прикольная, и не хотелось с ней промахнуться, но в голову лезла всякая дурь. Никаких креативных идей не было, и время поджимало. И тогда я вцепился в какой-то текст про малыша и стал делать. И он получился довольно экспериментальным.

Балу. Я сейчас переслушал, и сами по себе стихи очень даже прикольные.

Князь. Ну, вот у меня было в черновиках много прикольных и стебных заготовок, но далеко не все они подходили под формат и стилистику «Короля и Шута». Этот стих из таких. Он имел право на жизнь, но из нашей концепции выбивался. А с учетом того, что музыка была такая хорошая, можно было бы что-то и получше сделать. Но я тебе и вам, дорогие читатели, говорю, что основная причина такой работы – это то, что у меня уже не хватало времени. В ту неделю я себя исчерпал.

Балу. Ты за ту неделю «Древлян», по-моему, раз сто переписал, «Кузнеца» и еще что-то.

7. Невеста палача

Балу. Как сказала через несколько лет одна из наших самых требовательных, преданных и искренних фанаток, Анфиса, жена Горшка, «после этой песни ребята могли вообще новых песен не писать». Без ложной скромности скажу, по эмоциональному накалу и мелодике – одна из наших самых сильных песен. Мы ее включали в разные концертные программы до самого конца, и со временем на концертах она стала звучать на порядок лучше, чем

на записи. Да, кстати, если не ошибаюсь, стихи Князь тоже в последний момент принес, уже на студию, когда все инструменты были записаны.

Еще Горшок однажды придумал офигенную идею для видеоклипа. Дело было так. Зашел он как-то в гости, на Индустриальный. В то время он нечасто к кому-то в гости заходил, но тут у меня жена с ребенком в деревню слились, да и он никуда не спешил. Сидели мы, болтали, пили кислый чай с лимоном, да так засиделись и окислились, что уже ночь наступила. И решили мы пойти на крышу, типа покурить, да переподсняться с чая. Взял я трубку, и пошли (я тогда трубку курил). А на крыше хорошо так, звезды, самолетики, еще какая-то фигня летает. Горшок смотрел на все это молча, а потом и говорит:

– А я знаю, какой клип снять можно. Причем будет круто и не очень дорого.

– Ну-ка, просвети.

– Смотри. Это будет концертный клип. Сначала показывают толпу, но в полной темноте. То есть ни фига не видно, но толпа обозначается всполохами зажигалок и световым контуром. Начало песни, странные звуки. А над толпой, извиваясь, пролетает дракон, то есть не дракон даже, а просто серебряный контур дракона. Вступает бас-гитара. Дракон, полетав немного над зрителями, прилетает на сцену, а на сцене тоже полная темнота и ни фига почти не видно. Включается легкая заливка светом. И становится видно, что силуэт дракона приземляется тебе на плечо и превращается в твою татуировку, но остается серебряным. Играет рифак, и одновременно на сцене проявляется серебряным же контуром мое лицо. Понятно, что я все это время стоял на сцене, просто меня не было видно. Я начинаю петь. Потом вступает гитара, и прорисовывается гитарист, и так один за другим появляются все пять участников группы и Маша. И постепенно добавляется свет до нормального уровня.

Уф! Про этот клип Горшок мне рассказывал еще часа три, я почему и запомнил все. Но клип на этот альбом мы не снимали. И даже не планировали снимать. О чем, впрочем, позже расскажу.

Князь. Это особая композиция. Изначально очень интересная музыка, и я постарался так же ответственно подойти к работе над текстом. Из-за того, что музыка была такая мрачная и готическая, я ушел куда-то в Средневековье. Это, наверное, была одна из первых песен, когда в теме деревенского фольклора стали расти веточки в направлении готических средневековых вещей. Я долго работал, там поначалу были смысловые противоречия. Например, палачам не разрешалось иметь невест.

Балу. Это почему? Разве?

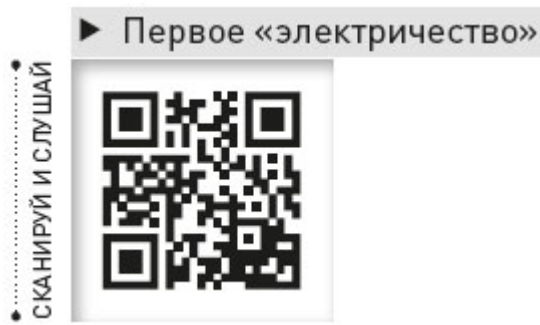
Князь. Я тебе точно сказать не могу, это не прогуглить. Но я со своей мамой спорил на этот счет, и она утверждала, что палач – это такая профессия, при которой нельзя иметь семью. Потому, что палачу, во-первых, можно отомстить.

Балу. Я помню, ты ее принес, и мы сразу приняли, без переделок.

Князь. Да, я над ней долго работал, и она практически в таком виде и осталась.

8. Мастер приглашает в гости

Балу. Один из главных боевиков альбома. Просто послушайте и все станет ясно, слова излишни. Замечу только, что когда-то это была песня «Свечи гаснут». Послушайте оригинальную запись у нас в архивах, сравните и наслаждайтесь! Вот адрес:



Князь. Да, это одна из старых песен, и я сейчас уже не помню, то ли я ее вспомнил и решил сделать, то ли Горшок.

Балу. Хм! А я ее всегда помнил. Это песня из тех времен, когда мы с Горшком в две акустики у него дома играли.

Князь. Но не в этом суть. Я написал текст, и он был принят группой на ура, ибо очень походил нам по стилистике.

9. Бродяга и Старик

Балу. Очередное гениальное творение от Князя. И стихи, и музыка, и концепция. Стопроцентный «Король и Шут» в лучшем своем проявлении. Обожаю эту песню и Андрюху, за то, что он ее написал!

Князь. Напомню вам, что на «Акустическом альбоме» Горшок

исполнял песню «Девушка и Граф». И он мне говорил, что музыка прикольная, но неплохо бы на нее написать какой-нибудь панк-рок-текст. Я поначалу отнекивался: на фига новый текст, если песня уже есть? Но он сказал: «Блин, хочется эту музыку в панке». И вот тогда… тогда… тогда… тогда…

Балу. Ты написал другие стихи?

Князь. Вопрос как раз в другом. Я, честно говоря, не могу вспомнить. То ли я специально, для того что бы дать той песне еще одну жизнь, написал новые стихи, то ли у меня эти стихи валялись где-то в черновиках и просто подошли к песне. Короче, не знаю я, откуда стихи взялись.

Балу. Но мы их не переделывали.

Князь. По-моему, у меня этот текст просто валялся. И я его под эту музыку подставил. Может быть, такая история.

Балу. По-моему, ты принес несколько даже текстов, и мы еще выбирали, какой больше подходит.

Князь. Да, скорее всего, так и было. А если сравнивать эти песни, какая из них драматически глубже, то…

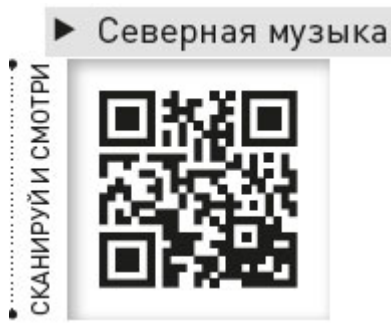
Балу. Да они обе охрененные, ты что!?!

Князь. Да, но одна из них мне больше нравится.

10. Смерть Халдея

Балу. Еще одна песня, близкая к идеалу, в нашем понимании этого слова. Вот почему про самые зашибатые песни, как послушаешь, и сказать особо нечего?

А, вот! Тут мы с Горшком как раз вставили шутку, понятную только мне, ему и Князю. Помните, после гитарного соло (очень хорошего, кстати, молодец, Яха!) идет кайфовый такой проигрыш? Так это музыкальная тема из моей старой песни «Северная музыка». Можно послушать здесь.



Это Горшок придумал. «Давай, – говорит, – вставим!

Прикольно будет». «Да как-то неожиданно, – отвечаю, – тема-то музыкальная хорошая, а мы ее на проигрыш израсходуем». «Да, ладно, – махает рукой Горшок, – все равно твою «Северную музыку» мы играть никогда не соберемся, а тут шутка! А главное, никто, кроме нас троих, об этом не догадывается». Мы обожали такие секретные шутки.

Князь. Сама по себе музыка уже какое-то время до начала записи существовала, и поэтому я сумел спокойно и без спешки написать стихи. Менталитет у нас в то время был «тамтамовский», и я решил героем песни – объектом насмешек – избрать халдея. Для панка профессия халдея, ну самая дурацкая. Обслуживать там…

Балу. Хм. А я воспринимал это еще и как намек на древнее халдейское сообщество, которое тоже, впрочем, обслуживает…

11. Помнят с горечью древляне

Балу. Очень хотелось сделать альбом разноплановым. У нас с Горшком в голове было, что тут песни пяти стилей. Каких, не помню, столько лет прошло, но вот эта песня была из разряда «медляк» или «блюз». И не надо меня спрашивать, почему. Я уже писал выше, что у нас был свой словарь. Исходя из сакральности стихов, я предложил Яхе идею для соло. «Давай, – говорю, – сделаем соло как у «Нирваны» в песне Smells Like Teen Spirit?» Так и сделали, то есть проиграли вместо соло куплетную мелодию гитарой. А во время одного из первых исполнений на концерте Горшок забыл слова после: «В час, когда он видел фею, начинал ей повторять». И тут я не растерялся и спел за него: «** **** ****** в ****, твою бога душу мать!»

Было смешно, но после концерта Князь наехал на нас, ты, мол, баран, слова забыл, а ты, два барана, поешь фигню всякую. На что Горшок ему улыбаясь говорит: «Так мы еще молодые! Научимся! У нас все впереди!» Андрюха, а ты ведь долго писал этот текст.

Князь. Да, достаточно долго. Помнишь, я приходил наточку и все время чего-то переделывал.

Балу. Спрашивал, какие племена есть.

Князь. Да. Я долго писал ее потому, что там непростой сюжет, и хотелось его вырулить. И я до последнего не знал, во что эта песня выльется. И сначала расклад был неблагоприятный, она переписывалась, пару раз я хотел начать заново и совсем поменять сюжет. Но в итоге дожал, и все совсем не обломались.

12. Про Ивана

Балу. Над аранжировкой мы недолго думали. Сделали в стиле «Акустического альбома».

Князь. Эта песня была написана после «Акустического альбома» с таким смешным вот текстом.

Балу. Да, текст поучительный.

Князь. И текст, и музыка были написаны сразу, а демку я записал на синтезаторе у брательника, где, кстати, позже был записан «Гимн Шута», но об этом давай поговорим позже.

13. Воспоминание о былой любви

Балу. Я вот сейчас послушал и понял – это оно. Можно, конечно, сказать, что Князь стихи не успел написать, а можно сказать, что и без стихов музыка звучит. Захватывающе и завораживающее. Даже через столько лет. И я думаю, еще долго будет. Горшок, ты гений.

Князь. Да. Эта музыкальная тема у нас очень древняя. Как «Возвращение колдуна». Она ровесник песен «Сапоги мертвеца», «История о мертвой женщине», «Охотник Себастьян».

Балу. Погоди, а «Колдун» – это разве такая старая тема?

Князь. Да, она у нас была записана еще на одной из самых первых сессий у Миши Кольчугина в Механическом институте. Но тогда я не смог написать текст, и мы записали просто музыку и рыбу вместо текста.

Балу. Точно! Вспомнил. Это была пятая песня без текста во второй электрической сессии, только ее теперь нигде не найти.

Князь. Верно. И она очень долго валялась. И «Воспоминания о былой любви» – такая же древняя тема. Я эту песню очень любил и очень боялся испортить текстом. Долго подбирал, но что-то все никак не получалось. А на студии мне Горшок сразу сказал, что это очень крутая музыка. И что кровь из носу, текст должен быть шедевральный. Нельзя, что бы текст был слабее музыки. Потому что музыка в любом случае тянет очень круто, и если появится текст, равносильный этой музыке, то будет бомба. И вот так сложилось, что эта бомба у меня осталась под самый конец вместе с песней «Что видел малыш». Я ее до последнего держал.

Балу. Ты приносил два или три варианта на студию.

Князь. Да, я помню. Они даже у меня есть. Про лесного человека на мосту, его ученика, и так далее. Но это не подходило. Причем тексты были, по-моему, неплохие, но тут по тексту нужна была очень специфическая работа. Поэтому мы все отклоняли, и я

даже особо не упорствовал. Потому, как если общественность не считала, что текст соответствует музыке, то я и не настаивал. И, в конечном итоге, мы решили оставить просто музыку.

Балу. Тогда давай вместе с нашими читателями послушаем этот трек, порадуемся и закончим с этим альбомом.

Князь. Да, с удовольствием. Альбом, кстати, надо сказать, получился довольно странным.

Балу. Странным? Часть песен выбивается из общей темы, конечно, и какие, по-моему, видно.

Князь. Да, выбивается. Ты же сам всегда говорил, что «Король и Шут» – это должны быть одни хиты.

Балу. Да, чтоб тебя перло от песен!

Князь. Это мы такие были молодые, самоуверенные и считали, что хорошо в этом шарим. И считали, что все, что мы делаем, должно быть только супер. Никто на себя одеяло не тянет. Мы все решаем общим собранием. А общий разум никогда не выберет слабую песню.

Балу. Совершенно согласен, так и было.

Князь. К сожалению, так мы могли рассуждать, когда у нас в запасе куча свободного времени и ресурса. Но когда мы стали работать в режиме «сейчас пишешь, а завтра надо сдавать», то лично у меня этой спеси поубавилось. Стало понятно, что ты хоть обосрись, но сделать так, чтобы бы все песни были исключительно хитами, не получится. Потому что на такие альбомы надо тратить не один год.

Балу. Мда, на первые мы по нескольку лет тратили. А тут ждать мы не могли. Надо было записать, как сказал Горшок «просто, чтобы двигаться дальше».

Князь. Да. Помнишь, у нас у всех была заветная мечта? Когда группа поднимется, купить дом где-нибудь за городом, и там работать всем вместе. То есть жить и работать все лето. Мы тогда не думали ни о семьях, ни о том, что у нас должны быть жены и дети. Мечтали только о том, чтобы всей группой уйти, жить там и писать альбом. Бухать, работать, писать стихи и так далее. Вот такие у нас были мысли, поэтому вот тогда у нас и было настоящее семейное братство «Король и Шут».

Балу. Все равно хороший альбом. Во-первых, такой отпечаток времени…

Князь. Да, хороший. И для кого-то он стал даже особенным. Но если смотреть не с творческой точки зрения, а с коммерческой, он был самым слабым по сравнению с тремя предыдущими. Потому, что в нем были песни, которые хитами никак не назовешь. «Воспоминание» без слов, а «Что видел малыш» с конкретно слабыми стихами. До этого меня было

сложно упрекнуть в слабых текстах, потому что раньше все было уникально и любопытно.

Балу. Да, до этого тексты вылизывались, причем коллективно.

Князь. Да не в этом даже дело. Всегда есть какой-то определенный заряд, который ты выдаешь. Если у тебя большой промежуток времени, то ты и расходуешь его грамотно. А когда ты начинаешь к сроку готовить альбом, то пользуясь стартовым запалом, ты пишешь крутую песню, еще одну, но под конец этот запал уже заканчивается, и тексты становятся слабее. Но может вылезти и что-то крутое, «Древляне», например. Но мы в любом случае считали, что музыкально продвинулись хотя бы в плане аранжировок, да и играть к тому времени научились лучше.

Балу. С другой стороны, если бы мы отложили еще на год, то вообще могли ничего не записать. В принципе.

Князь. Да, дедлайны – это, конечно, хорошо, только ничего хорошего. А сейчас давай послушаем последнюю песню и поскакали к следующему альбому.

Балу. Давай.

О чем это я?

Вот так, друзья, послушал последний трек и задумался о том, о чем и вслух не говорят, а то неправдой станет, да.

Вернемся к альбому. После записи отношение к нему в группе было двоякое. С одной стороны, записали новый альбом, с другой, не все песни в нем стопроцентные хиты. Опять-таки, я рассуждаю со своей точки зрения, сточки зрения требовательного фаната своего дела и своей группы. Я это сейчас пишу, погрузившись в море воспоминаний, всколыхнувшееся от прослушивания альбома. А тогда мы не хотели быть ни культовыми, ни легендарными, ни популярными, мы просто заехали ненадолго в город, быстренько записались, да и поехали дальше на гастроли. Навстречу новым приключениям!

59. Тьма и Звезды

В моей жизни, звенящей и яркой.
Не бывало печальных минут.

Балу

Однажды осенью, в год, какой не помню, у нас был перерыв в репетициях, и я уехал со своей красавицей женой Инной и сыном в деревню, под Кириши, по грибы. Очень мы с ней любили по осени грибы собирать. Дом у нас там был старый и непростой. Стоял на излучине реки, а прямо за рекой начинался лес. Причем лес такой, что можно две недели в одну сторону идти, да так никуда и не прийти. У меня там в поле был знакомый туман, мы с ним очень дружили. Дом стоял там уже более ста лет, и кто его построил мне, не известно. Инкины родители купили его в доисторические советские времена. Чердак, на который никто не лазил, был завален древними деревянными лопатами для хлеба, прялками, кадушками и прочей древней бытовухой. Иногда я что-нибудь оттуда доставал и использовал в быту, ведь за последние сто лет в доме ничего не изменилось, только электричество провели. Поверх всего этого барахла были навалены старые уголовные дела для растопки (родители Инны были адвокатами). Такое, кстати, прикольное чтиво! Pulp Fiction отдыхает…

И вот в такой глуши вдруг появляется на своих красных жигулях Яха. Оказывается, Гордеев забыл, что назначил на эти дни концерт, а у меня в деревне сотовой связи не было. Ну, мы за пять минут собрались и прямо так, с грибами, поехали.

В Ольгино был байкерский фестиваль. Отчекались, сыграли. Играли даром, поэтому Гордеев и забыл о концерте, но нам выделили на ночь номера в кемпинге, и мы вроде как отдыхали. Все наши парни привезли с собой своих девушек, те разоделись по такому случаю в пух и прах и ходили гордые и прекрасные. Только Горшок сидит грустный и на все шутки отвечает как-то мимо, видно, что он не здесь. Ни с кем говорить не хочет и не может. Анфиса тоже никак до него не может достучаться. А тут еще Гордеев и Яха насели на него и требовали решить какой-то вопрос. Вопрос и вправду был важный, хотя и административный, поэтому ребята попросили меня с ним поговорить. Я к нему, а Горшок говорит: «Ну, Шура, ну хоть ты от*бись от меня, не видишь, что ли!»

Угу, вижу. Естественно, ребята ничего не смогли ему объяснить, так как говорили на разных языках. Но тогда я ничего

не мог поделать – кругом люди, да и на руках у меня жена и сынишка.

Короче, разгреб я все свои дела и через день-два звоню Анфисе.

– Какая движуха, родная, что за дела?

– Да вот, сидит, в окно смотрит, даже в PlayStation свой почти не играет.

– Жди, – говорю, – сейчас буду.

Приезжаю. Мишка. Сидит грустный. На окружающих реагирует слабо. Я ему слово, он мне ноль, я ему щелбан, а он отмахивается, как от мухи.

– Тьма, – говорит. – Тьма, Шура, наступает, что делать?

Блин поминальный, да не знаю я, что делать! Я вообще не понимаю, о чем он говорит. Да, что там! Я даже слов таких не понимаю. Делать нечего, сходил, взял водки. Немного, четыре бутылки.

Дальше неинтересно, нажрались мы, короче. Точнее я, а Горшок, так, прихлебывал. А Анфиса сок пила, да закуску все нам подставляла, заботилась. Такие дела. Вестимо, нажравшись, я сумел расшевелить Горшка, и мы, наконец, заговорили на одном языке.

– Тьма, – говорит. – Тьма, Шура, наступает, что делать? – сумел он, наконец, донести свою мысль.

– А, так что ж ты сразу не сказал! Я знаю, что делать. Трезветь надо! Смотри, что там у них в реальности происходит.

И я рассказал о той административной проблемке, что беспокоила наших ребят.

– Да, это ж вообще фигня! Щас все решим с полтыка! Только давай, чтоб зря не трезветь, сначала выпьем.

И мы выпили. А потом, чтоб зла не оставлять, выпили еще. Одним словом, когда через какое-то время позвонили наши друзья со своей нерешенной проблемой, мы прервали недельный запой и два дня провели в общей реальности.

Фотосессия. 2000 год. Рисунок по фото М. Лаписа.

Много чего за эту неделю с нами происходило, и страшного, и прекрасного, но когда все закончилось, я спросил у Горшка:

– А что это с нами было? Что-то я не во все воткнулся.

– Иногда в жизни наступает темное время суток, и тогда ты встречаешь друзей, – сказал Горшок и заржал, как дурак.

К чему я это? А ни к чему. Просто так, вспомнилось. Однажды тусовались мы на Азовском море близ города Бердянска. Хорошо так тусовались. И вечером заходит ко мне Горшок:

– А пойдем, – говорит, – на море. Купаться. Там ночью светляки в море.

И мы пошли. Хоть и темно было, но луна довольно ярко светила, да и светляки заполонили все море. И мы купались вчетвером в ночном море, а потом долго валялись на ракушечном берегу и разговаривали о звездах. А потом стало прохладно, и

наши девочки пошли наверх, в дом, а мы остались. И Горшок долго и много мне рассказывал о звездах. Он очень любил звезды.

– Если я долго не вижу звезды, то, значит, слишком долго вижу землю. – смысл был примерно такой.

Я же люблю звезды совершенно по другим причинам.

60. Как правильно вести беседы

Вагонные споры – последнее дело…

Живой классик

…а вот и нет!

Балу

У нас с Горшком была одна интересная методика споров с идиотами. Идиотами мы называем людей, которые себя не уважают, но лезут со своим идиотским мнением.

А послать их либо никак нельзя, либо тебе скучно и ты развлекаешься, в поезде, например. Согласно нашей методике, если споришь с человеком, который не уважает сам себя, то для победы в споре нужно:

а) аргументировать свою точку зрения доказательствами, не имеющими к реальности никакого отношения. В идеале лучше вообще ничего не знать о предмете. Либо знать, но только термины. Значение которых лучше тоже не знать;

б) иметь АБСОЛЮТНУЮ уверенность в себе. И не улыбаться. Например:

Идет спор о том, кто изобрел телефон. И даже если оппонент-идиот прочитал какую-то научно-популярную статью, он не сможет спорить с человеком, который на голубом глазу говорит: «А ты читал воспоминания Белла?», «Даже Попов в завещании написал», «Ты хоть помнишь, когда сопротивляемость была открыта?», «Когда мы в школе доплеровский эффект изучали, я интересную статью читал», «Причем тут рефракция! А? Ты не говорил? Послышалось, извини. Так вот, она ни при чем!», «Ты просто слабо себе представляешь устройство телефона»… Ну, и так далее, любой бред.

Смысл вот в чем. Идиот гонит такой же бред, но он в него верит. И хочет всех убедить в чем-то, в том числе и себя. Просто для самоутверждения. Не умеют идиоты молчать.

И неважно, насколько идиот владеет предметом спора. Важно, насколько он уверен в себе. И вот в эту щелку между абсолютной уверенностью абсолютного идиота и конкретной уверенностью частного идиота и надо пролезть для победы. То есть по факту идиот открывает рот, а ты в чистом виде тренируешь уверенность в себе, ну и poker face, заодно.

Клуб «Бункер», 1999 год. Фото Е. Евсюкова.

Когда в нашу группу влился Яха, он наивно полагал, что высшее образование что-то значит и может помочь в споре. Поэтому Горшок часто спорил с ним о мировой и российской истории, истории и теории музыки, да о чем угодно. Яха честно что-то о каждом предмете знал. Это его и губило. Я всегда при их спорах старался не ржать и прятал лицо. Горшок однажды по секрету сказал мне: «Зачем мне знать факты, если я могу выдумать лучше?»

Много позже, когда с нами начал ездить Ренегат, которого для благозвучности Пор переименовал в Лося, они стали спорить втроем. Это было феерично! И если кто-либо пытался встрять, Горшок это пресекал: «Мы тут с Яшечкой и Лосиком спорим, а вы не мешайте».

Лось, чтобы показать, что и молдаванин панк-року – человек не посторонний (в своем понимании, конечно), рассказывал всякие истории из своей недолгой учебы в ветеринарном техникуме. Как, например, он по локоть коровам в жопу руки засовывал (осеменял). Дело молодое и полезное, кто спорит! Со временем ветеринарный техникум превратился в институт, и Лось стал заявлять, что они с Яхой – единственные люди с высшим образованием (пусть и не оконченным), и спорить с ними глупо. Наказание за такую самонадеянность было неизбежно. Справедливости ради, надо сказать, что в эпическом споре об истории России Лось и Яха на моей памяти умудрились дважды загнать Горшка в угол. Они нашли факты, которые даже Горшок

знал и не мог с ними спорить.

Тогда Горшок сделал элегантный шаг. Он где-то надыбал учебник истории за 6 класс и взял его с собой на гастроли. И демонстративно держал его на столе в купе. Увидев это, Яха и Лось возрадовались: уж ученика шестого класса они переспорят! Не учли они одного. Горшок этот учебник тоже не читал. Он на него ссылался! Два «человека с высшим образованием», естественно, считали ниже своего достоинства читать школьный учебник, за что не раз и поплатились. Выглядело наше купе обычно так. Пор наверху «СПИД-инфо» читает. Я с Павликом в шахматы играю. Разливаем. Закусываем. Благостно улыбаемся. Зритель млеет. Рядом с невинной улыбкой сидит Горшок, а с ним с пеной у рта спорят Яха и Лось.

Идею такого метода я подцепил в одном из произведений Роберта Хайнлайна, эстетику мы взяли у Шутника, короля троллей из «Десятого королевства», а отточили уже с Горшком на окружающих идиотах. Не подумайте, что мы Яху и Лося в плохом смысле идиотами считали, мы же любя. В отличие от идиотов-журналистов, о чем сейчас расскажу.

Производной этой методики была игра «свободные уши». Бывает, приходит брать интервью человек, который:

а) не в курсе нашей музыки;

б) не знает ничего о группе;

в) вообще ничего не знает, просто уверен, что раз он «журналист», то все вокруг ему должны сами все рассказать.

Журналисты, конечно, бывают разные. В Барнауле пришла женщина хорошо за 50 и говорит, ребята я вообще не в курсе, мне редактор сказал интервью взять и материал написать, мне б до пенсии доработать. Тут мы всегда помогали, что нам сложно, что ли? С удовольствием. Если все заняты, то сажали Машу и говорили: «Маша, диктуй факты». Это путь первый.

А есть иной тип журналистов – наглые и необразованные. С ними мы поступали так. Первый, кто такого поймает, должен влить ему в уши самый «эксклюзивный» материал. Как вы, наверное, уже догадались, к реальности он не должен иметь никакого отношения. Нужно было наврать про имена, города, даты, названия песен, альбомов, скандалы, свадьбы, разводы, да мало ли чего! Хорошим тоном считалось заставлять «журналиста» особо важные названия записывать в записную книжку. Также надо было время от времени ловить проходящего мимо соратника и требовать подтвердить или уточнить какой-нибудь бред. Полагалось с серьезным видом подтверждать. Особенно хорошо это получалось у Князя и Яхи. Ну, и у Горшка, конечно, но ему обычно мало было просто подтвердить, он лез разукрасить и

продолжить тему.

В идеале мы стремились к тому, чтобы, когда «журналист» принесет материал в редакцию, на него посмотрели, как на идиота. Или прямо так и напечатали, что тоже неплохо, значит, полная газета идиотов. Готовиться к интервью надо. Так нас достали непрофессионалы среди журналистов, что приходилось их воспитывать.

Эта игра требует ювелирного использования «контролируемой глупости». Ни на миг нельзя расслабляться. К сожалению, со временем можно сдать, опуститься до уровня «журналистов» и начать просто гнать. Это всегда, кстати, видно по улыбке.

Расскажу еще одну подобную историю. Дело было в Смоленске. До этого мы как-то тяжко и долго ездили по городам, и я не то чтобы устал, но как-то мучительно захотелось тепла и женской ласки. В Смоленске, надо вам сказать, совершенно чудовищный зал. Он хоть и прямо напротив гостиницы, но построен по типу «стекляшки». То есть с прозрачными стенами. За кулисами там только темный коридор и две гримерки, тоже с прозрачными стенами. И если ты там сидишь, то с тебя все фаны прикалываются. Остается только ходить по темному коридору, где даже присесть негде. В этом коридоре я еще перед саундчеком приметил потрясающе красивую девушку с открытым и немного грустным взглядом.

И фигура, и лицо, и платье, и прическа – ну все заставляло каждый раз, проходя мимо, оглядываться на нее. Фея, одно слово! Нимфа.

Закончили саундчек мы довольно быстро, часов в пять, и встал вопрос, что делать три часа до концерта. Ну не в коридоре же стоять! И вдруг подходит ко мне это прекрасное создание, нежно берет за локоть и, подняв на меня ясные глаза, молвит ангельским голосом.

Так, мол, и так, но после нашего прошлогоднего шоу мой светлый образ затмил все в ее жизни. И весь год она думает только обо мне, любит без меры, ни на что не претендует, но живет рядом, а дома никого. Только мои зацелованные фотографии на стенах. И до концерта три часа. А в конце добавляет: «Яша». Я, только что поверив, что высшие силы услышали мои молитвы, возвращаюсь на землю и вопрошаю: «Яша?» А она в ответ: «Ну, Вас же зовут Яша?»

И вот тут я вспомнил. Блин. Когда в прошлом году мы приехали в этот город, мы с Яхой поперлись на музыкальное телевидение. Горшок с Князем так устали в дороге, что разбудить их не удалось, и поэтому пришлось отдуваться нам. Девушка-

ведущая не знала, ни кто мы, ни как нас зовут, ни откуда мы – вообще ничего. Ни-че-го. Впрочем, она была довольно миленькой и все время зачем-то закидывала голову и смеялась. И вот тут я придумал очень смешную шутку, еще не зная, как она мне аукнется через год. Приведу ее как диалог в эфире, не дословно, конечно, но смысл будет понятен.

Ведущая. «Здравствуйте ребята! Расскажите, кто из вас король, а кто шут, какие творческие планы и что вам помогает в творчестве».

Балу. «День добрый! Король у нас я, но если честно, то во всем слушаю основателя группы и автора почти всех песен – нашего бас-гитариста Сашу Балунова, по прозвищу «Балу». – И показываю на Яху.

Яха. «Да, привет, я зовусь Саша Балунов, и ты сказал все верно, но должен заметить, что группы не получилось бы без нашего гитариста Якова Цвиркунова». – И показывает на меня.

Балу. «Ну, я, конечно, музыкант хороший, тем не менее…»

Яха. «Да, не просто хороший, все говорят, что ты, Яков Цвиркунов, лучший гитарист в России. Мне даже Шевчук говорил, отдашь Цвиркуна, всех своих гитаристов выгоню».

Ну, и так далее. То есть, я назвал Яху своим именем и расхваливал его, а он, поймав шар, делал то же самое. Лох ликовал!

Вспомнил я все это и улыбнулся. Ну, то есть засмеялся. Ну, ладно, дико засмеялся. Но не заржал, это точно. И вот, пока я смеялся, девушка упорхнула. И я, хоть и пытался ее найти, чтоб объясниться, не увидел ее больше. Задумайтесь, ведь она целый год, возможно, испытывала прекрасную муку любви, но не постаралась ничего обо мне узнать. Непрофессионально как, а? Мне до сих пор почему-то стыдно, и если ты, прекрасное создание, читаешь эти строки, то прости меня, пожалуйста. Но было дико смешно, а смех, как известно, первый враг секса. Блин.

61. Как меня однажды выгнали из группы

Дело было так. Сидели мы втроем на точке, в Башне, вроде как репетировали. Я, гитара и барабаны. А на самом деле накурились и издавали какие-то очень громкие звуки. Короче, настроение имели прекрасное и в чем-то возвышенное. Горшок, по обыкновению, опаздывал, а Князь, вообще непонятно было, придет или нет.

И тут влетают, как два урагана, наши вокалисты, начинают махать руками и эмоционально вещать. Мы минут десять накурено на них смотрели и пытались понять, что случилось, потом до меня начало доходить, что дело серьезное, и я предложил выключить и положить инструменты. Выяснилось, что претензии у них в основном ко мне и Яхе. Князь был возмущен, что мы ведем себя так, будто решаем все дела в группе. И начал он с меня.

Например, предъявил такой случай. Два дня назад я ходил с женой на фестиваль «Скифф» и мало того, что прошел без билета, так потом еще и поперся в гримерку к артистам. А Поручик, который тоже пришел туда с девушкой, пожаловался Князю, что ему пришлось покупать билеты, а когда он захотел пройти в гримерку, его туда не пустили. Это, по мнению Князя, означало то, что я ставлю себя выше музыкантов.

Я удивленно посмотрел на Поручика, а тот стал мямлить что-то типа: «Да не, Андрюха, это ничего…» Он явно не ожидал, что его невинная жалоба тет-а-тет возымеет такие последствия.

Тогда я постарался сосредоточиться, потому что смехотворность таких претензий (а рядом стоял Горшок и гневно смотрел на меня) явно не соответствовала эмоциональному накалу. Да и не стал бы Князь из-за жалобы барабанщика специально из Купчина ехать на Васильевский. Сосредоточившись, я с улыбкой сообщил Князю, что:

1. Он о*уел!

2. Без билетов я прошел, потому, что моя жена дружит с организатором фестиваля Севой Гаккелем со времен «Тамтама», а в гримерку я пошел, потому что Инке стало плохо на концерте. И нам повезло, что я дружу с Ликой, которая работала там и пустила мою жену прилечь.

3. Вообще-то я на все концерты хожу без билетов, и захожу в любые помещения, какие посчитаю нужными, и не спрашиваю ни у кого разрешения.

На Князя мои, на мой взгляд, убедительные, аргументы не произвели впечатления. Он начал пересказывать какие-то еще истории, которые ему рассказал Ренегат. Я видел, что у друзей что-то случилось, но никак не мог понять, что.

Яков даже не успел начать оправдываться, так как вступил Горшок. И от его слов я реально выпал в осадок. Привожу примерный диалог.

Горшок. «Ты понимаешь, что я после этого не смогу с тобой на одной сцене стоять?»

Балу. ?

Горшок. «Ты знаешь, что из-за тебя Анфиса вены вскрыла?»

Балу. ??

Тут я, правда, испугался. Потому что у Анфисы к тому времени уже были серьезные проблемы с героином, как, впрочем, и у Горшка. Но если Горшка мы все вместе поддерживали, помогали и старались выйти из этой ситуации, то у Анфисы в группе поддержки был один Горшок. Да и тот постоянно на гастролях. Он вообще часто мне жаловался, что, когда уезжает, то боится ее оставлять, и поэтому, когда была возможность, всегда брал ее с собой. Короче, я понял, что надо что-то делать. Я спросил, в какой больнице она лежит. Выяснилось, что она дома.

Короче, из путаных и непонятных объяснений мне удалось понять, что пока мы были на гастролях, Анфиса пришла к Гордееву занять денег, да и вскрыла себе вены. И пока Гордеев ее откачивал, она сказала, что все это из-за того, что я не давал ей проходу и все время приставал. О чем он и сообщил Горшку.

Что творилось у меня внутри, я не смогу описать словами ни сейчас, ни когда-либо в дальнейшем. Абсурдность обвинений была непомерна. Я вообще не понимал, что происходит. И чтобы как-то разобраться, предложил поехать домой к Горшку и спросить Анфису, в чем дело. Все-таки они мои друзья, я их всегда поддерживал и помогал в трудные моменты… да и вообще, что это за фигня!!!

Но Горшок отказался, он просто заученно повторял: «Я после такого не могу стоять с тобой на одной сцене».

В итоге я понял, что он имеет в виду, и к чему все это. Слезы подступили к горлу и стали душить меня. И чтобы не позориться и не плакать перед друзьями, я ушел. И стал позориться на улице, потому, что мне было все равно. Я шел по улице и задыхался не столько от слез, сколько от бессилия и непонимания. Я не мог остановиться и успокоиться. Слезы просто текли без остановки. Я шел по улице. Ехал в метро. Каким-то образом оказался на «Московских воротах», встретился с женой. Оказывается, мы договорились идти с ней и с Ликой в сауну. Потом долго стоял

под душем, ведь там не видно слез. Потом, наверное, как-то попал домой.

На следующий день я позвонил музыкантам, в надежде, что, может, я рано ушел, и потом Горшок с Князем объяснили все. Нонет, ребята сказали, что обсуждать тут нечего, и что на гастроли через два дня вместо меня поедет Ренегат. Возьмет мою бас-гитару и займет мое место.

Как только ребята уехали на гастроли, в Ростов, по-моему, я приехал на точку. Видеть я никого не мог, говорить тоже. Вроде уже и успокоился немного, но любая попытка произнести хоть слово оканчивалась слезами. А тут я забрался на крышу Башни, сидел на краю один, смотрел, как корабли стоят вдалеке на рейде.

Когда ребята приехали с гастролей, я решил выяснить все же, что произошло. Анфису после пережитого я видеть не мог. Не «не хотел», а именно не мог. Физически. И тогда я поехал к Гордееву как к единственному участнику событий. Я думал, что у него дома на полу и стенах будут следы крови. Но в квартире было чистенько и все аккуратно прибрано. Гордеев принял меня очень сердечно, так как сам, по его словам, был расстроен происходящим. Сразу достал самогон, который привез из деревни, и разложил закуску. Ситуация начала проясняться.

Я сказал ему о нелепости обвинений. Как вообще у Горшка могла появиться идея ревности? Не так давно, когда Анфисе негде было жить, Горшок попросил меня приютить ее, и она жила у меня дома. Они с моей женой секретничали и, по-моему, даже сдружились против меня – в хорошем смысле. Однажды, когда у Анфисы была жуткая депрессия, а Горшок не мог встать, он позвонил мне и попросил помочь. И я взял ее, нашего гитариста с девушкой, один косяк на всех и отвез в Петродворец. Мы весь день гуляли и смотрели на фонтаны. А потом промокли на шутихе и долго смеялись. А потом замерзли и поехали домой. И таких историй море.

И, главное, как я мог «не давать ей прохода» если я или на гастролях, или на репетициях или провожу время со своей женой и сыном. А Анфиса, соответственно, с Горшком.

– Это ты мне скажи. Может, вы тайно встречаетесь, Санечка, – шутил Гордеев.

– Да, точно, она со мной тайно встречается, и я ей там не даю прохода, – я, наверное, первый раз за все время улыбнулся. То ли комизм ситуации, то ли самогон, то ли Гордеев с его умением слушать, но что-то помогло мне успокоиться. Я понял, что все это бред, и надо просто разобраться. Особенно меня рассмешило предположение про тайные встречи. Нам не нужно было «тайно»

встречаться. Она была жена моего лучшего друга, считай, сестра. Я мог в любой момент позвать Горшка и ее, вместе или по отдельности, в гости. И частенько кто-то оставался на ночь. Это было в порядке вещей. А бывало, они приходили ко мне без приглашения, просто поболтать и переночевать. Короче смех, да и только. Хотя смешно мне не было.

– Так она вскрывала вены или нет – это, на самом деле, волновало меня больше всего. Я, в силу особенности своего жизненного и армейского опыта, знаю, как это опасно, а сухожилия практически не срастаются.

– Да я не видел, она была с длинными рукавами.

– А кто вообще сказал, про вены, откуда эта информация появилась? Мне Горшок сказал, что от тебя…

– Санечка, не лови меня на слове.

– Короче, поехали на точку, там все вместе и разберемся.

– Только выпьем по последней, чтоб зла не оставлять.

Нашествие, 2000 год. Фото Е. Евсюкова.

Сказано – сделано. Все было уже не так эмоционально, но до сути снова не докопались. Я предложил им вместе рассказать мне, что же было на самом деле. Но они путались и что-то все время не сходилось. А Князь вообще сказал, что он не в курсе, так как подъехал к Гордееву позже. Тогда Гордеев предложил мне поговорить с Горшком в соседней комнате наедине, без свидетелей. Я так и сделал, но ничего не прояснилось. Тогда Гордеев закрылся с Горшком в комнате. Тут меня самогон или отпустил, или наоборот накрыл, но я почувствовал какой-то жуткий ком в груди. И снова ушел, чтоб не разрыдаться. Я видел, какую боль причиняю друзьям своими расспросами, и мне это не нравилось. Я решил отложить все на завтра.

А на следующий день я пришел на точку раньше всех. Потом пришли барабанщик с гитаристом. Поиграли. Ведь еще были

недоделанные песни. Примирение состоялось буднично. На точку позвонил Горшок и сказал мне (помню дословно):

– Шура… ну, короче…, если ты хочешь остаться в группе, то оставайся, я буду рад.

На этом и закончили. Я был настолько потрясен этим конфликтом, что постарался забыть его, как кошмарный сон. И тем более не хотел докапываться до причин. Все закончилось, все друзья. Только с Анфисой я не виделся несколько месяцев. А потом она пришла с Горшком ко мне на день рожденья. На день рожденья я никогда никого не приглашаю, просто все, кто о нем помнит, сами приходят. Мой дом всегда был открыт для друзей.

И в тот раз, дом был полон народу, и вдруг приходит эта пара. Они обняли меня, поцеловали (не Горшок), даже с подарком пришли. Я был не очень рад Анфисе после таких событий, поэтому позже отвел Горшка в сторону и спросил:

– Какого хрена, ты привел сюда Анфису!? Или ты забыл?! Я ей проходу не даю, а она из-за меня вены вскрыла!?

Я просто не понимал, как вести себя в такой ситуации. На что Горшок с искренней и наивной (характерно горшковской) улыбкой говорит:

– А разве у вас уже не все нормально? Разве вы не помирились?

– Когда?!?

В конце вечера Анфиса подошла ко мне, обняла и говорит:

– Шурочка, можно тебя попросить. Не спрашивай меня ни о чем. Если моя дружба для тебя что-нибудь значит, то давай сделаем вид, что ничего у Гордеева дома не было, и снова будем друзьями.

Да запросто! Насколько легко, все же, простить друзей и забыть все обиды. И уж точно значительно легче, чем копаться в никому не нужном прошлом. Я шел по жизни лицом вперед. И искренне жалел людей, которые идут по жизни вперед жопой, все время глядя назад.

И все встало на свои места. Ренегат вернулся обратно в «Кукрыниксы», а я снова занял свое место в группе. И снова вокруг меня были друзья. И впереди был наш путь. И его надо было пройти.

P.S. На следующий день после «вскрытия вен» Гордеев принес нам весть, что деньги мы теперь будем делить по новой схеме. До этого мы все делили поровну, это была принципиальная позиция Горшка. Я к нему и Князю где-то раз в полгода подваливал с идеей, что они должны получать больше, чем музыканты, ибо пишут музыку и тексты. Но Горшок всегда был категорически против, говорил, что все равны, а авторские им и на сберкнижку

капают. Когда Гордеева взяли на работу, договорились, что он работает за 10 % от гонорара. А после того, как он рассказал про старое рок-н-ролльное братство, как практически спас группу «Разные люди» и научил Чижа в армии на гитаре играть, то добряк Горшок предложил ему получать как все, поровну, то бишь, одну восьмую или 12,5 %.

По новым раскладам половину гонорара делили между собой Горшок, Князь и Гордеев. А музыкантам остальное. Причем для Маши, которая на тот момент жила с ним, Гордеев выбил особый статус. Денег она получает столько же, сколько и «старые» музыканты, но относиться к ней следовало не как к члену группы, а как к его жене. То есть не требовать присутствия на репетициях и не обсуждать групповые дела. Я спросил у Маши, кажется ли ей это справедливым, а она говорит: «Ну, а зачем мне на репетиции ходить? Вы сначала мне скрипичную партию придумайте, а потом зовите». С тех пор у нас с ней отношения наладились. А до этого были конфликты из-за прогулов.

P.P.S. Теперь-то я понимаю, что всю историю с Анфисой Гордеев затеял, чтобы увеличить их доход. А заодно попытался устранить единственного человека, который требовал полной отчетности и абсолютной прозрачности во всех финансовых делах. Я был категорически против «работы на доверии». Кстати, вспомнил, что за неделю до этого ко мне подходил гитарист Егор Белкин, с которым я тогда был знаком довольно поверхностно, и спрашивал, не начал ли еще Гордеев воровать. На что я ответил: «Как он будет воровать, если я контролирую каждый его шаг?» И рассмеялся.

Но на тот момент я был счастлив, что безумие у моих друзей прошло. И что мы снова делаем общее дело. А на деньги мне было всегда плевать, если честно. Единственное, очень жалко было Анфису, которая из-за пристрастия к героину очень быстро превратилась из целеустремленной красавицы и умницы, имеющей обо всем свое мнение, в жалкое и безвольное создание. А я, хоть и был рядом, ничего не мог поделать. Ничего. И мне жаль, что она умерла.

62. Высокое напряжение

Давайте, чтобы не было так грустно, расскажу вам про всякие штуки. Возьмем, например, электрический ток. Была у меня пара историй, слушайте.

Мы играли концерт где-то в районе Самары. И обнаружил я интересное свойство местного аппарата. Если я держал руки на струнах, а губами прикасался к микрофону, то прямо по губам фигачило 220 Вольт. Заметил я это в середине концерта, когда поделать уже ничего не мог. За что после выступления заслужил порицание от двух наших лидеров: «Фигово, Шура, ты сегодня пел». Но, я полностью оправдал себя в глазах товарищей, просто попросив их, по очереди, сначала прикоснуться губами к моему микрофону, а потом взяться за струны.

Но самый фарш, что касается электричества, произошел со мной в Комсомольске-на-Амуре. Хотя, возможно, это был Благовещенск. Прямо перед концертом меня осенило, что я остался без любимых концертных кроссовок. Оранжевых таких, которые больше на кеды похожи. В ботинках выступать не хотелось, и я пошел на сцену босиком. И тут выяснилось, что если я держу руки на струнах, а босой ногой касаюсь шляпки гвоздя на полу, то получаю опять-таки 220 Вольт. Но уже в подошву стопы. А зал был старый, забитых в сцену гвоздей было много. Только я нашел сухой деревянный пятачок, встал неподвижно и продолжил игру, как тут же забылся, сделал полшага – и снова удар током. Проблему решил мой старый друг Горшок. Между песнями он прискакал на мой край сцены и принес мне пиво, чтобы приободрить. Из-за того, что местные организаторы забыли привезти аппарат, концерт уже перенесли на день, поэтому нам оставалось либо играть, либо отменить все и больше сюда не приезжать. И мы не могли себе позволить отыграть плохо или средне, только суперски! Так вот, Горшок приносит мне пиво, но в концертной горячке выливает его передо мной на пол. И, как следствие, током стали биться не только гвозди, но и особо промокшие части деревянного пола.

Тогда я принял изящное и логичное решение – не зря все-таки в школе физику изучал. Я решил, что если между мной и полом будет немного воздуха, то ток до меня не доберется. Короче, прыгал я на том концерте лучше всех! А главное безостановочно. За что и получил заслуженную похвалу от Горшка и Князя. А Яха просто завистливо на меня посмотрел и сказал: «А я так не умею…»

63. Про огонь

Много всякого разного происходило у нас на сцене, но что касается огня, сразу могу вспомнить четыре истории.

Фирст. Д-С «Юбилейный», сольный концерт. Организаторы «Театр ДДТ», говорят нам, мол, вот у нас тут немерено талантливый художник-оформитель, возьмите за бесплатно, он круто все оформит. Он-де работал с Самим. Ок. За бесплатно берем. Лучше, чем ничего. Казалось. В итоге он повесил над нами серую мешковину 6 на 9 метров с неведомыми мне знаками и обвешал все на сцене мешковиной, замаскированной под паутину. О, да, еще сбоку на сцене поставил игрушечную пушечку высотой полметра. Дизайн, короче. Все организаторы, кто старше 50, ходят, кивают, не улыбаются. Концепция типа, говорят. Ладно. Начали играть. На первой (1!) песне прилетает из зала фаер, и вся эта х**ета не просто загорается, а вспыхивает. Вся и сразу. Естественно, водой тушить нельзя, электричество, да ее и нет, а огнетушителем можно, но его тоже нет. Короче, общими усилиями пламя сбили, но ВСЯ сцена стала покрыта слоем пепла сантиметров пять толщиной. Делать нечего, продолжили играть. При каждом движении пепел поднимался до небес, лез в рот и нос и мешал петь, тогда Горшок принял единственно верное решение. Полил всю эту хрень пивом и создал милое болотце. Короче, если вспоминать, так даже и смешно.

Секонд. Закрывали мы какое-то из «Нашествий», и прямо на второй песне мне кто-то тыкает сзади горящим факелом в волосы. Оглядываюсь. Стоит какая-то в черной простыне девка с безумными глазами. Смотрит вверх. А факел так и пляшет в ее ручке и прям думает, то ли простыню на девке поджечь, то ли еще что. Оглядываюсь. Да тут их много. Штук 10. И все с факелами. И все в простынях. И все пытаются куда-то пройти между музыкантами. А мы продолжаем петь и плясать. Оказалось, это организаторы хотели организовать факельное шествие для красоты, только забыли нас предупредить. Короче, играем. Вдруг Коля-аппаратчик делает страшное лицо и гримасничает, явно показывая какие-то знаки. Я подхожу. Слушаю. Заметьте, не переставая играть, Коля кричит: «УБЕРИТЕАТ-ТУДАГОРШКА ТАМАЩА ВСЕ ВЗАРВЕЦЦА!» Смотрю, а там еще сюрприз. По краю сцены разложены фейерверки, прямо вперемешку с моими проводами, а в центре (прямо под Горшком и Князем) стоят огненные фонтаны. Тоже сюрприз от организаторов, о котором нас забыли предупредить. Но вроде обошлось, так, легкие ожоги. А вот воронам не повезло. Уж не знаю зачем, но организаторы

наловили ворон и посадили их в клетку над сценой. Видимо по замыслу они (вороны, не организаторы) должны были вылететь во время концерта прямо в огонь! Оцените размах шоу! Но подлые вороны взяли и сдохли. И в огонь не полетели. А тот, кто их выпускал, видимо, думал, что они просто боятся, и подбодрил их вытряхиванием из клетки. Но дохлые вороны не полетели. Точнее полетели, но вниз. На сцену. Но есть и позитив. Коля-аппаратчик поклялся потом, что штук пять ворон все же спаслось.

R-Club, 1997 год. Фото Е. Евсюкова.

Еще есть история про лед, но о ней лучше в другой книге, в этой мы с вами стараемся вспоминать только позитивные истории.

64. Альбом «Как в старой сказке», 2001

Время от времени к нам присоединяется Машенька.

1. Гимн Шута

Балу. На момент записи альбома это ведь уже была достаточно старая песня?

Князь. Я ее написал сразу после работы над своим домашним альбомом «Любовь негодяя», песни из которого потом вошли в «Акустический». И вот этот «триольный» ритм я взял из банка в синтезаторе.

Балу. Почему ты решил, что пришло ее время?

Князь. Я считал, что эта песня требует мастерства в игре и самоотдачи, поэтому мы ее редко играли на концертах.

Балу. Да ладно, мы ее постоянно играли.

Князь. Да, мы играли ее часто, но были песни, которые застревали в репертуаре, а бывали такие, что менялись, чередовались… Ну, ладно, то, что она не часто игралась, тут может я и немного того…

Балу. Она чуть ли не в каждой программе игралась.

Князь. Ну, хорошо. Опустим этот момент, но факт того, что ее нужно было прокачать, остается.

Балу. Она требовала особой ответственности!

Князь. Безусловно! Ведь эта песня, ее текст, была олицетворением шута героического, самоотверженного. Который ради правды готов поставить на кон свою жизнь. Это нехарактерный персонаж.

Балу. Нехарактерный шут для «Короля и Шута».

Князь. Да. Дело в том, что Горшок тяготел к текстам со стебом, с крутыми персонажами, фолковыми. К таким, где можно было бы посмеяться над жлобством, над быдлятиной постебаться. А персонажей искренних Горшок не жаловал. А у меня, кроме злодеев и чудовищ, иногда появлялись и герои, и романтики.

Балу. А на кого ты этот образ примерял – на себя, на Горшка или вообще?

Князь. Давай я скажу тебе так (и вам, дорогие читатели): кроме «Акустического альбома», который я весь писал про себя, во всех остальных композициях было два момента. Первый – все, что писалось на музыку Горшка, писалось исключительно под

образ Горшка. То, что ему не подходило, он для исполнения не брал. Второй – все что пелось мной, это было под меня. Горшок неоднократно говорил: «У нас с Андрюхой одна голова на двоих». То есть мы реально друг у друга в башке копались постоянно.

Балу. Да, было такое.

Князь. Поэтому я прекрасно понимал, какие образы надо выдергивать именно для него, чтобы они подошли ему. А он прекрасно понимал, какие образы нужны мне. Поэтому «Гимн Шута» пел я, писал я и песня, соответственно, поется от лица героя, который близок мне.

Балу. А, допустим, в песне «Некромант» разве персонаж не подошел бы больше Горшку, чем тебе?

Князь. Да, пел эту песню я, но по стилю, конечно, персонаж больше подошел бы Горшку. Но, возвращаясь к песне, я скажу, что «Гимн Шута» – это очень важный артефакт во всем моем творчестве. Она олицетворяет того самого шута, который мне нравился. Люди, которые не в теме «Короля и Шута», могут трактовать шута по-разному. У одних это шут Балакирев, другие могут представить шута Шико из «Графина де Монсюро», у третьих это какой-то идиот, который валяется по полу на потеху толпе, кривляется, юродствует и никакой смысловой нагрузки не несет. А я хотел показать, что у нашего шута серьезное внутреннее содержание. Он и романтичен, и самоотвержен, и умен, а, главное, справедлив.

2. Проклятый старый дом

Балу. Лавкрафтовская такая тема.

Князь. Да, в стихах никакого хитрого подсмысла нет. Весь «Король и Шут» по текстам делился на две категории. Песни с подсмыслами, с прообразами, и песни, в которых и так все ясно сказано. Эта песня из второй категории. А все образы и характеры для текста я почерпнул в своей деревне Голубково. А про музыку ты скажи.

Балу. Про концовку смешное вспомнил. Помню, сделали песню, все нормально, а потом присобачили к ней финальный рифак, и мне показалось, что песня стала чересчур серьезной. И предложил тогда я Горшку вставить в самом конце «тыгы-дын-тыгы-дын», просто так, для смеха. Он спрашивает: «А зачем?» А я ему: «А это как будто коники побежали». А он: «А, ну лад но…» Так и оставили.

3. Тайна хозяйки старинных часов

Балу. Эту песню ты уже приносил.

Князь. Это тоже старинная заготовка, впервые я ее записал еще со своим брательником, но значительно медленнее.

Маша. Это первая типично Рениковская обработка.

Князь. Дело в том, что на этом альбоме Реника еще не было, он в группе на постоянку был со следующего альбома.

Балу. Нет, был. Он в том году ушел из «Кукрыниксов», и Горшок взял его на испытательный срок, на год вроде. То есть официальным членом группы он не был, к чему, впрочем, и не стремился, больно разные у нас взгляды. Но к записи мы его уже привлекли. И даже, помнишь, на фотосессию взяли.

Князь. А, точно.

Балу. И когда мы клип снимали, он с нами поехал.

Князь. Ну, это ж так, за компанию.

Балу. Да, пофиг, короче, на гитаре он в этой песне играл.

Князь. Я помню, что он уже со следующего альбома стал свою гитару жесткую везде играть, и сама пластинка стала пожестче. А в «Гимне шута» я не помню его наличие.

Балу. В «Часах».

Князь. В этой песне только?

Балу. Да.

Маша. Да.

Князь. Ну, ладно, оставим это на твое, Маша, усмотрение, потому что я не помню этого. Я помню, что изначально песня была медленнее, по ритму она была, как бой часов, но мы ее переделали.

Балу. Кстати, я помню, никто в группе не в восторге был от этого полотна. Я лично от тебя ждал чего-то более захватывающего. А это просто нормальная песня.

Князь. На самом деле это достаточно сильная песня. Она до сих пор у меня котируется, ее просят на концертах и любят зрители. Я ее использую как хит второго эшелона.

Балу и ***Маша,*** *(хором)* Это как?

Князь. Примерно так. Все творчество я делю на несколько категорий. Хиты эпические – это те, которые всегда будут моей визитной карточкой.

Балу. Типа «Со скалы».

Князь. И есть хиты второго эшелона, которые не получили какую-то радийную ротацию, но тем не менее хорошо вкатывают на концерте или на пластинке. К ним я отношу песни «Некромант», «Хозяйка старинных часов» и тому подобные.

Балу. Понятно.

Князь. И вот когда мы ее сделали в быстрой аранжировке, она заиграла лучше. И мне пришлось постараться, пропевая весь этот

речитатив в куплетах. Мне очень нравилась эта мелодия, поэтому я был полностью в этой песне уверен, несмотря на всяческие возражения. Так как по опыту «Акустического альбома» я понимал, что далеко не всегда мнение коллег… помнишь у нас была договоренность?

Балу. Какая?

Князь, *(цитирует)* «Если песня хоть кому-то не нравится, то ее либо выкидываем, либо переделываем, пока не понравится всем».

Балу. Конечно.

Князь. Я был не согласен с такой политикой по той простой причине, что в некоторых песнях, которые у меня валялись, я видел потенциал. Я видел их среднестатистического слушателя, и я видел их настоящего слушателя. Поэтому, когда я видел, что в нее не врубились с самого начала… коллеги…

Балу. Это и есть творческие разногласия, потому что в «Акустический» эту песню мы бы не взяли, кстати, по-моему, ты ее и приносил, не помню точно. В него вообще много песен не вошло, мы отбирали лучшие. А в этот альбом «Часы» вошли, и ты считаешь, что она сыграла и вошла во второй эшелон.

Князь, *(по-доброму и очень по-домашнему смеется)* Ну, это такие творческие тонкости. Наверное, поэтому у нас в дальнейшем были творческие терки по этому поводу. Я считал, что лично я херню в группу приносить не буду. То есть, если я приношу песню, то я хочу либо просто попробовать ее сыграть и понять, хороша ли она или ни о чем, либо я уверен, что из нее получится очень крутая вещь. Поэтому моя политика была такая: ребята, давайте попробуем ее сделать и сами поймем, годится она или нет.

Балу. Так ведь мы так и делали. Нет, один раз проиграть – это святое! Бывало, ты приносил какую-то ну, совсем уж херню, и это было видно сразу, номы всегда пробовали! Не знаю… Вот «Писаюсь в штаны» из «Акустического» – думали, что за фигня, а сыграли и – опа! – как офигенно! Хотя нет, «Писаюсь в штаны» я с первых нот полюбил. Но точно помню, что что-то такое было!

Князь. Ну, я о чем и говорю. То есть ты-то понимал эту тему. И Пор, вроде, тоже.

Балу. Всегда надо помнить, что музыка выше нас. Не знаешь никогда, как повернется.

Князь. Да, да. «Акустический» для меня вообще весь поначалу как-то не очень шел, пока скрипки не взяли. А эта песня второго эшелона.

Балу. Я могу тебе и нашим с тобой читателям рассказать, что я тогда чувствовал по этому поводу. Ты совершенно прав, эта

песня второго эшелона, а у меня всегда были завышенные требования к уровню нашего творчества. Если что-то делать, то оно должно быть суперское! «Лесник», «Сапоги», «Охотник», не меньше.

Князь. Шура, тут ты понимаешь, в чем дело? Почему я с такой политикой был согласен только на раннем этапе, когда у нас была куча времени?

Балу. Нуда, вообще, когда времени было вагон, и никому ничего сдавать не надо, и главный критерий качества – это ты сам, то, конечно, жилось нам намного легче в чем-то…

Князь. Да-да, когда у нас была куча времени, мы могли выбирать лучшее из лучшего.

Балу. Ну, мы всегда старались выложиться на 105 %.

Князь. У этой медали есть вторая сторона. Прикольно быть группой, которая пишет только хиты. Но в этом случае теряется творчество в его более широком проявлении. Хит – это хорошо, это радио, это люди слушают. Но, я считаю, всегда должны быть в альбомах песни, которые не для всех. Которые драматургически цепляют, но только определенную категорию людей.

Балу. Ты просто повторяешь мои слова в недавнем споре! Я полностью согласен, но тогда мне хотелось одни хиты.

Князь. Дело в том, что это такой подход, что все привыкли к тому, что мы делаем одни хиты.

Балу. Именно привыкли!

Князь. И такую планку себе поставили. И вот этот подход сильно мешал мне в творчестве, в экспериментаторстве. Потому что в творчестве надо экспериментировать и эксперименты показывать. Поэтому к таким моментам, как «песня не катит, и давайте ее не делать», я относился крайне критически.

4. Кузьма и барин

Балу. Это песня сразу родилась как диско. В нашем понимании, конечно. И музыкально оформилась почти сразу – как Горшок ее принес, так и оставили, практически без изменений. Долго, правда, не могли придумать гитарный проигрыш, и тогда я как большой ценитель (не знаток!) диско предложил тот, который вы слышите. Для смеху просто. А где я его взял, так никто до сих пор и не догадался. А Горшок сразу же, еще до появления стихов, сказал, что в припеве будет петь Машенька.

Маша. Я там пела!

Князь. Когда мне показали болванку, я сразу понял, что нет задачи написать что-то глубокое и драматургически сложное. Я

всегда такие песни воспринимал как некий расслабон и позволял своей фантазии разгуляться. И тут мне пришло в голову, что у нас в песнях никогда не было такого персонажа, как барин, хотя тема эта фолковая. Тогда я взял этого барина и его бухарика-слугу… Кстати, открою вам с читателями небольшой секрет про Горшка. Если я не знал, о чем писать стихи…

Балу, *(смеется)* Уже понял, что ты сейчас скажешь.

Князь. Если долго над ней сидел и ничего не выходило, то всегда писал про бухло или бухариков, и тогда это прокатывало в любом случае.

Балу. Для России это беспроигрышный вариант.

Князь. Да, это был беспроигрышный вариант, потому что песни про бухло Горшок любил.

5. Пират

Балу. Вот чего-то я не очень помню про эту песню, помню откуда она появилась, и все.

Князь. А почему мы с конца альбома песни вспоминаем? Или ты в разнобой, да?

Балу. Я подряд, как на сайте у нас написано.

Князь, *(недоверчиво)* Да ладно!

Балу. Ну, смотри, перечисляю.

Князь. Ни фига себе! Странно… ну, ладно. Эта песня из старых, и она появилась так. После того как я экспериментировал со своим братом в его домашней студии (чтобы понять, о чем речь, идите по ссылкам в архивы и слушайте эти эксперименты), мне в руки попала приставка ZX-Spectrum первого поколения, и там была обнаружена музыкальная программа. Естественно, все было на ужасном примитивном уровне, но было интересно. И вот к этому альбому я начал приносить заготовки песен, уже сделанные на ней.

Балу. Да, по звуку было более чудовищно, но более живенько.

Князь. Вот не помню, что я первым написал, стихи или музыку. Наверное, все же стихи позже.

6. Скотный двор

Балу. О, Маша, твоя любимая песня!

Маша. Да, моя любимая. Такой настоящий straightforward панк-рок, никогда не устаревающий.

Князь. Про «Скотный двор» мы уже беседовали, но давай продублируем.

Балу. А где?

Князь. Раньше. Я написал песню «Веселые тролли», и прямо перед тем, как я собирался показать ее Горшку, меня забрали в армию. Поэтому он приехал ко мне домой и к своей радости обнаружил уже готовую песню. А вместе с ней сгреб с рабочего стола все мои черновики и тетради с набросками. И пока я служил, он просил меня написать стихи на песни, которые мы с ним вместе делали. Например, «Камнем по голове» я написал в армии. Я вот об этом не сказал, когда мы вспоминали первый альбом, но, неважно, скажу сейчас. Текст кэтой песне я в письме отправил Горшку.

Балу. Точно! Я вспомнил! Ты же письма Горшку присылал с текстами! Он им радовался, как ребенок, и месяц потом с ними носился и всем показывал.

Князь. Да-да. Поэтому песня «Веселые тролли» у меня ассоциируется с моим уходом в армию.

Балу. А тебя же забрали как-то нелепо, чуть ли не домой пришли, что-то такое, да?

Князь. Меня забрали прямо из дома. Родители были вынуждены открыть дверь, потому что военрук пришел с милиционером. Я валялся в кровати, а тут заходит военруки говорит, разглядывая мой паспорт: «Ну, что, Андрей Сергеевич Князев, пора в армии послужить.» Таким добрым голосом сказал.

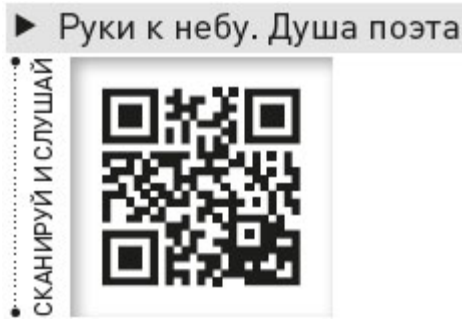
Балу. **** ***** ****.

Князь, *(смеется)* Да, нет, почему, я не жалею о потраченных полутора годах, я очень сильно в армии прибавил. В плане… ну, во-первых, я песни под гитару там пел для всего нашего взвода и всей роты. Потом я два раза представлял нашу воинскую часть в бригаде на смотрах, среди авторов песенников.

Балу. И что ты пел?

Князь. Я пел две любопытные песни, которые еще нигде не опубликованы.

Балу. Вот и опубликуем!



Князь. Это «Руки к небу» и «Душа поэта». Две такие странные песни, не характерные для армейской тематики. И ко мне тогда подходили полковники, оба раза причем.

Балу. Ты меня убиваешь своими историями.

Князь. Да-да. И вот они подходили и такие, ну ни фига, типа, ты под одну гитару такой драйв выдаешь! А это была моя фишка, я любил под акустическую гитару очень громко и очень ядрено петь. Втапливать. Но вернемся к песне?

Балу. Попробуем.

Князь. И вот Горшок поступил следующим образом: взял готовые тексты и ничего умнее не придумал, как писать музыку на такие идиотские вещи, как «Скотный двор» и «Вячеслав».

Балу. Со «Скотным двором» еще смешнее история. Это была такая заготовка, зарисовка. Мы с Горшком туда складывали все прикольные и смешные куски, которые и вставить некуда, и выкинуть жалко. Поначалу был просто рифак, который в начале. Потом у меня была песня, но из нее Горшок взял только то место, где он в куплете поет «у-у-у-у-у-у». Потом, приделали еще кусок, не помню откуда. Потом еще было два куска, но на момент записи решили их выкинуть, ибо перебор. А вот мелодию, которую играют в куплете скрипка с гитарой, мы придумали случайно. Горшок однажды приходит ко мне и зовет, ехать на Гражданский проспект, там один чувак живет (имя забыл, молодой такой панк), у него прямо в квартире стоят барабаны, там и прорепетируем. Короче, мы грибов съели и поехали, хорошо я гитару не взял, а то бы потерял. Приехали, и давай как раз «Скотный двор» играть почему-то. Гитары там были, да и тот панк-барабанщик оказался отменным. Точнее, мы попытались играть. И мне показалось очень смешным, если вместо серьезного панковского рифака, я буду по одной струне лепить вот ту мелодию, что потом скрипка играла. Ну, прикололся и забыл бы. А тут Горшок как взвился. О, говорит, какая прикольная тема, запомни обязательно. И короче, не помню уже, о чем у нас был треп, но Горшок каждые пять минут по дороге домой, и в метро, и

в автобусе напоминал мне, чтобы я не забыл эту мелодию. Как тут забудешь? Видишь, я до сих пор этот случай помню.

Князь. Ты не забывай, что я в это время в армии был. И когда я пришел из армии, Горшок меня поставил перед фактом, что из этих стихов сделали песни. Так что я этого не видел.

Балу. Так я тебе и рассказываю. А в книге напишу, как будто я рассказываю и тебе, и читателям.

Князь. Только не напиши там, что ты мне рассказываешь, как будто ты рассказываешь…

Читатель. Я тут, вообще-то.

Балу. А, ну тогда береги голову, и поехали дальше.

7. Возвращение колдуна

Балу. Одна из самых моих любимых песен! Особенно место, где Горшок после слов «сотворить кое-чего» поет «о, о-о-о-о». Что касается истории, то впервые она была записана нами на второй электрической записи, вместе с такими, как «Свечи гаснут», «Заскучал король», «Охотник» и другими.

Князь. Эту музыку я очень любил с тех самых пор. И даже сожалел, что не придумал тогда стихи. А потом Горшок ее замылил, он считал тогда, что нам в репертуар больше нужны песни-боевики. И вот мы решили к ней вернуться в этом альбоме, хотя она и не хит.

Балу. Да ладно! Еще какой хит!

Князь. Я бы сказал, что это хит даже не второго, а третьего эшелона.

Балу. Да ни фига! Она одна из моих любимых!

Князь. Она тоже одна из моих любимых, но тем не менее в рейтинге наших песен она далеко не в первой двадцатке.

Балу, *(обиженно)* Я сам себе рейтинги составляю.

Князь. Нет-нет, это другой вопрос. Понятно, что наши с тобой индивидуальные вкусы важнее мнения большинства или каких-то авторитетных личностей. Но эта песня не стала всеобщим хитом, хотя и осталась одной из моих любимых.

Читатель, *(обращаясь к другим читателям)* Ребята, если кто любит эту песню, как я или Балу, просто напишите Князю. Уверен, ему будет приятно узнать о народной любви к этой песне.

Балу. На том и порешим. А как стихи рождались?

Князь. Идею этих стихов мне подсказала моя мама. Мы с ней обсуждали какую-то новую книгу, и у нас в разговоре всплыл рассказа Рэя Бредбери «Ветер», да так и остался у меня в голове, ха-ха-ха.

Балу. Там малехо о другом, если не ошибаюсь.

Князь, *(нимало не смутившись)* Ну, а у меня в голове это преобразилось в колдуна, который управляет ветром.

8. Зловещий кузен

Балу. Сначала в этой песне был другой текст, если я ничего не путаю? Потому, что когда я услышал его в первый раз, то он был еще без концовки. И это был обычный наш текст, ну твой в смысле, а потом появилась эта шикарная концовка. Горшок ко мне прибегает с листочком и ржет, пытается прочитать стихи, а не получается. Я прочитал сам и тоже долго смеялся. Никак не мог представить себе, что можно так изящно и с юмором вырулить такой сюжет. Короче, это самая веселая песня на альбоме, по-моему.

Князь. Да, я эту песню сначала придумал с другим текстом, который совершенно не подходил для «Короля и Шута» формации того года, но он подошел бы к «Акустическому альбому».

Балу. А о чем он был, если не секрет? Нам с читателями безумно интересно.

Князь. Хорошо. Там было про безумного чувака, к которому липнет девчонка, а он ее крутыми и понтовыми словами отбривает. Довольно стебно. И она долго лежала у меня, и я ее вам не показывал. А потом решил использовать эту музыку, и придумал текст про кузена. Не знаю, почему «кузен», и откуда он вообще нарисовался. Если напрячь мозг и вспомнить хорошенько, то, по моим ощущениям, песня «Дед на свадьбе» у меня была…

Балу. Погоди, а ты ничего не путаешь? Старый текст был не про девку, которую чувак отбрил. А про что-то другое… Или я чего-то путаю…

Князь. Нет, именно такой текст был.

Читатель. Да хватит уже Князя перебивать! *(дает щелбан по фотографии на книге)*

Князь. А! Стоп, стоп! Нет, ты не путаешь. Дай дорасскажу про этот текст. Так вот, меня очень впечатлила книга «Вечера на хуторе близ Диканьки», и долгое время у меня в голове всплывали картинки, навеянные этой книгой. И эти картинки, образы и герои зажили своей жизнью в моем воображении, а я, глядя на них, написал песни. Вот «Дед на свадьбе» – это по Гоголю. И «Зловещий Кузен» тоже. В старом тексте было про чувака, которого посадили за решетку.

Балу. Точно!

Князь. И он хочет загасить всех жандармов. Но я его не стал

предлагать, потому, что он был ни о чем.

Балу. Нет, ты его стал предлагать, и он даже понравился всем.

Князь. Да?

Балу. Ну, не то что суперско, но решили, что нормально, можно оставить, Ты сказал: «Я еще подумаю», а потом принес окончательный текст, еще лучше.

Князь. Да, может быть, такие вещи бывали, я мог не согласиться даже с положительным мнением, если чувствовал, что могу написать лучше. Иногда очень не хочется терять ощущение от песни, и это очень важный момент. Потому что «абы что» написать можно всегда, а хочется, чтобы текст по ощущениям совпадал с тем, что ты чувствуешь от музыки. Ты рисуешь слушателю картинку музыкой, и она должна подкрепляться правильным текстом. А неправильная картинка в тексте может попросту загубить музыку. Видимо, поэтому я и поменял стихи.

Балу. Не просто поменял, а за пару недель до записи внезапно принес, если я ничего не путаю.

Князь. Кстати, там кузен вовсе не главный персонаж, он там просто как фактор. Центральная фигура там, конечно же, простой мужик, который никогда не сталкивался с вурдалаками, но тем не менее нашел простое решение этой нестандартной проблемы.

9. Ответ – лютая месть!

Балу. Шикарная песня, с шикарным басом. Который, почему-то, сделали тише при сведении. Но это мое личное мнение. Эта песня про бас-гитару, а все остальное подыгрывает. Как и было на концертах, впрочем. Ладно, расскажи нам лучше про стихи.

Князь. Это серьезная песня, написанная под впечатлением от творчества Лавкрафта. В этот период очень много было гоголевщины и лавкрафтовщины. Песня о том, что… я иногда писал песни про безумных мужиков, либо ревнивцев, либо ну вот таких людей, которых, как я считал, надо исправлять. Например, если ты безумный ревнивец, то все твои страдания только от этого. Понимаешь, нельзя быть жлобом. Я пытался в этих песнях заглянуть в их черепную коробку и показать, что движет таким человеком. Такие люди далеко не адекватны. И главной причиной их безумия я считаю одиночество. Их внутреннее одиночество.

10. Рогатый

Балу. Эту песню ты, если не ошибаюсь, тоже вытащил из древних запасов.

Князь. Да, она с песней «Хозяйка старинных часов», можно сказать, сестры, написаны в один период времени.

Балу. Да они и похожи чем-то.

Князь. Хотя аранжировку я делал уже на ZX-Spectrum. Текст же у меня долго лежал недописанный, и я какое-то время не знал, чем эта история закончится. Но в итоге вы слышите, что получилось.

Балу. А музыканты, как вы слышите в конце, тоже решили приколоться.

11. Двухголовый отпрыск

Балу. Признаюсь, братцы, вам, что эту песню я до сих пор нормально слушать не могу. Потому что, когда мы ее только записали, наш звукоинженер Евгений Левин, гитарист из «Алисы», услышав стихи, долго бился в истерике с рыданиями, бил ластами по пульту и все никак не мог понять, что у тебя в голове происходит и как ты мог написать такое. Нам перерыв пришлось делать, чтобы его успокоить. Поэтому, когда слышу эту песню, у меня сразу в голове всплывает лицо Женьки.

Маша. Это про то, что у него было два х*я?

Балу. Маша.

Князь. «Двухголовый отпрыск» – это одна из самых безумных шиз нашего репертуара. Абсолютнейшая. Мелодия была веселая, и поэтому я сразу решил не писать ничего серьезного и брутального, а сделать что-то шуточное. Начал я просто с красивых фраз, потом мне пришла в голову идея двухголового отпрыска. Даже название смешное. А потом надо было подумать: «А из-за чего у него две головы?» И когда я написал конечный вариант, то знал, что все будут ржать, как и я, но был готов к тому, что текст забракуют.

Балу. Тут такое безумие в тексте, что его нельзя никак отринуть.

Князь. Нет, Горшок все-таки за своим имиджем следил и некоторые тексты он отказывался исполнять просто потому, что не хотел выглядеть не круто. А тут такая тема. Но, с другой стороны, после дебильной по стихам песни «Инструмент» эта песня вполне ничего.

Балу. Кстати, правда дебильная (в нашем хорошем смысле слова) песня, но она Горшку так нравилась в детстве, что я ее тоже полюбил.

Князь. Ха-ха-ха, да, тоже веселая песня.

12. Два монаха в одну ночь

Балу. Музыкально эта песня родилась довольно забавно. Горшок зашел ко мне в гости, и мы сидели, болтали, тренькали в две гитары. По ящику шел один старый фильм, какой – не скажу. И вдруг Горшок говорит: «Шура, погоди секундочку, выключи звук». И наиграл начало. Мы посидели еще, и получилась неплохая такая болванка. Единственное, было не ясно, куда тут тяжелые гитары вставлять, но это мелочи. А через пару дней Горшок приносит эту песню на точку и играет там красивое соло. Всем очень понравилось. А он отводит меня в сторону и говорит: «Шура, а я соло тоже из того фильма взял, это ничего? Больно красиво подходит». «Ничего!», – говорю. На том и порешили. Но я засомневался, а так ли уж похоже? Не помню я там такой мелодии! Неделю, наверное, я потратил, чтобы найти саундтрек к тому фильму. Послушал, звоню Горшку: «Знаешь, там не то что соло такого нет, там и музыки похожей не звучало». «А, – отвечает Горшок, – ну, все равно по настроению похоже».

Маша. Мы ее никогда не играли, но она по-горшковски очень заковыристая. Я вот сейчас слушаю в машине с детьми этот альбом. И только сейчас могу оценить красоту этой песни на самом деле.

Князь. Музыка, которую я услышал, была довольно специфическая. Она абсолютно не похожа на все, созданное нами ранее, в плане аранжировки. Поэтому требовала особого подхода. Для меня как текстовика это было из серии…

Балу. «С тех пор как он ушел»!?

Князь. Да, конечно. «Возвращение колдуна» еще. Короче, это песни, не похожие на наше обычное творчество. С другой стороны, она звучала достаточно лайтово. Надо было создать какую-то интригу внутри текста, чтобы она не стала лайтом. И я начал экспериментировать, подбирать образы, и получилась такая мистическая разводка.

Балу. Психоделика.

Князь. Да. Психоделика в стиле песни «Рыбак».

Балу. Тяжело было?

Князь. На самом деле плотно я припарился над созданием этой песни.

13. Кто это все придумал?

Балу. Единственная, наверное, песня в нашем творчестве, где я не симпатизирую главному герою. Надеюсь, понятно почему? Князь: А почему?

Маша. Почему, Шурочка?

Балу. Да потому, что он в песне палкой по двору кошек гоняет, вот почему!

Князь. Ну, так он же не со зла.

Балу. По-моему, ты приносил ее для предыдущего альбома, только текст другой был, нет?

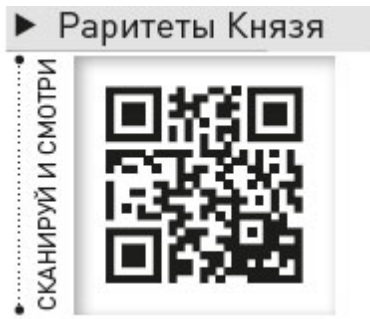
Князь. Может быть, может быть. Я точно не помню. Но появилась она так. Одно время у меня было забавное увлечение, я подключал видеокамеру к телевизору и снимал всякие идиотские сценки. Также я на имеющемся дома забавном оборудовании записывал песни, которые не планировал использовать в творчестве группы «Король и Шут». И на них тоже записывал в домашних условиях дурацкие клипы.

Балу. Шикарные клипы! Все, кто видел это видео, так скажут!

Князь. Нет, ну это я их так называю, потому что смешные очень.

Маленькое отступление. Как я писал в начале книги, у нас в группе сложился свой собственный сленг, иногда непонятный окружающим. Поэтому, если мы в беседе употребляем слова «идиотский», «дебильный» и прочие, то понимать их надо в нашем, хорошем смысле. Всегда надо помнить, что мы с Андрюхой друзья, делаем общее дело и очень его любим. И это касается не только каких-то слов, но и всей книги в целом. Она про друзей и, надеюсь, для друзей. Не в каждой семье я встречал такое взаимопонимание как у Князя с Горшком, или у меня с Горшком. Кстати, забавный факт. Когда в далеком прошлом Горшок познакомился с Князем и привел его в нашу тусовку, то попросил меня любить его и дружить с ним как с ним, Горшком. Конец маленького отступления.

Балу. Вот вам ссылочка на клип.



Князь. Одним словом, безумная тема получилась. И Горшок, когда ее увидел, предложил эту песню сделать в стиле «Ой!».

Балу. ON Knyazz. Ja, naturlich, das ist es.

14. Пивной череп

Балу. На музыку этой песни мы возлагали большие надежды. Но когда появились стихи, и мы ее записали, то на концертах Горшок почему-то решил ее не петь.

Князь. В этой песне и стихи, и музыку написал Горшок. Это была самая первая его работа, после песни «Собрание».

Балу. Ну, в «Собрание» он и у тебя четверостиший из тетрадки надергал, и мы малехо помогли. Самое главное, что он сделал в этой песне, – это шикарная, объединяющая все идея.

Князь. Вот и тут он пришел ко мне и сказал, что у него есть крутая идея, и он над ней будет работать. И как авторская работа эта песня состоялась. Задумку он выбрал неплохую, хотя язык изложения несколько наивен.

15. Парень и Леший

Балу. Еще одна не примелькавшаяся песенка, сто лет ее не слушал. Вы ведь помните, что мы не просто буквы в книге в слова складываем, а еще и слушаем музыку. И параллельно вспоминаем, как и откуда родилась та или иная песня.

Князь. Эта песня полностью моя. История ее рождения практически аналогична истории «Ах, за что меня бросили в подвал!?». Я ее играл дома на гитаре и даже снял клип, правда, еще его не выкладывал.

Балу. Отличный повод выложить! (если найдем!)

Князь. Обязательно! Можешь прямо так в книге и написать. Когда мы с тобой разговаривали, я вспомнил, что у меня есть этот клип, и теперь выложу. Ха-ха-ха.

Балу. Причем для тебя, читатель, это произошло мгновенно. Андрюха вспомнил, выложил, уже напечатана ссылка, и – вуаля! – ты можешь посмотреть.

Князь. Единственное нарекание у Горшка вызвал очень насыщенный текст. У меня в тот период было много песен с длинными куплетами, для того чтобы уложить туда всю смысловую нагрузку. И, объективно говоря, песня немножко однообразная. Куплет, причем двойной, потом припев, и таких кусков – три подряд. Туда даже невозможно какой-либо сольный

проигрыш вставить, чтобы еще не удлинять. В принципе, это стеб. Добрый такой стеб, который обрисовывает простое и незамысловатое мышление лесного деда.

Балу. А вот если тебя спросят: «А не забодался ли ты писать про парня, лешего и прочих уже использованных персонажей?»

Князь. Отвечу. Есть песни, которые я делаю хитами: когда я понимаю, что у нее сильный потенциал, то и текст делаю соответственный. Но по жизни я всегда занимаюсь творчеством. Хит – не есть смысл жизни. И если мне хочется вернуться к какому-то персонажу, или использовать его по-другому, я это сделаю. Вампир у меня появлялся в разных обличьях. Мы видели и злого вампира, и вампира, который жрал только свиней, шуточный такой. И вампира романтического, и сейчас у меня есть «Королева вампиров». И в «Театре Демона» был вампир, сетующий на молодежь. Этот образ можно с разных сторон рассматривать. Это мой маленький театр, и я не боюсь брать тех персонажей, которые мне в данный момент подходят для решения конкретной творческой задачи.

Балу. Да я, кстати, так же точно считаю. Просто приятно услышать объективное мнение главного сказочника группы.

16. Похороны Панка

Балу. Еще одна моя любимая песня. Музыку для нее Горшок как принес, так мы и сыграли. С минимальной обработкой. Паузу в середине на «ля-ля» придумали. Не помню кто, может и я, не суть важно.

Маша. Это просто классика, вот, что я скажу.

Князь. Эта песня была мной написана как некий подарок Горшку, как и «Мертвый анархист». У каждого человека внутри есть несколько «как бы личностей». Вот я недавно узнал об одном человеке, но забыл, как его зовут. Может быть, ты помнишь? В нем одном уживалось много ярко выраженных личностей.

Балу. Человек-утка?

Князь. Да какая утка! Там конкретный американский чувак был, в котором жило до пятнадцати личностей. И когда я смотрел про него репортаж, мне запомнилась фраза психолога, что каждый человек представляет из себя несколько личностей, и они все контролируются главным «Я». И Горшок – не исключение. Поэтому, когда я писал песни под него, то делал это под одну из его внутренних сущностей. Я ему писал серьезных персонажей, как в полотнах «Воспоминание о былой любви», «Девушка и Граф» и тому подобных песнях. Анархистские безбашенные образы тоже

писал, он их очень любил. Фольклорные темы. Образ рассказчика ему тоже подходил, например, «Паника в селе».

Балу. «Проклятый старый дом» – здесь у Горшка тоже образ рассказчика. Так, а почему «Похороны Панка» и «Мертвый анархист» были подарками Горшку?

Князь. Потому что такие песни были немножко не мои. Я, конечно, хотя и не проходил всю эту «тамтамовскую» тему в такой степени, как Горшок, тем не менее старался больше давать сюжетные песни. Понятное дело, что такую песню, как «Похороны Панка» на театральную сцену не выведешь. Я тянулся к театру, но театру на базе «Короля и Шута», то есть мы – труппа, наши поклонники – зрители, и так далее.

Балу. Да, была когда-то такая идея.

Князь. А «Похороны Панка» – это просто подгон Горшку, потому что он в этой песне он чувствовал себя в своей тарелке. Для него это была этакая отдушина, воспоминание о «тамтамовских» временах. С другой стороны, в песне есть и мотивы похорон, как это делали викинги. Ну и от Сида Вишеза немножко.

17. Воспоминание о былой любви

Балу. Что касается музыки, то она от первой до последней ноты принадлежит Горшку, группа тут вообще не участвовала. Помню, на меня такое впечатление произвела эта мелодия, что я очень удивился, когда Горшок захотел вставить в середину песни крутое гитарное соло с завываниями и запилами. Мне показалось, чисто по ощущениям, что будет более логично сыграть простой мелодичный проигрыш с ровной мелодией. Что это добавит мощности и драматизма больше, чем громкие и сложные звуки. Я просто предложил идею, а мелодию придумал, естественно, Горшок. Не знаю, стоит ли об этой песне говорить, когда ее можно просто послушать. И все встанет на свои места.

Маша. Я не могла поверить, что может быть так красиво. Я четко помню ощущения, когда Мишка показывал мне, что играть.

Князь. Да, обалденная вещь.

Балу. Давайте сразу начнем со странной истории с названием. На прошлом альбоме мы записали эту композицию, но без слов, потому что стихов еще не было написано. К этому альбому стихи появились, но возникает вопрос: почему инструментальная композиция на прошлом альбоме называется «Воспоминание о былой любви», если стихи с таким названием появились значительно позже?

Князь. У меня была картинка с таким названием, и мы решили, что композиция без текста будет называться так. А после, когда родятся стихи, будем смотреть по обстоятельствам. Но я поставил перед собой задачу не нарушать первичную эстетику и начал думать в этом направлении. На эту мелодию мне конечно не очень-то хотелось писать про того маньяка, который был на картинке. Потому что там был изображен эдакий маркиз де Сад, который не хотел оставлять своих возлюбленных и делал с ними всякое нехорошее.

Рисунок А. Князева.

Балу. Такого специфического черного юмора картинка.

Князь. А у меня одним из любимых фильмов ужасов был «Замок восковых фигур». Если кто не смотрел, то сюжет там такой: в замке стояли восковые фигуры разных злодеев. Мумии, Джеки-потрошители…

Балу. Оборотни…

Князь. Да, точно, оборотни, вампиры и прочие. Перед ними были натянуты ленточки. И для человека, переступившего ленточку, все становилось реальностью. Кстати, это старый фильм, не надо его путать с «Домом восковых фигур», там про другое.

Балу. То есть песня появилась…

Князь. Смотри. Картинка была нарисована без какого-либо намека на восковые фигуры. И когда я начал писать

«Воспоминания о былой любви», то просто описать картинку я, конечно, не мог. Долго думал и в итоге сумел совместить романтическую натуру главного персонажа с его неадекватностью. И из романтической мелодии получился достаточно зло вещий образ. Я, если честно, не очень хотел эту мелодию сращивать с таким сюжетом, но… но так получилось.

Балу. Отлично получилось!

Олег Сакмаров – известный, если не сказать культовый питерский музыкант, с которым мы были знакомы в период его работы в группе «Аквариум». Этот человек имеет сакральное значение для группы «Король и Шут». А после истории, которую я расскажу ниже, его имя даже стало нарицательным.

Например, просыпается утром в гостинице кто-либо из музыкантов (не надо имен), уставший и не в духе (с бодуна), и говорит: «Я, пожалуй, сегодня буду играть медленно и с большими паузами».

Все спрашивают: «Почему?» А он отвечает: «Сакмаров меня всю ночь мучил и к утру замучил». (Всю ночь бухал, и плохо себя чувствую.)

Рок-фестиваль «Крылья», 2001 год. Фото Е. Евсюкова.

А взялось это вот откуда. В давние-давние времена мы начинали концертную программу с песни «Лютая месть».

В начале играл один Поручик, барабанил, потом я, потом гитаристы и начинался рифак, потом начинали петь Горшок и Князь спокойным голосом:

«Опять ночь без сна,
В окно смотрит луна.
Наверное, знает она,
Отчего так мучают…»

И здесь мы должны были все вместе в четыре глотки заорать дурным голосом «Кошмары!».

После первого концерта мне показалось скучным петь одно и то же, и как раз в это время заходил на студию Сакмаров, и это навеяло. Мне показалось, что будет смешно крикнуть вместо «кошмары» «Сакмаров», что я и сделал.:)

На следующем концерте я об этом уже забыл, но Яха поддержал эту добрую шутку и пошло-поехало.

Буквально через 20–30 концертов даже Горшок был уверен, что надо петь «почему так мучает Сакмаров», и любые попытки остановить это были всегда обречены на провал, потому что кто-то всегда пел «Сакмаров» случайно и неумышленно.:)

Так с этой песней мы и проехали от Москвы до Владивостока.

66. «Проклятый старый дом». Клип

Лесовик не лесовик, домовик не домовик, а Леха Деги с улицы Марата расскажет нам, как снимался клип

«Проклятый старый дом».

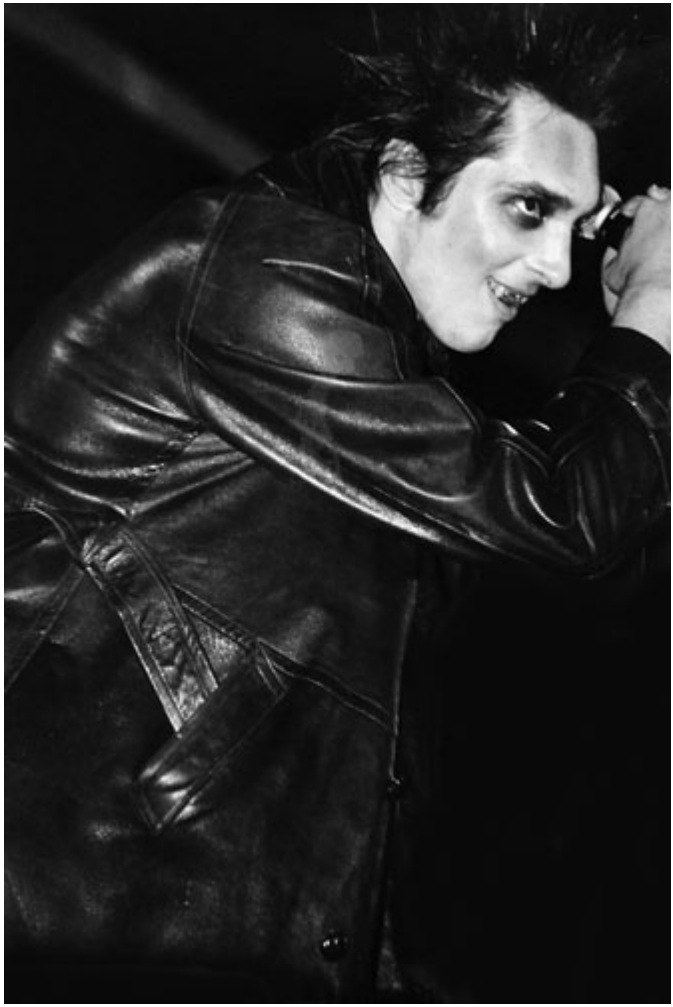
Очень рано разбудил Хаттин. Шуты решили снимать клип на новую песню. Нужен дом, где можно снимать внутри и снаружи. Срываемся ко мне на дачу, смотрим натуру! Есть два дома: один недострой, другой – сарай с хорошим видом. Да, все подходит, начинаем работу. Местные фанаты группы с утра декорируют дома, ждут кумиров!

Выезжаем рано с Озерков. С нами Андрей Федечко – фотограф, который много снимал группу, команда с «Ленфильма», ребята после концерта на «Нашествии». Приехали. Хаттин сразу запретил на площадке алкоголь, хотя Миша знал, что у меня в багажнике куча его любимого «Степана Разина Адмиралтейского»! Почти каждые полчаса подходил и очень жалился, что жабры пересохли, приходилось выдавать по бутылке. Костюмы были со съемок фильма Алексея Германа «Трудно быть богом».

В начале клипа группа идет по пшеничному полю, на самом деле это кусок поля два на пять метров, которое местный житель разрешил топтать за соответствующее вознаграждение. Было много технических проблем, которые, слава богу, решились. Первая часть клипа, где снимался актер, играющий деда, заняла почти полдня, в это время ребят гримировали, а Поручик, отобрав мопед у местного аборигена, рассекал по поселку с дикими воплями.

В середине дня переезжаем на вторую площадку, дед отпущен в Питер, начинаются сцены у костра и съемки около дома. Несмотря на усталость после «Нашествия», ребята держатся мужественно, Маша вообще супер! Все шутят, Рене зажигает! Только Князь мрачен и хмур. Ему с самого начала все не нравится, потом он назовет всю нашу работу непрофессиональной, хотя это неправда. Бюджет клипа был настолько скромен, что Хаттин смог сделать, пожалуй, самый популярный клип в истории русского рока за сущие копейки. Кроме того, в конце съемок Князь умудрился разбить голову о какую-то железку – слишком вошел в роль. Потом, через два года, там же он отлично сыграет в клипе «Месть Гарри». Все

закончилось в пять утра. Август, холодно, все довольны, хотя Миша все время спал на панцирной кровати. Усталость и «Разин» дали о себе знать. Потом у меня на даче мы с Яшей пили чай и не только. Хотя нет, Яша – только чай! Наблюдая, как полностью убитого Балу и всех остальных грузили в автобус, я понял: все получилось!



Кинопробы, 2001 год. Фото Е. Евсюкова.

67. «Овация», 2001

Немного предыстории. Это был период всплеска нашей гастрольной деятельности, когда Горшок на каждом втором концерте крыл херами попсу и прочие непозитивные явления нашей жизни. Для него это было выражением внутреннего протеста против всего неискреннего и похабного. И хоть наши гитаристы иногда и кривили рожу, когда Горшок совсем уж расходился в концертной эйфории и путал Джима Моррисона с Чаком Норрисом, даже они поддерживали эту точку зрения. Потому что мы были бандой и всегда стояли друг за друга.

И вот в такой ситуации нежданно-негаданно нам сообщают, что мы номинированы на премию «Овация». Получать всякие призы, награды и вообще занимать какие-то места Горшок в те времена считал ниже своего достоинства, он, как и я, совершенно справедливо полагал, что только любовь слушателей – достойная награда, а остальное – суета и накипь. Однако это не мешало нам посещать всякие тусы с вручением призов. Обычно это было весело.

Кстати, а что мы до этого получали? Я не помню. Премию «Кактус» помню, но я туда ни разу не доехал. Короче, кому интересно – посмотрите в Интернете.

А тут какая-то премия в компании попсы. По Москве в то время носится Йося Пригожий и на всех углах кричит, сколько он заплатил и какое звание купил на этой премии. В общем, должно быть интересно, и мы с Горшком решили идти. Яхов видел в этом противоречие с нашей панковской философией и докопался до Горшка, типа «а что люди скажут». Не помню, кто придумал, но в итоге Яха написал на нашем сайте, мол, дорогие фанаты, приходите ко входу, и мы с вами будем советоваться, идти или не идти. Мол, с нас взятки гладки. Я, помню, ни с кем советоваться не собирался и заявил, что мы должны решать все сами, а чьи-либо советы мне в лысого коня не приплющились. Я лучше посплю подольше. Тем более что в Москве мы были проездом и на следующий день улетали на гастроли в Израиль.

Нашествие, 2001 год. Фото Е. Евсюкова.

Я взял свое приглашение. Ребята, говорю, все кристально ясно. Читайте, тут все написано. Представьте себе невдолбенно дорого выглядящее приглашение в специальном конвертике. Золотой обрез, золотое тиснение и прочий прибамбас. Реально, 10-долларовая купюра на фоне этого приглашения выглядела бледно. И вот в нем золотым по белому написано что-то такое: «Обращаем Ваше внимание, что наличие билета не является гарантией Вашего прохода на мероприятие. Обязательно наличие вечернего платья (для девочек) и смокинга или приличного костюма (для мальчиков).»

Я сначала удивился, потом повеселился, потом оскорбился, но затем понял, что это удобно тем, кто не знает, что и куда надевать. Короче, пришлось переться в магазин, где я и приобрел черные кожаные порты и черную же футболку с огромными белыми буквами «ХУЙ на все».

Короче, всем понятно, что панки – самые предсказуемые и управляемые люди. Достаточно просто написать или сказать, чего делать нельзя, и это точно будет сделано. В качестве аксессуара я взял в руку открытую бутылку испанского вина. Горшок, увидев такую круть, говорит:

– Не, ну с бутылкой тебя охрана точно не пустит!

– Фигня, – говорю, – у охранника в мозгу загорится лампочка «такого не бывает, значит делать ничего не надо». Это как если б фея с волшебной палочкой спустилась с неба. Он же не сможет не пустить фею? А в такой майке и с бутылкой я на фоне дам в вечерних платьях и нефтяных магнатов в смокингах буду

выглядеть круто.

Горшок это оценил и тут же с криком «Ну-ка дай-ка мне, я первый зайду в зал!» отнял бутылку и бросился к джипу. Но, увы, в джип, на котором мы должны были с пафосом проехать 100 метров, уже залезала князевская пассия (старая, теперь у него другая) и еще какие-то левые телки. Поэтому мне места в машине не нашлось. И я поехал в багажнике. И, как следствие, первым вылез и спокойно зашел в ГЦКЗ «Россия», ввергнув охрану в ступор. У меня даже билета не спросили. Когда вылез из машины Горшок, охрана уже немного оправилась и попыталась отобрать у него бутылку. На что Горшок с очаровательной и всепонимающей улыбкой допил ее из горла и гордо вручил охраннику. Служи, мол.

Внутри ни фига интересного не было. Сами можете представить, какая там была публика, впрочем, большинство людей было довольно приветливо. Хотя нет, было там кое-что, что впоследствии помешало мне выйти на сцену. Буфет. Какие-то бутерброды и целый поднос, заставленный рюмками со вполне приличным коньяком. 50 рублей рюмка, совсем недорого. Немного взбодрившись, за неимением других развлечений, мы пошли в зал.

Не знаю, кто рассаживал гостей на этом мероприятии, но человек был явно с чувством юмора. Нам достались места в пятом ряду прямо в центре. Там в центре здоровенный такой проход, вот рядом с ним мы и приземлились. Андрюха забился на свое место, затих и не принимал участия в общем веселье. Сзади через ряд сидел Боря Моисеев, справа где-то в углу Шурик Васильев (мы его не видели, и о том, что он там был, я узнал значительно позже), а прямо перед нами сидела певица Рюзникова (фамилию могу путать) в потрясающем золотом платье с открытыми плечами вместе со своим Хозяином Сети Заправок (название не помню). Через полторы песни мне стало скучно, и я решил сходить в буфет и потратить 50 рублей. Так как по натуре я человек стеснительный, то я решил дождаться темноты и под покровом оной пройти в буфет. Но планам моим не суждено было осуществиться в полной мере, скорее наоборот. Как только я встал и повернулся лицом к залу, тот, кто управлял прожекторами направил их прямо на меня. А у меня на груди белым по черному написано «Х*Й на все», причем оказалось, что буквы еще и светятся. И, естественно, все на меня уставились, чем немало меня смутили. В буфете тоже ничего интересного не было (кроме коньяка), и я почти сразу вернулся. Сходив туда-сюда под светом прожекторов раза три, я понял, что поступаю некрасиво. И надо просто взять бутылку и принести друзьям. Конечно, в буфете

бутылку мне не дали, но дали шесть одноразовых рюмочек, и уже после этого пришлось похитить бутылку и вернуться. До сих пор стыдно: я удаляюсь в зал с честно свиснутой бутылкой коньяка, а приличного вида буфетчик мне вслед: «Я не понимаю, как вообще так можно!?!» Да, я и сам не понимаю, чего уж там. Увидев меня с трофеем, друзья обрадовались. Горшок сказал, что правильно я решил не светится больше, и молодец, что принес, и, вообще, мне хватит, так что отдай бутылку.

Естественно, в процессе насильственного отъема бутылки мы немножечко облили окружающих. Потому как каждый понимает, если принес чего друзьям, то с радостью отдаешь, а если у тебя отнимают, то фиг им. Конфуз, за который мне до сих пор неудобно, случился ближе к началу третьей четверти (бутылки): Горшок случайно – я правда видел, что случайно, – выплеснул рюмку липкого коньяка на голую спину сидящей впереди певицы. Хоть Горшок и извинился, и пытался сгладить ситуацию, вытирая девушку рукавом, чувство неловкости просто повисло в воздухе. Положение спасла Маша. Увидев Витаса, она закатила глаза и сказала: «Ой, какой мальчик! Что-то в нем есть неземное!» Чем заслужила всеобщее презрение и порицание. Впрочем, и об этой неудобной ситуации скоро забыли. Во время какой-то песни вдруг раздается грохот и дикий смех справа. Оказалось, Андрей Князев затих не просто так, Он даже не участвовал в распитии коньяка! Потому что этот несознательный элемент пронес в рукаве бутылку вискаря. И все это время пил его в одно жало. И когда вискарь закончился, он понял, что можно больше не гаситься, и решил присоединиться к общему веселью. О своем решении он оповестил мир, с грохотом выкинув бутылку и заржав на весь зал. Примерно в это время или чуть позже я понял, что мне тут надоело, вручения премии ждать еще долго, в часе езды меня ждет прекраснейшая девушка, которой я небезразличен, подъем завтра в 5 утра, и сил у меня осталось только на то, чтобы встать и куда-то пойти. И я решил идти не на сцену, а домой.

Я оставил своих друзей в крайне миролюбивом и расслабленном состоянии. Как закончилось шоу, я не знаю. Но с тех пор премия «Овация» семь лет не вручалась.

68. Истории о Горшке

И, вообще, давайте перенесемся на пару лет вперед и вспомним какую-нибудь веселую историю.

Забыл, или Тот день

Дело было на гастролях. Однажды, уже ближе к концу тура, я по дороге из местного краеведческого музея зашел к Горшку в номер. Просто так, с «проверкой документов». Номер, кстати, он имел привычку не закрывать. Заходи, кто хочет! Такой немой крик в вечность о своем одиночестве… или просто панк-рок. Захожу, а он сидит, грустит. Чего, говорю, сидишь не весел, буйну голову повесил? А он мне:

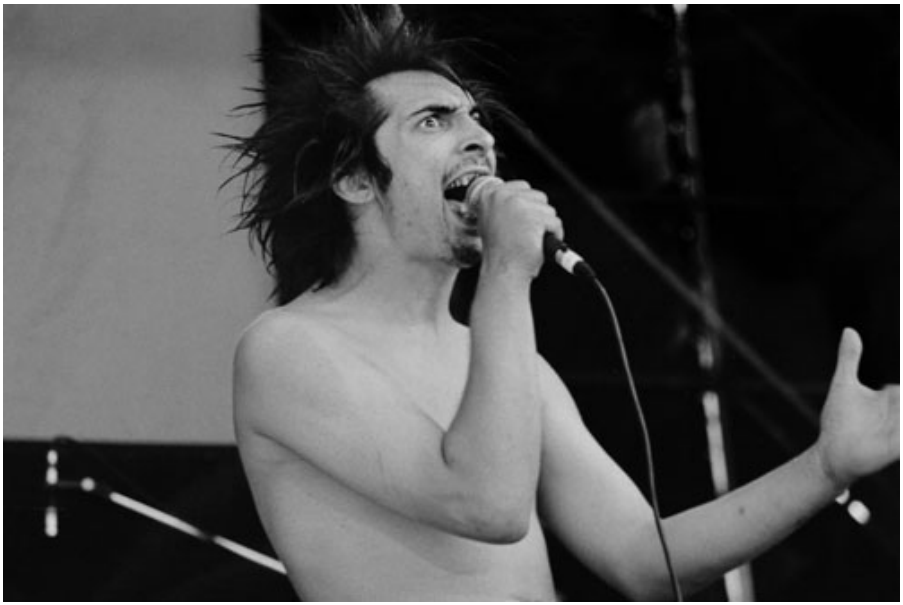
– Понимаешь, забыл. – И косится на мой пакет с логотипом того самого музея.

– Где и чего? Не вопрос, найдем! – пытаюсь его успокоить и кладу пакет в шкаф у входа, чтобы перед уходом забрать.

– Да нет, другое. Помнишь, ведь раньше мы были другими людьми. У нас были другие интересы, другие цели. – И с этими словами он нагло достает мой пакет и начинает в нем копаться.

– Так мы одних вершин достигли, а другие впереди, это бесконечно, – я отобрал у него пакет и стал доставать оттуда сувениры, с понтом, это мое, и я сам распоряжаюсь, как хочу.

– Опять мимо. Я о другом. Помнишь, ведь еще совсем недавно мы с тобой говорили и мечтали совсем о другом. Запись альбома ведь не была для нас мечтой, не была целью. Ежу понятно, что это средство. Цели у нас были другие, эзотерические, уж точно не материальные. – Изучив сувениры, он принялся с несчастным видом открывать консервы.



Нашествие, 2001 год. Фото Е. Евсюкова.

– Ну, что тебе сказать? Пингвину ясно, что, отбросив наборы слов типа «мы поменялись», «мы повзрослели» и прочий бессмысленный мусор, мы получим истинную причину, и она неутешительна, – я призадумался и даже прекратил наливать, застыв с открытой бутылкой (сувенирной).

– Это почему еще? – он отобрал у меня бутылку и разлил сам. Причем неровно.

– А потому, мой милый друг, что причина окажется проста и банальна. Милая девушка, плохая пьянка, неаккуратный прием некоторых субстанций. – Мы вздрогнули и призадумались.

– Нет, почему после хорошей пьянки я все помню, ну не все, но про эзотерические идеалы точно наутро помню, просто они вдалеке и как-бы размыты. – Горшок задумчиво стал делать бутерброд из булочного мякиша и красной икры.

– Во-во! Более размытые, а, стало быть, еще более идеальные, а, значит, еще более нереальные, еще более прекрасные, еще более далекие, а раз далекие, то можно не спешить. Да? – Я прожевал и снова разлил. – Смотри. После ночи с прекрасной девушкой у тебя наутро только хорошие мысли, и всяким идеалам в них просто нет места. Ну, знаешь, так бывает, что-то просто вылетит из головы. Такое, что кажется и забыть-то нельзя, а оно – раз! – и вылетело.

– Это да. И еще скажи спасибо, если, пока голова пустая и ясная после прекрасной ночи, девушка не начнет наводить там порядок и запихивать «правильные идеи», – мы рассмеялись, хотя

смеяться было нечему. И икра, и бутылка закончились. Горшок снова загрустил и посмотрел на меня с немым укором.

– Не ссы, во-первых, я одну не покупаю, и у меня в кармане фляжка вискарика, а, во-вторых, не об этой же херне ты тут сидишь и убиваешься. И вот если ты сейчас закуришь в номере – я уйду. Я разлюбил эту вонь.

– Да, нет, Шурик, я это все прекрасно понимаю и отдаю себе отчет в происходящем. Просто я внезапно понял, что был какой-то долгий процесс, но как один день. Или как одно событие. А что это, я забыл. И никак не могу вспомнить.

– Значит будем вспоминать!

Мы сели вспоминать и вспомнили. Вспомнили примерно вот о чем.

Оказывается, был такой день (на самом деле их было много, но говорить мы будем об одном), когда мы чего-то «достигли». Все вокруг уверены, что именно этого мы и хотели. Выпустить пластинку, отыграть убойный концерт, собрать в первый раз стадион. А это даже не средство. Это как., ну, радуешься же ты, когда покупаешь хорошие новые струны. А в жизни так мало веселого, что ты невольно соглашаешься со всеми и говоришь, «да, конечно, мы собрали «Юбилейный». В глубине души понятно, что это туфта наносная, но людям вокруг так хочется праздника. Да и ты сам разве не заслужил праздник?

– Это у тебя, – он снова с укором на меня посмотрел, – праздник всегда с собой, хоть ты с собой и не носишь. А иногда хочется чего-то обычного, цивильного. Разве это плохо?

– Кто сказал «плохо»? Если ты понимаешь, что это глупость и занимаешься этим, не тратя силы, то очень даже хорошо. Плохо то, что из-за бесконечных повторов ты сам начинаешь верить в важность того, что считают важным другие. Чего они хотят от тебя. Чего ждут от тебя. Каким ты должен быть, по их мнению. И ты перестаешь быть собой и становишься таким, каким они тебя представляют. А это страшный капкан, – я сидел в кресле и все это время тщетно пытался закинуть ногу на подоконник, наматывая на нее занавеску. И, наконец, карниз с занавеской рухнул мне на голову.

– Вот поэтому я и люблю играть концерты. Там настоящая жизнь. Получается, что артист по-настоящему и живет, и умирает только на сцене. То есть вот вчера был Иркутск, а сегодня Уральск, и это были важные и настоящие два момента по полтора часа. А сутки и километры между ними не имеют смысла, так, что ли?

– Ага, и лох ликует. Нет, родной, наша задача, чтобы и в жизни было, как на сцене. Что тебе мешает перенести сцену в

жизнь? Тут, главное, не войти в образ и не стать его рабом. Знаешь, как бывает: ищешь внутреннюю свободу, ищешь, а вдруг – херась! – и ты уже в зависимости от своих поисков, – я стал закидывать ноги на холодильник, и он опасно накренился.

– Знаешь, – Горшок снова поднял на меня полные мировой скорби глаза, – самое страшное, что и этот день я забуду.

И словно в подтверждение этих слов в номер сначала робко постучались, а потом дерзко вломились прекрасные и нежные незнакомки, полные тепла и света. То ли это были девушки из местной студенческой газеты, желающие услышать наши рассказы о дальних мирах и странах, то ли сотрудницы краеведческого музея, пришедшие рассказать о красоте этого города (Горшок-то ведь не ходил в музей и ничего не видел). И был праздник. И они помогли нам забыть этот день.

Сон.

Однажды Горшок рассказал сон. Ходит он по лесу и ищет ягоды. И ягоды точно есть, но он никак не может их найти. Ни одной. Тогда он вздохнул и понял, что придется идти в пещеру к медведю, чтобы тот ему рассказал, где прячется ягода.

– И че, – говорю. – Нашел?

– Медведя? Да. И заржал.

69. Альбом «Жаль, нет ружья», 2002

Это время отдавало какой-то нереальностью. Мы чуть ли не каждый день куда-то приезжали, и в новом городе новые люди радовались празднику, который мы привозим с собой. Это действительно сложно объяснить, но я уверен, что все те, кто побывал на наших выступлениях в те годы, поймут, о чем идет речь. За небольшой, в принципе, промежуток времени я увидел столько счастливых лиц и улыбок, что и представить себе не мог, что такое возможно. И это было волшебно, удивительно, прекрасно и совсем немножечко тяжело. Дорога, все-таки. Даже те из нас, кто соблюдал пост, на гастролях бросали это дело. (Не будем говорить кто, хотя это была Машенька.) Однажды кто-то из гитаристов спросил нашего техника Мартынова, много ли он зарабатывает, катаясь с нами. Тот достал свой блокнот, пошевелил губами и говорит: «Вот зарплата моя, умножь на сто пять(!) концертов за год, вот и считай». И катались мы так примерно пять лет.

Балу. Но иногда заезжали в Петербург и обычно в дикой спешке записывали совершенно разные, но в чем-то похожие альбомы.

Князь. Надо сказать, наши альбомы я бы разделил на определенные периоды или даже, скажем, классы. К первому я отношу первые два «Будь как дома, путник!» и «Камнем по голове». Хотя они, конечно, и очень разные.

Балу. Назовем его ранним золотым этапом!

Князь. Да, отличное название. Далее, отдельной веточкой «Акустический альбом», потому что он не похож ни на предыдущее, ни на последующее творчество.

Балу. Назовем его дерзким и волшебным периодом!

Князь. Да. Далее промежуточный этап – это альбом «Герои и Злодеи». Он был родоначальником нового «Короля и Шута», то есть группы, которая начала куда-то двигаться и музыкально развиваться.

Балу. Пусть будет межевой…

Князь. Да. А потом уже альбомы «Жаль, нет ружья!» и «Как в старой сказке», они у меня идут в связке. Как по временному периоду, так и по энергетике, которая была в них заложена.

Балу. А я вообще их часто путаю.

Князь. Та же тема. Потом идет выпадающий из предыдущей и последующей концепций «Бунт на корабле». А потом парой – «Продавец кошмаров» и «Тень Клоуна». Но это так, легкое отступление.

Балу. Легкое.

Князь. А что касается альбома «Жаль, нет ружья!», то вспоминается такой эпизод. Мы очень много времени потратили на запись вокала, да и четверть текстов я писал уже в студии, и, как следствие, уехали в тур, а сведение и мастеринг оставили доделывать мастерам. И не просто поехали, а поехали с презентацией этого альбома. И сама пластинка нагнала нас уже в середине тура. Я помню жуткое возмущение Горшка, когда он поставил пластинку в плеер. Мы услышали, что альбом звучит совершенно не так, как мы рассчитывали. Надо было все переделывать, пересводить или перемастеринговывать но, к сожалению, было уже поздно, потому что альбом уже везде продавался.

Сан-Франциско, 2005 год. Фото И. Косиновская.

Балу. Кстати, заметь, сразу после того как записаны все дорожки, мы обычно скидываем все на кассету. Просто себе, послушать. Даже не предварительное сведение, а так, просто заценить. И вот всегда, всегда эта запись потом звучит лучше, чем готовый продукт.

Князь. Я тебе говорю, что мастеринг, как его делают в нашей стране, это антирокенролл.

Балу. У читателя, который, напомню, участвует в нашей беседе, возникает вопрос: «А на хрена тогда его вообще делать?»

Князь. А делать как-бы надо. Упрощенно говоря, чтобы песня на разных устройствах звучала одинаково. Хотя, конечно, все сложнее.

Балу. Но сейчас не об этом.

Князь. В итоге мы смирились. А потом к звуку привыкаешь и принимаешь его. А, вообще, этот альбом я считаю одним из лучших наших творений. На этом альбоме Маша присутствовала, она отсеялась на «Бунте на корабле», да?

Балу. Конечно, присутствовала.

Маша. Да, я не просто присутствовала, а еще и на скрипке играла.

Балу. И плясала. Давайте прокатим читателя по волнам наших песен.

1. Волосокрад

Балу. Если я ничего не путаю, это какая-то старая была заготовка, и ты ее до этого приносил, но мы ее решили не использовать, да? Когда она была написана?

Князь. Эту песню я написал, когда еще делал демки на приставке ZX-Spectrum, это было давно, и там их была куча. Из нее, в основном, я и брал песни для этого и следующего альбомов. И эта песня долго валялась и ожидала стихов.

2. Мертвый анархист

Балу. По музыке песня появилась так. Горшок придумал куплет. Вроде ничего, всем понравилось. Затем он как-то неожиданно заиграл припев, уж не знаю, придумал или какая заготовка уже в голове была, теперь не выяснишь. Тоже ничего так, вроде покатит. А как мы ее грянули все вместе, и – опа! Прямо готовая песня, и делать ничего не надо! А потом уже и соло заиграло. Причем, для оригинальности, гитара повторяет

мелодию голоса. А уж когда стихи появилось, так вообще стало ясно, что эта песня надолго. Что скажешь, брат, про стихи?

Князь. Эту песню можно считать моим персональным подарком старому другу. Как и «Похороны Панка». Когда я ее начал писать и услышал, что там Горшок напел в черновике, сразу понял, это должно быть что-то достаточно безумное. С другой стороны, никаких рамок тут не было, то есть, это не шиза и ни какая не театральная песня. По первым впечатлениям музыка мне показалась достаточно амбициозной. И сработала старая схема: если хочешь брутальности, то нужно что? Пиво или другое бухло и панк-рок или что-то похожее. Так я и стал двигаться. И когда я начал раскрывать идею с нашествием мертвецов, причем мертвецов панковских, то у себя в голове и в тексте я рисовал портрет Горшка.

Балу. Я бы сказал, что эта песня для него, про него и о нем. Вряд ли кто-то когда-либо сумеет ее спеть. Это по ощущениям было очень персонально.

Князь. Без сомнения. «Среди ублюдков шел артист в кожаном плаще, мертвый анархист», – это, конечно, с него. А под ублюдками я подразумевал…

Балу. Всех нас?

Князь. Ну, панков. Вся наша «тамтамовская» тусовка в голове у меня была.

Балу. Очень похоже, кстати, получилось.

Князь. Да. И Горшок во главе, *(смеется)*

Балу. Или в центре картины.

Князь. Горшок был в диком восторге от этого текста и постоянно мне докладывал о том, что показал стихи каким-то чувакам, рокерам, которые врубаются, и те сказали, что это звездец! То он каким-то знакомым из-за границы показывал, и те сказали, что это реально крутой текст, и вообще немногие такое могут, и что это охренительная западная тема.

Балу. Да, это очень похоже на Горшка. Блин, ты его все время так точно описываешь, что у меня прям в сердце что-то шевелится…

Князь. Короче, Горшок был в восторге, и в итоге эта песня стала, наверное, лидером среди наших песен панковской направленности.

Балу. Практически гимн.

3. Смешной совет

Балу. Совсем не навороченная, а, наоборот, спокойная и

умиротворяющая музыка. Песня родилась по классической схеме: Горшок принес музыку, репетнули, отдали Князю, появились стихи.

Князь. В стихах тут у нас появился еще один образ шута.

Балу. А куда мы без него?

Князь. Скажу вам больше, и в группе «Knяzz» эта тема не забыта. Прямо сейчас у меня уже готова еще одна песня про шута, но еще не записана.

Балу. Было бы интересно, наверное, собрать в одну кучу все наши песни про шута, да и из твоего современного творчества в «Knяzz» тоже, и посмотреть на них. Какие они все разные.

Князь. Да, было бы любопытно.

Балу. Это ведь не эволюция одного и того же шута?

Князь. Нет, это разные подходы, разные взгляды и разная энергетика. Разная психология… Но дебил у нас только один, в песне «Король и Шут», а остальные все разумные.

Балу. А в этой песне?

Князь. А этой песне старый шут, умудренный опытом. Он пытается передать какие-то мудрые мысли своему внуку, а тот – ну совершеннейшая бестолочь.

Балу. А почему бестолочь-то?

Князь. Объясняю. Старый шут пытается донести до внука, что к жизни надо относиться с юмором. Не надо ничего воспринимать всерьез, не надо ничего воспринимать близко к сердцу, жизнь – это ирония, жизнь – это игра. Это набор обстоятельств, из которых нужно уметь выбираться. И улыбкой ты помогаешь себе быть выше всего этого. То есть мудрость такая. А отпрыск все его слова воспринял буквально и тупо начал ржать. Ну и, видя, как глупо интерпретировал его слова внук, шут взял, да и кони двинул.

4. Некромант

Балу. Одна из самых моих любимых концертных вещей. Яркая, энергичная, театральная, одно удовольствие было ее играть. Твоя, ведь тоже, если не ошибаюсь, любимая.

Князь. Да, действительно любимая. Ее мне посоветовал сделать Горшок. Она тоже еще сиз старых запасов, я ее делал на ZX-Spectrum вместе с «Волосокрадом» и «Плюшевыми бабами».

Балу. Но на эту песню Горшок обратил внимание?

Князь. Да, она его цепанула. Были песни, которые я ему показывал, и он говорил «неплохо», а были, в которые он вцеплялся. Вот в «Валета и Даму», например, или в эту.

Балу. И стихи были сразу эти, не переделывал ничего?

Князь. Стихи, да. Ой, мелодия была другая! У меня тут в куплетах идет речитатив, а в начальной версии пелась мелодия. Но в процессе, как-то стихийно, мы пришли к тому, что наиболее выразительно образ некроманта будет виден через простой речитатив. Возможно, повлияло и то, что тогда только что вышел первый альбом System of a Down, и нам очень импонировала их манера пения в куплетах. А припев мы оставили как был.

Балу. А на рождение стихов что повлияло?

Князь. Тут тоже любопытная история. Я тогда увлекся прохождением Heroes, третьей части, если не ошибаюсь, или четвертой. И там был квест за некроманта. И он в игре, если ты помнишь, был двуликим.

Балу. Ты имеешь в виду, что он мог пользоваться как темными, так и светлыми заклинаниями?

Князь. Там речь шла о том, что это нормальный человек, в принципе, но он клеймен демоном, и половина лица у него мертвая. Да, он мог и светлой магией, и темной пользоваться. Отсюда и родился некромант. В душе совершенно нормальный, но отринутый всеми. И обозленный на мир, который, как он считает, незаслуженно его оттолкнул.

5. Защитник свиней

Балу. Андрюха, вот мы сейчас с тобой послушали песню, и я вдруг понял, откуда музыка. Ты помнишь?

Князь. Не совсем.

Балу. Мы в школе Голубева еще занимались, и там было что-то вроде летних концертных экзаменов. Мы играли на дебаркадере.

Князь. Знакомое слово.

Балу. Дебаркадер напротив Медного всадника. У меня еще бас-гитара была «Урал», разноцветными пятнами заляпанная. У нас уже три песни было, одна из них даже со стихами.

Князь. Хочешь прикол? Когда мы играли на дебаркадере, я еще не выступал.

Балу. А что ты делал?

Князь. По-моему, рядышком стоял.

Балу. Точно! И Рябчик там был! Но почему-то играли мы вдвоем с Горшком, а пел только он.

Князь. У меня такое впечатление, что я стоял и смотрел сбоку.

Балу. А мимо нас туристы проходили на речной трамвай.

Князь. У аппаратчиков второго микрофона для меня не было, точно. А я должен был на второй гитаре играть, как в рок-клубе, поэтому стоял рядом. Ничего себе, какую фигню вспомнили.

6. Генрих и Смерть

Балу. Чуть ли не единственная, ну или одна из немногих, песня, которую после записи альбома, по-моему, так ни разу и не сыграли на концерте.

Князь. Зато она пришлась по вкусу тем, кто любит интеллектуальные песни… Шахматистам, например. Стихи я писал, как сказку, причем не русскую, а скорее европейскую. А на концертах, да, не исполняли, хотя песня такая, атмосферная.

7. Жаль, нет ружья!

Балу. Шикарная, просто шикарная песня. Одна из моих любимых. Хорошо бы ее, кстати, сейчас переписать с немножко другой аранжировкой! А?

Князь. Должен сказать важную вещь. Ключевой фигурой, причастной к тому, что она попала в наш репертуар, был ты. Если бы не ты, ее вообще бы не было на альбоме. У меня на демке она была такая домашняя, абсолютно гитарная…

Балу. Но все равно там я сразу почувствовал и офигенную мелодию, и общую концепцию, и стихи классные, да вообще все.

Князь. Да, и ты все время ее пел. И доставал всех так, что даже меня умудрился достать.

Маленькое отступление Балу

Как я уже сто раз говорил, мы с Горшком всегда слушали одинаковую музыку. И невозможно было, чтобы он сказал «вот офигенная группа», а я сказал «да не, фигня». И наоборот. То есть ты должен был или доказать, что эта группа или песня не фигня, или перестать слушать ее. Третьего пути не было. А эту песню я полюбил. И если гитаристы сразу выступили против нее, то Горшок отнесся с прохладцей, что еще хуже. Я понял, что мой друг просто не расслышал в князевской демозаписи всех тонкостей и всей прелести. Для устранения этой нелепой ошибки мной был приобретен кассетный плеер с динамиком. Он помещается в карман, но его можно слушать без наушников. И я заводил эту песню и дома, и в дороге. В поезде иду чистить зубы, завожу песенку, ставлю на полочку и наслаждаюсь. Ну и мои друзья вместе со мной.

Маша. Ты был великий поработитель!

Князь. А я за эту песню не очень и рубился, потому как понимал, что по своей эстетике она ближе к «Акустическому альбому». А таких планов у нас не было. И я думал, если соберемся еще один «акустический» писать, то пригодится.

Балу. Ну, может, еще и соберемся.

Князь. Поэтому я ее не отстаивал.

Балу. Ее отстаивал я.

Князь. Но, наши гитаристы стали ныть, что это не драйв, не стиль «Короля и Шута», это не катит и так далее. И начали ее переделывать…

Балу. Я, кстати, тоже думаю, что ее можно на порядок лучше сделать, песня-то такая вкусная, народная.

8. Представляю я

Балу. Эту песню мы придумали, когда жили в Эрмитаже.

Князь. Да, старая песня. Скажу больше, ты недавно выложил в наши архивы ранний концерт в «Тамтаме», где я еще в пижаме на сцене пляшу так там эта песня есть. Горшок ее пел без стихов, «на рыбе».

Балу. Я как раз хотел рассказать, как она придумывалась. Я сидел в Эрмитаже и пытал гитару «Диамант», чешскую. Ибо был я гитаристом. Как раз вот эти подтяжки играл «пэу-эу-э, пэу-эу-э», из которых потом получилось «оу-оу-о, представляю я». Тут приходит Горшок и говорит: «Прикольная тема! Ну-ка!» Взял бас-гитару и начал играть бас. Который, в итоге, и остался, а игралось все в ля, разумеется. И мы ее даже на бобинник записали.

Князь. Знаешь, почему мы ее не записали?

Балу. Почему?

Князь. Потому что она по музыке уступала всему тому, что мы делали тогда.

Балу. Да, это точно.

Князь. Вспомни, у нас тогда были серьезные вещи, в смысле песни. А эта такая в стиле…

Балу. Да ни в каком не стиле, просто один аккорд раскачали…

Князь. Да, она больше западная.

Маша. Моя любимая, кстати. Очень качевая.

Князь. Да, она больше в стиле западного пост-панка восьмидесятых годов. Но именно поэтому она уступала тому фольклорному «Королю и Шуту», который тогда доминировал.

Причем она уже тогда была с текстом.

Балу. Кстати, а ты помнишь, что куплет и припев местами перепутал? С самого начала места, где поется «пэу-эу-э», (представляю я) были куплетом, а где у тебя дальше текст, должен был быть припев.

Князь. Да ты что!

Балу. И там даже стихи были. Меня Горшок попросил написать что-то, вот прямо сразу после того, как мы ее придумали. Потом он сказал переделать второй куплет, потом мы с ним вместе поменяли припев, короче, заморочились. А однажды он приходит и вдруг говорит: «Шура, эти стихи хорошие, ты их не выкидывай. Но я подумал, что у нас в группе стихи должен писать Князь. Я это знаю точно». И вот он отдал тебе болванку, приносит стихи, а там куплет с припевом местами поменялись. А мы говорим: «Да так еще смешнее, ха-ха-ха».

Князь. Ха-ха-ха, забавно.

9. Мой характер

Балу. Крутая бас-гитарная песня. Очень я ее любил за простоту мелодии, лаконичность аранжировки и общее настроение. Уверенность в себе в ней какая-то, что ли, не знаю даже, как это ощущение выразить правильно.

Князь. Это очень и очень крутая песня с точки зрения текстовой концепции. Я долго работал над этим сюжетом и до самого конца не знал, чем же он закончится. Очень непростая болванка была. Сильно мешал речитатив в куплетах, и это явно был не хит. Но именно по музыке она была крутая, поэтому в текстах не подходила ни шиза, ни что-то драматургическое-театральное. Поэтому я решил затронуть нашу с Горшком любимую байкерскую тему. У нас уже была одна песня про мотоцикл.

Балу. Но в этой совсем другой сюжет.

Князь. В этой песне крутой чувак, байкер, бросает вызов демону, который сидит в нем. Загоняет его куда-то в подсознание. А демон начинает его преследовать. И чтобы не быть сожранным, чуваку приходится все время перемещаться, чтобы демон его не догнал. Но он не учитывает тот факт, что этот демон находится у него внутри, а перемещается чувак в пространстве.

Балу. Нефигово ты так завернул…

10. Песенка пьяного деда

Балу. Еще одна веселая песенка, правда, припоминается мне, что были серьезные дискуссии, стоит ли ее в альбом вставлять, но ты победил.

Князь. Да, это моя песенка. Абсолютно шуточная. И, конечно, выделяется из альбома. Можно сказать, что она простонародная, что ли. Но в ней есть один маленький прикол. Припев этой песни написан по мотивам «Щелкунчика» Петра Ильича Чайковского.

11. Водяной

Балу. Про эту песню лучше расскажи ты.

Князь, *(с армянском акцентом)* Эту кампазицыйа была написана чиста в Армении.

Балу. Чиста?

Князь. Да, так и запиши. Только укажи, что я с акцентом говорил, с армянским.

Читатель. Вот вы тут фигней страдаете, а мне это читать.

Князь. Она была написана с юморком.

Балу. Это тоже старая песня.

Князь. Текст был написан недавно, а музыка сколько-то пролежала. Она и в альбом попала, скорее, как некий раритет, а не какая-то серьезная вещь. И в тексте я тоже решил приколоться.

12. Вдова и Горбун

Балу, *(с дружеской подначкой)* Вот еще одна твоя любимая песня.

Князь. Ну, она не есть моя любимая, но все же. Написана достаточно давно и тоже относится к эпохе песен, написанных на ZX-Spectrum.

Балу. Ты в этот альбом постарался засунуть побольше своих старых вещей эпохи ZX-Spectrum.

Князь. Или, можно сказать, они дожидались своего часа. Я ее долго не приносил, потому что там много текста.

Балу. Приносил, я ее помню.

Князь. В чем проблема песен, в которых много текста? Их скучнее делать и их скучнее играть, чисто для музыкантов. Она, может, и неплохо слушается, но играть три куплета и три припева одинаковых на инструментах скучно. Почему у нас с трудом пролезали в программу такие песни, как «Старинные часы», «Вдова и Горбун»? Потому что много текста, и надо однообразно играть три куплета. Поэтому, я думаю, мы их и на концертах

редко играли.

Балу. Два раза, может быть. Считай, что вообще не играли.

13. Вино Хоббитов

Балу. Вот не песня, а целый мир, целое приключение! Одна из несомненных удач на альбоме. И музыка, и стихи, и все вместе. Просто хватай и беги!

Князь. Да, действительно весело получилось. Поначалу это была довольно романтическая композиция, и по цветам и краскам она у меня ассоциировалась с музыкой к песне «Древляне». Как-то так. Поэтому, когда я думал про нее, то рассчитывал написать что-то такое, в стиле фэнтези. И начал эту тему воротить. В процессе написания мы с Горшком стихи неоднократно переделывали, причем, бывало, довольно кардинально. Потому, что там, в концовке, были всякие разные моменты.

Балу. Точно, она же сначала совсем по-другому заканчивалась.

Князь. Нуда, она писалась не как какая-то интрига, а просто как веселая история. И в любом случае ее надо было чем-то интересным завершить. И вот с этим пришлось долго повозиться. И закончили вот так.

Балу. Да, обалденная песня. До кучи еще и о культуре потребления алкоголя.

Князь, *(смеется)* Подсмыслы найти всегда можно. Если анализировать уже с позиции сегодняшнего дня, то вижу, что в каких-то песнях я прописывал себя, в каких-то Горшка, а в каких-то выражалось мое отношение к тому или иному вопросу. Точнее, конечно, наше отношение к тем вещам, которые происходили вокруг.

14. Разборки из-за баб

Балу. Вот песня, которую мне давно хотелось переделать, причем даже не с момента записи, а еще раньше.

Князь. Это полностью моя песня, впервые записана она на ZX-Spectrum. И для меня лично является немножечко обломной. Я ее очень изменил текстом. Когда она у меня была в демке, то ассоциировалась с таким английским заводным панк-роком, а когда мы ее перевели в текст, то появились такие имена, как Косой, Клаус… дурацкие всякие. Одним словом, пока она была без текста, я думал, что это будет очень хитовая песня. Но текст

получился какой-то мультяшный, что ли. И если кому интересно мое субъективное авторское мнение, то музыку я текстом ослабил. Впрочем, слушателю виднее.

15. Утопленик

Балу. Вот еще одна песня, не помню откуда она взялась, но уверен, что без ZX-Spectrum тут не обошлось.

Князь. Да, действительно, это еще один ZX-Spectrum, и даже скажу больше. У этой песни более глубокие корни.

Балу. Куда уж глубже! ZX-Spectrum! Восемьдесят процентов читателей вообще без Гугла не поймут, о чем речь! Кстати, уверен, что и нагуглив, не поймут всю глубину твоего падения.

Князь. Глубже, глубже. Потому, что ZX-Spectrum у меня появился в школьные годы, и лет с 18 я начал на нем делать музыку. А потом ушел в армию.

Балу. Чего-то ты путаешь.

Князь. Да, ошибаюсь. Музыкальную программу к ZX-Spectrum я приобрел уже после армии. Потому что если бы я все эти песни написал до армии, то, несомненно, пел бы их там. А пока я служил, у меня было не так много готовых песен. Так что всю линейку ZX-Spectrumских песен можно отнести к послеармейскому периоду. Но эту песню я написал до армии, это точно. Потому, что там я ее исполнял вместе с песней «Дед на свадьбе». Сколько лет она пролежала со времени службы, считай сам.

16. Медведь

Балу. Дорогие друзья! Меня лично пробирает до глубины души, когда я слушаю эту песню. До мурашек на спине и затылке. Про эту песню можно много умных и правильных слов сказать, но я думаю правильнее будет предоставить эту возможность вам.

Читатель._____

_____

17. Пьянка

Балу. Древнее этой песни и найти сложно, она вообще одна из самых первых нами придуманных.

Князь. Это вообще единственная песня группы «Контора»,

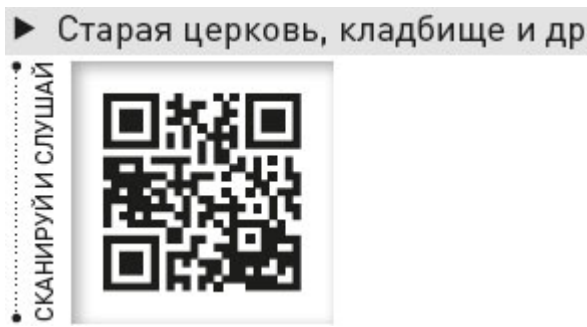
которая попала в репертуар группы «Король и Шут». Если кто не в курсе, группа «Контора» – это…

Балу. Все, кто дочитал до этого места, уже должны быть в курсе, я уже написал об этом. С самого начала группа называлась «Контора», разве там это не написано? Потом стала «Король и Шут».

Читатель. Ха, а я прочитал.

Князь. Мы ее написали еще до того, как начали записывать альбом «Ересь». Сначала были написаны несколько довольно забавных и необычных, хотя и страшно наивных песен.

Балу. Кстати, их тоже можно послушать.



Князь. Эта были песни «Дьявол», «Мертвец», «Пьянка», «Старая церковь», «Раненый воин».

Балу. «Воина» мы в «Бунт» запихали.

Князь. Тогда две песни из репертуара «Конторы» вошли в репертуар «Короля и Шута».

Балу. А на фига мы ее вставили?

Князь. Поставили мы ее чисто по приколу. Всегда в альбом хотелось вставить какую-то стебную, шизовую песню, в которой можно было бы просто повалять дурака.

Балу. И не чувствовать ответственности.

Князь. Ну, на ответственность нам всегда было накласть. На самом деле в каждом нашем альбоме есть одна, две, а то и три песни, где мы просто валяем дурака.

70. Гастрольное

Организация концертов

Любой человек, закончивший среднюю или хотя бы начальную школу, понимает, что стоит купить дорогую гитару, и волшебные звуки сами польются на благодарных слушателей. Так же и с организацией концерта. Даже школьнику или пенсионеру ясно, что при проведении грамотно организованного концерта возникают три расходные статьи:

1. Снять зал с аппаратурой.
2. Гостиница, проезд и гонорар музыкантам.
3. Охрана.

Горшок, 2002 год. Фото Е. Евсюкова.

Существуют, конечно, всякие мелочи, но с ними можно разобраться по ходу. Уж дать рекламу, встретить музыкантов и прочее любой дурак может (точнее, он думает, что может). И после этих нехитрых приготовлений останется только одной рукой загребать деньгу, дых и красивых девушек, которых сразу набежит множество к такой важной фигуре, как Организатор Концерта.

На практике, естественно, это не совсем так. Точнее, вообще не так. Настолько не так, что реальность иногда выворачивается наизнанку, пожирает саму себя. Впрочем, случаи бывают всякие. И раз уж пытливого читателя интересуют не правила, а скорее исключения и курьезы, то расскажу об одном из них.

Один город

Заходя издалека, замечу, что нашей замечательной группе случалось играть концерты без некоторых музыкантов. Бывало, играли и без Горшка. Нелегко было, но мы справились. Помню, Князь приболел и пропустил эпохальный автобусный переезд Новосибирск – Караганда с последующим концертом. Так, небось, и не побывал в Караганде никогда, бедняга. Концерт, о котором я расскажу, тоже был исключением.

Начать с того, что он возник относительно внезапно, и по ряду причин кое-кто не смог поехать. Потом, это был не концерт в туре, а разовый выезд. К тому же нас позвали люди, с которыми мы никогда раньше не работали, но сразу было видно, что это у них первый опыт.

Начиналось все довольно обыденно, деньги и билеты мы взяли заранее, ехать недалеко (небольшой был городок, вроде Твери или Рязани), и мы около трех часов дня прибыли на вокзал. Встречали нас не кто-нибудь, а премиленькая группка из семи девушек и автобус ПАЗ. Настоящий пазик, с решетками на окнах. Девушки сказали, что они все организаторы, точнее, должны довезти нас до площадки, а больше ничего не знают. И всю дорогу брали у всех автографы на различные носители. Нет, правда, всю дорогу.

На площадке мы познакомились с организаторами, тремя немолодыми мужиками совершенно совкового вида. Назовем их Степаныч, Андреич и Петрович. К тому же, их, по-моему, так и звали. Они много улыбались и говорили, что все будет хорошо. Мы с Яхой сразу поскакали галопом на сцену, предчувствую неладное. Там было странно. Аппарат был сборный. Что-то старое как мир, что-то новое прямо из коробок. У Яхи возникла проблема с антикварным болгарским комбом, но ее мгновенно решили и привезли из магазина новый Hughes & Kettner в полиэтилене. Мне поставили «Фендер» БХР 100, но я от него отказался в пользу уже стоящей на сцене конструкции из неведомого усилителя и киловаттного персонального прострела, то есть вместо 200-ваттного комбика мне поставили огромную 1000-ваттную дуру с меня ростом. А в целом по аппарату все было тип-топ.

Гримерка приятно удивила самоваром вместо электрочайника, каким-то немыслимым количеством пирожных (кроме обычных бутеров) и шестью огромными метр на два английскими (!) банными полотенцами с ручной вышивкой суперского качества. Да, у нас в райдере есть шесть полотенец, чтобы вытирать на сцене трудовой пот, а тут такое произведение

мануфактурного искусства. И девки смеются: «А мы думали, вы тут мыться будете!» Также в райдере у нас была бутылка коньяка (для голоса), но вместо нее под столом стояло пол-ящика («А ведь когда-то он был целым» © Балу). И все очень удивились, что мы вчетвером до концерта ни одной бутылки не выпили. Довершало странности то, что совершенно не было ментов, пожарников, секьюрити. Вместо этого на всех углах стояли солдаты, которые тоже ненавязчиво фотографировались с нами и брали автографы. Чтобы дойти из гримерки до туалета, приходилось расписаться на военниках примерно роты и со всеми по очереди сфотаться. Но и это все фигня, и мы по доброте душевной просто умилялись милым особенностям местного шоу-бизнеса.

Концерт мы отыграли мощно. Всегда, когда на сцене кого-то не хватает, выкладываешься на 200 %, и концерт получается супердрайвовым. Звук был замечательный, публика восхитительна и, вообще, настроение после концерта было прекрасное. И только я примостился в гримерке, вдали от суеты, с ломтиком лимона и коньяком, как влетают три друга-организатора. Они пребывали в совершенном восторге от концерта и требовали, чтобы мы все срочно ехали в гостиницу, где нас, героев, кое-что ждет.

Надо вам сказать, что обычно «кое-что» в понимании организаторов – банальная пьянка и, честно говоря, мы зачастую старались их избегать. Да и в тот раз кое-кто просто удалился в номер. Я тоже устал после концерта, но следующий день был выходной, и особых планов на вечер у меня не было. Короче, поперся я посмотреть, что там такое.

Маленькое лирическое отступление. Как выяснилось позже, организаторы были старинными друзьями. Один из них был директором ДК, где мы играли, другой был полканом в местной воинской части, а третий – директором женской общаги. Как следствие, на три пункта, приведенные в начале главы, им тратиться почти не пришлось. И, как следствие, они заработали какие-то большие бабки. И, как и положено нормальным русским людям, им нужно было этой радостью срочно поделиться с окружающими.

Короче, это было чудовищно. Что могли придумать полкан и директор женской общаги? Они загрузили целый автобус страждущих общения девушек, и мы поехали в полканскую (очень кстати приличную) баню. Как мы принимали парные и массажные процедуры – это не так уж интересно, интересно дальше. Полкан Степаныч от полноты чувств решил показать, как у них в городе встречают и провожают дорогих гостей. Мы поперлись на стрельбище. Нам принесли четыре автомата Калашникова и

сначала мы, а потом и девушки начали стрелять. Тут я как-то резко протрезвел (почти). Темно. Холодно. Все в дрова. Кто-то изображает перед феминами Рэмбо, кто-то пытается одновременно стрелять и пить (зачем?), одну хрупкую девушку отдачей бросило на землю, но она, со страху видимо, продолжает стрелять лежа. Хорошо, у калаша магазин небольшой, да и набить до конца магазин многие поленились. Короче, я поймал себя на мысли, что мне страшно: вокруг стреляют, по крайней мере, три человека, но ни один из них в сторону мишеней, я почему-то в одном ботинке и не могу вспомнить название города. Короче, как мы там не перестреляли друг друга, я просто не знаю.

Добрались до Питера мы нормально, а с тремя друзьями – Степанычем, Петровичем и Андреичем – мы больше не работали. Даже не знаю, почему.

Бойцовский клуб, или Мой лучший сексуальный опыт

Долго ли, коротко ли длилось наше путешествие, но когда попадаешь за Урал, расстояния между городами становятся огромными. Время между событиями тянется медленно (именно во время одного из таких переездов мы с Горшком придумали выражение «настоящий артист по-настоящему и живет, и умирает только на сцене»). А момент для подвига появляется внезапно, и поэтому его надо хватать сразу. Посмотрите внимательно на карту.

Екатеринбург, Тюмень, Омск, Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Томск, Барнаул, Красноярск, Ангарск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск, Владивосток. И ехать между этими городами можно только на поезде (особенно зимой), а поезда имеют свой график движения, который почему-то не подстраивается под расписание наших концертов… Короче, очень, очень долгая дорога.

Ладно, хотел написать только про наш Бойцовский клуб, но немного отвлекусь и на города, с ним связанные. Но только в контексте этого условного тура. Итак, поехали из Екатеринбурга. Не будем отвлекаться на Уфу, Пермь, Челябинск, Новочелябинск и даже Нижний Тагил. Сразу поедем из Екатеринбурга в Сибирь. Хотя в Нижнем Тагиле я не поленился, сходил на служебный вход и записал в список гостей Хуилу. А на недоумевающий взгляд организаторов пояснил: «Такая личность! Хуила с Нижнего Тагила. Вдруг зайдет? Ведите его сразу ко мне, хочу познакомиться».

Нонет! Так мы никогда не перевалим за уральские горы.

Вперед, друзья!

Екатеринбург. Город пяти морей, мы его почему-то так называли. Именно там был мой самый лучший сексуальный опыт, но об этом в конце главы. И именно в Екатеринбурге значительно позже я познакомился с красавицей и умницей Настенькой. Которая впоследствии стала матерью моего младшего сына.

Тюмень. Там, где мы останавливались, зимой минералка горячая реально льется из земли в бассейн, и можно в ней плавать и ставить пиво в сугробы. Круто! Позже про Тюмень еще отдельную историю расскажу.

Про **Омск** напишу в отдельной главе про пидоров.

Новосибирск. Очень требовательная и благодарная публика! Мечта поэта. Холодно только, если печка по пути в Академгородок сломается, но местные всегда помогут отогреться. Эх…

Кемерово и **Новокузнецк—** города, воспетые ясным соколом БГ. В Кемерово я один раз реально испугался. Нас встретил местный организатор в таком пальто и шапке кубом, что у всех возникло в голове выражение «комсомольский работник». И он сразу сказал: «Не ходите, ребята, по улицам в таком виде». У меня был приличный вид! Я купил вязаную шапку и носил ее. Подумаешь, штаны кожаные. Ну и косуха. Ну, волосы длинные и белые… Ну, не дикари же здесь живут! Мы тут же отправились гулять и заглянули в кафе приличного вида. Позавтракать решили. 11 утра. Сначала посетители переслали разговаривать и начали пялиться на нашу разношерстную компанию. Ну, нам не привыкать. И тут я вижу «человека из Кемерово». Стоит у стойки к нам спиной и нас не видит. Хорошая ондатровая шапка, дубленка. Берет стакан (не целый, 150 грамм) водки и ме-е-е-едленно его выпивает. Хватает какой-то сухарик со стойки. Берет еще стакан (уже полный) и расправляется и с ним в три глотка. 11 утра, напомню. Лезет в задний карман брюк. Достает раскладуху (самодельный раскладной нож с кнопкой, если кто не в курсе). Раскрывает и кладет в правый боковой карман дубленки. Потом снимает с головы шапку, бросает на пол, становится на нее ногами и начинает медленно топтать, неспешно поворачиваясь вокруг своей оси и обводя окружающих мутным взглядом. Медленно, как часовая стрелка, он в своем неведомом танце, наконец, повернулся и увидел нас. И, клянусь, взгляд его прояснился. А мозг явно переключился из режима «до кого б дое*аться» в режим «чо за хуйня?». Сейчас я, опытный и мудрый, просто вышел бы из этого кафе (из этого города, из этой страны), а тогда мы были молоды и из принципа остались там завтракать. Как мушкетеры у Дюма, в конце там, помните?

Впечатления. Воспоминания.

Томск. О, толпа студенток, захлестнувшая нас! С тех пор некоторые из нас развелись, некоторые развелись и женились, некоторые развелись, женились и развелись, а некоторые ничего подобного не сделали. Так, что не будем об этом городе. Сладкий сон. И трава мягкая.

Красноярск. В этом городе жил классик Михаил Успенский. Я ехал в поезде и в пятый раз перечитывал «Кого за смертью посылать», а там, в конце, надпись «Красноярск, 1998 год». Я глянул в расписание. Да мы ж там будем завтра. Я написал смс друзьям в Калифорнию, и к вечеру у меня был адрес и телефон мастера. Позвонил. Был приглашен в гости. Пару часов поговорили, раздавили пол-нольсемь «Мартеля», и красавица-жена мастера Нелли говорит: «Успенский, а с этим парнем я тебя отпущу!» Это была пара. Это была Любовь. То, как они любят друг друга, затмило для меня даже Мишино творчество. А Успенский, все-таки, великий писатель. Я вам говорю. Откройте любую его книгу, и вы не сможете остановиться (это я пишу для тех счастливчиков, которым еще предстоит прочитать). Повез я Михаила на наш концерт, очень волновался. Он все время простоял за кулисами, ногой притопывал. Я подхожу после: «Ну, как?» говорю. А он мне: «А мне даже понравилось. Я так понял, мы одним делом занимаемся. Я пока стоял и слушал, даже полторы главы книги новой придумал».

«Полторы книги новой главы, – подумал я, – жизнь прожита не зря».

Не хочу лезть в друзья к великим, но, по-моему, мы подружились. Кстати, позже Михаил познакомил меня со своим соавтором – писателем Андреем Лазарчуком и его замечательной женой Ириной Андронати. В моем личном рейтинге современных поэтов Ирина входит в первую четверку.

Улан-Удэ. Концерты вспоминать сложно, потому как местные организаторы реально «п***расы». Последний раз даже пришлось отменить концерт. Я расстроился, сидел в гостинице, и ко мне в номер набились фанаты. Я, в конце концов, уснул и все ушли. И ничего не сперли. О как! А проснулся я от взрыва. Дело в том, что по дороге в гостиницу я купил вареной колбасы, хлеба и кока-колы в банках. Холодильника в номере не было, и я повесил кулек за окно. А ночью кола от холода взорвалась. И я остаток ночи провел с разбитым окном, потому что администрация мне не поверила и другой номер мне не дали. А ведь это была правда.

Чита. Шикарный город со своей историей, но ведь вас интересуют мои веселые истории? Вот, пожалуйста.

Есть у меня правило. На гастролях всегда нужно иметь в

рюкзаке два литра воды без газа, несколько пачек ржаных сухариков и бутылку водки. С таким набором можно протянуть, где угодно. Хоть в дороге. Хоть в гостинице, если боишься травануться в местной едальне. После концерта в Чите к этому набору добавилась трехлитровая банка свежайшей красной икры слабой соли.

Перед концертом в Чите у нас было три установки:

1. Начинаем вовремя.

2. Играем строго час сорок, включая бис.

3. После концерта мгновенно рвем когти на вокзал, а то просидим в городе еще сутки или двое.

Значит, заехать пожрать или затариться в лабазе не успеваем. Жизнь нелегка.

Отыграли хорошо, похватали гитары и, не переодеваясь, во всем мокром прыгнули в автобус. Извините, друзья, иногда просто нет возможности давать автографы после концерта. Бегом-бегом влетаем в поезд и падаем в купе. Я сразу снимаю концертную одежду, надеваю треники и льняную рубашку. Достаю сухие носки и тапки. Кладу на стол несколько книжек. Выставляю трехлитровую банку икры. Литровую бутылку водки. Столовую ложку. Сижу, медитирую. Ехать больше суток, почти двое. Мне ничего больше не надо. Не люблю я вагоны-рестораны: трахнуться там, как два байта переслать. Забыл добавить, что под койкой у меня несколько бутылок воды и дополнительный литр водки. Мало ли что.

Итак, я расслаблен, спокоен и самодостаточен. Но мои попутчики-снобы с презрением смотрят на меня и надувают губки. Особенно Маха и Лось. Даже Горшок говорит: «Нет, знаешь, Шура, я в вагон ресторан схожу, извини».

А что извини? Они ведь не имеют моего знания. И поэтому не имеют моего спокойствия и расслабленности. И поэтому переодеваются в «приличное», чтоб «нормально» пойти поесть в вагон-ресторан. А я-то на входе спросил у проводницы, где вагон ресторан. И она сказала, что нигде. Ехать почти двое суток, и пожрать негде. Сначала вернулся Паша и подсел: «Шура, а можно твою икру попробовать». Потом подвалили закадычные друзья Горшок и Князь. И потребовали компенсировать моральные страдания икрой и водкой. А потом подтянулись и остальные. И каждый придумывал историю в оправдание того, что он будет жрать водку и закусывать икрой. Ложкой из банки. Дольше всех держалась Маха. Кстати, в течение полутора суток мы всей толпой ели, но так и не сожрали три кило икры. Не смогли без хлеба.

Глава называется «Бойцовский клуб». Рассказываю. Ехали мы

в поезде. Неделю или две мы уже катались. Делать было абсолютно нечего. Все книжки давно перечитали и обсудили. Музыка в плеере уже из ушей льется. Я даже купил маленькие колонки для айпода, чтобы слушать всем вместе, но за сутки любой диджей сдуется. Остается только пить. А это надоедает таким въедливым личностям, как мы с Горшком. И мы решили, что от алкоголя тупеешь, и хоть тебе и весело, это не ты. А просто нечто, что ты сначала будишь в себе, а потом пытаешься побороть.

У меня оставалась всего одна бутылка, и мы решили допить ее осознанно. Джентльмены разлили по 20 капель, джентльмены внимательно посмотрели в окно, друг на друга, джентльмены выпили. Все не то. Решили допить, чтоб зла не оставлять. Зла вроде не осталось. Но и добра не прибавилось. А ехать еще долго. И тут мы остановились в Тайшете. Что это за город, знал один Яха, никто, кроме него, Солженицына не читал.

А я, поглощенный идеями освобождения через саморазрушение, купил у какого-то бомжа бутылку водки, отдающей ацетоном, и придумал «Бойцовский клуб».

Правила следующие:

1. Не пей.
2. Не можешь не пить – пей.
3. Пьешь – пей со всеми.
4. Выпил – ударь со всей силы кулаком в грудак соседу слева.
5. Выпил сосед справа – получи удар в грудак.

Иными словами, за каждую рюмку кто-то получает удар в грудь.

После первого круга почти все слились. Остались я, Горшок и техник Мартынов. Я бил технику, он Горшку, Горшок мне. И мы втроем доиграли эту бутылку. Рентген не делали, конечно, но дышал я с трудом. Горшок сказал, что Мартыныч ему ребра сломал. А ведь Горшку еще петь надо было! Следующие концерта три он пел вдумчиво.

Через день я зашел к Горшку в номер, и мы вернулись к обсуждению. И решили, что это мы сами создаем злющие сущности (бесов) из души нашей, из страхов и обид. А потом в страхе пытаемся с ними бороться, кто чем, кто молитвой, кто крестом. И, борясь по сути с собой, причиняем себе же боль. И даже если ты добровольно надел вериги во искупление, это все равно твоя боль. А она опять рождает новые сущности (демонов), которые еще больше неподконтрольны. Больше мы в Бойцовский клуб не играли. На хрен такие идеи.

А теперь про Екатеринбург и лучший сексуальный опыт. Необязательно бросать пить тяжело, судьбоносно и с потерями. Я

это делал много раз, и иногда получалось легко и элегантно. Где-то, допустим в Ижевске, я перестал бухать и прекрасно себя чувствовал. И провидение тут же прислало мне испытание. В Екатеринбурге ко мне подсели фанаты и подарили мне литровую бутылку немировской перцовки. Моей на тот момент любимой. Я с благодарностью принял и стал думать, что с ней делать. Играли мы в цирке, и поэтому решение пришло легко. Я решил проставиться циркачам – мы ведь играем на их манеже и все такое. Я пошел в зверинец и нашел слонов. Точнее, дрессировщиков слонов и слонов. А еще точнее, двух дрессировщиков слонов, слониху и двух ма-а-аленьких (буквально 2,5 метра в холке) девочек-слонят. Я подарил им литр перцовки, чему все были очень рады, и вот почему. В зверинце был дубак. А, оказывается, чтобы слоны не подохли, дирекция выделяет бухло, которое им добавляют в еду. Но по причине дубака выделенное бухло кончилось, не дойдя до слонов. А слоникам холодно! И дрессировщики мне поклялись, что из этой бутылки слонам точно достанется. И даже отлили в какую-то грязную посуду с отрубями.

Большая слониха обвила меня хоботом, закинула себе за голову и отпускать не хотела. Пришлось прыгать, и это был последний день моих любимых концертных портков Moschino, ибо приземлился я не в розовый куст. А потом дрессировик, что помоложе, говорит: «А если ты слоняткам понравишься, они тебя поцелуют!» Я сгонял в гримерку, изъял всю булку от бутербродов и угостил маленьких слоников. И тут – бац! – одна из них прямо хоботом целует меня в щеку. Вот много всякого со мной было. Двое сыновей все же. Есть с чем сравнивать. Но слоненок поцеловал меня так феерично и непередаваемо, что я даже буду пытаться описать это, чтобы не расстраивать окружающих. Это был самый сексуальный поцелуй в моей жизни. Я даже чуть не запил.

Обещанная глава про Омск

Так вот, о пидорасах. Катаясь по Сибири, мы частенько проезжали Омск. Вернее, мимо него. Не было там концертов. Томск– пожалуйста, Барнаул – всегда рады, да мало ли городов! А тут едешь из Тюмени в Новосиб чуть не сутки и мимо большого города! Обидно. Никак не мог директор наш найти там промоутера. И вот нашелся Клотя. Не помню, как его звали на самом деле, вроде Саша, не суть. Короче, Клотя. И он был не просто гей сибирский, на нем клейма ставить было негде. Плащ

Versace тонкой кожи с меховым воротником, все дела. Я, Яха, Клотя и Горшок просидели до шести утра в вагоне-ресторане, отмечая знакомство, и почти подружились. Прикольный был парень. И, кстати, как оказалось впоследствии, один из лучших промоутеров. Но возникла проблемка. Наш директор Гордеев всегда изображал из себя ярого гомофоба, а тут с геем дела вести! Но и не вести нельзя. Тут я его пожалел и вывел формулу. «Пидорас – это тот, кто у музыкантов деньги ворует, а кто с кем спит, мне неважно», – сказал я ему. И все расслабились. Кстати, при расставании Гордеев обокрал группу. А Клотю через несколько лет, говорят, 18-летний любовник убил из ревности, 27 ножевых ранений. Такие дела.

Обещанное про Тюмень

Ехали мы как-то на автобусе в Тюмень. Зимой. Отыграли концерт, заехали в супермаркет, затарились и поехали в ночь. Автобус был хороший – хоть и старый, зато импортный. Neoplan, вроде. Тепло, все разделись до трусов и маек, развесили концертную одежду сушиться, погасили свет и легли спать. Я успел переодеться в сухое еще в зале и поэтому забрался к себе на задний ряд, накинул куртку и тихо сидел с книжечкой и фонариком. Неспешно прикладываясь.

Где-то с час я просидел в темноте, одинокий и задумчивый. И уже собрался было спать, как чувствую, что куртку снимать и неохота. Не жарко как-то. А вовсе и прохладно. Я пополз к водилам. Именно что пополз. Представьте: обычный такой автобус, типа «Икаруса». Два кресла слева, два справа, узкий проход. На каждом ряду кто-то лежит. То есть, что бы добраться до водил нужно ползти по верху кресел. Не касаясь даже подлокотников. И вот ползу я, смотрю на полуголую братию и понимаю, если сейчас всех не разбудить, завтра концерта не будет. Заболеют все. Но это было еще не самое худшее.

Водила сказал, что сломалась печка. За окном минус 30, ветер, ночь, снег и совершенно пустая трасса. Выяснилось, что на последней заправке водилы решили сэкономить и заправились дешевой соляркой. И эта соляра засрала какой-то фильтр. Сначала накрылась печка, а потом и тачка. Водилам приходилось вылезать наружу и голыми руками на морозе вынимать этот сраный фильтр, прочищать, вставлять обратно, и тогда мы могли ехать. Со скоростью километров 5 в час. Минут 15 ехали, потом снова глохли. Снова лезть за фильтром. А за окном ночь. Связи никакой, труба не ловит. Ни огонька, ни единой машины. Снег

один.

С каждым открыванием дверей для прочистки фильтра из салона улетучивались остатки теплого воздуха. Сначала у всех замерзли ноги, и все забрались с ногами на сиденья. Потом заправили штаны в носки и надели всю одежду и шапки. У меня случайно (правда случайно) завалялась бутылка водки, и я отмерял всем прямо из пробки. Даже Маха начала пить. Мы реально замерзали, хорошо, хоть от ветра были спрятаны.

Не знаю, сколько мы так плелись, но, в конце концов, в той снежной степи появилась мобильная связь. Мы вызвали такси. За других не скажу но я, когда перебирался из автобуса в машину, почти не чувствовал ног и рук. А ведь в этот день еще и концерт! Вспоминать сейчас, конечно, весело, но если задуматься…

Игры

Завел однажды нас гастрольный тур в город Челябинск. Хороший город, годный. Сидим втроем, я, Горшок и Князь, у меня в номере гостиницы, чай пьем, телевизор смотрим. Какую-то музыкальную хрень. И вот Князь (а, может, и Горшок) придумал такую игру.

По ящику крутят видеоклип, а мы делимся на две команды. Один человек – «продюсер», он защищает и хвалит песню и исполнителя, а двое других – «зритель» и «критик». Один хает произведение, а другой, – смотря по обстановке. После каждой песни меняемся ролями. Досталось Горшку защищать Фила Коллинза, не помню какую песню. Он и так, и так, а ни фига не выходит. Очень неубедительно хвалит. И тут в приливе вдохновения и как последний аргумент Горшок говорит:

– Смотрите! Вот простой барабанщик, а тоже поет!

На что Князь, а он был за критика, выдержал паузу, пренебрежительно глянул на экран и говорит:

– Да он просто барабанщиком, наверное, хреновым был!

Мертвый анархист (хохма)

Примерно в это время у нас вышел концертный альбом «Мертвый анархист», с которым связана забавная история.

Для альбома «Мертвый анархист» нужно было подписать свою фотографию, какие-то слова про концерт. И я написал «Я счастлив играть с таким барабанщиком, как Пор». Думал, похвалю – ему будет приятно. Надо людей хвалить.

Первый пришел Ренегат, злой и рассерженный:

– Ты офигел? Что люди подумают? Тебе не стыдно?

Я такие наезды всегда пресекал в принципе, поэтому ответил довольно грубо:

– Я с этим барабанщиком играю, и мне не стыдно, какой ни есть, он мой друг.

Вторым явился Горшок:

– Шура, ты серьезно?

– Вполне, а что?

– Да… ничего.

Потом Князь, прослышав об этом, похлопал в автобусе меня по плечу:

– Ну, ты и прикололся!

И уже через пару недель мне позвонила Машенька:

– Шурочка, а если серьезно? Мы ведь в печать отправляем. Но я был непреклонен.

Брянск и пресса

Когда наша прекрасная группа стала наконец мегапопулярной, в дополнение к прочим радостям случалось мне сиживать в неформальной обстановке с кумирами моего детства. Оказалось, что музыканты «Алисы», «Аквариума», ДДТ, «Машины времени», «АукцЫона» и многих других – такие же люди. Причем с множеством своих, специфических музыкантских проблем или смешных историй, о которых поговорить ты можешь только с музыкантами. Остальные не поймут.

И столько я узнал всего интересного, что, естественно, захотелось записать. Но, увы, все истории были глубоко личными. Тогда я подумал записать, но не указывать имен, но в этом случае пропадала изюминка. И тогда я решил записывать только свои истории, благо писать я всегда любил и умел. Сначала это были просто забавные моменты. Потом смешные истории, приключившиеся с нами. Много записывал за Горшком во время наших путешествий. Начал было собирать дорожное творчество Князя, но перестал, ибо он и сам бережно относится к своим произведениям.

Записи я вел бессистемно, а главное, бесцельно. Так, ради любви к искусству. И вот, пожалуй, расскажу вам неинтересную историю. Просто потому, что она у меня есть, а я обещал рассказывать почти все.

Однажды мой интернет-друг, работающий музыкальным журналистом, так описал свою работу: «Офигенная у меня

профессия! Делать ничего не надо, ходи каждый день по концертам да презентациям на халяву да бухай! Все певцы и певицы сами подходят, свои диски дарят и рассказывают новости о себе!» Такая у людей работа: ничего не знают и знать не хотят. Такая специфика. Обычно это очень миленькие девушки, невинные в своем незнании. И им хочется все простить. Или парни, которые почему-то ведут себя так, как будто есть причины, по которым мы должны простить им их необразованность. К таким мы относились с сожалением и обычно играли в игру «свободные уши», о которой я уже писал.

Начнем с конца. После нашего триумфального выступления в Брянске на открытии «Нашего радио» местная «Комсомольская правда» тиснула статейку такого примерно содержания. Злые панки отыграли концерт, а потом на торжественном банкете устроили дебош, вокалист Горшок так нажрался, что прямо в ресторане снял штаны и нассал под стол. Нашлись добрые люди, которые принесли эту газетку Мишкиной маме. Больше всего меня удивило то, что написать такое у «Комсомольской правды» не было ни единой причины. Мы с ними не ссорились. Не пересекались. Они это сделали просто так. Чтоб себя показать и рейтинг поднять.

А вот как было на самом деле. На открытии «Нашего радио» в городе-герое Брянске вместе с нами, если я не ошибаюсь, играли популярные коллективы «Танцы минус» и «Ляпис Трубецкой». Из-за нелепых слухов нас все боялись и держали за каких-то монстров. Как выяснилось позже, кто-то наговорил, что мы всех, кто играет попсу, пи*дим. А кто про себя может сказать, попсу он играет или нет? Вот и проверка! И совершенно зря, кстати. Помню, Горшок пошел к «Танцам» познакомиться, да о музыке поболтать. А там вокалист ростом под два метра стоит и не ссыт, конечно, но видно, что опасается. А я пошел знакомиться к «Ляписам». Вежливо стучусь к ним в гримерку. «Привет, – говорю, – ребята, закурить есть?» Оказалось, что курят они самокрутки, и как я ни отнекивался, мне подарили пачку табака и бумажки для закрутки. Поболтали и тоже обошлось. Прикольные оказались ребята. Земляки, опять же.

Отыграли. Устали и решили было ехать в гостиницу, но тут подбегает девушка-администратор. А поехали, говорит, в самый крутой ресторан города на торжественный банкет! Горшок сразу слился и уехал в гостиницу, то есть не было его на банкете, не было! Я девушке говорю: «Да не, спасибо, устал, да и ресторанов пафосных не люблю». А она глаза закатила и как запоет соловьем: самый крутой в городе ресторан, там все такое вкусное, нигде такого не попробуешь. Особо напирала на какую-то гусиную

печенку. На нее я и повелся. И, правда, когда еще попробую? Хотя печенку-то я и не люблю. Ну, ладно, думаю, попробую – и в гостиницу спать.

Приехал. Стоят в зале столы буквой П, заваленные всяческой закуской и заставленные нереальным количеством литровых бутылок водки. Поковырял салатик, народу никого. Минут через 20–30 я поймал ту девочку-администратора и вопрошаю: «Где гусиная печенка? Мы устали и желаем отвалить на отдых». А она: «Так это все будут подавать, только когда начальство приедет, часа через полтора!» Я расстроился от таких раскладов и пошел ловить тачку до места дислокации. В качестве компенсации и, чтобы вечером не грустить, прихватил с собой пару бутербродов с рыбкой. И две бутылки водки. Литровых, напомню.

Мы жили в гостинице с незатейливым названием «Брянск». Это высотка с небольшим холлом внизу и одним лифтом на все этажи. Перед входом в лифт – турникет, как в метро. Около него сидит горничная, или как их там называют. Прохожу я через этот турникет, а премилая горничная говорит мне в спину: «Молодой человек, где это вы так затарились?» А мне тяжело тащить, да и не нужно столько. «А что, – говорю, – поделиться?»

Короче, решили выпить по маленькой за знакомство. Завязалась непринужденная беседа. И Людочка (так ее звали) говорит: «А можно я подружку позову? Милу. А то неудобно». Не вопрос. Лифт открылся. И подружка – вот она. Слово за слово, веслом по столу, выпили еще по маленькой, под рыбку. Поболтали. А Мила и говорит:

– Ой, ребята, как бы разговоры в коллективе не пошли какие про нас, давайте я наших девчонок позову, а?

И смотрит на меня выжидающе. А мне что? Мне не жалко. Милочка подтянула еще несколько подружек-горничных с разных этажей, причем уже с рюмками и бутербродами.

Я развлекал милых дам светской беседой и по ролям разыгрывал сюжеты некоторых наших песен. Отдельный тост был за торжество «Нашего радио» в Брянске. Девушки заливисто смеялись и слушали, широко открыв глаза. А щедрая моя рука разливала и разливала. Я все ждал, когда же наш милый беспредел разгонят, но вместо этого постепенно к нам присоединились и все остальные горничные – чуть повзрослей, но зато с домашними котлетами на закуску, Поскольку выпивали мы прямо на турникетных тумбах, как-то само собой получилось, что я начал проверять документы у наиболее подозрительных постояльцев, отказывающихся с нами выпить. Потом мне это наскучило, и я стал уточнять у проживающих цель выхода из гостиницы. Было весело. Некоторые могли бы сказать, что все

нажрались, а я скажу, что вечер был упоительный.

В какой-то момент я вдруг понял, что хватит. И это было мое самое эффектное (и эффективное) удаление с пьянки за всю мою жизнь. Без лишних слов, один шаг – и ты в лифте. Нажал кнопку и на этаже. Номер. Кровать. И через 30 секунд я спал. Больше про это ничего не расскажу, говорю же, неинтересная история.

PlayStation и новые знакомства

Когда вы приобретаете какую-то вещь,
вы с уверенностью можете на нее претендовать.
Когда вы покупаете продукт, ваше право
его съесть или поделиться.
Когда вы покупаете бухло, и рядом есть Горшок, —
у вас нет никаких прав на содержимое бутылки.
Горшок заберет у вас его без палева.

Андрей Князев, глум из прошлого

Были мы на гастролях, год не помню, город тоже, но была зима и была Сибирь. Случился «День артиста», то есть выходной, и я сидел на кровати в уютном и теплом номере гостиницы, обложившись немудреными напитками, мудреными бутербродами на закуску, и кайфовал. Дело в том, что прямо перед отъездом мне повезло купить редкую по тем временам приставку PlayStation 2. Предметом моей особой гордости было то, что в России она еще не вышла и мне удалось достать первую (еще толстую) американскую версию, естественно, адаптированную под нашу зону.

Гастроли намечались длинные, и поэтому я заскочил к знакомым пиратам и затарился целой пачкой фильмов и игр. Главное дело, конечно, игры. Я воткнул приставку в гостиничный телевизор и выбирал. GTA 3 или Heroes 3 – вот в чем вопрос! ГэТэА только что вышла, конечно, хотелось погрузиться в нее, но это не такая игра, в которую можно поиграть и бросить, для нее нужно время. А третьих Героев я уже сто раз прошел на компьютере, но как истинный фанат игры, не мог отказаться. К тому же было непонятно, как такую игру можно из компа запихнуть в PlayStation.

Пока я размышляю, распахивается дверь и вваливается Горшок. «Нужно, блин, все-таки закрывать дверь», – подумал я и попытался накрыть приставку одеялом. Поймите меня правильно, я не жадный, но первый раз игру должен пройти ты сам, иначе ты не игрок.

А Горшок пришел ко мне неспроста. Он был пьян и дико ревновал. Горшок был совершенно не ревнивый человек в обычном понимании этого слова. Чего он не терпел, так это предательства. А ревность изредка изображал исключительно для посторонних и только для смеха. Посмотреть на реакцию.

Дело было в том, что я не так давно познакомился по Интернету с некими девушками, проживающими в этом сибирском городе. Я сообщил им название гостиницы, пригласил в гости, да и забыл об этом, ибо сразу после этого купил PlayStation. Они пришли, но в коридоре повстречали Горшка. Ему было скучно бухать одному, и он утащил их к себе в номер.

И все было бы хорошо, я мог бы спокойно сидеть у себя с PlayStation, а Горшок у себя в приятной компании, однако девушки попались не только прелестные, но и честные. И они посчитали, что раз уж пришли в гости ко мне, то должны хотя бы зайти поздороваться. А Горшок решил, что у него забирают девок. Запер их у себя в номере и пошел ко мне разбираться.

Он ввалился ко мне и давай бухтеть, чего это я по Интернету с прикольными девчонками знакомлюсь и себе их всех забираю.

– Так знакомься с ними сам, – говорю.

– Так у меня компьютера нет, а у тебя есть! – он обличающе показал на меня пальцем.

– Горшок, будь добр, возьми себе всех девок мира, и этих в частности. Передавай привет, и удачи вам! Всего хорошего! Иди! А я тут занят.

Горшок легкой победой не удовлетворился, да и видно было, что пришел он не девок делить, а так.

– А чем это ты тут занят? А чего это ты и вниз в ресторан со всеми не ходил? – Горшок подозрительно огляделся. И заметил приставку. Его лицо озарилось светом, как будто осенним пасмурным днем в Питере выглянуло солнце. Видя, что оккупация неизбежна, я сразу установил правила.

– Так, родной! Если хочешь посмотреть, как я играю, и, возможно (только возможно!), поиграть, то вали за игровым набором.

– Каким? Мне ничего не нужно.

– Нужно. Тащи себе подушку и одеяло. И закусон, у меня мало осталось, и запить чем-то надо.

Он сгонял соколом, все припер, захватил даже двух прелестниц в качестве группы поддержки. А одна самая длинноногая девушка осталась в его номере ждать. Я уже говорил, что девушки – странные создания?

Мы устроили турнир по «Героям», а потом и гонки в «ГТА». И были счастливы, и девушки смотрели на нас с восхищением

(наверное). Только часа через 3–4 робко спросили у Горшка: «Можно мы пойдем подружку Машеньку из твоего номера выпустим?»

Короче, понятно, что во всех дальнейших городах Горшок прописался у меня в номере, и поделать тут ничего было нельзя. Да я и не хотел, ведь первую игру я уже сыграл, а дальше с другом, конечно, веселее!

Давай поиграем

Горшок был не просто фанатом компьютерных игр, а фанатом очень ревнивым. Если у кого появлялись какие игрушки, то к бабке не ходи: Горшок тут же выпросит и не отдаст, пока не наиграется. А когда у него появился свой комп, он играть не давал никому. Только посмотреть.

И вот не помню, в каком городе, году примерно в 2005, иду я по коридору гостиницы, напеваю песню. Гляжу – у Горшка в номере дверь открыта, и он голову высовывает – выглядывает, кто там ходит.

– Привет! – говорю.

– А, Шура, это ты, привет! – заулыбался он.

– Какая движуха?

– Да так…

Вот и поговорили. Я загрузился в номер. Поплевал в потолок. И решил сходить в магазин, купить чего-нибудь почитать. Иду по коридору. Снова дверь открыта, снова горшковское жало торчит, и снова примерно такой же разговор. Иду обратно, книжками звеню. Снова та же картина. Дай, думаю, зайду. Мало ли что. Зашел, грохнулся на диван.

– Чего, – говорю, – грустишь, прохожих выглядываешь? Свободные уши ищешь или как?

А он заулыбался пьяненько и даже как-то застенчиво.

– Да вот… Никто ко мне не заходит…

– Ну, Миха, а чего ты хочешь? Чтоб с тобой в твои дурацкие пьяные игры играть по сотому разу, так это тебя надо сильно любить. Князю эти приколы уже сто раз надоели, Яха тебя боится, Поручик…

– Да, я понимаю… Но одному как-то…

И вдруг оживился, глаза загорелись и говорит радостно:

– А давай поиграем!?!

И мы стали играть в каких-то не то пиратов, не то корсаров. И болтали до утра ни о чем. Я ведь тоже ничего не делал, а шел в номер бухать водно рыло.

71. О любви и дружбе

Случилось мне на каком-то фестивале пересечься с удивительной и замечательной Марьяной Цой. Она сидела с Рикошетом и бутылкой коньяка. И они пригласили меня присоединиться. Друзьями мы, к сожалению, небыли (хотя эти два человека мне всегда нравились своей исключительностью), но при встрече всегда здоровались и, бывало, выпивали по маленькой.

Я присел к ним, нарисовал полтинник, разговорились. Не «Кинопробы» ли это были? Не помню. И вот Марьяна сказала мне удивительную вещь, что Витя был очень не то чтобы жестким, но крутым человеком. В хорошем смысле этого слова. И поэтому при нем всякие уроды и обсосы не то что вели себя прилично, а просто пикнуть боялись. А после его трагической смерти как раз все эти «люди» и повылазили. Как «друзья Цоя» и прочая фигня. Первые год-два вообще от них продыху не было. И прикол в том, говорит Марьяна, что настоящим Витиным друзьям даже сказать вслух было неудобно о своей дружбе с ним, потому что они сразу бы попали в компанию уродов.

Я тогда этого не понял. Точнее понял, но не до конца. Как так? Ведь все знают истинное положение дел! И даже уродам должно быть стыдно за такие поступки. Тем более после смерти Вити, после которой вообще все меркнет, и какие-то мелкие разборки и интриги теряют смысл. Кстати, я очень рад, что познакомился с Рыбой и узнал о его роли в группе «Кино». Он, впрочем, этот факт своей биографии никогда не выпячивал.

Марьяна меня тогда спросила:

– Балуша, а почему ты не спрашиваешь, каким он парнем был?

– Да ты не подумай, мне интересно, просто я его песни люблю. Песни. Зачем я буду к тебе приставать?…

– Вот. Тебе, может, и есть какое дело до этого, а ты молчишь. А 99 % людей, которые у меня спрашивают, каким он был на самом деле, нет до этого никакого дела. Никакого.

И как же я был потрясен, когда после смерти Горшка началась такая же петрушка!

Я пишу книгу о любви, о друзьях и для друзей.

Мишка живет не только в песнях и клипах, я надеюсь, что у некоторых он живет и в сердце. Князь еще жив, и пусть он свою душу раскрывает не всем людям, а делает это в творчестве, но разве это повод?

Давайте считать, что все, кто читает эти строки, – друзья, так

и жить легче и писать проще.

Пришло время рассказать вам о чуде, которое со мною произошло. Я люблю, и самое чудесное то, что женщина, которую я полюбил, ответила мне взаимностью. Зовут ее Ириша, и она прекрасна. Не могу сказать, чего больше стало в моей жизни – любви к прекрасной женщине или возможностей заглянуть внутрь себя еще глубже и обнаружить волшебные и удивительные вещи…

Про Иришу скажу вот что. Когда в моей жизни появилась она, а в ее жизни я, ситуация в группе постепенно наладилась. Избавившись отличных проблем, которые мне мешали, я сумел лучше помогать друзьям, а, точнее, Горшку, – что в личной жизни, что в музыкальных делах. Раз «Король и Шут» был делом всей моей жизни, то он автоматически стал небезразличен и Ирише. Тем более что у меня в друзьях ходили два таких удивительных человека, как Горшок и Князь.

Когда нашего барабанщика обокрали, Ириша подарила ему барабанную установку. Когда нас выперли из клуба и нам негде было репетировать, Ириша дала денег, и мы построили прекрасную репетиционную точку на Невском. А когда я расстался с парнями, Ириша всего за 500 баксов подогнала им Макинтош, чтобы они забили туда партии Реника и смогли давать концерты. Я, помню, по-дружески стебал Яху, что он под фанеру играет, а он отвечал, что все так делают. Нужно ли упоминать о том, что Ириша устраивала нам гастроли в Америку, – не ради денег, а ради нас, помогала с фестивалем «Штопор» и организовала проект с Red Elvises, о которых ниже? Не перечесть всего, что она сделала для группы. Не зря же Горшок и Князь уговаривали ее быть нашим директором. И не только из-за профессиональных качеств, а потому что человек она свой, родной.

В общем-то для понимания ситуации я, вроде, сказал достаточно, а больше вам знать и не надо. И так все ясно. Одно только добавлю: не бойтесь любить.

72. Хвосты и головы рыб

Дело было в Кенигсберге. Мы следовали домой после триумфального выступления на знаменитом фестивале «Калининград in Rock». Точнее, пытались следовать. В этом прекрасном городе как-то по-особенному любят нашу группу, поэтому обычно мы задерживаемся там на день-другой после концерта для осмотра достопримечательностей, или как это называют некоторые ханжи, для пьянства и разврата. Впрочем, бывало по-разному, но скучными эти поездки не были никогда.

В это раз я обнаружил себя на перроне в компании Горшка. Мы дегустировали очень приличное местное пиво и наблюдали за тем, как Князь пытается оторвать голову какой-то сушеной рыбе. Делал он это очень долго, сопровождая свои действия каким-то занимательным рассказом о морских жителях вообще и об этой рыбе в частности. Погода была по-летнему прекрасной, легкий теплый ветерок слегка пошатывал наши тела, а по перрону с дикой скоростью носились наш директор, кто-то из организаторов и наиболее нервные музыканты. Как выяснилось, у нас не было билетов. Не знаю, куда они делись и были ли вообще, но от этой суеты ситуация не изменилась.

Когда мы допили пиво и доели рыбу встал вопрос, куда нам двигаться дальше. В смысле за пивом или еще куда. Решено было идти в гостиницу, а на следующий день лететь самолетом. В старинной гостинице в самом центре Кенига нам сняли прекрасный шестиместный номер, возможно, даже с балконом.

Кто-то сочувствующий пришел к нам с толпой прекрасных аборигенок и радостно произнес: «В жизни нужно все попробовать и все посмотреть!» Не знаю, что именно он имел в виду, но коллектив наш тут же разделился на несколько частей. Одна часть решила попробовать взять пива и пойти посмотреть старый город. Мой друг Поручик решил попробовать выпить литр местного самогона и посмотреть, что из этого получится. Я было тоже поперся в город, но быстро вернулся в номер. Короче, как обычно, и коммунизм не построили, и в космос не улетели.

На следующий день раным-рано кто-то собрал нашу компанию в кучу и отправил в аэропорт. В те времена завтрак не входил в число наших обязательных привычек, поэтому каждый подкреплялся как мог. В тот памятный день мой друг Андрей Князев решил прямо в автобусе позавтракать мойвой горячего копчения. Я, например, очень люблю эту рыбу. Но дело в том, что есть ее можно только дома, и имея внушительный запас салфеток, потому что она жирная и воняет. Короче, это не тот

продукт, который можно спокойно есть руками в автобусе. Сразу после мойвы на весь автобус развонялся Яха, он такие резкие запахи не переносит и принялся нудеть. Андрюша, с присущей ему заботливостью, успокоил Яху и поклялся, что все рыбьи головы, хвосты и прочие кишки он герметично завернет в полиэтиленовый пакет и запаха не будет. Сказано – сделано.

В аэропорту мы собрались с мыслями и твердо решили без приключений погрузиться в аэроплан, нам и правда надо было домой. И мы уже почти пересекли огромный холл, когда раздалось «Бом!». Нет, не «Бом!», а «БО-О-О-О-О-ОМ!» Дело в том, что наш барабанщик, кроме своей сумки спереди, рюкзака с педалью на спине и еще какой-то поклажи, тащил на шее какую-то девку. Он доверил ей держать кейс с тарелками. Который она, конечно, уронила, причем так, что тарелки с грохотом высыпались, и с визгом убежала.

Менты, до этого делающие вид, что они нас не замечают, уже не могли игнорировать наше присутствие и решили принять меры. Тогда как раз начали бороться с терроризмом. Попытки проверить у барабанщика документы и произвести обыск его вещей особой радости им не принесли. Ибо документов было мало (вот только в руках держал!), а вещей много (и все странные). Но тут за друга вступился герой нашего повествования – мой друг Андрей Князев. У него при неаккуратном опохмеле временно наступает краткое просветление. Походка его приобретает упругость, глаза ненадолго возвращают себе блеск, и он уверен, что совершенно трезв и может решить все проблемы. Андрюша в крутых ботах, кожаных штанах, косухе и, если не ошибаюсь, в кожаной же ковбойской шляпе игривой походкой подходит к ментам, берет одного из них за рукав и интересуется: «Какие проблемы, пацаны?» Менты попались непродвинутые, поэтому в грубой форме начали спрашивать у всех документы и требовать приготовить багаж для досмотра.

Я сразу понял, что мы никуда не летим. Досмотр вещей рок-группы, занимает минимум час. Это если музыканты трезвы и помогают таможенникам. А нам до самолета оставалось минут сорок – только пиво допить. Но судьба распорядилась иначе.

Самый невезучий мент указал на оттопыренный карман Князя и спросил:

– Что там?

Князь выдержал небольшую паузу, улыбнулся и на весь аэровокзал радостно сообщил:

– ХВОСТЫ И ГОЛОВЫ РЫБ!

Мент, чуждый юмора культурной столицы, сунул руку Князю в карман и, естественно, влез рукой в полиэтиленовый пакет с

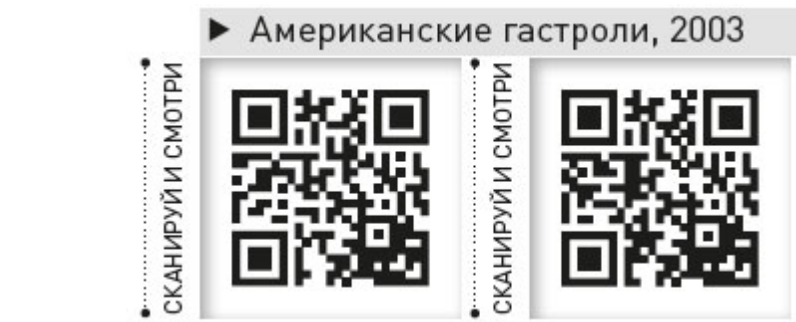
требухой мойвы. Достал его. Посмотрел на свет.

И нас пустили на борт самолета без досмотра.

73. Америка. Уход Маши

Балу. Мы с Иришей расскажем вам Машину лав-стори. К творчеству эта история вроде бы не имеет отношения, но это часть моей жизни. Ириша, расскажи ты.

Ириша. В сентябре 2003 года я делала гастроли «КиШ» по городам США. От города к городу ехали на автобусе, как ранее «Аквариум», «Чиж & Со» и другие. Концертов, правда, было меньше: на тот момент «КиШ» местная диаспора знала хуже, чем «классические» русские рок-группы. Все прошло замечательно, концерты в Бостоне и Нью-Йорке можно даже посмотреть на «Кругах».



Маша. Израиль, 2003 год. Фото Г. Таиров.

Во время этого тура возникла взаимная симпатия между

Машей и моим тогдашним бизнес-партнером Алешей Маем. После тура мы с Гордеем, Машей, Алешей и другими нашими местными друзьями поехали отдыхать на Гавайи, а остальная группа вернулась в Питер.

В ноябре-декабре 2003 года группа ездила на гастроли по Сибири и Дальнему Востоку, и я активно переписывалась не только с Балу, но и с другими ребятами, в том числе и с Машей. Ближе к концу гастролей Маша написала мне, что рассказала Гордееву о том, что ей нравится Алеша. Немного зная причуды Гордеева и его взрывоопасный характер, я посоветовала Маше держать дистанцию, например, не ночевать с ним в одном номере, как обычно. Но она не послушала, была уверена, что «Сашка родной человек, все будет хорошо». Но все закончилось избиениями, несколько концертов Маша не могла играть, но домой почему-то не улетела, хотя ребята предлагали ее отправить из Иркутска. На концерте в «Олимпийском» ее лицо было плотно замазано гримом, чтобы скрыть синяки от побоев. Честно говоря, я до сих под в шоке от того, что ребята не выгнали Гордеева еще тогда и спокойно продолжили тур. Я так понимаю, это было решение Маши.

Балу. Не совсем так. Гордеев утверждал, что Маша ему изменила, и он дал ей пощечину, а потом они помирились. Маша же сказала, что они просто сильно поссорились. Про то, что он ее реально избил, я узнал уже значительно позже, уже после своего ухода из группы. Но, будем откровенны, даже то, что Маша не была членом группы, а позиционировала себя и зарплату получала как жена директора, не извиняет нас за то, что мы не выгнали его немедленно. Помню логику Горшка: «Я его и так собирался выгнать, но если выгнать сейчас, то получится, что из-за Маши». Короче гордиться нечем.

Ириша. На Новый год ты прилетал в гости ко мне, а Маша должна была прилететь к Алеше, но вместо этого поехала в деревню с Гордеевым и его детьми, потому что «обещала». Ничего хорошего из этого не вышло. В начале марта 2004 года я прилетела в Питер, чтобы поехать за компанию в тур «КиШ» по Украине. Мы встретились с Машей. Она рассказала, что у них с Алешей волшебная любовь, и она решила уйти из группы. Но сначала хочет съездить в этот тур, чтобы подзаработать денег. Билет в США она уже взяла и хотела лететь вместе со мной сразу после Украины, но говорить ребятам о своих планах не собиралась, видимо опасаясь, что в тур ее тогда не возьмут.

Сан-Франциско, 2004 год. Фото И. Косиновская.

Сан-Хосе, июль 2006 года. Фото И. Косиновская.

Я снова предупредила ее, что, учитывая предыдущие поездки, она очень рискует сама и ставит в нехорошую ситуацию всю группу – ведь Гордеева они все еще не уволили, и очередные скандалы с побоями в и без того накаленной ситуации могут создать огромные проблемы в туре. Да и мне пришлось бы скрывать Машины планы от всей группы и Гордеева, с которым у нас оставались еще какие-то странные полудружеские отношения (он оправдывал свои поступки временными помутнениями).

После недолгого обсуждения Маша согласилась, что раз у нее волшебная любовь, то волшебство и красота должны присутствовать во всех аспектах ее жизни, и не стоит подвергать опасности себя и друзей. Поэтому Маша осталась в Питере и оповестила всех о своем уходе. После тура мы вместе с ней улетели в Америку. Гордеев, кстати, потом мне звонил, угрожал связями с лос-анджелесской мафией, обещал отрезать Алеше яйца. Я соврала ему, что закрыла его американскую визу. Он почему-то поверил.

74. Кино

Балу. Расскажи нам историю с Балабановым, пожалуйста. Я думаю, не все ее слышали.

Ириша. Где-те в марте-апреле 2003 года я приехала в Питер в гости к своим друзьям, Чижу и его жене Вале. Остановилась я в квартире своей подруги на Литейном, и ко мне в гости стали приходить разные интересные люди. Горшок, ты, Чиж все время там был с гитарой, Захар Май, а однажды пришли Егор Белкин и Настя Полева. Егор и Настя очень дружили с Балабановым, и тот попросил познакомить его с музыкантами для нового проекта. И вот у нас состоялся импровизированный ужин, на котором были Белкин с Настей, Балабанов, Захар Май, Чиж, по-моему, тоже был. И туда же пришли Горшок и Гордеев. И все очень много разговаривали.

Балу. Но все знали, что Балабанов ищет актера на роль в новом фильме?

Ириша. Да, и Горшка, и Захара предупредили. Фильм назывался, по-моему, «Американец». Это должен был быть фильм про американца, который едет в Россию и знакомится там с рок-музыкантом, или что-то такое. Главную роль должен был играть известный американский актер Майкл Бин, а рок-музыканта Балабанов как раз искал. И вот он со всеми поговорил, все очень сильно напились. Балабанов в результате потерял свои очки в подъезде.

Балу. И что же?

Ириша. Я так понимаю, ему приглянулся Горшок. Я еще помню, Захар очень обиделся, что не он подошел. Ну, понятно, Горшок был гораздо харизматичнее и вел себя непосредственно. Видно было, что и Горшку очень хочется сниматься в кино и поэтому он пустил в ход весь свой шарм и все свои панковские манеры, непрерывно рассказывал истории и все такое. Соответственно, Балабанова все очень впечатлило, и он решил снять в этой роли Горшка.

Балу. И почему этого не произошло?

Ириша. Точно не знаю, но прекрасно помню, когда потом я поехала с вами на гастроли в Крым и на Кавказ, Гордеев говорил Горшку, что Балабанов не может его найти. И из-за этого он будет снимать Шнурова. И Горшок очень расстроился.

Балу. А как он мог его найти, если у Горшка не было сотового телефона? То есть иногда был, но он его все время терял.

Сан-Хосе, июль 2006 года. Фото И. Косиновская.

Ириша. Я тоже не совсем понимаю, при чем тут Горшок. Про съемки надо говорить с директором, их же надо соотнести с концертами. У меня сложилось впечатление, что Гордеев тему с кино проворонил и, как всегда в таких случаях, попытался свалить вину на самого Горшка.

Балу. Да, была у него такая фишка.

Ириша. Я четко помню отрывок разговора. Типа, «как же так, тебе же Балабанов звонил, звонил, но так и не дозвонился. И вот из-за тебя теперь эту роль играет Шнур».

Балу. И что же было дальше?

Ириша. Но в этом нет ничего страшного. Потому что с фильмом ничего так и не вышло. Приехал Майкл Бин в Россию и ушел в запой вместе с группой «Ленинград». Дело было, по-моему, в Мурманске.

Балу. Нет-нет-нет. Мурманск – прекрасный город, я его очень люблю. Дело было в Норильске. Вот там реально нечего делать, только в запой идти. А тем более американцу.

Ириша. Да, точно. Я общаюсь с группой «Ленинград», и они рассказывали ужасные вещи. Типа все ушли в запой, но американец не выдержал. Нету него северной закалки, кто ж знал!?

Балу. Ну, он хоть жив остался?

Ириша. Да, но у него случился инсульт. И даже потом

компания, которая снимала это кино, пыталась с ним судиться, потому что он сорвал съемки и улетел в Лос-Анджелес лечиться.

Балу. Вот его судьба закинула! Из южной Калифорнии поехал в Норильск бухать. Ну, хоть не засудили его, беднягу?

Ириша. Немножко денег вроде отсудили. Но ведь он был совершенно не подготовлен к таким раскладам в Норильске. И, между нами говоря, я не считаю, что это была вина Майкла.

Балу. Это точно. Мы не раз были в Норильске. Ну, там реально нефиг делать, две двойные двери, на улице минус сорок, сугробы выше головы, ветер сдувает с ног и вообще такая обстановка, что остается только бухать. Один раз мы там такой жести дали, по десятибалльной шкале – минус сто, примерно. Я был убежден, что нас больше не то что в город не пустят, а просто расстреляют при первой же возможности. Всех. Жуткий был беспредел, даже вспоминать не хочу. Я был просто уверен, что в эту гостиницу нас точно не пустят.

Ириша. И что же?

Балу. Ну что. Приезжаем. А нас подозрительно спокойно встречают, и горничная даже говорит мне: «Вот, хоть нормальные музыканты приехали, не то что эти алкаши из группы «Ленинград»! И я подумал: «Ого-го! И что же они, интересно, делали?»

Ириша. Когда я им устраивала гастроли по Америке, они жили у меня дома и вели себя достаточно прилично. Ну, относительно прилично. Ну, то есть полицию соседи почти и не вызывали. Правда, когда из Сан-Франциско в Лос-Анджелес поехали, то часть народа забыла свои документы, Пузо, например. Еще они нашли книгу «Король и Шут», которую ты мне подарил.

Балу. Это ту, которую Рыба написал. Она очаровательна тем, что автор практически слово в слово воспроизвел все гонки, которые я ему прогнал.

Ириша. Да, «Самая Правдивая История о Группе «Король и Шут». И все ее читали запоем по очереди, а Шнур сказал: «О, какая классная тема!» И даже взяли ее с собой в Лос-Анджелес, чтобы читать в автобусе.

Балу. Надеюсь, не вслух…

Ириша. И Шнур тут же на месте, по-моему, еще до поездки в ЛА, во время очередной попойки написал песню «Меня зовут Шнур», в которой упоминает группу «Король и Шут», точнее, фанатов. А тем же летом я снова была Питере, и опять у меня собралась та же тусовка, подошел ко мне Пузо и говорит: «А что, это тот самый Балу, из книги?»

Балу. Да, и с тех пор мы с ним и дружим.

Ириша. И чтобы закончить эту тему, скажу, что Горшок всегда очень хотел сняться в кино. Он и в театре хотел что-то сделать, какую-то свою постановку по песням «Короля и Шута». В какой-то момент он очень озаботился своими отношениями с Лешей и старался везде его толкать. Говорил мне, что вот, Леша так хорошо пишет песни и, может, тынам поможешь в Америке что-то такое сделать, а мы музыку напишем. И дал мне Лешин телефон и какие-то демозаписи. Это было где-то в районе 2007–2008 года. Я так понимаю, что и «Тодд» он начал делать с Лешей, правильно?

Балу. Начал, да.

75. Еще о том, откуда берутся песни

Однажды я зашел к Горшку домой. В то время он уже жил с Олей на Советской. Пришел я не просто так, Горшок попросил меня принести вторую гитару и помочь ему с новой песней.

Технология у нас была такая. Я беру набор каких-то прикольных, на мой взгляд, аккордов, а он их поправляет и делает лучше. Причем это может быть и 5, и 25, и 105 аккордов, пока Горшок не увидит скрытую в них красивую мелодию. Как только он находит что-то красивое, сразу перестает ругать меня за неправильные аккорды, и вообще мы их бросаем. Это важно. Пока мелодия еще не оформилась окончательно, начинаем аккуратно, стараясь ее не спугнуть, подбирать новую подложку. Тут настает мой черед. Ведь мелодию можно увести в любую сторону. Поэтому я сидел рядом с Горшком и давал советы. Этот ход – зашибись, этот – скучный, и так далее. А когда что офигенное попадалось, так тут и говорить нечего, и так понятно.

В тот день мы разбирали песню про «угрозы, насмешки, корону примеряют пешки», но стихов, конечно, тогда еще не было. И мы плавно переползли к сочинительству текста. Помню, что-то там было про героев, которых мертвыми отправляют на плотах вниз по какой-то специальной реке. Горшка была идея, я лишь помогал. Не сразу все получилось.

R-Club, 1997 год. Фото Е. Евсюкова.

Я еще несколько раз на той неделе приходил к Горшку и особого прорыва не помню. Разве что музыку к песне доделали. Но в тот день Горшок снова рассказывал мне, как он пишет музыку.

– Я вообще не понимаю, как вы не видите этих мелодий. Они же летают в воздухе, их же много. Надо только протянуть руку и взять. Нет, тяжело, конечно, придумать мелодию из ничего. Но когда у тебя уже есть готовая гармония или аккорд, то вообще легкотня! Поэтому, лучше всего мне придумывается с тобой. Ты не кричишь сразу «О, я рядом стоял, я тоже это придумал!» еще до того, как оформится мелодия. С Реником хуже, чем с тобой. Он еще в группе не прижился до конца, а уже начинает изображать неизвестно что. На той неделе тренькали чего-то, только мелодия прикольная начала вырисовываться, а он сразу: «О, это моя мелодия, это я придумал!» А она еще и не родилась. Ну я решил его проучить – раз твоя, то на – доделывай ее сам.

– И чего?

– Да ничего. Звонит потом, ничего, говорит, у меня без тебя не выходит.

– А что за тема-то, покажи!

– Да я ее и забыл уже.

– Молодцы! Один другого умнее. Потеряли песню.

– Ну, я ж не виноват, что он мелодию спугнул. В следующий разумнее будет, – задумчиво сказал Горшок, а потом заржал, – или хитрее.

– Позвал бы Яху, он всегда готов помочь.

– Это еще хуже, я пробовал. Что бы я ни начал придумывать, он сразу пытается напеть что-то похожее, но уже написанное. А от этого потом трудно избавиться.

– Так и я просто сижу тут рядом и по большому счету ничего не делаю. Так, тренькаю потихоньку.

– Так я и удивляюсь. Но оно работает, только когда надо искусственно что-то придумать. А идеальные условия, конечно, это когда я с Андрюхой. Тут вам, салагам, далеко!

И заржал.

76. Фридман

Еще одна смешная история связана с добрейшим и милейшим человеком, Леней Фридманом по прозвищу Кастлрок. Вид он всегда имел приятственный и брутальный, а также всегда был приветлив и пышноус.

Случилось нам однажды принимать участие в каком-то фестивале. Дело было в Питере, и играли мы в «Юбилейном». Мероприятие было странное – юбилей какой-то музыкальной газеты, или что-то в этом духе. Организация была соответственная, в частности организаторы решили сэкономить на рекламе и охране. Поэтому народу пришло не очень много, но зато любой человек из зрительного зала мог пройти за кулисы. А оттуда в гримерки, там охраны тоже не было.

Отыграли мы, как водится, мощно. После концерта одежду мою обычно можно выжимать. А иногда и обувь тоже. Я первым влетел в гримерку и быстренько переоделся. Отвлекся буквально на секунду, глядь – ни мокрых носков, ни майки, ни трусов. Все фанаты потырили. Скажите, ну зачем это им? Ничего интересного больше не предвиделось, и я поскакал домой. Так что все, что случилось дальше, происходило без моего участия. Рассказываю со слов Горшка, Князя и Яхи.

Питер, август 2004 года. Рис. по фото А. Балунова.

Горшок с Князем после концерта задержались в гримерке, им даже после 20 лет дружбы всегда было что обсудить, тем более после концерта. Сели за стол, Леня Фридман тоже с ними… И тут появляется Чудо ламповое.

Чудо ламповое – это персонаж, который имеется на всех более или менее приличных концертах, во всех городах и странах. Он должен быть обязательно пьян и недоволен. В зависимости от возраста он должен возмущаться звуком (раньше был теплый, ламповый), светом (раньше был ярче), организацией (раньше пиво было дешевле), репертуаром (старые песни ого-го, а новые говно), короче, всем.

В общем, приперся в гримерку пьяный амбал и давай бычить. Типа «Горшок, да Князь, вы попсу стали играть, и вообще». Причем это монолог, и вставить хоть слово в него невозможно. А наши два сказочника – натуры ранимые. Мы даже ввели в группе правило: сразу после выступления концерт не обсуждать.

И тут в дискуссию вступает Леня «Кастлрок» Фридман. Берет Чудо интеллигентно под локоть и говорит: «Пойдем лучше туда». «Туда» – это душевые-туалеты в гримерке. Там Чудо заслуженно

получило от Лени по морде и удалилось.

Потом Горшок и Князь ушли, в гримерку пришел Яха, а с ним его старая институтская подружка (Яха в Финэке учился), девушка приличная, нарядно одетая и в белых кроссовках. Зашла в туалет руки помыть. А там весь кафель залит кровью.

Утром мама будит дочку и спрашивает:

– А где ты была вчера? Почему у тебя белые кроссовки по щиколотку в крови?

– Я, мама, – отвечает девушка, – вчера на концерт группы «Король и Шут» сходила.

77. Сохраняйте посадочные талоны

Вот еще одна история о том, как мы возвращались из Кенигсберга. В прошлый раз забыл сказать, что главный по рок-музыке там Андрей Феоктистов, прекрасной души человек. Фестиваль был традиционно шикарный, все группы отыграли достойно и после все вместе тусили как могли.

С песнями и плясками, с шутками и прибаутками грузилось в самолет пушечное мясо рок-н-ролла (то есть всякие барабанщики, гитаристы и проч.). Традиционно билеты им достались самые фиговые, в хвосте самолета. И вот все идут гуськом по проходу, и каждый с завистью имеет счастье лицезреть Сашу Васильева из группы «Сплин». С завистью, потому что тот сидит в первых рядах, в бизнес-классе и имеет вид чрезвычайно довольный. У него в райдере написано, что музыканты перемещаются эконом-классом, а он бизнесом. И это нормально, так делают многие группы в России. Но в этот раз судьба распорядилась иначе. В числе последних пассажиров шла Иришка, прилетавшая ко мне в гости. Она дружила с Сашей, поэтому поздоровалась и тихонечко спросила, чего это он скучает один, а не веселится в общей тусовке. Саша ответить не успел, так как за Иришей шел Горшок. И он задал точно такой же вопрос. Но не тихим и нежным голосом, а громко на весь салон. А за Горшком шла стюардесса, уже слегка уставшая от нашей шумной компании (ну, представьте себе сами, полный самолет рок-музыкантов после фестиваля). И она задала тот же вопрос. Типа, молодой человек, с хера ли вы уселись в бизнес-классе, а не с остальными алкоголиками в хвосте? И где ваш посадочный талон? Она на самом деле вежливо спросила, очень приятная была девушка.

Нужно сказать, что с алкоголиками Саша не сидел совершенно правильно, ибо на тот момент алкоголиком не был. Но и предъявить посадочный талон он тоже не мог, потому что прямо перед самолетом употребил его в качестве гильзы в самокрутке, решив перекурить перед полетом.

Рок-фестеваль «Крылья», 2004 год. Фото Е. Евсюкова.

И вот, благодаря странному и нелепому стечению обстоятельств, Саше Васильеву пришлось подниматься и ползти из бизнес-класса, мимо всех музыкантов, на самое последнее оставшееся свободное место у туалета. Ну, ничего, там недолго было лететь. Это тоже урок. Сохраняйте посадочные талоны до конца полета.

78. Ссора с «Нашим Радио»

Отношения с радио у нас не особо складывались. Мы отказывались им платить за эфиры, они нас не крутили. Песни могли попасть в эфир по нескольким причинам:

1. Хорошее отношение к нам авторов конкретных радиопередач. И это зашибись, ведьмы и правда хорошая группа.

2. Бартер. Как, например, делал Шумный. Ведущий берет нас себе в передачу, а Шумный рекламирует ее у себя на телеканале. На самом деле при Шумном вариантов бартера было много, но о большинстве из них он не рассказывал, а тупо делал свою работу.

Рок-фестеваль «Крылья», 2004 год. Фото Е. Евсюкова.

3. Влияние слушателей. Звонки, письма и всякое такое. Именно любовь наших слушателей сделала в итоге группу популярной. Напомню, когда мы начали собирать стадионы, нас все еще игнорировали все радиостанции. Серьезно, они делали вид, что нас нет. И все настойчивей предлагали заплатить за ротацию. Помню, особенно настаивал редактор одной питерской станции: «Вот вы собрали стадион. Но без радио – это тупик! Вас все забудут через месяц!»

Но к моменту событий, описываемых в данной главе, все изменилось. Радиостанции нас внезапно полюбили, звали на эфиры. Телевизор тоже. То есть отношения как будто наладились, развивались ровно и даже дружественно.

Мы были на гастролях. По-моему, это был Мурманск, но фиг знает, могу и путать. И вдруг приезжает Гордеев. И говорит, что мы должны бесплатно играть на концерте «Нашего Радио». А к тому времени Гордеев работал по такой схеме. Разовые концерты он назначал редко, предпочитая работать с одной конторой под названием «Золотая Рыбка». Те намечали тур, и мы его ездили играть с предоставляемым роуди-менеджером Бобром. То есть директор, подписавшись на тур, уже мог ничего не делать, а просто получать бабки, Или, как в нашем случае, рассказывать, почему нам не заплатили за весь тур и что мы должны поехать в следующий, где нам и заплатят, и отдадут долги, Я только потом узнал, что это разводка, и Гордеев уже тогда запустил руки в общую кассу, а тогда было не до этого. Мы музыкой занимались.

В общем, всплыл концерт с «Нашим Радио». У них была такая практика: раз уж вы не платите за эфиры, то играйте бесплатно на наших концертах. Но поскольку концерт бесплатный, Гордеев про него тупо забыл. Было ли это из-за его новых проблем с наркотиками или из-за старых проблем с психикой, я не знаю. И вместо того, чтобы просто исправить ситуацию, он в свойственной ему манере решил свалить вину на всех вокруг.

Мы были не против того, чтобы сыграть концерт для «Нашего Радио» после окончания тура. Но Гордей пустился во все тяжкие, и последняя его версия была такой:

1. «Наше Радио» в лице Козырева нарочно, зная, что у нас тур, поставило какой-то свой концерт, требуя, чтобы мы там сыграли. То есть фактически прервали тур и отменили три своих концерта.

2. Козырев поставил категорическое условие, что с нашего нового альбома они будут крутить только медленные песни, а песни типа «Мертвый анархист» крутить не будут. Это явно на Горшка было рассчитано.

3. В личном разговоре Козырев назвал нас подонками и уродами. Лично я обиделся только на последнее. В результате на собрании было решено послать «Наше Радио», написав им открытое письмо. Его вы можете сами найти в Интернете, смысл его такой: «Ребята, с такими закидонами можете нас вообще не крутить».

Короче, ситуация получилась дебильная. Но все равно это было круто. Не каждая группа могла послать ведущую радиостанцию.

79. Скучная глава

Горшка забодало то, как Гордеев работает, а точнее не работает, и он сказал ему об этом. Высказал ряд претензий, попросил исправиться. Об увольнении речи не шло. На что Гордеев ответил: «Меня так просто с этого места не сколупнешь. Я все про вас всех знаю. Знаю про твои проблемы с наркотиками. Знаю, когда и как вы получаете деньги, как перевозите и где храните. Знаю, где вы живете. И связей с бандитами у меня хватает». В это время мы были в туре по Украине, где у него и правда хватало мутных друзей. А однажды Горшок пришел ко мне в номер и сказал, что нас действительно пасут какие-то бандитского вида личности. Я к этому отнесся не очень серьезно, потому, что считал всех друзьями, а заскоки бывают у каждого.

В итоге с большим трудом Гордеева все же уволили. Он уже давно не только не приносил пользы группе и откровенно вредил (см. предыдущую главу о «Нашем радио»), но уже совсем заврался, и был в этом уличен. После его увольнения начали всплывать контракты на продажу альбомов, заключенные им по нашей доверенности, о которых никто не знал.

Горшок с Князем воспрянули духом и сказали группе (припоминаю, это было почему-то в довольно грубой форме), что пока нет нового директора, все дела они будут вести сами. Я вздохнул с облегчением, ибо снова надевать на себя административное ярмо совершенно не хотел. Правда, продлилось все недолго. Уже через двое суток мне позвонил Князь и попросил разруливать дела. Потому что Гордеев успел обежать все мерчандайзинговые конторы, которые, например, делали наши футболки, и, пока еще действует наша доверенность, нахапать денег и поднасрать нам. Собственно, тут я и вскрыл, что он не просто обворовал нас напоследок, но, пользуясь нашим доверием, делал это уже давно. Как сказал Горшок: «Как в кино, помнишь, "Место встречи изменить нельзя"? Воровка на доверии».

И потому как мне приходилось все это разгребать, я всем об этом рассказал. Ведь я действовал не ради денег, а на благо группы, а выше цели в моих действиях, чем группа, никогда не было. И я мог простить предательство по отношению к себе, но не к нашему общему делу.

Но проблемы остались. Один из музыкантов недавно купил квартиру и боялся, что Гордеев, как и обещал при расставании, настучит в налоговую. Даже Горшок с Князем настолько не хотели трогать это говно, что, когда Гордеев уже после ухода стал

вымогать у них «отступные», заплатили ему без вопросов. Из общих денег, правда. Однажды ко мне подошли музыканты и говорят: «А, может, не надо всем рассказывать, что Гордеев у нас воровал? А то мы после этого выглядим, как обсосы. И вообще стремно. Может скажем, что расстались друзьями?» Я ответил, что, во-первых, он на это и рассчитывает, а потом, когда будет обворовывать следующего, ссылаться станет на честную работу с нами. А, во-вторых, и главных, как вы себе это представляете? Я сейчас пришел в контору, которая производит наши футболки. Если я говорю, что мы директора выгнали за воровство, то работа начинается по новой. И все контракты, которые он успел заключить за эту неделю, теряют силу – и все. И предоплаты, которые он успел насобирать, – это не наша проблема. А если я говорю, что все хорошо и мы друзья, то тогда наоборот. Вы будете отрабатывать эти контракты бесплатно, ибо Гордеев деньги только что получил. Но всем хотелось и контракты вернуть, и деньги получить, и чтобы проблем у них лично не было. И чтобы сделал все это я.

И вот тут на горизонте возник В. Батогов, директор группы «Алиса». Когда он устраивался к нам, первым делом сообщил, что имеет определенные связи и поэтому гордеевских бандитов бояться не надо. Гарантировал в случае чего силовую поддержку.

Ок. Зашибись. Хоть это с плеч долой. Я, честно говоря, гораздо больше переживал по поводу обстановки в группе. Очень хотелось заниматься только музыкой. Следующий альбом мы собирались записать мощный и четкий, и очень серьезно к нему готовились.

Прошло время, и мы снова поехали в тур по Украине. Гордеев позвонил и предложил «просто встретиться» в ресторане. Хоть ссы в глаза – все божья роса. Князь даже не усмехнулся, а Горшок дико разозлился. И когда узнал, что музыканты собрались на встречу, сделал круглые глаза и очень грязно обрисовал их личностные качества. Самое смешное, что в ресторан поперлись те, кто наиболее активно требовал увольнения Гордеева.

Я туда не пошел вот почему. Вообще я не испытывал личной неприязни к Гордееву. Слишком многое нас связывало, и мне не верилось, что можно все перечеркнуть ради денег. Однажды в поезде Питер – Москва он сильно передолбился, а потом нажрался коньяка, вырубился и начал глотать язык. Никто не обратил на это внимания – пусть отдыхает. И не по злобе или какому умыслу, просто пьяные были. И я сидел всю ночь, держал его голову на коленях, чтобы он не задохнулся. Не мог я плохо относиться к человеку, которому спас жизнь. Но и спокойно выпивать с человеком, который меня обокрал, а теперь делает

вид, что так и надо, я тоже не хотел. Попытался отговорить музыкантов, но куда там. Понять я этого не мог, поэтому остался в гостинице, выпил в одиночестве водки и лег спать.

Проснулся я от чудовищной вспышки в голове и дикой боли. Надо мной стоял Гордеев и чем-то тяжелым бил меня прямо в висок. Я попытался сопротивляться, но он схватил меня за волосы и начал бить в висок уже головой. А драться головой он умел (я сам у него учился, умение в дороге полезное). Его безуспешно пытался удержать совершенно пьяный Ренегат, приговаривая: «Саня, ну не надо…», а иногда оборачиваясь ко мне: «Он сам догадался, в каком номере ты живешь, я тут не при чем…»

Горничная вызвала ментов, которые и надели на Гордеева наручники. Башка у меня была разбита, морда исцарапана, номер был усеян клочьями моих белых волос. Внизу, на ресепшен, Гордеев немного успокоился и сообщил мне, что клянется своей жизнью и здоровьем своей матери, что непременно меня убьет. Я подумал, что это уже серьезно. А впереди было еще шесть украинских городов.

Дальше все как в тумане. В следующем городе меня отвезли в больницу, где дали справку о том, что у меня сотрясение мозга и множественные ушибы. Таблеток никаких не назначали. Помню, как я пару раз после концерта терял сознание, и Горшок меня приводил в чувство, и почему-то в одиночку. Но больше всего меня поразила реакция одногруппников: «Сам виноват, надо было с нами в ресторан идти и, вообще, это ваши разборки. Зря ты его в воровстве уличил».

Я искренне не понимал, как мои друзья могут говорить такие страшные вещи, и пытался спорить, хотя меня просто слезы душили. Но, может быть, это была реакция на сильное сотрясение мозга… Что-то неправильное происходило в моей жизни.

Гордеев срочно поехал в Питер, где рассказал всем свою версию произошедшего. Первую неделю мне было так плохо, что я просто лежал. Когда полегчало, я оповестил всех, что Гордеев поклялся убить меня. Из-за денег! Из-за каких-то сраных денег. Из-за того, что я ему помешал комфортно воровать. Я не хотел, чтобы он вошел к кому-нибудь в дом под видом моего друга. И вот тут началось самое странное.

Я узнал множество престранных фактов, доселе от меня скрываемых. Оказывается, Гордеев не сошел с ума, он всегда таким был. Просто все стеснялись сказать. Например, Маша, рассказала, что, когда от Гордеева хотела уйти его предыдущая жена, он взял свою дочку и высунул в окно пятого этажа, угрожая отпустить, если жена уйдет. Я спросил:

– Маша, а тебе не кажется, что скрывать такое неправильно?

Я бы в жизни не стал с таким человеком вести дела, а тем более дружить. И вообще в свою жизнь пускать.

Маша ответила, что просто не хотела, чтобы думали, что она живет с сумасшедшим. И таких историй оказалось море. Поэтому, повторюсь, я посчитал своим долгом всем своим друзьям и знакомым сообщить, что Гордеев опасен и безумен. Многие мне впоследствии сказали за это спасибо.

А через пару месяцев у Горшка была свадьба, и я как свидетель всячески помогал.

А главное – впереди была новая вершина! Наш новый альбом. Я готов был простить всех и вся, главное было добиться цели. Материал мы подбирали очень внимательно и записать его собирались на абы как, а самым наилучшим образом. И все это на фоне моей все более разгорающейся любви к Иришечке. Нет, славное было время. Одна моя любовь стоит того, чтобы пережить все эти «неприятности».

80. Про легенды и традиции

В этой главе все имена мы изменили, дабы случайно не дискредитировать хороших людей. Дело было на «Добре» (студия «Добролет», СПб). Сидели мы с Левой, гитаристом одной известной группы, и беседовали о превратностях музыкальной жизни. И вот он мне рассказывает, что есть у них в группе человек, который если пива в дороге напьется, так храпит во сне, что невозможно с ним в одном купе находится, а тем более спать. А я ответил, что и у нас в группе такой штрих имеется, но мы с этим успешно справляемся, методом простым, как три копейки:

– Когда просыпаешься среди ночи от того, что это туловище снова дико храпит, просто берешь подушку за край, немножечко скручиваешь и со всей дури лупишь товарища по башке. И сразу ложишься обратно.

– И что, он перестает храпеть? – не поверил Лева.

– Конечно, он вскакивает и пытается понять, что происходит, – отвечаю.

– Ха! Так он через минуту ляжет и снова захрапит!

– Да, конечно. Но под такой храп тебе уже морально спать будет легче. Тем более, что можно повторить.

Зеленый театр, 2003 год. Фото Е. Евсюкова.

Ну, посмеялись. Года через три года про этот шикарный прием рассказал еще один известный музыкант, назовем его условно «Шар» из группы «Аквариум». Причем преподнес это как

давнюю и чуть ли не тайную, восходящую к истокам традицию. Я заинтересовался, откуда он знает, и довольно скоро выяснил, что он узнал от Н. из ДДТ, а тот от Левы из «А».

– А уж Лева, – сказал Шар, – уж наверняка этот прием знает от Самого…

81. Заратустра

А вот еще один прикол про Горшка и Анфису.

Занесла меня однажды нелегкая в книжный магазин на Лиговке, уже не помню, может конкретное что хотел купить, а, может, так зашел, новинки посмотреть. И вот гляжу – в отделе философии лежит небольшая книжица ярко-красного цвета, «Так говорил Заратустра» называется. Дай, думаю, куплю. Интересно же, что там! Ну, на самом деле не читал до этого, чего скрывать.

Купил, еду в трамвае по Литовскому проспекту, прочитал страниц пять – чего-то не прет. Ну, думаю, сильно умная книжка, надо дома читать. Добрался до дома, осилил страниц 30, – совсем байда какая-то. Какая-то голытьба, какой-то сифак… Чего, думаю, по такой скучной книге с ума люди сходят? Неясно. Проверил выходные данные – и точно, накололи меня в лабазе. Мелким шрифтом написано «Стефан Цвейг рассказывает о нелегкой жизни Фридриха Ницше». Ну и ладно, думаю, все равно я ее до конца не дочитал, а книжка красивая, яркая. Вещь в хозяйстве нужная и полезная, а потому держал я ее в коридоре на антресолях, чтобы всегда можно было легко достать.

И вот однажды осенью собрались мы с Горшком и Анфисой поехать к друзьям за город по грибы. И примерно за полчаса до выхода приносит мне Анфиса Горшка. «Вот! – говорит она радостно и жизнерадостно, – мы дошли!» И сажает его туловище в коридоре на скамеечку для обуви. Видя, что процесс снимания и надевания ими обуви займет как раз полчаса, я решил ехать сразу. А Горшку, чтоб не грустил, сунул книжку почитать. Но ему эта идея не понравилась: ходил он с трудом, но общения жаждал. И он в свойственной ему манере сделал вид, что произведение это уже читал.

– Слышь, – говорит Горшок, – а не такой уж он и заратустра был.

Сделав умное лицо, я посмотрел на Анфису. Она видимо решила мне подыграть, осуждающе посмотрела на Горшка и сказала: «Мишутка, ну как ты можешь так говорить?»

Пристыженный Горшок снова взял книжку и попытался сфокусироваться на буквах. Я надел ботинки, пожалел его и спрашиваю:

– Прочитал что-то?

– Название, – отвечает.

– Да ладно, – говорю, – расслабься, ничего такого он и не сказал.

82. Концертные залы

Концерты. Грех жаловаться, люди на наши концерты ходить любили. Для полноты картины попробуем вспомнить несколько цифр. Просто, чтобы у читателя, не знакомого с творчеством и деятельностью группы, не сложилось ложного впечатления.

Рок-фестеваль «Крылья», 2004 год. Фото Е. Евсюкова.

Как я писал выше, в период нашей наиболее активной концертной деятельности, как подсчитал наш техник, мы давали чуть более 100 концертов в год, и так длилось лет примерно пять. Более ста концертов – это сотня с гаком новых городов, новых друзей, приключений и впечатлений. И хоть эту коротенькую главу меня попросили написать в основном, чтобы озвучить, сколько мы собирали народу в Москве и Питере, но клянусь своей треуголкой, что каждый из концертов в других городах мне не менее дорог. Хотя в столицах, конечно, концерты важны как символ. Но и когда в городе с населением чуть больше ста тысяч на твои концерты приходит почти две тысячи слушателей, это тоже чертовски приятно. Короче, цифры.

По стране статистики я не вел, но, как правило, если был дворец спорта, мы играли там, если его не было, а местный ДК был маловат, то играли в цирке, например. Не всегда, повторюсь, а как правило, и в период наиболее активной концертной деятельности, то есть с 2001 по 2005 примерно.

Если говорить о больших цифрах, то в Питере мы собирали «Юбилейный» (7000 человек) и СКК (20 000 человек).

В Москве это были «Лужники» (10 000) и «Олимпийский» (30

000), а однажды, было дело, сыграли две «Лужи» подряд. Вот такие пироги.

83. «Бунт на корабле», 2004

Вот мы добрались до еще одного альбома, который был записан также очень быстро, но вовсе не потому, что у нас не было времени. Наша труппа стала дико популярна. Казалось, что бы мы ни сделали, – все будет круто и востребовано. Так, впрочем, оно и было. Это полотно дает прекрасное представление о состоянии наших умов на тот момент.

Вообще, душа давно уже просила, и не у меня одного, записать что-то серьезное, не демозапись, а полноценный качественный альбом. Посидеть, поработать со звуком. Наложить какие-то эффекты и дополнительные звуки, чтобы альбом было слушать интересно и с точки зрения качества записи, а не только материала и исполнения. Мы, все-таки, как не раз говорил Горшок, были концертной группой, берущей за живое, прежде всего, энергетикой.

Рок-фестиваль «Крылья», 2004 год. Фото Е. Евсюкова.

Забегая вперед, скажу, что так мы и собирались сделать со следующем альбомом. С «Продавцом кошмаров». Все песни для него мы почти год, практически каждый день репетировали и оттачивали на предмет улучшения. Мы всматривались в каждую нотку и слушали, нужна ли она там и как можно улучшить, и что потом делать на студии. Но ни фига не вышло, сначала ушел Реник, потом я, а то, что потом ребята записали, конечно, не плохо. Но когда я это послушал, то расстроился. Это была просто демозапись. Просто сыграли на гитарках, и зашибись. А я вам серьезно говорю, что если бы мы успели все это записать по-человечески, как и собирались, то… если бы, короче. И даже то, что они в нескольких песнях снова привлекли Реника, делу не помогло. Одно дело – играть в группе, а другое – отыграть свои партии. А жаль! Очень хотелось сделать приличную запись, ведь,

если призадуматься, то у нашей группы были исключительно демозаписи, в международном смысле этого слова, нет?

Читатель. Это ты загнул!

Балу. Я не говорю, что демозапись – это плохо. В России большинство «альбомов» – это просто хорошие демозаписи. Типа, вот хорошо записаны гитары, голос и прочая фигня, чего вам еще нужно? А хороший альбом всегда хочется переслушать. Наша идея была том, чтобы соединить хорошие песни и серьезную работу над саундом. Давайте вспомним, как все происходило до этого:

«Истинный убийца» – альбом, который можно по праву назвать альбомом, хоть и записан он его в допотопных (даже по тем временам) условиях. Мы сказали им ровно то, что хотели сказать! Не больше и не меньше!

Читатель. Но он не «номерной».

Балу. «Номерной», «не номерной», мы всегда с презрением относились к такому разделению альбомов. Впрочем, года, примерно, с 2000, за «номерной» альбом стали платить нормальные деньги. Да и то в глубине души (в данном случае я говорю только за себя и Горшка) мы посмеивались над теми организациями, которые их покупают. Ведь важны только песни. Позже, впрочем, все изменилось.

Для **«Камнем по голове»** нам дали студийное время по остаточному принципу. Мы решили записывать новые песни. Ни о какой «работе на студии» не могло быть и речи, не было времени. Аранжировки части песен («Лесные разбойники», например) придумывались на ходу, а в некоторых («Блуждают тени») гитарные партии, не то что не продумывались, а даже для музыкантов были неожиданностью. Но, впрочем, это все фигня по сравнению с тем, что на альбоме 21 песня и практически каждая из них – хит.

«Король и Шут» писался на репетиционной точке ДДТ. У нас и не было задачи как-то по-особому работать со звуком, хотелось просто качественно записаться. Это нам удалось. Кроме того, на альбоме, опять-таки, более десятка безусловных хитов.

«Акустический альбом» – мы еле успели записать дорожки, сводили уже дома, на компьютере, что нисколько не умаляет новаторства этого альбома, качества песен и прочего. Да и со звуком Яха хорошо поработал. Кстати, напомню, песню «Ели мясо мужики» мы записали тогда же и там же просто потому, что на бобине пленка осталась.

«Герои и Злодеи» – у нас физически не было студийного времени. Нам и так две дружественные группы разрешили влезть между их студийными сессиями.

«Как в старой сказке» – был шанс поработать со звуком, но получилось не очень. Мы были очень увлечены самим процессом записи, ну и обстоятельства так сложились.

«Жаль, нет ружья!» – мы даже сведение «доверили мастерам», как сказал Князь. И альбом настиг нас уже в дороге, на гастролях.

Все, что я сейчас сказал, не уменьшает мою любовь к этим записям. Ни в коем случае! Если бы Князь сейчас в разговоре не вспомнил, как мы заканчивали «Жаль, нет ружья!», я бы и не вспомнил. Я привык к этому звучанию и даже подзабыл, что добиться мы хотели немного другого. Одним словом, вы видите, что по разным причинам посидеть долго на студии нам ни разу так и не удалось. И мы честно собирались это упущение исправить на следующем после «Бунта на корабле» альбоме.

Перед записью у меня состоялся серьезный разговор с Горшком, и мы решили, что этот альбом запишем как есть, но уже над следующим точно поработаем серьезно, без спешки. Сделаем перерыв в гастролировании, скроемся куда-нибудь из города, подальше от соблазнов. Его наркомания и мое пьянство если еще не в творчестве, то в личной жизни уже точно становились проблемой.

Было еще кое-что. Знаете анекдот:

– Что говорит барабанщик перед тем, как его увольняют из группы?

– Почему мы не разбираем мои песни?

Ха-ха. Именно с таким вопросом к Горшку подвалил Реник. И был жестко послан. Мне показалось странным, что вместо того чтобы попробовать свои темы с нами, музыкантами, он полез сразу к Горшку. Я пожалел Реника и даже попросил его показать нам с Яхой, что он там придумал, вдруг нам понравится. Не понравилось. Хилый закос под «Металлику». Тогда Реник стал давить на другое слабое место Горшка. Стал ему втирать, что тот – фиговый панк, играет попсу и князевские смешные песенки. И что круто было бы играть, как «Металлика» или в нашем случае «Эксплойтед». Все эти «а, вот слабо?» я всерьез не воспринимал, да и не дурак ведь Горшок, чтобы на такое вестись? Все мое, да и Горшка тоже хорошее отношение к «Металлике» Реник с Яхой убили напрочь. Они на каждом гастрольном саундчеке в две гитары играли одни и те же песни, пока Горшок официально не запретил им это делать. Как показало время, я ошибался.

Итак, «Бунт на корабле».

Читатель. Давно пора, ни фига себе вступление!

Балу. Совершенно не помню, сколько у нас было времени на альбом, спешили мы или нет. Привет, Андрюха! Может, ты

помнишь?

Князь. Нет, не помню, чтобы спешили, но это и не важно. Альбом получился крайне противоречивым. Дело в том, что еще когда мы стали зачем-то утяжелять альбом «Жаль, нет ружья!», у Горшка появилась идея добить аудиторию, которая кричала, что «Король и Шут» – это не панк. Он хотел доказать, что мы не просто панки, но еще и врубаемся в жесткую музыку, можем играть хардкор и вообще давать такого жару, что дальше некуда. Именно такими амбициями был вызван этот альбом. Ренегат особо усердствовал, причем давил именно на Горшка, потому что остальные его не слушали.

Балу. Ну, почему не слушали. Слушали, просто во всем должна быть мера.

Князь. Была еще одна причина. Если помнишь, мы продали выпускающей компании два альбома – «Жаль, нет ружья!» и вот этот, который еще не записали. И Горшок тогда сказал: «Мы за этот альбом уже получили бабки. Соответственно, отдавать, какие-то мегашедевры неохота. Они и так наварятся. А следующим альбомом уже можно и шедевры выпускать».

Балу. Бизнес-идея, блин.

Князь. Жена повезла его на Кипр подлечиться и отдохнуть. И у меня с ним состоялся очень неприятный разговор, причем, по-моему, он выдал мне уже заранее заготовленную фразу. «Андрюха, этот альбом я делаю жестким. Сейчас у меня есть Ренегат, который жестко рубит. Соответственно, мы с ним решили сделать все типа «Эксплойтед». Поэтому в этот альбом ты песен не приноси, а пиши только тексты на мою музыку».

Балу. Звучит и правда, как заученная фраза, не его стиль общения. Хотя идея, может, не такая уж и плохая. Мне лично пофиг всегда было, кто что написал, лишь бы песни были достойные. Ладно, а ты ему чего?

Князь. Я рассердился, потому что мне было скучно делать альбом без собственного композиторского участия, хотя бы потому, что на концертах мне хотелось петь песни. Если я не участвую в альбоме, то значит и на презентации его я не пою ни одной своей песни. А мне нравилось петь и играть. И отказывать себе в этом я не хотел. Поэтому мне такие условия не понравились.

Балу. Да, просто как автор стихов на концерте не разгуляешься. С другой стороны, разве у тебя мало песен, которые ты поешь? С третьей стороны, что тебе теперь до конца жизни только «Со скалы» петь? Как бы хорошо я к этой песне ни относился.

Князь. Тогда я ему сказал: «Если ты считаешь, что я не

должен в этот альбом писать музыку, тогда, извини, и тексты пиши сам». Конечно Горшок со своим самомнением на это обиделся, но к каким-то выводам пришел. Мне не понравилось его решение, ему не понравилось мое.

Балу. Но ведь вы не поссорились?

Князь. Нет, конечно! Как бы мы могли поссориться? Он вернулся с Кипра, мы повстречались, и я говорю: «Я буду писать музыку в этом альбоме». Но что-то, конечно, в нем засело, и он решил доказать мне, что сам может писать стихи. Но не доказал. Хотя взялся аж за целых четыре песни.

Балу. Как за четыре, погоди…

Князь. Ты погоди, две песни я успел переделать. Когда пришло время записи, я его убедил, что он написал полную фигню с наивными детскими оборотами. Сказал, что если он хочет сохранить какую-то идею, пусть даст мне отредактировать. Я не могу себе позволить, чтобы после такого количества успешных работ у «Короля и Шута» была хоть одна песня такого планосодержания.

Балу. Хорошее слово. А что за песни?

Князь. Нарекания у меня были следующим песням: «Звонок», «Северный флот», «Хозяин леса» и еще по какой-то, кажется, «Раненый воин».

Балу. А это же твоя старая песня.

Князь. Сейчас вспомню. Или он в «Воине» чего-то поменял, напортачил. Короче, сейчас по песням пойдем, вспомню.

Балу. Да, давай по песням уже…

Князь. В песне «Хозяин леса» Горшок написал текст, от которого я чуть со стула не свалился. Потому что, извините, так пишут наши поклонники, причем младшего школьного возраста. При всей моей к ним любви, я с пеной у рта отстоял то, что надо все переделывать. Переделал «Хозяина леса», Горшок утвердил и признал, что так лучше. Вторую, «Раненого воина», вроде, тоже переделал. А вот с песнями «Звонок» и особенно «Северный флот» не успел.

Балу. В «Звоноке» текст написан же по мотивам твоих стихов «Мертвая земля».

Князь. Да, а стихи «Мертвая земля» были написаны по мотивам моего рассказа «Альфред Копысов».

Балу. А где он сейчас?

Князь. Сейчас он нафиг утерян. Но мы о стихах. Мне не понравилось, как он перелопатил «Мертвую землю» и превратил в «Звонок». Написано очень сумбурно, а главное, не понятно, в чем суть. Я бы к ней сделал эпиграф…

Балу. Кстати, музыка к «Звонку» тоже из тех древних времен.

Князь. Да, она была, еще когда мы назывались «Король шутов».

Балу. Но довольно. Давайте снова вместе послушаем пластинку, а мы с Андрюхой проплывем на двухвесельной лодке по волнам нашей памяти и постараемся рассказать вам о создании каждой песни.

1. Хардкор по-русски

Балу. Самая, наверное, мощная песня с альбома. Просто то, что надо!

Князь. Да, музыка была самая ядреная по натиску, соответственно стихи я решил писать брутальные. Признаюсь, что на такую музыку писать стихи не очень легко. Скажем, моя самая любимая стилистика в «Короле и Шуте» – это погружение в театральные образы. Но тут она явно не подходила. Должна была быть проделана жесткая конкретная стилистическая работа. Надо было отчеканить каждое слово, да еще увязать все это с музыкой, чтобы пелось легко.

2. Волшебный глаз старика Алонса

Балу. Это ведь не старая твоя песня?

Князь. Нет, я ее написал специально к этому альбому. Она у меня довольно забойная, хотя и немного монотонная. Такая стебная, проходная песенка получилась. Я до сих пор угораю от этого текста.

3. Исповедь вампира

Балу. Вот, шикарный хардкор, что и говорить! История создания музыки к этой песне проста и незатейлива. Мы сидели на точке, репетировали. В перерыве Реник стал наигрывать рифак, вот тот самый, который в начале. Мы болтали о чем-то, а он все играл. В результате Горшку это надоело, и он говорит: «Слушай, ну что ты все одно и то же лепишь? Хочешь я на эти три ноты песню придумаю?» Взял в руки гитару, подошел к микрофону, и правда, фигак! И через 15 минут уже была готова одна из мощнейших песен альбома.

Князь. Болванка для стихов мне досталась жесткая, поэтому и персонажа для стихов я выбрал максимально зловещего и

беспощадного. Вампира. Но в этот раз я решил раскрыть его образ так, чтобы все видели, что он зловещ, он опасен, но он заставляет слушателя его понять. Он как бы помогает слушателю встать на его сторону.

4. Месть Гарри

Балу. Насколько я помню, эту песню ты не писал специально к этому альбому, она ведь уже лежала какое-то время?

Князь. Да, она была написана значительно раньше, но я планировал сделать ее в жестком ключе. И когда мы начали планировать этот альбом, то она сразу же всплыла.

Балу. Мы даже, по-моему, твою болванку для этой песни не меняли почти, в смысле аранжировки, – как ты ее принес, так и осталось. Ты настоял, а мы согласились, очень уж тебе дорога была эта аранжировка.

5. Северный флот

Балу. Что говорить, шикарная кричалка с мелодией от New Model Army. Мощная и боевая!

Князь. А ты будешь это упоминать, говоря про музыку?

Балу, *(задумчиво)* Ну, во-первых, мы договорились говорить правду… Во-вторых, все об этом знают, да и Горшок этого особо не скрывал тогда. А сейчас набираешь в сети New Model Army, песня Vagabonds, – и все ясно. Тем более, что мелодия все равно без дела лежала, хоть песня и хорошая, а мы ее приспособили.

Князь. Когда мы составляли программу для концерта в Праге, сделали The Best, но я не принимал в этом участие, потому что был чем-то занят. И когда мне Яха показал список песен, то я у него поинтересовался, по какой причине не включена песня «Северный флот», она же хит по музыке. На что он ответил, что в Европе очень следят за авторскими правами, а тут налицо заимствование. И я тогда не понял, говорю: «Ты чего, серьезно?»

Балу. А ты не знал, что ли?

Князь. Я не знал, для меня это был шок! Я вообще не мог себе представить, что Горшок такое может сделать.

Балу. Ну, извини, я думал, ты в курсе. Ты просто не так часто из своего Купчина выбирался к Шумному на тусовки, вот и пропустил эту песню. Да все равно шикарно получилось! И уж точно не хуже оригинала.

Князь. Впоследствии я понял политику Горшка. Если ему

сильно понравился какой-то музыкальный оборот, то теоретически он мог с ним чего-то делать. Ну, как Кинчев «Театр Теней»… позаимствовал. Кстати, а стихи в итоге, куплеты точнее, я все-таки уговорил Горшка переделать, но, к сожалению, не успел.

6. Идол

Балу. Ни фига не помню, как и что делали с этой песней по музыке, почему-то.

Князь. На мой взгляд, это лучшая моя песня на альбоме и одна из интереснейших песен, что я написал в тот период. Хоть ее и сложновато петь, но думаю ее сейчас включить в репертуар группы «Knяzz», очень уж мне текст нравится.

Балу. Да, текст по смыслу очень даже козырной.

7. Бунт на корабле!

Балу. По-моему, тут всю музыку ты принес, включая партии всех инструментов.

Князь. Я очень долго над ней думал, хотелось добиться пульсирующего звучания музыки, как сердцебиения. И текст нужно было написать и тревожно-квестовый, и в то же время интересно-оригинальный.

Балу. О, блин! Так ведь слово в слово удалось. Всем четырем прилагательным соответствует.

Князь. Понимаешь, я любил разношерстный «Король и Шут», когда есть и драйвовая песня, и готическая, и сказочная, тогда я мог раскрыться как поэт. И альбом в этом плане все-таки немножко отличается от других.

8. Хороший пират – мертвый пират

Балу. Не могу молчать! Вот на что нужно было снимать клип! Я видел в сети фанатский клип, из фильма нарезанный, и мне очень понравилось. Жаль, ссылку дать мы не можем.

Князь. Песня написана под впечатлением от первой серии фильма «Пираты Карибского моря».

Балу. Я знал, я знал! То есть, конечно, я не знал, но всегда чувствовал, что-то такое.

Князь. Кроме фильма, еще есть одна составляющая,

повлиявшая на появление этой песни. В то время я сильно залип на одну крутую игру, которая называлась «Корсар». Она выходила в нескольких частях и постоянно была вся в багах, и я заколебался скачивать для нее патчи. И я бы это дело давно забросил, но уж очень игрушка была интересная. Там был целый мир, где можно путешествовать на своем корабле, сражаться с другими, выбирать оружие, добирать себе людей в команду и вообще куча всего, что я люблю. Жалко, что разработчики ее не доделали, как надо. Но главное, что под впечатлением от всей этой корсарской темы у меня песня и написалась.

9. Рыцарь

Балу. Это какой-то древний раритет, и ты его уже не раз приносил, да?

Князь. Да, это действительно очень древняя песня, я ее пел еще в армии. И на записи мы сохранили оригинальную аранжировку.

10. Звонок

Балу. Музыку я эту помню давно. Мы еще на гитарах «Урал» играли, или даже раньше.

Князь. Вот в этой песне я очень хотел переделать текст, но не успел по времени. Эта песня и написана по мотивам моего рассказа. А музыкально она очень даже интересная.

11. Инквизитор

Балу. Еще один трэшачок!

Князь. Это вторая такая вещь на альбоме, она у меня ассоциируется с «Исповедью вампира». На создание текста повлиял, не буду называть имени, один наш отечественный рокер старого поколения, красной волны, которого я очень уважаю. И Горшок его уважал. Ну, и он нас тоже. Но в тот период мы подвергали его определенной критике, потому что он нам в личной беседе сказал: «Вообще, я смеяться не люблю. Смех – это от лукавого». А мы с Горшком всегда культивировали идею, что человек должен смеяться. А если человек религиозен и отвергает смех… Вот я и написал песню «Инквизитор», которая начинается со слов «ненавижу смех».

12. Задира и солдат

Балу. Задорная песенка. Мне кажется, или я этот текст уже и раньше видел?

Князь. Музыка была написана специально к этому альбому, а текст старый, да, я его давно хотел использовать.

Балу, *(поет)* А, я, глядишь, любому наваляю!

Князь. Ха-ха. И это редкий случай, когда я музыку начал писать на готовый текст.

13. Раненый воин

Балу. Вот раритет, так раритет. Мы ее играли, когда еще назывались «Контора». Но тут, конечно, мы ее немножко переделали. Помню, когда мы ее записывали, вы с Горшком опоздали на студию. И я из хулиганских, конечно же, побуждений, подговорил всех в начале крикнуть по-немецки «ein, zwei, drei, vier!». Причем не просто крикнуть, а каждый крикнул в микрофон, через который записывается его инструмент. То есть, если шутка и не понравится, то удалить ее будет практически невозможно.

Князь. Эта песня еще старше, чем «Старая церковь». В «Конторе» я пел в этой песне куплеты, а Горшок пел припевы. Это было очень весело.

Балу. Да и сейчас очень смешно получилось. Песня совершенно без претензий, зато веселая. По крайней мере, я ее без улыбки слушать не могу.

14. Хозяин леса

Балу. Это в ней стихи ты переделал?

Князь. Да, это еще одна песня, которую я не мог пропустить по текстам и успел переделать. То, что принес Горшок, никуда не годилось, и Горшок это признавал. Тогда я взял его первые две строчки и написал стихи, сохранив общую идею.

Балу. Хорошо, а что тогда на альбоме делали Рикошет и Ай-Ай-Ай?

Князь. Они бухали на студии «Добролет», и Горшок к ним прицепился на предмет спеть хоры в песне «Хороший пират – мертвый пират».

84. «Самураи», 1989

У нас с Горшком было несколько любимых мест во дворе, где можно просто посидеть, поболтать вечерами, если было не холодно. Бывало, что мне после школы, а Горшку после училища домой идти не хотелось. И мы тусовались до темноты, благо родители за оценки нас уже не ругали. Мои новые одноклассники в сборном 9-м классе все как один стремились поступить в институт и грызли гранит наук. У моего друга Поручика в новом месте появились новые друзья, а по вечерам он посещал вечернюю школу. Короче, тусоваться нам с Горшком было не с кем, и мы гуляли вдвоем. Несколько скамеек, навес на площадке детского садика и еще одно место в лесополосе. Частенько мы просто сидели и выдумывали разные штуки. Причем к реальности они не должны были иметь никакого отношения. Я даже сейчас не берусь обрисовать это, но смысл был в том, чтобы раскрыть свою фантазию максимально, как шар. А потом еще и еще, не останавливаясь, мы, бывало, доходили до полного абсурда. И тогда ржали, как дураки, ловя на себе косые взгляды прохожих и вызывая нездоровый интерес ментов. Ментов мы с детства не любили, как и они нас. Но предъявить нам было нечего, да и наглые мы были.

Естественно, мы ничего не записывали и не запоминали, нам просто было весело. Но один такой вечер я запомнил. И запомнил не потому, что случилось что-то особенное, а просто из-за того, что мы придумали название «Как два аргонавта». Имелись в виду, конечно, не те самые аргонавты, а, скорее, способность погружаться в неизведанное. И вот за это название, как за ниточку, я попробую вытянуть кусочки того вечера – один за другим – из той темноты, где они сейчас лежат. Мы ходили по району и придумывали себе мир, точнее, разукрашивали уже существующий, и поражались, как это окружающие его не видят! Во-первых, это было не путешествие, а именно погружение. Что-то ведь в слове «аргонавт» есть от тяжелого акваланга. Во-вторых, мы придумали себе целую историю, родословную и вообще новую систему координат.

Из родословной. Моего отца мы назвали Убийца Рыб (рыбак), а горшковского – Ловец Человеков (понятно почему). И наши Дома нужно было обходить стороной, потому что они враждовали, а мы дружили. И если бы мы вдвоем появились в зоне влияния какого-либо из Домов, то кому-то из нас пришлось бы выбирать между верностью дому и дружбой. Ну и просто могли домой загнать.

Это было не путешествие, а переход из мира в мир. Допустим, вышли мы из замка на конях (навес в детском саду), долго путешествовали и добрались до воздушного замка (три красных точечных дома напротив), где пересели на вивьернов и молча (в этом мире не придумали слова) полетели дальше. Пробравшись через болота (там и правда были болота, новостройки же), мы остановились в Туманном Месте (у кафе «Конек-Горбунок»), где воздух был непрозрачен, а сила тяготения непостоянна, и полностью отсутствовало железо. Там мы пересели на непонятных, но очень милых волосатых зверей по имени «Тим» и «Том», типа слонов или мамонтов, но с восемью хоботами, ластами и множеством карманов (подробнее описать не могу, их Горшок привел), и с трудом перебрались через огненную реку (Индустриальный проспект). И, наконец, попали на Ярмарку Идиотов (универсам). Мы настолько погрузились в эти миры, что, когда на Ярмарке Идиотов нам пришлось вступить в общение с окружающими, мы потратили минут пять на объяснения, что происходит вокруг, и что люди сами это увидят, если откроют глаза. И, по-моему, убедили.

С трудом вырвавшись из Ловушки Реальности, мы устроили привал в Диких Развалинах (недостроенный дом). Вдалеке за лесом виднелась Страна Дураков (Веселый Поселок), где между гор летали драконы, но мы решили туда не ходить, и отправились обратно.

Естественно, проходя мимо Туманного Места, мы встретили Тима и Тома, которые соскучились и проголодались. На обратном пути мы встречали всех тех, кто был нам уже знаком. «Мы в ответе за тех, кто нас придумал, и не должны их забывать!» – сказал Горшок. Или «за тех, кого мы придумали?» Не помню уже.

Прошло лет 10–15, и вот однажды тусовались мы у меня в гостиничном номере или до, или после концерта. В Москве, по-моему, дело было, или в Подмосковье. Стандартная закрытая рокенрольная туса, с чаем, плюшками, конкурсами и прелестными аниматоршами. Только для своих. Вышли мы с Горшком на лестницу покурить (я не разрешал курить у себя в номере) и передохнуть от общего накала страстей. И вот тут Горшок и напоминает историю, рассказанную выше. Точнее, даже не саму историю, а ряд событий, произошедших в то же время. А он говорит:

– Смотри, как все изменилось. Я купил себе нормальные ботинки со шнуровкой, жена под боком. Как будто не ходили мы по улицам и не болтали часами. Как вспомнишь, – и кажется, будто все было каким-то нереальным, детским. Нет, если оно нереальное, то, получается, и все эти миры нереальные, и Тим, и

Том, и два Дракона, да вообще все!

– Ну, – говорю, – ты выбирай, что для тебя реальнее. События, которые реально были, память о них, или вот это – и показываю на девушек, несущих нам пиво.

И тут он улыбнулся и сказал то, что я запомнил:

– Не-е-е. Те, конечно, реальнее. Это все, – и показывает рукой даже не на прелестниц с пивом, а как будто на весь окружающий мир, – они мне навязывают, а, значит, это нереально.

85. Точки

Я пытаюсь услышать эхо звука,
которого еще не было.

(Из одной песни)

Я всегда был ужасным фанатом репетиций. Очень мне нравилось это дело. Оно ведь, прямо как волшебство. Поэтому я без проблем бросал все свои дела, чтобы поехать репетировать. Поначалу, нам играть было негде, да и не на чем, поэтому я с маниакальной сосредоточенностью собирал все, что могло нам в будущем пригодиться. Покупал нужные и ненужные инструменты, гитары, флейты, барабаны, усилители, микрофоны, а если покупать было нечего, то просто откладывал деньги с завтраков. Вот некоторым нравится в футбол гонять, а мне нравится репетировать. И, кстати, оформлению точек я тоже всегда старался уделять должное внимание – люблю заниматься любимым делом в красоте. Впрочем, Князь как художник тоже всегда старался украсить наш репетиционный дом, где бы он ни был.

Больше меня любил репетировать, наверное, только Горшок. Но у него была своя тема: он всегда старался придумать что-то новенькое. А я, если нового не придумывалось, был готов часами просто отшлифовывать старенькое. Наверное, это одна из причин, по которой мы практически никогда не играли чужих песен. Это ж с ума сойти можно, чужие песни по многу раз играть! Но играть и улучшать свои – это кайф!

Поэтому я не понимал, когда люди отлынивали от репетиций. Как будто в мире были вещи важнее нашего общего дела! Помню, по молодости я частенько ссорился с Поручиком по этому поводу. Нас помирило лишь то, что Горшок начал штрафовать Поручика за прогулы, ион перестал без повода пропускать репетиции. Однажды Яха сказал, что его девушка устроилась на работу в магазин «Дикая Орхидея», где работает два через два дня и попросил репетировать пореже, чтобы проводить с ней время. Мы пошли ему навстречу, но, видимо, я сделал такую рожу, что подобные заходы он прекратил. Даже когда мне случалось в бытность мою мебельщиком напиваться на работе, я все равно добирался с Фрунзенской до Просвета, и если и не приносил пользы в музыкальном плане, то хотя бы морально поддерживал. А уж когда появилась возможность играть каждый день столько времени, сколько захочешь! Да так громко! Да в хороший комбик!

Да на приличной гитаре! Да с друзьями единомышленниками! Мечта, а не жизнь.

Хотя, справедливости ради, надо сказать, что после того как мы начали репетировать в Падающей Башне, чаще всего мы репетировали втроем. Не потому, что Горшок с Князем приходили на репу реже, а потому что мы, музыканты, репетировали всегда.

Клуб «Не Бей Копытом», 1998 год. Фото Е. Евсюкова.

И раз уж мы упомянули Башню, то стоит коротко ознакомиться с нашими репетиционными точками.

1. Поначалу у нас, конечно, никакой точки не было, я просто приходил к Горшку домой с гитарой (Косыгина, 11 -2-72). Или он ко мне (Индустриальный, 14-2-75). Это два дома друг напротив друга. А если такой возможности не было, то могли мы посидеть и под навесом в детском садике (Индустриальный, 20—2). А если там было людно, то уходили с гитарами в лесок неподалеку.

2. Первое место, где мы начали «по-настоящему» играть в «электричестве» с барабанами, это подростковый клуб. Он назывался «Березка», или что-то вроде этого, и располагался на проспекте Шаумяна, 31.

3. Когда мы занимались в школе ритма Игоря Голубева, то недолго репетировали и даже играли первый, ну, хорошо, второй (первый был в подростковом клубе «Петроградец» на Петроградской стороне) концерт в красном уголке рок-клуба на Рубинштейна, 13.

4. Еще пара мест, но недолго, и не помню точно где. Но там точно был Вася, и мы возили с собой барабаны на автобусе.

5. Снова дома у Горшка, у меня и иногда у Князя, но уже с «электрическими» гитарами, и подключаясь ко всяким штукам. Музыку к песне «Король и Шут», например, придумали у Князя дома, включив в один комбик две гитары и микрофон. Тот самый комбик, с флэнжером!

6. В детском садике, напротив дома. Не помню, то ли моя мама пустила нас туда, то ли мама Горшка. Но это было недолго, потому что играть там было сложно из-за чудовищного эха.

7. Эрмитаж. Целая эпоха. Миллионная, 29.

8. Подвал у Кабана, ул. Симонова, 1.

9. Точка «Костя», Московский проспект, 104 (или 102?).

10. Падающая Башня. Реально закрытая по причине аварийного состояния башня в ДК им. Кирова. На схеме она с одной стороны полукруглая. Мы снимали за небольшие деньги последний этаж. Больше в Башне никого не было. Как следствие, мы могли играть как угодно громко, нас просто никто не слышал. Можно было выйти на крышу и любоваться прекрасной панорамой Питера или кораблями на рейде. Вообще, творить там можно было все что угодно.

11. ДК Железнодорожников на Тамбовской, 63, у ДДТшников, за это мы купили им масляный обогреватель. Недолго. Там я снова встретил Иришку и угостил гигантским фундуком.

12. Сцена клуба «Старый дом», проспект Металлистов, 115. Довольно долгое время.

13. После закрытия клуба «Старый дом» репетировать нам стало совершенно негде, а заниматься этим мы любили. Съемные точки я, если честно, не очень любил, и мы их использовали только по необходимости. Точку хотелось свою, чтобы не просто приходить играть на несколько часов, а делать это, когда хочешь, и находиться, сколько потребуется. Но своя точка – это деньги. Аппаратура у нас уже кое-какая скопилась, но вот само помещение, да еще такое, чтобы нам подходило, найти оказалось не так легко. Тут дорого, там звукоизоляции нет, и нас, таких громких, не пускают. Засада. И тут нас снова выручила Иришка. Я сгонял в Калифорнию и привез оттуда 3000 долларов. На них мы и построили шикарную точку в Гостином Дворе, практически на Невском. Со звукоизоляцией и прочими радостями жизни.

86. Пацаны спрашивали

Во время общего послеконцертного гулянья в гостинице затаился я у себя в номере. Сижу, дорожные заметки из блокнота в комп перебиваю, дополняю, уточняю и расшифровываю. И тут распахивается дверь (а двери в номер ни я, ни Горшок обычно не закрывали), и вваливается Горшок. Видно, что уставший от веселья, но довольный и хитро улыбается.

– А, – удивленно так говорит, – Шура! А они там бухают с девками, н-н-надоели… А я э-э-э убежал! Текилы бутылку со стола прихватил и решил к тебе зайти.

Чача и Балу. Нашествие, 2000 год. Фото Е. Евсюкова.

– Проходи, – говорю, – садись. Только дай мне минутку, я допишу абзац. Да и засейвлюсь заодно.

Я, правда, дописывал абзац, а это такое дело, что если сразу не сделать, то потом висеть будет, пока не забудешь.

– Да, конечно, я тут тихонечко посижу, ты пиши, – понимающе сказал Горшок.

Посидел секунд тридцать, посмотрел, как я грызу ручку (была у меня такая привычка), а молчать с бутылкой текилы нелегко. И, видимо, чтобы соответствовать обстановке и начать неспешную беседу, говорит с серьезным видом:

– Шура, ты не знаешь случайно, почему бог бросил людей? Я медленно так поднимаю глаза и недоуменно вопрошаю:

– Че?

А Горшок засмущался и извиняющимся тоном в ответ:

– Да, мне, в принципе, пофиг. Это там, – машет рукой в сторону двери, – пацаны просто спрашивали.

87. Как я ушел из группы, февраль 2006

По первоначальному замыслу это должна была бы быть последняя глава. Событие для меня очень личное и печальное. Поэтому я думал, что и глава будет очень эмоциональная.

Но в процессе написания книги было решено сделать ее более длинной и описать события и после моего ухода. Во время долгих бесед мыс Князем многое вспомнили вместе и многое переосмыслили. Я посмотрел на все с его точки зрения, он с моей. Кроме всего прочего, мы обсудили и события во время моего ухода, и предшествовавшие ему. И уже перечитывая рукопись перед сдачей в редакцию, я вдруг обнаружил, что забыл вставить главу о своем уходе. Настолько меня эта ситуация отпустила. Думаю, помогло этому и то, что я сумел взглянуть на все с другой стороны, и то, что я узнал подробности драматических событий, случившихся после моего ухода.

Но раз такие пироги, о моем уходе все-таки написать надо. А чтобы было еще интереснее, я приведу две версии событий: вставленный черновик в начале написания книги, а также взгляд на те же события после долгих бесед с Князем.

Версия 1. Ну что ж, дело было так.

В январе 2006, после очередного тура Горшок и Князь собрали нас на обычное наше групповое собрание. Вернее, это мы думали, что оно обычное. Но нет. Было сказано, что с этого момента группы «Король и Шут» больше нет. А есть только Горшок, Князь и нанятые музыканты. Музыкантам под угрозой увольнения запрещается вмешиваться в дела группы, высказываться о качестве песен и даже пытаться их улучшить, как было прежде. Мы слегка офигели и поинтересовались, что же нам делать. «Тупо играть на инструментах за деньги», – был ответ. Я напомнил друзьям, что группу мы создавали не для этого и заниматься музыкой только ради денег противоречит всем нашим принципам. «А теперь будет так, и все», – было сказано мне. Теперь в группе «монархия», где главные и основные фигуры Горшок и Князь.

Да будьте главными сколько угодно, не жалко. Вы и так два лидера, два автора, два вокалиста, чего еще надо? Что меняется, и кто теперь остальные?

Слово при полной поддержке Горшка взял Князь:

– Все меняется. Теперь никто из вас не будет лезть в творческий процесс, да и в административный тоже. Будете

работать за зарплату, исполняя наши указания. Ты прав, создавалась группа как сообщество равноправных друзей, но все давно поменялось. И мы давно не друзья, а вас всех интересуют только деньги. Вы просто приспособленцы, держащиеся за денежное место.

– Ты серьезно? – говорю, – Это я приспособленец, держащийся за денежное место? Все эти годы?

– Не ты лично, а вы все. Не всегда так было, но сейчас это так.

Если честно, я подумал, что моих друзей слегка занесло, ведь все время от времени делают какую-нибудь неправильную фигню (хотя и немногие потом жалеют об этом), и потратил две недели на какие-то нелепые уговоры. Пытался втолковать, что мы по-прежнему друзья. Что для меня по-прежнему, как бы высокопарно это ни звучало, музыка – это поиск внутренней свободы. Что просто так стоять на сцене и делать то, что мне не нравится, я не то что не хочу, а просто не могу. Физически.

Да, у нас был и разногласия, и некоторые песни Князя забраковывались группой, а, случалось, что и песни Горшка не находили поддержки. Всякое бывало. Но стоять и играть за деньги даже старые проверенные хиты, зная, что никто на сцене уже не верит в общее дело, я просто не смогу. Да, что я говорю!? Дело даже не в том, что я не хочу записываться в «приспособленцы, держащиеся за денежное место», я не собираюсь хлопать дверью из-за обидных слов. Дело в том, что если группы «Король и Шут» как союза друзей больше нет, то и уходить мне уже неоткуда. И в дальнейшем я ни разу не пожалел об этом. Потому что неважно, насколько группа «успешная» и какие у нее сборы. Я лично в группе был не для того, чтобы стать рок-звездой. Да, меня и в конце, наверное, единственного не парило, что стало больше или меньше денег, меньше сборы и т. д. Я не жалею ни о том, что ушел, ни о том, что было, и продолжаю гордиться каждой записанной песней и каждым сыгранным концертом.

Князь сказал, что все это слова, что он мне не верит, а если я и правда такой честный и чистый, то доказать это могу только делами. А если хочу сохранить работу и остаться рок-звездой, то должен принимать новые условия. Слышать это было для меня все страннее, ведь, повторюсь, я никогда, даже наедине сам с собой, не считал себя рок-звездой. И никогда туда не рвался. И занимался музыкой совсем для других вещей.

Да и не совсем музыкой мы занимались. Нет, конечно, существуют все эти звездные атрибуты, вся эта суета околомузыкальная. Но все это наносное. Оно ненастоящее.

Правда.

Я сидел дома один. И вдруг представил себя рок-звездой, почувствовал. Более мерзкого ощущения у меня не было никогда в жизни. Даже с бодуна. Как будто кто-то мерзкий залез ко мне внутрь, вынул все мое тайное и сокровенное, все мои желания и стремления, все то, что и есть я, и заменил на что-то искусственное. Как будто я стал таким, каким меня представляют малознакомые люди. И никуда никогда от этого не деться. И я должен им быть.

Помню, я выскочил на улицу, чтобы вдохнуть. Ко мне тут же подошли какие-то люди, попросили автограф. Мы были на самом пике популярности, и просто пройти по улице без шапки я не мог – узнавали сразу. И я расписываюсь в какой-то тетрадке. И вдруг понимаю, что если раньше на меня смотрели как на рок-звезду, то меня это смешило, а теперь нет. Мне очень не хотелось становиться таким, каким меня представляют люди.

Кстати, Реник успел уйти еще до меня. И справедливо предвидя панику фанатов, Горшок 1) попросил меня сказать, что я ушел в отпуск; 2) просил не рассказывать никому о причинах ухода и 3) уговорил Реника вернуться в группу. Январскую новость о уходе Реника из группы «для создания сольных проектов» отовсюду стерли.

И раз «Король и Шут», каким мы знали его раньше, закончился, то я пожелал удачи новой группе с таким же названием, но в которой было всего два участника. И хотя переживал я очень сильно, где-то внутри стало легко и свободно. Это был один из тех случаев, когда я знал, что следую велению сердца.

Версия 2.

Главное, что я осознал в процессе написания книги, это то, что Горшок и Князь были по сути правы, говоря, что группы единомышленников больше не существовало. Подсознательно понимая это, я весь год перед уходом все еще тщетно пытался ее починить. Старался не обращать внимания на личные обиды и вообще старался сконцентрироваться на новом альбоме, который мы усиленно репетировали; я почему-то был уверен, что хорошая музыка все исправит. Но, реальность была совсем другой.

Посмотрим по пунктам, какие события и ситуации формировали внутреннюю атмосферу в коллективе на тот момент:

1. Ситуация с Машей. После того как Гордеев избил Машу на гастролях, мы должны были его сразу же уволить. Несмотря на то, что Маша всегда отмежевывалась от группы, позиционировала себя только как жена директора и просила не вмешиваться в их

разборки. У нее не было такого права, ведь во время инцидента они находились, по сути, на работе, на зарплате группы, в гостинице, оплаченной группой. А у нас не было права принимать такие отмазки, типа «мы муж и жена, и не лезьте к нам». И вот, блин, все съели такую их отмазку и радостно сами эту отмазку использовали. В итоге Гордеева уволили намного позже и по другим причинам, а не потому, что он напал на одного из «мушкетеров», потому, что повелись на то, что Маша не мушкетер вовсе, она жена директора.

2. За год до моего ухода Гордеев напал на меня. Напомню ситуацию. Гордеева выгнали. Горшок с Князем решили денежные дела вести сами. Ничего у них не получилось. Через день попросили меня разрулить все контракты. Уличив Гордеева в воровстве, я не побоялся сказать об этом вслух, чтобы сохранить группе деньги. В Харькове Гордеев напал на меня ночью, взломав дверь в мой гостиничный номер, где я спал, и, кроме множества ушибов и вырванных волос, я получил сильное сотрясение мозга. И все промолчали и сделали вид, что они тут ни при чем. Нет, я не требовал каких-то заявлений для широкой публики, выносить разборки на всеобщее обозрение – редко хорошая идея. Но чтобы заглушить свою совесть, все стали убеждать себя и окружающих, что это я сам во всем виноват и неправильно защищал их денежные интересы. Ведь прежней отмазки «дела семейные» уже не применить было, а отмазываться к тому времени все привыкли, «успешно» попробовав один раз. Нет, серьезно, Яха, например, нашел в Интернете все мои высказывания про Гордеева, распечатал дома и принес Горшку, типа смотри, он сам виноват. К чести Горшка надо сказать, что он прочитал и сказал: «Так тут же ничего такого нет». «Все равно», – ответил Яха. Вот вы можете представить, чтобы кто-то из мушкетеров не заступился за другого? А мне признать это было очень тяжело, все-таки я в группе с 14 лет. И я был просто в шоке. Ведь я думал, что вокруг одни друзья, а оказалось, что это другие люди с теми же лицами. Плюс еще сотрясение мозга.

(Кстати, как я потом узнал из различных интервью, дальше у них в истории было так же. Бросили Машу, меня, а потом так же бросали на гастролях и Горшка, то есть забывали забрать его из города. И, вообще, вплоть до самого конца каждый был сам за себя.)

И за последний мой год в группе, как ни пытался я не обращать на это внимание, я все равно начал понимать, что положиться в группе не на кого.

И поэтому я разрывался между репетициями и аранжировкой новых песен и любимой женщиной, живущей на другом

континенте.

3. Сборы у группы упали. И если я вздохнул с облегчением, сто концертов в год – это все-таки слишком много, то Яха и Пор начали истерить по этому поводу. Они, оказывается, еще не заработанные деньги у себя в голове уже давно потратили, да и вообще попривыкли жить на широкую ногу.

4. Горшок с Князем постоянно срались и все никак не могли по-человечески объясниться, как делали раньше во все предыдущие напряжные моменты в истории группы.

5. Реник намылился в Москву, начал пропускать концерты и вообще не скрывал, что уходит и что ему никогда не нравилось играть «музыку для пэ-тэ-ушников».

И вот на фоне всего этого пиздеца Горшок с Князем приходят к группе со своей новой политикой. Точнее не так, они не озвучили новую политику, а просто сказали музыкантам, как оно есть на самом деле. А раз так и есть, то не вы*бывайтесь и слушайте главных. Дальнейшая история показала, что это было не лучшее решение в сложившейся ситуации, но тем не менее это была реакция на действительность, а не внезапное помешательство, как мне казалось раньше.

Все, у кого был выбор, и кто не хотел становиться безмолвным роботом-музыкантом, свалили. Первым ушел Ренегат, об этом написали в новостях, и все восприняли это нормально. Потом я. Тут фанаты стали бить тревогу, испугавшись, что группа разваливается. Тогда Ренегата уговорили временно вернуться и предыдущую новость о нем потерли. Кстати, когда в следующий раз Горшку понадобилось смягчить реакцию фанов, в 2011 году, Ренегат снова появился в группе, правда, в этот раз его не уговаривали, а он сам напросился.

Князь в своих интервью после моего ухода говорил, что я ушел потому, что не захотел принимать новую политику группы. И это так. Правда, это была только часть правды, ведь он не рассказывал полностью, в чем именно заключается их с Горшком новая политика. По-моему, он не совсем понимал, что, говоря только часть правды (мол, они, взявшись за руки, дружно идут на новый уровень), он полностью смещает акценты. Кстати, когда он ушел, с ним поступили примерно так же. Поэтому и мы с вами, дорогие читатели, в этой книге стараемся избежать полуправды и каждое событие по возможности осмотреть с разных сторон.

Но и тогда, и сейчас я благодарен Князю за то, что он назвал вещи своими именами. Он указал на противоречие моего положения. Ведь если и правда все вокруг держатся за денежное место, то что здесь делаю я? Уже год я думаю, что я нормальный человек и пытаюсь починить группу, а ее просто нет. И

получается, если смотреть со стороны, то я веду себя как рок-звезда и не замечаю этого. И все вокруг звезды. И Князь прав – судят по поступкам, и никакого выбора у меня не было. Даже не так, я это не понял, а скорее почувствовал, но глубоко внутри, что все по-прежнему как бы друзья, но группы больше нет. Нет братства, и мушкетеры давно разъехались по своим поместьям.

А с некоторыми музыкантами мы остались друзьями. Просто знал, что это в каком-то смысле дети, от них нельзя зависеть, а тем более доверить им свою жизнь. Не выросли они еще, по крайней мере тогда. Да и сам я. И никаких обид.

88. Штопор

Балу. Ириша, расскажи о дальнейших приездах Горшка в Америку, у тебя лучше получится. В каком году это вообще было?

Ириша. Во-первых, после того как ты ушел из группы, Митя Панов, такой местный панк, решил устроить фестиваль «Штопор». Он попросил меня в этом посодействовать, и я написала ребятам. Потом вы с Машей согласились в этом поучаствовать. Это было начало июля 2006 года.

Балу. Да, ты, наверное, в то время с парнями больше меня общалась.

Ириша. Да, я и Олю пригласила. И все нормально прошло, все прекрасно и даже трогательно провели время, все жили у нас дома, тусили вместе и все такое. Даже показали Горшку и Князю, наконец, фильм This is the Spinal Tap.

Балу. Да, это было шедеврально. Отвлекаясь, скажу тебе, дорогой читатель, что это кино про рок-группу, и нет в нем такой штуки, которая бы не случилась с нами в нашей музыкальной жизни. Там просто потрясающе верно описаны характеры и музыкантов, и даже их жен. Короче, посмотри – не пожалеешь!

Ириша. После кино Горшок как-то расстроился, подошел ко мне и говорит: «Верни Балу в группу». А я ему, мол, у тебя его никто не забирал. Он сам за себя решает.

Балу. Да, он отвел меня в сторонку и говорит: «Ты ведь понимаешь, что я только за тобой приехал? Возвращайся в группу». На что я ему сказал: «Знаешь, Миха, ты мой лучший друг и всегда можешь рассчитывать на мою помощь, но давай исключим из нашей дружбы мою зависимость от тебя. Как друг ты хороший парень, но совершенно не тот человек, от которого бы мне хотелось зависеть. Тем более что это значило бы снова быть в разлуке с любимой женщиной». Короче, нормально поболтали, даже обнялись на прощание, но возвращаться в коллектив и тупо играть за деньги я отказался наотрез. При этом пообещал и тогда, и после всегда помогать словом и делом, все-таки «Король и Шут» был делом всей моей жизни.

Ириша. Да, это была очень трогательная сцена. Вы вышли в наш двор, к пруду с рыбками и думали, что вас никто не видит. Только не учли, что стены-то во двор у нас в том доме были стеклянные.

Балу. Через какое-то время Горшок рассказал мне, что он снова стал спрашивать мнения музыкантов, а монархию отменил. Правда, неясно, как можно советоваться с теми, кто от тебя и правда полностью зависит, и находится в группе ради денег.

Разве что эти музыканты новопришедшие, или даже вновь вернувшиеся.

Сан-Хосе, июль 2006 года. Фото А. Балунов.

Ириша. Я так понимаю, эта «монархия» длилась недолго.

Балу. Да бог с ними. Вспомнил прикол. Князь, как только приехал в Калифорнию, подвалил ко мне и спрашивает: «А правда, что тут все девушки расслабленные и ненапряжные? А познакомь? А приведи? Интересно же с местными пообщаться!» Я ему говорю: «Нуда, тут все такие. Вот после концерта будем афтерпати делать, знакомься, сколько душа пожелает». На том и порешили. Князь с нетерпением ждал концерта. Отыграли мы мощно, народу понравилось, поехали к нам домой на тусу. С девушками, конечно. Но позволю себе напомнить, что 11 вечера после концерта это 10 утра по Москве, а ребята только прилетели. И бедный Князь так устал, что вошел в дом, присел на диван под пальмой рядом с джакузи, да и уснул на полуслове. И разбудить его не было никакой возможности. Я где-то раз в час подходил и пытался. А под утро его отнесли к нему в комнату, где и оставили спать. А туса и правда удалась. Веселье било ключом, парни ставили всем демоверсию еще не вышедшей песни «Маска», если не ошибаюсь, Оля под нее исполняла танец у шеста, часть девушек собралась за столом, где Горшок играл в шахматы и одновременно читал лекцию об анархии и прочих астралах, другие плескались в джакузи. Точно, мы потому Князя и унесли,

чтобы его не забрызгали.

Князь утром, а точнее уже днем, просыпается – и ко мне:

– Шура, а что вчера было? И куда делись девушки?

– Даты не парься, они даже не обиделись. Подумаешь, человек уснул! Они тут поплавали-поплавали в джакузи рядом с тобой, выпили немножко. Ну, не лекцию же про анархию они приехали слушать? А потом все домой уехали, сегодня понедельник, и всем надо на работу. А вообще туса была замечательная!

Князь, осознав упущенные возможности, стал требовать, чтобы я прямо сейчас позвонил всем девушкам и вернул все веселье обратно. Я ему говорю:

– Андрюха, ты мне друг, но как ты себе это представляешь? Одно дело пригласить девушек на афтерпати после концерта в воскресенье, а другое в понедельник позвонить и сказать, что Андрей Князев изволил проснуться! Да и потом, ты все равно скоро уснешь, так что не парься.

Но Князь был в корне не согласен с этой позицией, и все просил праздника, которого он так несправедливо лишился. В результате я пообещал позвонить, только чтобы он отвязался. Но делать этого не собирался. И оказался прав, потому, что уже в шесть вечера (пять утра по Москве) Князь спал как младенец.

И вот тут я придумал смешную шутку. «Давайте, – говорю, – завтра утром рассказывать, какая у нас снова была туса! Только не все сразу, а по очереди и с интервалом не менее пятнадцати минут». Сказано – сделано.

Эту мифическую вечеринку Князю расписали, я не знаю, как. Не знаю потому, что каждый делал это отдельно, в силу своей испорченности и представлений о калифорнийских вечеринках.

Бедный Князь подходит ко мне и уже с робкой надеждой спрашивает:

– Шура, а завтра после концерта мы будем афтерпати устраивать?

– Ну, – для вида задумался я, – только если ты хочешь. Все остальные уже, по-моему, натусились. Только и ты давай, не зевай! Я не могу девушек в будний день пригласить на просмотр спящего тебя и еще одну лекцию про анархию.

Сан-Хосе, июль 2006 года. Фото И. Косиновская.

Князь поклялся мне всеми богами, что тут уж он зевать не будет. Прошел день. Отыграли мы концерт, сольник. Снова поехали с девушками к нам домой. И надо ли говорить, что Князь (кстати, случайно) нажрался еще по дороге с концерта, и по приезде мы его туловище снова сгрузили в комнату. Спать.

Просыпаюсь поутру, а вся группа увлеченно рассказывает ему как вчера классно потусили. Но такая долгоиграющая шутка в мои планы не входила, и я во всем признался. Ну, или почти во всем.

То есть та поездка была очень позитивная. Я помню, еще всех по музыкальным магазинам возил…

▶ На фестивале «Штопор»

СКАНИРУЙ И СЛУШАЙ

89. Захаров

Ириша. А я еще помню, Горшок был очень недоволен новым басистом по имени Колбаса, который, как и ожидалось, надолго у них не прижился.

Балу. Да, вскоре в группу пришел Серега Захаров. Впрочем, пусть он расскажет об этом сам.

Захаров. Однажды теплым летним вечером сидел я себе дома и занимался своими делами. И тут звонок от Славы Молчанова («Кипелов»): «Привет-привет. Как дела? Когда на дачу поедем?» – и все такое. Я говорю: «Фиг знает, ближе к выходным посмотрим». И он говорит: «Серень, такая тема, там Гриша Лепс ищет басиста, потом Анастасии Стоцкой тоже нужен басист и в «Король и Шут» нужен басист, хорошо владеющий медиаторной игрой». Я говорю: «Ну, здорово. К Стоцкой идти смысла нет – попса, да и музыканты у таких артистов каждые полгода меняются; у Лепса наш общий друг играет, я никогда никого не подсиживал и не собираюсь; а вот «Король и Шут» – очень интересно». Слава сказал: «Да, Серег, мне кажется, это твоя тема», – дал телефон Яши, чтобы я ему позвонил.

Я такой человек, что буду играть в группе, если меня устраивает музыкальный материал, я не ремесленник, то есть это для меня не работа! Я все дома отслушал и понял, что очень необычно, интересно, много отличных мелодий, драйв, манера исполнения. До этого-то я слышал только общеизвестные хиты.

Позвонил Яше, он сказал снять 4 песни. Среди них был «Проклятый старый дом». Впоследствии я перенес некоторые элементы басовой партии Балу в низкий регистр, потому что у меня была низкая струна си, в то время, когда родилась эта прекрасная песня, пятиструнных гитар почти не было, и остальное по усмотрению.

То, что я снял по своему усмотрению, оказался альбом «Я Алкоголик Анархист» – сольный трибьют-альбом Михаила Горшенева группе «Бригадный подряд», записанный в благотворительных целях для поддержки музыканта Николая Михайлова. На прослушивании Яша очень удивился, потому что этот альбом он не записывал и не знал партий: гитару писал Реник, а бас писал Вагон, бас гитарист группы «Кукрыниксы». На концертах они играли только одну песню – «Жизнь». Димон «Вагон» потом очень долго смеялся над этим казусом.

Блёв. Рисунок А. Князева.

В общем, я все подготовил, взял 6-струнную бас-гитару (другой не было на тот момент) и поехал на вокзал на ночной поезд. Ранним утром вышел на перрон, вдохнул питерского воздуха, постоял, попил чайку, наблюдая за бегущими на работу людьми, и поехал на канал Грибоедова, где была репетиционная точка или, как в Москве говорят, репбаза.

С. Захаров. Фото Иван Михайлович.

Спрятал гитару и пошел гулять по Невскому под мелким дождиком, так как встреча была запланирована толи на то ли на 12, то ли на час дня. Около 11 утра я вернулся и залег на старый диван, стоявший рядом с дверью. Через некоторое время прибежал запыхавшийся Паша, звукорежиссер группы. Мне показалось, удивился тому, что я бесцеремонно лежал на маленьком диванчике, куда мои длинные ноги не помещались. Еще через некоторое время подошли Яша с Поручиком, и мы стали настраивать гитары. После репетиции ребята попросили меня записать на студии в Москве песню «Маска», после чего Горшок примет решение. Ближе к вечеру на спортивном велосипеде подъехал Горшок, и мы сели поговорить. Разговаривали, как будто были уже знакомы, – это часто происходит с хорошими людьми, так же было и при знакомстве с

Балу через несколько лет. Ничего не напрягало, я сразу понял, что для Горшка хорошо играющие музыканты – это не главное. Для него очень важно, чтобы человеку было интересно творчество группы, и чтобы он не был, как бы помягче выразиться, сукой что ли.

Я был на даче, когда мне позвонили и сказали, что всех все устраивает, нужно разучивать программу и ехать в Питер на репетиции. Я выпил вкуснейшего травяного чаю и отправился в Москву.

90. Red Elvises, 2007—2011

Балу. Прошел год…

Ириша. Я всегда очень дружила с Олей и Мишей, исключительно тепло относилась к ним и чувствовала, как они любят друг друга. Мое общение с группой примерно совпало с моментом появления Оли в жизни Миши, и я видела, как она помогает ему и поддерживает. К слову, музыканты группы Олю изначально недолюбливали, помню, как я убедила Якова, с которым тесно общалась, что если ему важен Горшок, то он должен принять и Олю.

Я много раз выручала их из разных ситуаций, будь то найти врача ребенку, который заболел, пока группа на гастролях, или одолжить деньги на покупку квартиры, или утешить плачущую невесту на их свадьбе.

Помню смешную историю: мы с Сашей подарили Олиной дочке Насте Ферби, такую японскую игрушку говорящую. Она в какой-то момент сломалась и перестала говорить. Оля попросила меня купить Ферби точно такой же расцветки, потому что сказала Насте, что у Ферби ангина, и ее положили в больницу. Я нашла в интернете точно такую же, заказала и привезла в Питер. Но когда мы открыли коробку, оказалось, что, несмотря на такую же расцветку, новая Ферби была в два раза больше! Мы долго думали, как объяснить ребенку, почему во время лечения ангины Ферби превратили в страшного мутанта, кажется Миша советовал какие сценарии, но ребенок разобрался во всем сам лучше нас. «Она выздоровела и выросла», – с восторгом решила Настя.

Мы с Сашей прилетали в Питер по делам в апреле 2007 и заехали к Оле посмотреть новую квартиру (группа была на гастролях). Она жаловалась, что Миша снова развязал. Помню, мы страшно расстроились. А в мае Оля позвонила в слезах: Мише было плохо, приезжала скорая, Оля просила помочь с больницей. Оказалось, на гастролях происходит полный кошмар. Горшку бы лечиться надо, но при таком количестве концертов это просто нереально.

Балу. И я говорил с Горшком. Не знаю, как на самом деле, но на словах он действительно хотел лечиться. Он сорвался и ему это ни фига не нравилось!

Ириша. Да, и я предлагаю: «Может быть, Мишу нужно чем-то отвлечь. Давай я с ним поговорю». А он до этого, начиная с 2004 года, еще жаловался, что у него стресс, потому что Князь не дает ему стихов для песен. Причем не то чтобы не пишет, а просто не дает, как будто бы, с его слов, он сума сошел. Теперь-то мы знаем,

что это не совсем так и что там была за ситуация. А тогда Горшок очень переживал и пытался доказать Князю, что он прав. Причем делал это не прямо, а какими-то ему одному понятными путями. И вот мы с Горшком созвонились. Он снова за свое: Князь ему ничего не дает, или дает, но очень трудно. И Горшок мне говорит: «Давай мы с тобой попробуем найти какие-то переводы или тексты, например, По, Гумилева, Лавкрафта. Потому, что у меня музыка есть, а текстов нет. Я уже и фанатские тексты смотрел, но это не то».

Нельзя сказать, что он хотел избавиться от Князя, – никогда он такого не хотел. Просто хотел показать Князю, что нельзя так, и что он может быть самодостаточным.

И мы начали искать эти тексты и разбирать, я ему нашла текст «Вестник».

И много всякого было. Горшок сетовал, что все эти тексты сложные, многословные, и он начинает «звучать как БГ». Вот у Князя, мол, тексты простые, может, возможно что-то изменить. И мы пару месяцев общались с ним и обсуждали это все, пока были перерывы между гастролями. Но при этом там все время были какие-то жесткие гастроли. Сначала вот, я помню, в Калуге его просто бросили.

Балу. О, я помню этот случай! Это меня реально взбесило. Оказалось, Яха, который замещал на гастролях директора, оставил пропавшего Горшка в Калуге, и уехал на три дня на рыбалку, где не было сотовой связи. А потом у группы был концерт в Израиле, и они решили зависнуть там на неделю, отдохнуть, – прекрасно зная, что у Горшка там местные знакомые героинщики.

Ирина. Я нашла Горшку обратный билет сразу после концертов и даже предложила Батагову заплатить разницу в цене, потому что этот билет был дороже. Только чтобы Горшок улетел. Но нет, ни фига.

Балу. Когда я понял после очередного разговора с Олей, что Батагов спустит это дело на тормозах, стал звонить Яхе с серьезным намерением уговорить его вообще отменить эту поездку. А он мне в ответ: «Нет, нас ждут наши фанаты, и мы не можем их предать, подвести и не приехать». Я настолько опух от этого «предать» в словах Яхи, что до сих пор трясет, как вспомню. «А Горшку, – говорю, – ты тоже так сказал? Этими же словами?» «Ну, да, конечно», – отвечает. Вот клянусь вам, когда я играл в группе, он таким не был. Хотя, это я со своими старыми мерками. Когда я играл в группе, мы были один за всех и все за одного. Я был очень зол. А больше всего на себя, потому, что нахожусь далеко и помочь могу только словами.

Ириша. И в итоге они поехали в Израиль. На неделю. И Горшок там исчез, а потом у него что-то случилось с рукой, и он с повязкой ходил. И после этого у меня появилась идея, что ему от всего этого нужно на время уехать.

Балу. Хотя бы, чтобы пролечиться.

Ириша. И я говорю: «Давайте вы приедете к нам, поживете на океане». Параллельно я нашла группу Red Elvises, написала им, мол, я представляю Горшка, давайте вместе запишем музыку. Я с ними была слегка знакома. В 1997 году я делала гастроли ДДТ, и они приходили на концерт. А потом я делала гастроли «Ленинграда» в 2002, или, наверное, в 2003 году, и они тоже приходили в гости. Горшок хорошо знал и уважал эту группу, потому что видел голливудский фильм «Шестиструнный Самурай». Элвисы согласились, и мы стали присылать им болванки. Мы успели сделать несколько рыб, но слова Игорь (вокалист Red Elvises) успел написать только к одной песне, Don't Crucify me. Они тоже очень много гастролируют по Америке и Европе, практически без остановок. На остальные рыбы текст позже написал Боцман.

Балу. Кстати, а вот и неиспользованные рыбы.

Ириша. Идея была такая: берем эти рыбы, Игорь пишет стихи на английском, и мы записываем англоязычный альбом.

Балу. А скрытая идея была в том, что вся эта суета, во-первых, отвлечет Горшка от героина, а, во-вторых, все это будет происходить там, где он его и достать не сможет.

Ириша. И поэтому мы решили, это неважно, что готова только одна песня. Сделаем хотя бы это, и заодно Горшок посмотрит, как здесь и что. И ты прав, весь этот приезд был для того, чтобы отвлечь его от наркотиков. И вот мы сняли виллу в Лос-Анджелесе, поехали туда и записали эту песню. А также свозили детей в Диснейленд, Universal Studios и т. д. Песню Don't Crucify me, с разрешения Горшка, Red Elvises потом использовали у себя на диске Drinking with Jesus, только переделали и перепели

немножко. А у нас осталась запись, где Горшок ее полностью сам поет, но правда с акцентом.

Балу. Вот она. Последняя в списке.

Ириша. Горшку все это очень понравилось. И записываться в Лос-Анджелесе, и вообще. Потом он уже на гастролях в России после каждого «Лесника» ее пел.

Балу. Частично.

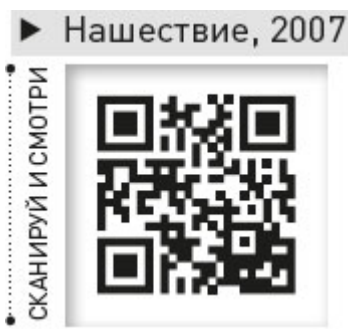
Ириша. Также Миша увидел, что мог бы тут зарабатывать какие-то деньги, но нужно много работать. Он сходил на концерт Red Elvises, увидел востребованную группу, пусть и не суперзвезд, у них билеты были по $20, и посмотрел, как они живут.

Балу. А живут они неплохо, по российским меркам.

Ириша. Да, если нормальная группа со своей fan base, то можно здесь нормально жить. На Горшка почему-то произвело впечатление, что они постоянно ездят в Таиланд отдыхать. Но при этом нужно много работать.

Балу. Кстати, Горшок тут даже не бухал особо, вспомнилось мне вдруг.

Ириша. Да-да. Вот можно по ссылке посмотреть фотки, какой он от нас приехал, улыбчивый и веселый. Это он сразу от нас поехал на «Крылья 2007».



Ириша. И все время, пока он был здесь, он был очень зол на группу.

Балу. Ну, не все время. Хотя нет, все.

Ириша. Он был зол на Князя, потому что тот не дает ему стихи. Дико зол был на Якова, потому что у того из-за денег едет крыша, из-за того, что тот фигово записал гитару в «Тени клоуна» и все такое.

Балу. Еще он Яху очень весело высаживал на измену, говорил, «мое болото», то есть всех своих музыкантов, оставшихся в России. То требовал у Яхи с формулировкой «для нового альбома» прислать какие-то треки, то велел ему же повесить на сайте рекламу концерта с Red Elvises, где он будет петь. Короче,

веселился.

Ириша. И когда мы уже все это записали, и пришла пора уезжать, он долго думал и говорит: «Да, я решил записывать этот альбом, но мне нужно подтянуть английский и с акцентом что-то сделать, а в остальном порядок, мне все очень нравится, это же родина панк-рока. Может, я приеду сюда на время, подальше от наркотиков, альбомы записывать и лечиться, а в Россию буду ездить в туры, концерты играть».

Балу. Он отдавал себе отчет, что сделать перерыв в наркотиках, – это еще не значит вылечиться, если вообще это возможно…

Ириша. И мы договорились, что будем продолжать так же писать песни, пересылать по Интернету, а он попробует раскрутить песню, которую мы записали. Ну и возьмет себе учителя по английскому, само собой.

Балу. Горшок был готов сотрудничать не только с Red Elvises, он хотел попробовать записаться и с какой-нибудь другой американской панк-бандой, допустим известной. Главное, он говорил, подальше от «болота». И вообще под конец очень проникся и даже совершенно неожиданно отвел меня в сторону, говорит: «Шура, это зашибись, что мы сделали, и я вижу, сколько это все стоит, все билеты, вилла, студия, деньги музыкантам и прочее, и я хочу тоже что-то хорошее сделать». Меня это тогда почему-то очень тронуло.

Ириша. Да, и в конце он подошел ко мне и говорит: «Этот альбом будет принадлежать нам с тобой пополам, я тебе отдаю половину всех прав». Но я, если честно, и не хотела заниматься продюсированием какого-либо альбома, задача у нас была другая – сделать все, чтобы он остался в живых. И он еще так странно посмотрел, я помню, – то есть для него было неожиданно, что кто-то о нем волнуется, а не просто хочет заработать. Еще мы надарили Мише, и потом еще присылали ему концертные футболки, которые он носил последние годы, особенно часто – белую Misfits с длинными рукавами и черными костями по всей длине.

Балу. Но тем не менее, мы договорились продолжать, потому что настроен Горшок был серьезно. Ну, про альбом серьезно. А про то, чтобы приехать, лечиться и писать песни – так, фифти-фифти. У Горшка не было иллюзий: если он захочет заниматься музыкой здесь, то ему, прежде всего, надо будет отказаться от наркотиков. Он у меня все выспрашивал, как тут что, а я ему: «Да все нормально. Если хочешь завязать и нормально заняться музыкой, то лучшего места не придумаешь. Но есть такой момент: в России ты звезда, а тут тебя узнавать не будут».

Ириша. Тем не менее он несколько раз звонил, расспрашивал. Кстати, во время той поездки он все время говорил о том, что мечтает сделать театральную постановку, музыку для которой напишут он и его брат Леша. Оставил мне Лешины демки и свои. И вот немного позднее, в 2008 году, он, наконец, договорился о театральной постановке в Москве («Тодд»), поэтому все планы насчет альбома на английском были отложены на неопределенный срок. Впрочем, с Лешей, Аркадиным и другими мы беседовали уже позже, а с 2008 по 2011 год я была занята своими делами, и за ситуацией в группе особо не следила.

Балу. Да, в России у него появилось то, о чем он яростно мечтал: мюзикл «Тодд». Об этом мне позже многое рассказали Леша Горшенев, автор части музыки «Тодда», а также Валера Аркадии, известный гитарист, занимавшийся в «Тодде» записью гитар, сведением, саунд-продюсированием, оркестровыми аранжировками и также поучаствовавший в написании музыки. Кстати, Горшок звал его гитаристом в группу.

Ириша. Какое-то общение с группой было, но дела особо не обсуждали, больше общались на личные темы. Да, еще в 2008 году приезжал в гости Реник, погостил у Маши, потом у нас. Он жаловался, что скучает по сцене, и не прочь вернуться, но в «Король и Шут» не зовут, а в «Кукрыниксы» он и сам не хочет, мол, Леша разжирел, как можно быть рок-звездой с таким весом. Но потом, года через три, у него все с «Королем и Шутом» сложилось, помню, он с гордостью писал, что его взяли обратно, и что Горшок даже пообещал ему роль Судьи в спектакле. Примерно в то же время, в 2011 году, мы узнали, что из группы ушел Князь.

91. Князь, уход из группы

Балу. Объясни мне такую вещь. Как так получилось, что лучшие друзья каким-то нелепым образом вдруг оказались по разные стороны условных баррикад?

Князь. Нельзя сказать, что так было всегда. Нельзя сказать, что нас растащили по разным углам, ведь обычно, когда мы ссорились с Горшком, все вокруг – все музыканты, все пацаны – пытались нас тут же помирить. Раньше ты вон тоже все время талдычил, мол, офигели бодаться, мы делаем общее дело! Все видели в этом серьезную проблему, и если у нас с Горшком начинались глобальные разногласия, то все сразу старались вмешаться. И это было правильно, потому что таким образом мы разгребали очень много существующих у нас проблем. Но в какой-то момент ситуация стала выходить из-под контроля.

Балу. Ну, хорошо. Но ведь раньше это были творческие разногласия! Акцентирую слово «творческие»! Это неприятно, конечно, но совершенно нормально для двух лидеров в одном коллективе. Мне и нашим читателям все же интересно, как ситуация смогла дойти до точки, в которой вы перестали понимать друг друга?

Князь. Все наши с Горшком разногласия по поводу творчества и количества песен в альбомах КиШа пришли к развязке в период 2004–2005 годов. Мы с ним очень сильно разошлись во взглядах в альбоме «Бунт на корабле». Когда альбом был сделан (в общем, как некий эксперимент с заранее понятным финалом), основная масса публики не была в восторге. Как следствие – сильный спад в сборах. Ситуация осложнялась тем, что этим альбомом нужно было срочно рассчитаться с одной из столичных компаний, ибо он был продан вместе с предыдущим год назад. Горшок тогда сказал весьма специфическую фразу, с которой я никак не хотел соглашаться: «Зачем нам делать что-то культовое, если на торги сие уже не выставишь. Лучше замутить некоммерческий трэш, всем окончательно доказать, что мы – не попса, а на следующий год уже делать что-то концептуальное в классическом нашем стиле». Я же в этом видел некий размен. Я был не против экспериментов в творчестве, но публику разочаровывать – себе дороже. Я знал, что любителей жесткого КиШа немало, но обидно было обделять тех, кто любил наш мелодизм, нашу лирику и наш фолк. Я понимал амбиции Михи очень хорошо, но мне жалко было терять год или два на работу, которая не приносит былого кайфа. Как следствие, после «Бунта на корабле» я записал свой первый сольный альбом «Любовь негодяя».

Фото А. Нигровская

Валу. Насчет «Бунта на корабле» я думаю так. Ты пишешь хорошие вещи, только если у тебя на сердце легко и светло. Ты такая птица, светлая и непосредственная. Как ты мог написать что-то для «Бунта» шедевральное, если изначально Горшок хотел тебя отодвинуть как композитора, и ты писал чуть не через силу? И эти творческие разногласия постепенно переросли в личностные, я правильно понимаю?

Князь. Ну, творческие отношения между людьми не могут строиться без личностных. Так что личное было всегда. Я с Горшком сперва подружился, а потом мы сошлись на почве творчества.

Нам было интересно общаться, «копаться друг у друга в голове», как ты это называешь, прикалывать, валять дурака и панковать. И в те времена между нами ничего не стояло – вообще ничего. Я не подозревал тогда, что одного из нас двоих ждет очень непростой путь – отторжения себя прежнего ради неких панковских идей. Но это была его жизнь. Уход из дома не был приколом. Болтаться по друзьям в целях пропитания и ночлега – все это не прикол. Он начал постигать улицу, сошелся с парнями из группы «Вибратор» и стал своим пацанам внушать, что для настоящего «тамтамовского» взлета они не слишком подготовлены, что надо быть крутыми. Честно скажу, я это

воспринял не очень хорошо. Он выбрал панк-тусовку и стал говорить, что в сравнении с новыми знакомыми, уличными ребятами, его коллеги и друзья не слишком закалены для всевозможных жизненных передряг и не смогут соответствовать тому стилю, в котором мы собираемся играть. Но данный путь был нужен только ему. Скажу честно: я верил ему, хоть и не был до конца согласен. Я знал, что большая сцена нас ждет вне зависимости от того, пройдет группа школу улицы и «Тамтама» или нет. Я ни в коем случае не жалею о том, что было и как мы становились супергруппой. Это наша история. Я лишь утверждаю, что путь, выбранный Горшком, не был единственно возможным.

Про самого главного врага в нашей жизни говорить сложно. Им был героин! Это очень личный момент, который, конечно же, является общеизвестным фактом, так как зачастую Миха сам ничего не скрывал. Но говорить, что это никак не влияло на нашу дружбу и работу, было бы крайне неправильно. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Только описывать все «прелести», с которыми из-за этой дряни нам пришлось столкнуться, большого желания нет. Наркотики – большое горе для всех, в чью жизнь они когда-либо приходили. К сожалению, именно этот враг дальше по жизни воздвигал между нами стены, через которые нам становилось все сложнее пробиваться друг к другу.

Когда я уходил из группы, многие фанаты писали в Интернете: «Князь, как же ты бросил Горшка?». Но я никого не бросал. Что такое бросить человека? Это прекратить с ним любое общение, возненавидеть его или просто уйти. Похоронить его для себя. Конечно же, я его для себя не хоронил, мне нужно было просто от него отдохнуть, потому что общаться и работать с ним для меня стало совершенно невозможно. И как бы цинично и не по-товарищески это ни звучало, мне нужно было выкинуть его из своей головы, потому что пока он там сидел, я постепенно терял интерес к любимому делу. Старый добрый «Король и Шут» уже не существовал, и это нужно было признать.

И на смену веселым бесшабашным панкам, скоморохам, шутам, актерам в идеологию КиШа стала вживляться тема, которую вносил Миха, злясь на меня, ломая старые устои. Тема такая: проанархический матриархат, смерть русскому року, Махно – миротворец, кто не врубается в панк-рок, тот дебил и т. д. И, как многие замечали, вещалось это все с неистовой агрессией. Словно человек в самом деле устал от людской тупости. Тогда я понял, что происходит на самом деле. Наркотики и алкоголь лишали его ума и закрепляли в его душе негативное отношение к обществу. Я не боролся с Горшком по жизни – ни в коем случае! Я боролся по жизни исключительно с

той заразой, которая сидела в нем и с годами брала над ним верх. Миха, которого я знал, любил и уважал, становился слабее. Естественно, он отказывался это признавать, и неадекватное состояние – пьяное или под веществами – стало доминирующим. Я это видел, и мой лимит доверия, уважения, терпения таял. Что хочу подчеркнуть: не нужно думать, что этими словами я даю человеку исчерпывающую характеристику. Нет. Я всего лишь говорю о том, что видел и чувствовал. Я говорю о том, что являлось очень важным звеном в развитии наших с ним отношений, – исключительно по моему мнению. Я говорю о своей личной трагедии, о том, как я терял связь с другом.

В конечном итоге мы дошли до того, что перестали друг другу доверять. Я перестал верить в лучшие намерения Горшка, мне стало казаться, что он преследует только интересы своего эго. А он то же самое думал обо мне.

После того как я покинул группу, мы два года вообще не общались. И тогда и во мне, и в нем стало просыпаться желание поделиться друг с другом успехами и проблемами. Мы стали изредка созваниваться. Первым позвонил я. Потом позвонил он. Правда, я понял, что он по-прежнему очень зациклен на тех же проблемах, что и раньше. Мне даже показалось, что проблем стало больше. Театр поглощал его полностью, и я надеялся, что это пойдет ему на пользу. Он все еще был в объятиях нашего «Шута», и «Шут» давал ему силы. Хотя Миха и заменил его на знак распятой анархии. «Шут» всегда нас оберегал, создавал определенного рода вакуум. И Миха продолжал в этом вакууме находиться. Мне же, из-за сложившихся обстоятельств, пришлось из-под этого купола вылезти и пройти серьезную школу нового становления, что позволило по-новому смотреть на многие вещи. На фестивале «Окна открой», где мы случайно повстречались, меня охватило неимоверное чувство жалости. Ловить себя на этом было ужасно неприятно. Прежде я никогда не испытывал к нему подобного чувства. Выглядел он ужасно. Очень поседел, лицо в морщинах, а в глазах такая неподъемная усталость, что у меня внутри все сжалось. Люди, которые его окружали, должны были хоть что-то предпринять, но я никого не осуждаю. Я был вдрабадан пьян, но суть происходящего меня вмиг отрезвила. Мы обнялись, и тогда мне показалось, что обнялись мы с ним в последний раз….

Балу. Грин зеленый, как же так!? Как дошло до такого? Когда я уходил из группы, вы объявили монархию! И я думал, это значит, что если уж всех и нахер, то, по крайней мере, вы хоть друг за друга будете держаться.

Князь. Я просто хотел, чтобы у коллектива были лидеры,

которые управляют. Пишут песни и направляют команду, а музыканты помогают делать новые хиты и во всем поддерживают то, что касается творчества. Одна из главных проблем состояла в наличии двух лидеров: мы не могли договориться между собой, кому сколько музыки писать в альбоме и по прочим творческим и идеологическим темам.

Была ли у нас конкуренция? Скорее да, чем нет. Со стороны она выглядела очень забавно. Не знаю, что думают другие, но я остаюсь при мнении, что вопросы главенства навязывал именно Горшок, потому что именно ему хотелось быть всегда и во всем первым. У меня таких целей не было. Однажды мы катались по Сибири, и в поезде я нарезался так, что начал шалить. В вагоне-ресторане нашел собеседника из глубокой провинции, для которого встретить «КиШ» было сродни встрече с Буддой. У него было много вопросов, и в кульминации беседы я начал угнетать попсу и рассказывать, как мы ее не любим. В этот момент мы курили в тамбуре, и чтобы придать своим словам весомость, я наотмашь разметелил дверное стекло между вагонами. Удар получился нелепым, и тамбур окрасился кровью. Два сухожилия и три артерии были разрезаны, и мой собеседник в ужасе убежал. Проводница сделала то же самое, но успела дать мне полотенце. Началась паника, меня на скорой срочно доставили в областную больницу Новосибирска. Благодаря нашему тур-менеджеру и моему другу Дмитрию Боброву, помочь мне был вызван один из лучших специалистов города, который меня зашил и спас все пальцы. Информация о безумной выходке Князя потрясла всех, особенно Горшка. Он, кажется, решил, что нельзя допустить, чтобы в глазах окружающих Князь был более безумен и более безжалостен к себе, чем он. На следующий день я с гипсом на руке вместе с группой заселился в гостиницу в Ангарске. Со мной в номере жил Егорыч – мой друг, техник группы «Король и Шут», нынешний техник и бэк-вокалист группы «КняZZ». Он сообщил, что в номере напротив Горшок выпил в одно жало литр «Бехеровки» и громит номер. Я пошел его утихомирить. Впервые в жизни мои слова на остекленевшего Горшка не оказали никакого действия, и он упорно продолжал, как будто мне назло. Он уничтожил в номере все зеркала, стекла дверей и сервантов. Чудом остались целы окна и телевизор. Он босиком ходил по стеклам, размазывая кровь по коврам. Не будь гипса, я бы мог начать с ним бороться, как это иногда бывало, – придушить его стальным зажимом, чтобы спесь из него вышла. Но с гипсом я мог лишь говорить. Когда я понял, что все бесполезно, попросил Егорыча помочь. Егорыч – паренек крепкий, применил борцовские приемы, посопротивлялся Михе и слегка измотал его. На утро с

горем пополам мы улетели в Питер. Мне позвонила Михина жена, жаловалась, что весь день доставала стекла у него из ступней. Но его история не получила такого резонанса, как моя. Он очень по этому поводу злился. Притом, что мне вообще хотелось, чтобы никакой моей истории в принципе не было. Это был один из самых глупых поступков в моей жизни. Ради того, чтобы произвести впечатление на совершенно левого человека, я чуть не лишился руки и возможности рисовать и играть на гитаре. К слову, это стало серьезным отрезвляющим моментом, и когда по синеве мне хотелось повторить что-либо подобное, я сразу вспоминал свой роковой выпендреж.

Балу. Если честно, я никогда не понимал ваших соревнований за первенство, а дележка песен выглядела со стороны полной нелепостью. Ты действительно добивался творческого превосходства, компенсируя этим медийное превосходство Горшка? Или ты таким образом пытался достигнуть какой-то гармонии в ваших отношениях?

Князь. Действительно, превосходство одного из нас над другим плохо влияло на наши отношения. Горшок считал, что если я буду делать в «КиШе» все, что захочу, то репертуар начнет состоять из песен типа «Голые коки» и «Сосиска». Думал он так потому, что я любил делать песни-шутки и песни-пародии и развлекать коллег и друзей. Я любил шуточный материал, но основной стиль «КиШа» для меня, как и для него, был в безоговорочном приоритете. Он хотел быть панком, а я – свободным художником.

В свою очередь, я считал, что Горшку нельзя было давать полной власти над группой, иначе мы бы потеряли над ним контроль: он бы сказал, что без него мы – никто, и как он захочет жить, так и будет, – торчать столько, сколько сочтет нужным. Когда он трезвел, с ним, разумеется, можно было разговаривать и строить планы на будущее, но потом он снова всех расстраивал. Я начал создавать ему конкуренцию, чтобы он не мог закрепить в себе абсолютного монарха. Мои хиты становились не менее популярными, чем те песни, музыку к которым писал он: «Со скалы», по оценкам «Нашего радио», вообще поставила рекорд. Я начал настаивать, чтобы в альбомы «КиШа» попадало до семи песен моего полного авторства и с моим исполнением, – чтобы на концертах периодически брать инициативу на себя. Когда он превращался в овощ и начинал передвигаться по сцене, как зомби, я делал вид, что у меня жизненной энергии – хоть отбавляй, и скакал вокруг него, отвлекая внимание зрителей. Так что «добрые люди» начинали подсказывать Горшку, что Князь скоро перетянет все внимание на себя и станет круче. Горшок тут

же начинал меня грузить всякой фигней о том, что в панке должно быть все по-другому, – и сам себя брал в руки, чтобы соперничать. Таким образом я одновременно выполнял две полезные миссии: не давал Горшку погрязнуть в героиновом превосходстве над окружающими и создавал свой собственный песенный материал, который, как я понимал, в любом случае пойдет со мной по жизни. Когда я ушел из группы, нашлись люди, которые стали говорить, что все что было написано в «КиШе», принадлежит «КиШу» и должно там оставаться. Я на это ответил очень просто: «Забудьте об этом. Кто, по-вашему, будет петь мои "Куклу колдуна", "Со скалы", "Ром", "Гимн Шута" и другие песни, если Горшок на них никогда не претендовал?» Ну, а музыкантам или чьим-то женам я свое творческое достояние дарить и вовсе не собирался.

Балу. Я правильно понимаю, что все-таки в какой-то момент ты просто забил на поиски баланса в ваших отношениях? Если на тот момент у вас существовала пресловутая монархия, то Горшок, не видя возражений с твоей стороны, вообразил себя единственным монархом, собрав свиту и вассалов под свои знамена? Или я упрощаю?

Князь. Все гораздо сложнее. Как помнишь, он не всегда мог ясно и понятно выражать свои мысли. Но если бы ты мог послушать его версию, наверняка, там бы тоже нашлись свои, возможно, объективные соображения. Как известно, по-своему правым может быть каждый, но истина одна. «Монархия» – «не монархия», странно, что эти понятия вообще употребляются при разборе жизни внутри музыкального коллектива. Я поговорил с некоторыми музыкантами и понял, что с ними меня вообще ничего больше не связывает. Так складывалась ситуация в последний год совместной работы.

Впервые за нашу историю я решил поменять тактику и не только прекратил с Горшком спорить, но и начал во многом уступать, кроме жизненно важных для меня вещей. Тактика успеха не имела. Он по синему делу кому-то похвастался, что я во всем признал его правоту. Так и не понял, что я просто забил и переключился на собственное творчество.

Балу. И все-таки, несмотря ни на что, я помню совершенно другого Горшка, который безумно куражился, был охренительно веселым собутыльником, пусть с ним и надо было держать ухо востро.

Князь. Умения покуражиться и весело побухать у него было не отнять. Боюсь, что ради этого он и жил. Ему надо было бы иметь несколько жизней, как у кошки, чтобы можно было менять изношенные угаром тела. О том, каким он был веселым парнем,

знают все. Не знаю ни одного рокера, который плохо бы о нем отзывался. Горшок – это Горшок, и этим все сказано. Но в нашей внутренней системе порою все было гораздо сложнее. Наверное, выходит, как в фильме про Высоцкого: вместо всеми любимого творческого героя, идеала, глубокого и многогранного, людям показали зависимого наркомана. Мы оба были и ангелами, и чертями, и шутами. Мы подпитывали друг друга и стимулировали. В наши с ним отношения стали совать нос все, кому не лень: давать нам характеристики, рассуждать, кто кого достоин или не достоин. Но только знать, что там реально между нами, никому дано не было. Я и сейчас к высказываниям насчет Горшка очень ревностно отношусь, если честно. Сам часто говорю про него – или злюсь, или ставлю в пример. Я считаю, что наша с ним работа продолжается. Он снится мне. Мы общаемся. Я пытаюсь его вытащить, вернуть к жизни, сыграть с ним концерт, и всегда очень рад, что он снова пришел. А в моем телефоне по сей день его номер в записной книжке. Наша с ним встреча – это судьба. А в судьбу мы верили оба.

Балу. Как это все грустно. Однажды, когда Миха сорвался и заторчал, мне пришлось обойти все притоны у нас в районе, благо район мой родной, я всех знаю и меня все знают. И я предупредил всех барыг: если кто Горшку продаст героин, я мгновенно пойду и заложу его в ментовку. А если не буду знать, кто продал, то заложу троих или пятерых наугад. Если мне не открывали, я срезал звонки, выбивал двери, короче, навел шороху. В итоге Горшок заявился ко мне, и у нас с ним был большой скандал, чуть до драки не дошло. Но наследующий день он вернулся в семью. Хотя очень тяжело ему было. Я понимаю, что не от всех в то время можно было ждать таких поступков. Но ты же был его друг! Неужели там никого вокруг не было? Кто-то ведь должен был дать ему по башке и остановить! Больше всего я хренел с того, что Яха и другие музыканты вообще часто отрицали, что Горшок опять употребляет героин, не хотели этого признавать. Почему никто ничего не делал?

Князь. Незадолго до моего ухода из «КиШа» у меня появился товарищ Вахтанг Махарадзе, с которым мы нашли общий язык по многим аспектам жизни и работы. Мы начали активно сотрудничать, и я предложил ему стать моим агентом, поскольку жизненная ситуация не позволяла мне одинаково эффективно заниматься и творчеством, и урегулированием текущих дел, которые стали расти в «КиШе», как снежный ком. Мы обмозговали ситуацию с Михиной проблемой и решили, что неплохо было бы его подтянуть к нашим спортивным занятиям. Вахтанг ездил с нами на гастроли в качестве помощника директора и не

понаслышке знал о том, что происходит с Горшком во время туров. Мы начали проводить культурную программу – приглашать Горшка на футбол (мы тогда активно играли), на пейнтбол. В пейнтбол он очень любил играть – у него просыпался какой-то детский азарт. На какое-то время можно было забыть, что у Горшка проблема с наркотиками, все негативное в такие моменты забывалось, потому что у него были детские игривые глаза, он бегал, как угорелый, и всех отстреливал. Потом у нас появилась традиция по вечерам ездить в сауну и бассейн, мы и туда стали звать Горшка – он приезжал со своей супругой. То есть мы хотели его приобщить. Периодически получалось, но потом как-то все затухло. Я решил, что дело тут нечисто, но не придал этому особого значения. Я же помню, как один раз Горшок подшился на год. И это был совершенно другой человек, у него появились планы на будущее, ему захотелось себя попробовать в других направлениях, например, в театре или кино, он стал вести какие-то переговоры. Я решил, что именно в этом он будет искать возможность дать бой своим старым привычкам. Он же еще до «Тодда» ходил на какие-то пробы, он там понравился, но ему не понравился сценарий. К сожалению, и в этом был очень неприятный момент, в гримерке я начал слышать фразочки типа: «Горшок, какой ты панк, если не пьешь!» Не от большого ума люди это говорили, конечно. Я пил коньяк, отворачиваясь от него, чтобы не искушать, но он все равно это сек. Сейчас я не пью вообще и понимаю, как это непросто, – особенно для человека, которому нравилось бухать. Горшок держался, но ему постоянно приходилось видеть пьяную группу. Вероятно, он с нетерпением ждал момента, когда срок подшивки закончится. Не знаю почему, но, когда Горшок подшивался, все начинали ядрено квасить. Вероятно, народ подсознательно отыгрывался за предыдущие пьяные и обдолбанные выходки Горшка.

Подводя итоги последних лет жизни Горшка, скажу следующее. Миха, как бы этого ни отрицал, очень зависел от публики. Он сильно менялся, когда попадал в социум. Сразу входил в образ. Во всех последних интервью выглядел он ужасно, но люди как будто ничего не замечали. Подростки верили всему, что он говорит. По жизни он был своего рода Дон Кихот, поскольку борьба с ветряными мельницами забирала колоссальную часть его энергии. Внешних врагов у него не было. Враги были внутри. Когда становишься знаменитостью и многие люди от тебя зависят, ты превращаешься в заложника, пленника своего ремесла. Человек погибал у всех на глазах, но никто не мог на этот процесс повлиять. И Горшок – далеко не единственный, кто сегодня выходит на сцену, имея в голове

мысли о своих страшных болезнях, на лечение которых не хватает либо денег, либо времени, либо желания, либо поддержки близких. Друзья, вглядитесь в своих кумиров! Спасайте тех, кто уходит у вас на глазах! Не думайте, что раз он знаменит, то за ним зорко следят и денег на лечение у него полно. Бывает ровно наоборот: многие приносят себя в жертву толпе и в окружении гигантского количества людей становятся крайне одинокими. Будьте внимательны и старайтесь понять, когда человеку хлопать, а когда – скорую вызывать.

Свой уход в сорок лет Миха пророчил еще в пятнадцатилетнем возрасте. Он хотел выстроить свою жизнь как миссию, в конце которой – самопожертвование. Я искренне сожалею, что образ жизни исказил истинный его посыл.

92. Захаров. Продолжение

Балу. Серега, расскажи, как обстояли дела с алкоголем на гастролях, Горшок же подшивался, вроде.

Захаров. По-разному. Однажды даже мы все, включая Мишу, подписали бумагу о сухом законе, то есть, если кто выпьет, то будет серьезно финансово оштрафован. И подписать-то подписали, но все музыканты и техники стали думать, как же выпивать. Горшок мне сказал: «Серег, для меня важно, чтобы они в гостиницах не бегали пьяными и не шумели, чтобы я их не слышал и спокойно спал, понятно ведь, что они выпивать будут». И на самом деле в первой же поездке ребята выпивали подпольно, но Миха-то видел по лицам и чувствовал запах алкоголя. В какой-то момент он подошел и сказал, это было в аэропорту: «Серег, а зачем мы подписывали бумагу? Вот только что прошел Поручик и от него несет коньяком, другие накуренные, кто-то под коксом». Помню, еще Реник как-то прочел длинную речь о том, что техники не должны перед Михой пить, а потом напился пива и поехал к нему «по делам», типа по Ренику не заметно.

Балу. И я, да и читатели, от имени которых я задаю эти неприятные вопросы, мы не понимаем, а на хрена вы подписывали тогда эту бумажку? И, вообще, я понимаю, что ребята уже не могли не пить на гастролях, это не хорошо или плохо, это факт. Но можно же как-то сидеть в номере и не высовываться. По себе скажу, я, когда завязал, почувствовал на себе, что наличие бутылки рядом и в сотой доли не провоцирует так сорваться, как наличие кого-то, кто бухает и веселится рядом. Неужели непонятно было, что если у всех проблемы с этим, то у Горшка это уже БОЛЬШИЕ проблемы и не только с этим, и что если он сорвется, то будет гораздо хуже?

Захаров. Да там не только в алкоголе дело. Вот такая история была: Яша, Поручик и Паша обожрались разных непонятных некачественных запрещенных вещей, и им несколько дней было плохо. Панические атаки, трясучка и полный набор всех прелестей. В Казани на концерте Яша попросил все соло сыграть Каспера, так как у него руки были ватные, и он не мог ничего сыграть, а у Пора в Чебоксарах на середине песни вылетели палочки из рук, а он сидел и глазами медленно хлопал. Горшок был просто в непонятке, а Поручик подходил ко мне и спрашивал: «Серега, это же навсегда останутся такие психопаникоприходы, пойдем выпьем водки, я подснимусь». После водки его ненадолго отпускало, и так было несколько дней. По приезде в Питер я отвез Яшу домой по его просьбе. Он чего-то

боялся и попросил помощи. Я вызвал наших врачей из Бехтерева, к нему домой приехала бригада с аппаратурой, сделали ЭКГ, которая была очень плохой, поставили капельницу и вливали в него феназепам ампулу за ампулой. Яша очень просил меня не уходить, пока врачи его не вырубят.

Балу. Бедняга. Вроде опытный в таких делах человек. Но, давай на такие вещи не отвлекаться. То есть Горшок оказался в такой компании практически один. Скажу тебе прямо, для меня это дикая ситуация, когда группа – это не семья, и ты не можешь рассчитывать на помощь друзей. Хотя, я только в одной группе и играл. Серега, ладно из тех, кто остался, никто не мог поддержать Горшка, когда он был в завязке, но меня бесит, что когда он сорвался, и ему явно нужно было лечение, то все делали вид, что все хорошо! Я узнавал, как дела, через знакомых, через пресс-секретаря, все твердили, как все прекрасно.

Захаров. Кстати, Миха очень переживал уход Князя, так как остался один на один с этими ребятами. Он часто о нем вспоминал, причем в свойственной Горшку манере жутко обижался на Князя, что тот его бросил с «этим болотом» и ему даже поговорить не с кем. Он хотел Аркадина взять гитаристом просто потому, что тот мог с ним разговаривать и глаза не прятать. Но у того много проектов разных – «Наив», «Матрикс», Самойлов и так далее.

Балу. Ну, а ты чего? Тот же Валера Аркадии мне рассказывал, что Горшок после ухода Князя из всей группы вообще только с тобой мог нормально общаться. Ты, долбить твой лысый череп, куда смотрел?

Захаров. Ну, я-то ему не друг детства, как ты с Князем, не могу его за шкирку взять и мозг развернуть на 180 градусов. Но я пытался что-то делать, благо опыт имею. По сути, только я что-то и делал. Нашел всех врачей и возил его по ним. Тур «Театр демона» был тяжелым, Миха, казалось, был в вечном угаре, иногда только были трезвые просветы. Я постоянно созванивался с Борисом Шотовичем, это главврач Бехтерева, он помогал Мишке выбираться из загулов и вообще поддерживал. А я понимал, что Миха переживает из-за передряг и интриг в группе и из-за того, что Андрюха не захотел участвовать в «Тодде», и вообще он переживал за все. Хотя и было ими принято решение (как мне Миха объяснил), что Андрей ездит со своим проектом, мы занимаемся «Тоддом», а концерты «КиШ» играем вместе, предварительно договорившись о датах.

Олимпийский, 2003 год. Фото Г. Таиров.

Однажды перед приездом в Барнаул Миха уволил Яшу, который в поезде нажрался и предъявил Горшку, что если тот и дальше будет петь выпивши, то он уходит из группы. Миха тоже был выпивши, но при этих словах, как будто на него ведро холодной воды вылили, и он сказал матом: «у*** уходи прям сейчас». Яша побледнел, позеленел, и все потихоньку куда-то исчезли. Приехав в Барнаул, все заселились по разным этажам и занимались своими делами, я кого-то выловил, спросил, как Миха, и кто его видел. В ответ я услышал, что Миха закрылся, и никого не пускает к себе. Я узнал, в каком он номере, постучался, сказал, что это я, он открыл мне и сразу же закрыл опять на замок. Мы сели на диван, у него в руках был сценарий «Тодда», и он мне сказал, что не получается запомнить все, был большой объем текста. Я говорю: «Миха, не переживай, все получится, а сейчас, может, нарколога вызвать?» Он спросил: «Думаешь, не справлюсь сам?» Я ответил: «Думаю, что нет». Он согласился. Я связался с организатором, и он дал мне несколько номеров клиник, я по себе знаю, что сразу лучше будет, так как сам прибегал к капельнице во время туров и дома, опыт-то имеется. И, кстати, по опыту могу сказать, что спиться окончательно человеку помогает часто именно окружение. Семья, друзья, или, как в нашем случае, работа. Я говорил Горшку, давай займемся твоим здоровьем и на полгода прекратим гастрольную деятельность, приостановим «Тодда». Тебе уже всерьез надо озаботится здоровьем. Он сказал: «А что же они будут кушать?» Он переживал за своих музыкантов, а им все по барабану было. У

них вечная тема: «Надо ездить по гастролям, потому что мы не можем предать своих фанатов». И хоть лечь в клинику его не удалось уговорить, но он тогда согласился, что надо лечить голову и сердце. У Михи в тот момент была уже энцефалопатия головного мозга.

93. Настя Рогожникова

Балу. Привет, расскажи об уходе Князя из группы и вообще о том времени, Ты ведь тогда работала с ребятами, да?

Настя. Саш, да, в те времена я была пресс-секретарем группы.

Балу. Прекрасно. Какая обстановка была в группе?

Настя. Отличная! Все было хорошо, и ничего не предвещало. И расстались они довольно мирно.

Балу. Работая над книгой, я наткнулся на довольно странные интервью Горшка на тему ухода Князя. Например, про то, что «Князь – не основатель группы».

Настя. Да, помню это интервью, вот конкретно про «Князь – не основатель группы».

Балу. Что же случилось? Это ведь не соответствует реальности, не мог же он на самом деле в последние годы такое думать?

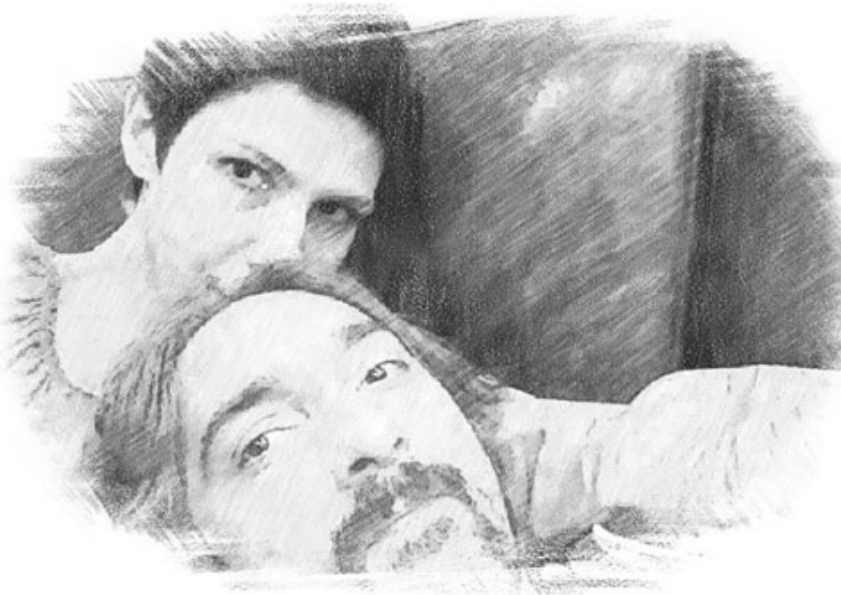
Настя. Я вот помню, что Миша был очень обижен, просто очень. Он никак не ожидал, что Князь может уйти из группы. Помню, как я пыталась все сгладить.

Балу. Вот и мне странно все это.

Настя. Я думаю, может, Князь начал первый что-то нелицеприятное для Мишки в интервью говорить?

Балу. Да нет, не видно. Князь был более чем сдержан в своих интервью, никакого негатива я в них не обнаружил.

Настя. Мне кажется, Саш, на Мишку имели влияние очень много людей, особенно если он находился под действием алкоголя. Многим Мишка нужен был именно в таком – нетрезвом – состоянии. Им легче было манипулировать в собственных целях. Когда Мишка был трезвый и в ясном уме, у него было невероятное количество энергии! И он никому спуску не давал.



2013 год. Рисунок по фото А. Рогожниковой.

Балу. Да и вообще, трезвый, он был намного более избирателен в общении.

Настя. Да, точно. Вообще он был потрясающий человек, чуткий, добрый и отзывчивый. И совершенно невероятный композитор, а последние его работы произвели на меня просто неизгладимое впечатление.

94. Татьяна Ивановна, продолжение

Татьяна Ивановна. Миша по чесноку жил, научила на свою голову – надо быть порядочным, Миша! А потом: как не стыдно, как не стыдно! А кому должно быть стыдно? У него своя позиция, он все правильно делает. Ну ты знаешь, о ком я говорю.

Балу. Кого?

Татьяна Ивановна. Ну, кто ушел-то из ансамбля? Князь.

Балу. Так что, Мишка говорил: «Как он мог уйти?»

Татьяна Ивановна. Да.

Балу. Так он же сам его до этого довел.

Татьяна Ивановна. Так это Мишу надо знать! Мало ли, что он там… он же Лев, Миша, по гороскопу, он же Лев.

Балу. И что, он переживал сильно?

Татьяна Ивановна. Нуда, конечно.

Балу. Даже вам жаловался?

Татьяна Ивановна. Да. Мне, так в первую очередь. Львы, они такие, любят, чтоб их опекали и говорили, что они сильные.

Балу. Да-да, точно! Было у него такое.

Татьяна Ивановна. Ну, фишка такая. Если кто-то его ругал, да еще при ком-то – это все, это сразу черная полоса наступала для того человека, который это делал. На самом деле фанаты Мишку совсем не знают. Какой Миша в жизни, никто не знает. Он добрейший ребенок, ласковый, ласковучий.

Балу. Согласен.

Татьяна Ивановна. Он так приласкается, что уже и злиться невозможно.

Балу. В последний год трудно концерты давались?

Татьяна Ивановна. Да, сидит, допустим, никакой – не пьяный, не наколотый, просто никакой, больной до безобразия. Говорит, надо ехать. Я говорю, Миша, ну не съездите один раз. Ты что, мама, там такие надо будет выплачивать неустойки. Ну, давай. На сцене, говорю, сдохнешь, ну талантливые люди, они так и… Удивительно, что не на сцене это произошло. Много чего можно рассказать про Мишу, веселая жизнь у него была. Он как хотел, так и жил.

Балу. А в театре?

Татьяна Ивановна. Из роли он не мог выйти. Приезжал, стоял в комнате с этой бритвой и репетировал на мне. Я говорю, не надо на мне. Он говорит, мама, надо вот так сделать… Я говорю, отодвинься подальше. И ночью я ему массаж делала, потому что он не спал уже. Заплетала 40 косичек ему на голове, сидела.

Балу. Ну, у него не только роль, еще был миллион планов.

Татьяна Ивановна. Да, мы с ним перед гастролями в последний раз учили Гамлета.

Балу. Получалось?

Татьяна Ивановна. Когда у Мишки что не получалось?

Балу. А с Запашными?

Татьяна Ивановна. Да, представляешь, он мне рассказывал, что они говорят, пить с тиграми нельзя, раздерут в клочья! Вот, говорит, не знаю, мам…

Фото Г. Таиров.

Планы были, он не мог без планов, одно что-то сделает, и уже другое надо… Скучно не было, я всегда была, как на пороховой бочке. Еще когда его в первый раз положили, врач сказал, проживет два года. А прожил десять лет. Сколько надо, столько и прожил. Если бы он остался, ему надо было бы на 180 градусов все поменять – все подштанники, исподнее.

Для него, как по сердцу бритвой было, когда отношения не складываются. Вот он сидит и плачет, я на него смотрю. Чего ты плачешь? Ну, он при маме-то мог поплакать, он как я, я при людях никогда не заплачу, а сама посижу в комнатке, порыдаю тут. Я говорила: «Мишка, на дне побывал? Давай отталкивайся и начинай все сначала».

95. Леша Горшенев, продолжение

Балу. Он очень увлечен был спектаклем?

Леша. Он в этой роли Суинни Тодда погряз. Он и при людях, и вообще, как бы по жизни, мне кажется, залез в эту роль и абсолютно выходить не хотел. И еще, у него такая тенденция пошла в последнее время – резко изменил мнение о Петербурге, и меня это немножко в шок вогнало.

Балу. Как так?

Леша. Ну, в смысле того, что раньше Питер был любимым городом, а потом, в конце… Наверно, это потому, что он очень много времени прожил в Москве – на репетициях «Тодда» – и с этим городом уже больше сжился. Для него Москва стала гораздо ближе. Он стал говорить: «Да в лес этот Питер, здесь одна погода и никакого развития! Нужно в Москву валить!» Вот это меня шокировало. Скорее всего, он в дальнейшем жил бы в Москве, если бы живой был.

Балу. Ну и хорошо! Лишь бы живой был…

Леша. Это понятно! Я думаю, что «Тодд» его поначалу как бы подзарядил, а под конец как бы и поднагнул. Чем дальше, тем больше «Тодд» сжирал его времени и, главное, сил. Больше, чем музыка в группе. Я это заметил.

Балу. Я тоже не совсем понял. Поначалу Горшок весь загорелся: все силы в театр! Бросил все наркотики, все дела, а потом вдруг такое ощущение, что «Тодд» же из него все силы и высосал. Что он уже не знал, куда деваться, и бросить все хотел.

Леша. Да так оно и было. Видишь, я думаю, что вот он это цело сделал и все! И не нужно было лезть дальше, понимаешь? А он еще полез в историю с братьями этими, циркачами. По поводу перерождения человека в тигра. Для него это стало уже идеей фикс. С «Тодда» началась уже тема, как будто бы он преображается из Михаила Юрьевича в какого-то героя, – для него это было мегаважно, хотя, в принципе, сколько я видео ни смотрел, я серьезных актерских способностей в Мише так и не увидел. Но у него было мегажелание, наваждение. Вот он и нашел братьев Запашных, или они его нашли, которые ему предложили из человека превратиться в тигра. И еще одна тема: когда я с ним последний раз виделся, он мне пытался доказать, что он будет участвовать в Гамлете. И, естественно, с оглушительным успехом. Я начал листать книжку на столе, из которой он с мамой какие-то моменты заучивал, и посматривать на Мишу. Состояние его разума было не в лучшем вице. Уже тогда я понял – это нереально. Потому как это очень серьезное произведение, и

одних Мишиных фантазий для этого всего не хватит. Ты понял, о чем я?

Балу. Я понял, да. А в «Тодд» же не только Мишку, но и тебя приглашали?

Леша. Да, но потом я понял, что двух таких персонажей, как я и Миша, им просто не пережевать. Если одного Мишу можно было как-то удерживать всеми правдами и неправдами, следить за ним, ходить за ним… то два таких перца могли уже что-нибудь выкинуть из разряда «мама анархия». Продюсер в этом отношении немножко побаивался. Меня он воспринимал как довесок – голоса похожие, да и актерами мы были никакими. Нужно было внедрять в нас азы актерского мастерства, постоянно репетировать с нами, ломать обычные стереотипы о сути театра и быть начеку. Мне самому это было не очень нужно, хотя и интересно. Мишка же, напротив, рвался побыстрее начать тренировки. Помню его безумные и умиленные глаза: «Когда мы начнем демидовские этюды опять отрабатывать?» Смешно прямо!

Балу. Но как композитора тебя использовали. Ты много написал?

Леша. Я написал, по-моему, 6 или 7 композиций. Почти все песни в конце и «Мой Бог» и «Добрые люди» из первой части. Продюсеры нам дали либретто, и Миша попросил: «Слушай, давай замутим чего-нибудь? Помоги мне!» И мы решили сделать так: он с начала начинает гнать музыку, а я с конца. Ну, чтобы встретиться в центре.

Балу. Я даже не знал, что ты 6 штук написал – так много! Я думал, там одну-две. Почему широкая публика этого не знает? Ну, то есть мне даже в голову не пришло посмотреть…

Леша. Ну, потому что, когда я делал музыку, я подписывал контракт. Композитор там был один – «Король и Шут» было написано. Зачем еще это растягивать, зачем куча авторов? Один это написал, а второй-то? Просто «Король и Шут». Раскрученный бренд. Точка! У меня в РАО это сделано: на пластинке – все права защищены, если посмотришь с другой стороны, то увидишь.

Фото Г. Таиров.

Балу. Понятненько…

Леша. Чтобы было в голове у зрителя: «Король и Шут» – и все!

Балу. Нормальный продюсерский ход. А вот еще я слышал, мне, по-моему, сам Горшок рассказывал, что он хотел с этим «Тоддом» закончить и вместо себя поставить тебя. Было такое?

Леша. Он все время об этом говорил, но дело в том, что ни мне, ни кому-либо другому этого не нужно было. Я вообще этого касаться не хотел. Но ему нужно было закончить, чтобы перейти уже к этому тигру.

Балу. А у него разве контракта не было? Он что, мог все бросить и уйти к тигру?

Леша. Да, по-моему, даже если и был контракт, в данной ситуации ему нужно было просто подобрать замену – и он ее искал. Поэтому он меня туда все и втаскивал, а мне это было как-то ни к чему.

Балу. Ты имеешь ввиду, что ему «Тодд» уже наскучил, что он новое что-то нашел?

Леша. Не могу тебе сказать точно, но думаю, что, возможно, итак. Он уже «съел» все что хотел в этом проекте, и ему стало мало. Я конкретно не могу знать, но то, что он собирался оттуда сливаться, это да. Он хотел уже с братьями Запашными, устроить перерождение человека в тигра.

Балу. Где он их вообще нашел?

Леша. Я не знаю, где он их нашел. Купил абонемент, наверное, в цирк. Шучу.

Балу. А ты его часто в последний год видел?

Леша. Да нет, на самом деле, я вообще его в последние годы

не так часто видел. Это всегда были какие-то несерьезные разговоры, так, болтовня: «Как сам?» и все такое. На родительских днях рождения обязательно пересекались, на моем, на его. На днях рождения малышей. Да мы ж на гастролях все время были – что я, что он… Надеялся на «Нашествии» его увидеть, но поставили нас в разные дни. Так что последняя у меня встреча с ним произошла именно в маминой квартире, где я листал несостоявшуюся в его жизни роль Гамлета.

96. 2011-2013

Когда Князь еще числился в группе, но на гастроли уже не ездил, Горшок попросил пресс-секретаря Настю Рогожникову передать, что он будет очень рад, если я вернусь в группу. Настя дала мне все его новые контакты, – он в то время жил в Москве. К сожалению, я не знал, что Горшок там живет в совершенном одиночестве, и только помощник режиссера Галина Игнатенкова как-то поддерживает его, смотрит с ним вечерами кино, приносит лекарства и продукты. То, что в группе каждый сам за себя, я понял еще во время своего ухода, но все-таки как-то подсознательно привык, что вокруг Горшка всегда много любящих его людей. Именно благодаря этому он и прожил так долго, несмотря на проблемы со здоровьем.

Галина Игнатенкова. До премьеры «Тодда» я находилась с ним почти круглые сутки, потому, что боялась его одного оставлять. Он засыпал, я брала такси и уезжала. А до этого он мне показывал фильмы… Человек он был очень ранимый. И очень одинокий. В перерывах между концертами он то у родителей, то у друга, то вообще на точке ночевал. Ну а группа… Что группа? Все люди были заняты просто своей работой и относились, как к работе. Привезли его самолетом, концерт отыграли и разъехались. Поэтому даже не знаю, они как-то созванивались, не созванивались. Сергей Захаров говорит, что периодически его куда-то вытаскивал. А так он был один. Постоянно один. И в Москве тут он один был. Сидел и в игры играл. Книжки какие-то у него были. Он был настолько одинок, что ему некому было душу излить, так скажем. И я не знала, что у него такое количество фанатов. Я это увидела первый раз на панихиде уже, когда человека не стало. В апреле 2013 года у них был тур по Германии, я думаю, тяжелый очень тур выдался, потому, что после него он приехал такой очень… агрессивный. И все он понимал. Надо было, конечно, брать его за руку и вести к врачу. Потому что сам он уже выкарабкаться не мог. А сколько было планов, и с Запашным, и с «Тоддом»! Нельзя было его одного оставлять. Никого не хочу винить, но вот просто нельзя. Тем более в той ситуации, которая у них в группе сложилась в последнее время. Да еще все эти бесконечные кодировки очень сильно на психику влияли. Но, человеком он был все равно светлым и добрым. Только бесконечно одиноким. Это было. Ничего плохого о нем сказать не могу, только хорошее.

* * *

Сам я в это время с переменным успехом сражался со своими алкогольными демонами и понимал, что в условиях гастролей и образа жизни «рок-звезды» я, скорее всего, эту битву проиграю. О такой опасности меня предупреждал и сам Горшок в прошлый свой приезд. Вообще, иллюзий по поводу влияния наркотиков на его личность он не питал и в то же время понимал, насколько тесно в его случае связаны образ жизни и наркотики.

А осенью 2012 года ко мне внезапно обратился Реник. Нет, мы и до этого общались, но в основном общение было через Иришу. То он приглашал вместе поехать в Таиланд на Новый (2011) год, то просил помочь с гостиницей в Disney World, то комплект каких-то пафосных ножей заказать, то одежду какую-то, короче, бытовуха. Со мной он до этого только болтал о том, как скучает по сцене во Владимире, и как его не берут обратно в группу, а в 2011 хвастался, что его в группу взяли. А тут он, ненавязчиво поинтересовавшись у Ириши, не собираюсь ли я приехать в Россию, нарисовался в моем скайпе, очень важный. Я, говорит, теперь не только гитарист, но и директор группы, точнее, исполняющий его функции.

А Батагов как, спрашиваю, а остальные? А че Батагов, он мне только за билетами ездит, а остальные что? Яха у меня «с рук ест», а Поручик «понятно» (кстати, что он имел в виду про Яху, я так и не понял). Ну и ладно, думаю, своих дел хватает. А он такой типа: мы планируем юбилейный тур и хотим сделать его значимым, поэтому я от имени группы тебя приглашаю приехать.

2012 год. Рисунок по фото А. Рогожниковой.

На этом месте я, признаюсь, повел себя как мудак по двум позициям. Во-первых, как я уже упомянул выше, я сражался с алкогольными демонами, и гастроли в такое время – очень опасная вещь, так что ехать я, конечно, не собирался. А, во-вторых, помня многократные случаи, когда Реник настраивал всех друг против друга, я все равно согласился с его «представительством» и продолжил этот разговор, вместо того чтобы послать его, позвонить Горшку и узнать, что же на самом деле там происходит.

По словам же Реника, у них все было шикарно, все вместе и друг за друга и полный ренессанс (это странно не совпадает с последующими после трагических событий интервью, в которых Реник, Яков и остальные говорили, что уже давно готовились к уходу Михи). Ну а раз все так офигенно, то он, мол, уполномочен мне предложить $ 10 000 за два концерта в Москве и Питере, остальное обсудим. Услышав такую сумму, я тут же заподозрил какой-то подвох, так как это раз в восемь превышало максимально ожидаемую цифру, как бы некисло у них дела не шли. Поэтому, предварительно выразив интерес, я написал у себя в блоге о приглашении и озвучил $ 10 000. Своим поступком я не горжусь, можно было сразу сказать, что не поеду, и не подставлять Реника с его придуманными $ 10 000. Как и ожидалось, мне незамедлительно перезвонил Реник и говорит,

мол, мы с ребятами посовещались, и решили тебя не звать. И человек ты плохой, и денег много хочешь, да еще и в Интернет сумму гонорара выкладываешь. Достоверные источники подтвердили мои догадки: Реник сначала долго отговаривал всех звать Балу, а не получив поддержки, вызвался со мной говорить от имени группы, и сказал всем, что я офигел, назвал всех козлами и запросил $ 10 000. И все типа обиделись. Сначала я хотел позвонить Горшку, но подумал, раз вы такие уроды, верите этой фигне, то и хрен с вами. Тем более что у вас все так хорошо, и за Горшка переживать не надо, да и мне, повторюсь, не до этих детских интрижек тогда было.

В общем, я до самого конца был уверен, что у Горшка все круто – новый театр – тигры, кони, звери, люди. Признаюсь, что в тот момент я не следил за творчеством группы, тем более что весной 2013 года я сам попал на 21 день в реанимацию в бессознательном состоянии, а потом еще продолжал лечиться. А как только начал приходить в себя, мне написал Князь и прислал много новостей.

Например, Реник в Интернете успешно поливал меня грязью и обвинял в том, что юбилейный тур не состоялся именно из-за меня, потому что я потребовал слишком много денег. И из-за меня же не сможет приехать Маша, потому что я слишком долго тянул с ответом, а она была беременна, а теперь уже большой срок и лететь опасно. Надо ли говорить, что Маша не была беременна, и все это были гонки с его стороны. И другие «веселые» истории прислал. Но это были мелочи, а вот что меня правда испугало, как и его, это присланные им, а также найденные мной ссылки на последние интервью Мишки и концерты в Германии.

Например, я нашел интервью, которое Горшок дал три года назад – 7 апреля 2013 года. Мне стало больно и страшно. Мишка всем своим видом взывает о помощи. Не надо быть специалистом, чтобы это заметить. Он поседел практически за год. Несет неизвестно что, я насчитал 23 склейки, то есть двухсотсекундное интервью собрали из 24 кусков.

Но не только это поразило меня. Поразило еще и то, что пишут и говорят музыканты, которые ездят вместе с Мишкой. Например, в тот же день у себя «ВКонтакте» писал Ренегат, промелькнувший в видео на заднем плане. Писал он примерно следующее: «У нас все хорошо, все было не зря, отличные сборы, такими темпами мы скоро перестанем играть в клубах и через пару лет завоюем дворцы спорта».

В общем, невооруженным взглядом было видно, что Мишку нужно спасать, и мы должны срочно что-то делать.

Князь даже виделся с Мишкой в июне на «Окна Открой» и еще больше испугался за него. Звучал он довольно адекватно и дружелюбно, а вот выглядел очень постаревшим. Видно было, что он собрался с силами и снова завязал. Уже был конец июня 2013 года, то есть до трагических событий оставалось совсем немного. Почему и как он снова сорвался? Точно не знаю. Меня там рядом не было. Я даже не смог поехать на похороны, так как только что вышел из реанимации и продолжал лечение дома, с обязательными процедурами в больнице по несколько часов в день. О том, что и как я чувствовал в связи со смертью лучшего друга, я писать не хочу.

97. Архивы

После смерти Горшка возникла ответственность перед всеми, кто любил его, и чью жизнь он изменил, – максимально сохранить память о Горшке и группе «Король и Шут», ушедшей вместе с ним. И мы к Князем начали восстанавливать архивные записи, воспоминания и даже неизданные песни, и выкладывать их в сеть. Идея издания наследия великих после их смерти не нова, но менее важной от этого не становится.

Пока был жив Горшок, собирать старые записи было как-то глупо, гораздо интереснее было смотреть, как он создает что-то новое. А когда он ушел, мне показалось несправедливым, что те редкие, пусть и старые записи, что есть у меня, не могут услышать другие. И я выложил у себя на странице кое-какие ранние концертные записи. А после занялся поиском и восстановлением пленок, которые валялись в Питере в разных местах и у разных людей.

Перво-наперво я связался со своим старинным другом Лешей Деги. С помощью моего сына Кирилла он переправил мне пару пленок, которые я оставлял у него на хранение. Так что начал я реставрацию, наверное, с самых сложных для восстановления пленок с песнями «О, как грустна вечерняя земля», «Где по утрам восходит солнце», «Соловьи. Утро» и «Северная музыка». Дело было нелегкое и недешевое, но, как показал результат, нужное.

Фото С. Луканкин

Первую песню «Соловьи. Утро» реставрировать было сложнее всего – из-за чисто технических проблем. Потом стало полегче, пошло полегче, ребята из студии прониклись музыкой, да и я, наконец, понял, какого именно звука хочу добиться. Да, смешное вспомнил. Приехал я в студию в Голливуде, показываю пленку, а мне: «О! Какая старая пленка! Вся намагниченная! Ее надо печь». И показывают на печку типа духовки. Я испугался, ну вас к лешему, думаю, сожжете еще. Но потом погуглил, – и правда есть такая технология. Вернулся. Ладно, говорю, пеките, только я рядом сидеть буду, смотреть, чтобы не сгорела. А они мне – да сиди, если не в лом пять часов на печку глядеть. А мне и не в лом. Но зато они поняли, что для меня это важная запись, а не просто так. И даже захотели узнать, что там. В общем, пока я ждал, мы даже немножко сдружились и обнаружили, что имеем очень сходные музыкальные вкусы. Но вернемся к архивам.

Примерно в то же время, когда я привез из Голливуда готовую пленку, Князь и его жена Агата, которые также занимались созданием архивов, предложили мне открыть «ВКонтакте» совместную группу, посвященную исключительно архивам группы «Король и Шут». Оказалось, что у нас тысячи

единомышленников и истинных ценителей творчества «КиШ». Группа стала очень популярной, на данный момент насчитывает более 112 000 человек и является единственной официальной группой о группе «Король и Шут» «ВКонтакте». А поскольку Агата зашибательски работает с видео, то я доверил ей сделать видеоклип на песню «Соловьи. Утро».

Клип получился замечательный, очень трогательный и искренний. И оказалось, что наше начинание людям совершенно необходимо. Обязательно нужно сохранять память о всем светлом и прекрасном в нашей жизни. Я понял, что я в этом не одинок: мне написало множество прекрасных людей. Причем, не просто «автарпишиисчо» или «понравилось, лайк». Это были действительно трогательные и проникновенные письма. И я понял, что существует очень много людей, в жизни которых «Король и Шут» играет значительную роль. И которые так же тонко и искренне чувствуют наше творчество. Это было невероятно приятно.

Далее я реставрировал наш первый альбом «Ересь» (в те времена мы еще назывались «Контора»). Это мне встало значительно дешевле и вообще было сравнительно несложно: качество пленки было совсем другое, да и записывали мы этот альбом, когда нам было лет по 15. И это слышно.

Потом я взялся за восстановление просто редких и удивительных вещей, хранящихся у меня в сундуке. В этот раз я не поехал далеко и нашел очень прикольную реставрационную студию поближе, в Санта-Розе. Это даже не студия, а просто дом. И живет в нем один человек, пожилой и бородатый. Представьте себе, здоровенный двухэтажный дом в приличном квартале до верху забит всякой разной аппаратурой. От новейшей до древнейшей. Мне даже довелось поюзать чуть ли не столетней давности магнитофон (или как он тогда назывался), на котором вместо пленки используется проволока. Нет, я серьезно, были такие технологии. Короче, сидит такой штрих и по приколу восстанавливает старые записи, просто потому, что ему нравится этим заниматься. Кстати и желающих хватает, к нему в очередь за месяц записываются.

Фотосессия. Репетиционная точка, 2000 год. Рисунок по фото М. Лаписа.

Там же я восстановил целую коробку кассет с ранними концертными и раритетными записями. Вообще, про каждую кассету можно отдельную главу написать. Поразили меня две вещи. Во-первых, обнаружился концерт, где мы играем акустику, но не песни с «Акустического альбома», а наши «электрические» вещи, но в стиле «Акустического». Представляете себе «Халдея» в акустике? Очень смешно и занятно. А, во-вторых, очень интересную вещь мне сказал хозяин студии. Он послушал один из наших ранних концертов в клубе «Тамтам» и говорит: «Очень интересная в плане музыки запись. А по атмосфере на ранний „Пинк Флойд“ похоже». И заметьте, сказал это старый такой рокер, вот как прям в кино показывают, в майке «Грейтфул Дед» и все такое. Я слегка удивился, но потом послушал ранний «Пинк

Флойд», – блин, и вправду похоже. Занятнее всего, что до этого мне почти то же самое говорили ребята со студии в Лос-Анджелесе. Короче, какой-то сюр.

Потом мы сделали еще один отличный клип – на песню «О, как грустна вечерняя земля».

А после этого наш старый кореш и в прошлом директор Дима Журавлев по прозвищу «Великий» (также известен под псевдонимом Шумный) переправил мне здоровенную бобину с нашим первым электрическим альбомом «Истинный убийца». Для тех, кто в танке, напомню, что именно на этом альбоме были записаны все песни, вошедшие в итоге во второй «официальный» альбом группы – «Король и Шут». Тут не обошлось без приключений. Запись была произведена на магнитофон производства одной из стран Варшавского договора, а такой раритет в Калифорнии достать непросто. Но мы справились, хотя пленку и пришлось порезать, как я ни сопротивлялся. Кстати, после восстановления я обнаружил удивительную вещь. Мне очень и очень понравился звук на этом альбоме, он легкий и живой. А мы-то ведь потом переписывали эту запись у Миши Кольчугина (неофициальный альбом «Будь как дома, путник!», там еще Дэне барабанил), а потом еще и у ДДТшников (официальный второй альбом), и все для того, чтобы добиться лучшего звука. Зачем? Загадка.

Потом к нам подключилась Оля, вдова Мишки, она поделилась с нами различными семейными видео и попросила Алексея Деги снять еще один клип – на песню «Северная музыка». Оля показывала его на памятных мероприятиях. Она вообще всячески нам помогает, делает перепост новостей на страничку своего фонда и в официальную группу «Король и Шут». Держится она молодцом, воспитывает дочек. Я общаюсь с ними по Скайпу, посылаю подарки. В общем, мы поддерживаем контакт. И это очень важно.

Итак, забацали мы страничку с архивами «ВКонтакте», сделали зеркалки в «Фейсбуке». Многое есть и на «Кругах» (http://kroogi.com). Круги – очень удобная штука: в одном месте можно разместить аудио, видео, рисунки, фото, да что угодно. Кроме того, там очень надежные ребята: ничего не удалят без спросу. Так что «ВКонтакте» мы просто даем ссылки на «Круги». И все пучком.

Кстати, очень скоро Андрюха умотал на гастроли, и заведовать пришлось мне. А заведовать было чем. Я-то думал – восстановлю все, что смогу достать, да и делу конец. Но не зря в народе говорят: «Лысый конному не пеший». Кто бы знал, что у наших фанатов обнаружатся такие записи, о которых я и понятия

не имел. Например, концерт в Касимове! Это же чудо какой концерт был! Мне и в голову не могло прийти, что кто-то снимет почти целиком, это ж надо было час с камерой простоять. А сколько обнаружилось любительских записей из гримерок и прочих странных мест! Понятно, что звук и видео надо выправлять, но в команде у нас профессионалы. Еще обнаружился целый пласт видео, которое нигде не публиковалось. Это концертные записи с фестивалей. Например, «Алтай-рок». Если бы не мы, эта запись никогда не увидела бы свет. Недавно Андрюха Феоктистов, хозяин фестиваля «Калининград ин рок», сказал, что у него есть телевизионные записи наших первых выступлений. К счастью, обычно такие записи нам отдают бесплатно. Тратиться приходится только на перегонку видео.

Вот так, неожиданно для себя, я стал архивариусом. Наше сообщество очень домашнее, чуть ли несемейное. Объединяет нас любовь к «Королю и Шуту». На Новый год мы выпускаем тематические плакаты, календарики и открытки. И рассылаем их контрибьюторам сообщества – тем, кто присылает неизданные материалы. Друзья из уже закрывшегося клуба «Старый Дом» нашли нашу печать, и мы радостно ставим ее на всю бумажную продукцию. Пустячок, а приятно.

P. S. Когда работа над книгой уже началась, произошли занятные события, о которых я вам сейчас расскажу.

Мирослав, хозяин «Кругов», получил письмо за подписью Паши Клинова, он сейчас директор бывших музыкантов группы «Король и Шут» – Реника, Яхи, Пора и Пахи (раньше он был звукорежиссером). Мирослав, наш с Иришей хороший приятель, переслал письмо мне. Привожу его без купюр:

«Привет, Мирослав! Пишу Вам от лица участников группы Король и Шут, а также вдовы Михаила Горшенева, Ольги. Все они очень удивлены выходкой их бывшего басиста Александра Балунова, который использует Ваш ресурс для единоличного обогащения путем монетизации чужих прав, не имея на это никаких полномочий. Просим заблокировать этот аккаунт».

Всю дорогу я думал, что с Клиновым у меня хорошие отношения. Оказалось, зря. Стиль письма – отдельное удовольствие. Удивлены выходкой. Бывшего. Использует Ваш ресурс. Единоличного обогащения. Монетизации чужих прав. Не имея на это никаких полномочий. Не письмо, а заявление в КГБ на соседа по коммуналке.

Конечно, я удивился, что Клинов выступает от лица Оли. Я созванивался с ней буквально за несколько дней до описываемых событий, и ни о каком закрытии архивов речи не было. Вообще, мы с Олей общаемся регулярно, иногда и по нескольку раз в день.

Я долго думал, в чем же дело. «Монетизация», значит. Действительно, на «Кругах» есть специальная кнопка – можно кинуть денег в помощь проекту. Но:

1. Кнопка встроенная, убрать ее нельзя.

2. Весь контент можно качать бесплатно.

3. Мы никогда не просили ни у кого денег. Напротив, когда поклонники спрашивали меня, как помочь проекту, я всегда отвечал, что пока справляюсь сам, а любой сбор привлечет шакалов (как чувствовал, блин горелый!).

4. За два года на «Круги» накапало 16 долларов, «Круги» могут предоставить подтверждающие документы.

Хорошо, думаю, разберемся. Списался с Клиновым, он подключил к дискуссии Реника, Яху, Мирослава и адвокатов.

Спрашиваю, так и так, мол, вы чего, ребята? Мы на «Круги» даем ссылки с нашей главной архивной группы «ВКонтакте». Закрыв нашу страницу на «Кругах», вы тем самым убьете и архив «ВКонтакте». А еще у нас есть зеркалка в «Фейсбуке», если вы не в курсе. Правообладатели про эти группы знают, претензий не было.

Клинов и музыканты уперлись: вот наш юрист и разбираться с вами будет он. Ладно, думаю, давайте юриста.

А юрист присылает длиннющее письмо со множеством ссылок на законы. Общий смысл такой:

1. Размещение любых архивов на любых ресурсах незаконно.

2. Даже если мы распространяем контент бесплатно, они все равно могут нас засудить.

3. Чтобы размещать архивные записи, нужно иметь разрешение от всех правообладателей.

4. Они могут подать на нас в суд прямо сейчас и отсудить от 10 тысяч до 5 миллионов рублей за каждое из произведений.

В конце концов эту веселую переписку прочитала Оля. Прочитала и позвонила мне. Не пойму, говорит, в чем дело, я никого не уполномочивала заниматься такой фигней. Наоборот, архивы всегда поддерживала.

Ну и слава богу, думаю, с этим вроде разобрались.

В процессе работы над книгой я понял, что мне необходима помощь Князя. И мы с ним решили, что историю группы нужно осветить наиболее полной с разных сторон. А значит, следует взять интервью у всех участников событий. Я написал Поручику, Яхе, Пахе и Ренику. Рассказал о своем проекте, попросил согласия на интервью и размещение их фотографий.

Ответ не заставил себя долго ждать:

«По множеству причин мы не считаем тебя вправе писать книгу о "Короле и Шуте", мы не доверяем тебе и не даем никаких

разрешений на публикацию любой информации о частной жизни каждого из нас, а также любых наших фотографий.

Яков Цвиркунов,
Александр Леонтьев,
Александр Щиголев,
Павел Сажинов»

Справка. Для помещения в печать интервью нужно не только разрешение, но и письменное подтверждение текста самого интервью, а для фотографий, за исключением концертных, нужно разрешение на конкретные фотографии, указанные в этом разрешении. Все эти факты ребятам прекрасно известны, поэтому ни о каком «искажении» речи быть не может и, соответственно, о «недоверии».

98. Спасибо за удивительное времяпрепровождение

Последние лет десять с Князем (как, кстати, и с Горшком) мы перезванивались регулярно, но беседовали недолго. Да и о чем, после 25-то лет дружбы? Все темы давно обсуждены, все акценты расставлены. А в связи с этой книгой появился повод вспомнить прошлое, да не просто вспомнить, а дополнить воспоминания друг друга. Ведь вместо того, чтобы тупо рассказать о песнях, мы с Князем незаметно для себя снова погрузились в удивительный мир «Короля и Шута» и обнаружили, что никогда оттуда, по сути, и не исчезали. За что вам, дорогие читатели, огромное спасибо. Только благодаря вам мы стали каждый день созваниваться и разговаривать часами. Мы от всей души благодарим вас за такое удивительное времяпрепровождение.

Если честно, я и подзабыл уже, сколько в Князе веселого безумия и смешных идей. «Короля и Шута» нам, конечно, уже не вернуть. Но если Князь предложит мне записать еще один «Акустический альбом», я не откажусь. А пока мы с Князем собрали на нашем сайте множество интересных и редких архивных видео– и аудиозаписей. Спасибо всем тем, кто присылает нам свои материалы.

Погружаться в воспоминания и переживать все по новой было больно. Это как вспоминать о чуде, которого уже нет. Но, пройдя еще раз весь этот путь, я убедился, что волшебство осталось. Даже после самых печальных событий. И я верю, что Горшок жив, потому что теперь уже и для меня время движется в другую сторону. И я уверен, что и в моей, и в вашей жизни случится еще много прекрасного и удивительного. Хотя почему случится? Миллион чудесных вещей прямо сейчас происходит именно с нами, надо только уметь их разглядеть и почувствовать. Именно это, по-моему, и доказала группа «Король и Шут» самим фактом своего существования.

Фото А. Нигровская.

А воспоминания… Не надо жить воспоминаниями, надо жить с ними… Когда я пишу свои песни, а Князь пишет свои, «Король и Шут» по-прежнему в каждом из нас. И в тебе, дорогой читатель, надеюсь, что и в тебе тоже.

99. Ночной разговор

Однажды ночью мы ехали в автобусе из одного города в другой. Все ребята уже угомонились и улеглись спать – каждый на своих двух креслах, перекинув ноги через проход. Только в начале автобуса светился чей-то ноутбук, да Князь сидел под лампочкой рядом с водителем – писал в блокнот и смеялся сам с собой.

Я полулежал на последнем ряду, правил свои записки и прихлебывал из бутылки, надеясь побыстрее уснуть перед завтрашним концертом.

За окном была абсолютная темень. Ни фонаря, ни полоски света. Окно автобуса казалось черным зеркалом. Все время хотелось прижаться к нему лбом, сделать ладошки домиком и попытаться что-нибудь там разглядеть.

Нашествие, 2000 год. Фото Е. Евсюкова.

Подсмотреть немножко сказочной жизни черного Зазеркалья.

Но увидел, как ко мне по спинкам кресел крабом перебирается Мишка. «За бухлом», – подумал я и не ошибся.

Дополз. Посидели. Выпили по маленькой. Посмотрели в черное окно. Помолчали.

– Так вот, – говорю, – Гаврила. Такие дела.

– Да, – улыбнулся Мишка, – это точно.

Мыслей в голове не было, мир вокруг автобуса тоже пребывал в темном спокойствии.

Горшок еще помолчал и сказал:

– Знаешь, Шура, в чем отличие моей дружбы с тобой от моей дружбы с Андрюхой?

– Ну, давай, порази меня в самое сердце! – я уже достаточно выпил.

– В том, что с тобой мы вместе столько сдолбили, столько пережили, что в принципе уже все ясно. Мы так хорошо знаем друг друга, что глупо друг другу даже пытаться врать. То есть с тобой можно молчать. И так ясно, что ты хотел сказать. А все, что я хотел донести до тебя, ты уже понял.

– А Анд рюха?

– А с ним значительно интереснее. Наши головы давно переплелись и перемешались. Мне не стоит никакого труда залезть в его голову и увидеть все интересные темы, которые он там сотворяет. А он с полтыка срисовывает мое внутреннее состояние, лучше даже и быстрее, чем я сам.

– Ну и зашибись, – сказал я. – Давай тогда баиньки.

– Давай, – сказал Мишка и, как гигантский, паук пополз по верхушкам кресел.

Конец

notes

Примечания

1

Вот небольшая ржачная ремарка, связанная с дальнейшей историей этой гитары. Немногим позже у Поручика случился очередной приступ деятельности. Он вдруг сообщил нам, что мы ничего не понимаем и звуку гитары плохой. И сейчас он, Поручик, отдаст гитару на реставрацию и тем самым докажет свое организаторское превосходство. Короче, забрал гитару. Первые две недели мы спокойно ждали. Еще две настойчиво интересовались, где гитара. Еще неделю Пор лил нам в уши, как он ездит в какую-то фирму «Аккорд» и требует ускорения процесса. Еще через неделю он в лицах рассказывал, какой скандал он устроил, потому что мастер все перепутал и вместо белого покрасил гитару в черный. Я человек доверчивый и всегда верил друзьям, а вот Горшка все это очень быстро забодало. Он пошел к Пору домой и нашел нашу гитару. Разобранную до винтика и покрашенную толстым слоем черной масляной краски. Восстановлению она не подлежала. Этот говнюк разобрал ее, покрасил, а собрать-то и не смог. Горшок принес мне (официально ведь гитара была моя) мешок с винтиками и детальками, злой как черт, и сказал: «Давай его выгоним. Знаешь, что он мне сказал? Что всегда будет нам врать, и мы его никогда не поймаем». Горшка ужасно задело даже не то, что Поручик разломал инструмент, а именно то, что он попытался обосновать предательство нашей идеи. Но я не считал, что все так серьезно, и, в конце концов, помирил их. Мы ведь были друзьями.

2

Урюк – такие и прочие слова – совершенно обычное дело между лучшими друзьями. Просто произнесите это слово с братской любовью и тогда получите более точную картину наших дискуссий.

3

Рыба – это импровизационный язык, напоминающий английский, на котором музыканты поют свои песни, когда нет стихов.